

№6 (99)
ДЕКАБРЬ

2022

Литературный журнал

СИМБИРСКИЙ

12+

Продолжается подписка
на 1-е полугодие 2023 г.

Цена подписки:
1 номер – 256,56 руб.

Стоимость
подписки в редакции:
1 номер – 154 руб.

Индекс ПА041

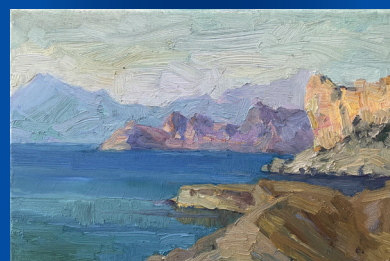
Путешествие дорогами
героев романа Ольги Шейпак
«Тарбагатай»

стр. 30

Юбилей карсунского
литературного объединения
«Родники»

стр. 56

Вдохновляющая Таврида.
Ульяновские художники
в Крыму

стр. 85

С Россией в сердце.
День народного единства
во Дворце книги

стр. 95

С Новым
Годом!

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Слово редактора. Дорогами любви.....	3
Дороги памяти военной	
Всё памятно, что было на войне.	
Стихи	4
Двое	
Любовь Папета. Подарок для Маруси. Рассказ	9
Житейские истории	
Вячеслав Люлько. Адамов и Ева. Рассказ	13
Дорога к храму	
Иеромонах Пантелеимон (Шибанов).	
Пуховый платок. Рассказ.....	22
Инна Зеленкова. Заповедный путь.....	28
Ольга Шейпак. Дорогами любви.....	30
То, что сердцу дорого	41
От Гороховца до Муромы	44
Сергей Есин. Путешествие за благодатью.....	49
Пульс времени	
Вновь за правду Россия.	
Стихи димитровградских поэтов	52
Ольга Даранова. Теломост дружбы	55
Юбилеи	
Елена Дронина. Да будут «Родники» всегда!.....	56
Стихи участников Карсунского литобъединения.....	58
Архив	
Андрей Маньков. Замечательный библиограф и литератор (К 140-летию А.С. Полякова)	60
Книжная полка	
Дмитрий Савельев. Загадка преследователя	63
Ветер странствий	
Ольга Ронжина. Сальвадор Дали: Я до неприличия люблю жизнь!.....	66
Вдохновляющая Таврида	85
Нина Орлова-Маркграф. Сочельник.....	88
Молодые голоса	
Марина Волкова. Ёлочный шар	89
Вера Долматова. Любовь в конверте	91
С любовью ко всему родному	
Николай Ларионов. Крылья обретаю вновь.....	92
С Россией в сердце.....	95
Память сердца	
Ольга Даранова. Памяти Анатолия Шутого	97
Илья Таранов. Наступит час.....	98
Река воспоминаний	
Владимир Янушевский. Слова, слова, слова	102
Дарья Фокина, Ирина Лучакина. Фестиваль креативных Городов ЮНЕСКО – «Перекрёсток».....	118
Юбилейный календарь	121

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, Ульяновская область г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 13.12.2022 г.
Дата выхода 20.12.2022 г.
Тираж 1215 экз. Заказ №590

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкина, 27, тел. (8422) 29-70-19, e-mail: ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №6 (99), 2022

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: фото Николая Тюльпа.
На обороте обложки: фото Ольги Ронжиной.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб.104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на I полугодие 2023 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

По итогам
розыгрыша призов
от ИД «Ульяновская правда»
награждена
постоянная подписчица
и автор журнала
«Симбирскъ»

**Светлана
Сергеевна
Нефёдова**

Благодарим
за внимание к журналу
наших постоянных
читателей!

ДОРОГАМИ ЛЮБВИ

Завершая журнальный год, мы благодарим всех друзей журнала, авторов, подписчиков и читателей! «Симбирскъ» объединяет литературные силы нашего края, откликается на значимые культурные события, рассказывает о важном – всегда «с любовью ко всему родному».

Открывает номер поэтическая подборка в рубрике «Дороги памяти военной». Стихи, написанные поэтами-фронтовиками, звучат сейчас особенно остро:

*«Всё памятно, что было на войне.
И как забыть метельную, лихую
ночь в январе, когда пришлось и мне
попасть впервые на передовую...»*

(Николай Рябинин)

Страницы прозы представлены произведениями Любоми Папета и Вячеслава Люлько.

Мы вспоминаем ушедшего от нас иеромонаха Пантелеимона (Шибанова) – в разделе «Дорога к храму» читайте его ранее не опубликованный рассказ «Пуховый платок».

Во Дворце книги состоялась презентация сборника духовной лирики искусствоведа Инны Зеленковой (Матюниной), публикуем стихи из этой книги.

Ольга Шейпак рассказывает о незабываемом путешествии по следам героев романа «Тарбагатай». Очерк называется «Дорогами любви», и, действительно, автор пишет с большой любовью о земляках, о встреченных на пути людях, жителях Забайкалья, Беларуси, Ярославля. Много путей-дорог проложили наши земляки-путешественники.

Публикуем «Путевой дневник» Сергея Есина «От Гороховца до Муромы», на цветных страницах – фотографии Владимира Ламзина.

В рубрике «Пульс времени» – отклик на военные события, читайте стихи димитровградских поэтов, в которых звучит любовь к Отечеству.

В октябре состоялся телемост дружбы с поэтами Луганщины, творческое общение будет продолжено. Заметки Елены Дрониной посвящены юбилею Карсунского литературного объединения «Родники».

Стосорокалетию со дня рождения библиографа, литератора А.С. Полякова посвящена публикация Андрея Манькова. В рубрике «Книжная полка» – размышления о Дмитрии Савельеве о книге Хулио Кортасара «Преследователь». (Эта повесть обсуждалась на заседании литературной студии «Восьмёрка»).

В разделе «Ветер странствий» Ольга Ронжина рассказывает о путешествии в Испанию по местам, связанным с жизнью художника Сальвадора Дали.

Молодые ульяновские художники недавно побывали в творческой поездке в Крыму, приняли участие в образовательном арт-кластере «Таврида». На цветных страницах – картины Антона Лазарева и Антона Костина.

В рубрике «Молодые голоса» читайте рождественский рассказ Марианессы Волковой, а также стихи Веры Долматовой.

О вечере, посвящённом чувашскому поэту Анатолию Юману, рассказывает Николай Ларионов. Заметки «С Россией в сердце» о том, как прошёл День народного единства во Дворце книги, подготовила Ольга Даранова.

В ноябре 2022 года мы простились с учёным и поэтом Анатолием Шутым. В разделе «Память сердца» – слова прощания собратьев по перу.

В рубрике «Река воспоминаний» читайте окончание автобиографических записок Владимира Янушевского «Слова, слова, слова...»

О новостях программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» рассказывают Ирина Лучакина и Дарья Фокина.

Завершает номер традиционная рубрика «Юбилейный календарь», подготовленная поэтом и краеведом Николаем Маряниным.

Кристина Андрианова, лауреат премии имени Н.Н. Благова, в стихотворении «Мы говорим на русском языке» пишет:

*...А там, где и словами не сказать,
Как хорошо на русском помолчать...
Молчать на русском, воспевая чудо.
Реки и солнца воспевая чудо.*

Как верно – следовать за своим сердцем, идти по родной земле дорогами любви, укрепляя веру, мужественно встречая испытания.

*Ведь «нам сердца ковали серафимы,
И сталь души не обратить во ртуть!
Мы званы, нас услышат, мы любимы,
И Млечным не окончится наш путь».*

(А. Шутый)

Добра и счастья в Новом году, дорогие друзья!
Крепости духа и сил, светлого Рождества!

Елена КУВШИННИКОВА

ВСЁ ПАМЯТНО, ЧТО БЫЛО НА ВОЙНЕ...

На фоне специальной военной операции, проходящей на Украине, вдруг по-особому зазвучали в душе стихи о войне и о долге перед Родиной из поэтических сборников ушедших ульяновских поэтов XX века... Среди них – и поэты-фронтовики, прочувствовавшие эту тему изнутри на полях сражений Великой Отечественной, и поэты послевоенного времени, которые слышали рассказы о войне от своих отцов и дедов. Только теперь, при сравнении прошлого и настоящего, становятся понятными многие мысли, образы и чувства написавших эти стихи людей. Предлагаем читателям журнала «Симбирск» самим уловить это явное созвучие двух тревожных эпох...

Евгений ВЕНСКИЙ (1885–1943)

ПРОБУЖДЕНИЕ

Нет, не могу!.. Покой позорен,
Когда вся Русь идёт туда,
Где свод небес от дыма чёрен,
Где кровью скрашена вода, –

Туда, туда, где пол-Европы
Пошло на гнусного врага,
Где гибнут те, засев в окопы,
Кому отчизна дорога!

Долой комфорт и муть привычек,
И сон, и праздность, и покой,
И труд без всяческих кавычек,
И труд позорный и пустой!

Довольно слов!.. Я тоже еду!
Долой тоску, катар и сплин!
Вперёд на общую победу!
Вперёд на Вену и Берлин!

Я не возьму ни пуль, ни ружей...
Блокнот, перо – и я готов.
Adieu!.. От «Сплетницы досужей»
Везу подарки в город Львов...

Александра АНИСИМОВА (1891–1969)

БЬЁТ ЗЕНИТКА ЗДОРОВО!

Над Москвою небо чисто –
Далеко видать фашиста.

Фашистского ворона
Бьёт зенитка здорово.

Налетали чёрны птицы
На советскую столицу.

Налетала эскадрилья,
Растеряла перья-крылья.

Налетали мессершмиты,
Улетали крепко биты.

Разлетелись вороны
На четыре стороны:

Один – в гроб, другой – в могилу,
Третий – курсом до Берлину.

А четвёртому куда?
Ни туда и ни сюда.

Он и взад, он и вперёд,
А от нас не удерёт.

Фашистского ворона
Бьёт зенитка здорово.

От фашистских воронят
Только пёрышки летят.

Пётр БЕЙСОВ (1906–1976)

ВМЕСТО ПИСЬМА

Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои.
К тебе от меня непростая дорога,
И часто писать мне мешают бои.

Враги недалёко, и в сумке походной
Я начатых писем десятков ношу.
Не хмурься, родная,
я выберу часик свободный,
Настроюсь – и сразу их все напишу.

Поверь, дорогая, тебе аккуратно
Длиннющие письма пишу я... во сне:
И кажется мне, что ответы обратно
Стрелою, как птицы, несутся ко мне.

Враги недалёко – и спим мы немного.
Нас будит работа родных батарей –
У писем моих непростая дорога,
И ты не проси их ходить поскорей.

Вот песенка эта вместо письма,
Что в ней не сказал я – придумай сама.
И утром, её напевая без слов,
Ты знай, что я – твой,
что я – жив и здоров.

Александр КУЗНЕЦОВ (1907–1988)

ПАРТИЗАНСКИЙ ВЕТЕР

С нами ветру нет преграды:
самый вольный из стихий,
он несётся за отрядом
с воем, с посвистом лихим.
То умолкнет, то игриво
обоймёт прохладой нас,
то взьерошит коням гривы,
просвистит – в который раз!
А когда бойцу навеки
смерть подрежет стремена,
он ему закроет веки,
непробудные от сна.
И заглянет под ресницы
вместе с ужасом войны,
где туманной вереницей
проплывут, подобно птицам,
тени милой стороны.
Юный ветер! Ты был с нами,
ты и нынче не утих.
Донеси же старой маме
вздых последний губ сухих.
Может, в шелесте сирени
ей послышится, как знать,
пусть не смерти дуновенье,
лучше – жизни благодать.
...Синий ветер – лёгкой тенью,
с лунным светом заодно.
Будто веткою сирени
тихо трогает окно.
«Это он, – промолвит мама, –
мнится мне его лицо».
И отец, старик упрямый,
выйдет ночью на крыльцо...
Снова ветру нет преграды.
Партизанам любо с ним.
Он несётся за отрядом
с воем, с посвистом лихим!

Михаил НЕБЫКОВ (1911–1997)

Вхожу в Берлин не для захвата,
И жить не собираюсь в нём.
Уже близка Победы дата.
Уже Рейхстаг объят огнём.

Быть может, я на камень чёрный
Паду... И вновь не поднимусь,
А может быть, в парадной форме
На Волгу милую вернусь.

ПОЭЗИЯ ВОЙНЫ

Поэзия войны не устарела
И не ушла с солдатами в запас.
Она медали, ордена надела
И вышла на парад в погожий час.

Который год в свой майский день Победы
Она склоняет к обелискам стяг.
Её поэты, нынешние деды,
Под звуки труб в строю чеканят шаг.

Поэзия войны не устарела,
Солдатский не забросила ремень.
С врагами Родины воюет смело,
Как на фронтах за судьбы деревень.

Она не раз тонула и горела,
Но никакой не брал её огонь.
Поэзия войны не устарела,
Попробуй-ка её сегодня тронь!

Андрей ЦАРЁВ (1914–1989)

БЕССМЕРТИЕ

Рассвет над Ивановкой розов,
Как детские светлые сны...
Из бронзы отлитый Матросов
Средь чуткой стоит тишины.
Заре он подставил веснушки
И лёгкий пушок над губой...
Таким он в бою за Чернушки
Закрыв амбразуру собой.
Он здесь, у порога родного,
Застыл на бессменном посту...
Вот солнце июньское снова
Ласкает его на лету.
Вот стайка мальчишек вихрастых
Бежит к нему с росных лугов.
И звонкое-звонкое:
– Здравствуй!..
И тут же охапка цветов
На камень подножный ложится.
Гвоздики что угли горят...
Россия. Мальчишечьи лица.
Шагнувший в бессмертье солдат.

Николай ЛЕВИНТОВ (1914–2003)

И каждый день – смертельный бой
С самим собой, с самим собой!
И каждый день, как на работу,
Иди на бой за право жить,
Не уступая ни на йоту
Ни малодушию, ни лжи,
Ни чёрной зависти, ни лени,
Ни злобе душевной и больной...
И опускайся на колени
Перед любимую одной.

Тебя настиг судьбы снаряд,
Я был готов бежать вдогонку,
Но вы не ждите похоронку:
Снаряд не падает подряд
За разом раз в одну воронку.
А мой снаряд свой начал путь –
Ты подожди меня чуть-чуть.

Опять изогнутая криво
Гремит походная труба.
И снова в грохоте разрывов
Моя военная судьба.

Пройду ль опять меж мёртвых линий,
Сквозь их неведомую вязь,
Или раздавленный и синий
Уткнусь я в стынущую грязь?

Александр НИКИФОРОВ (1916–1975)

МАТЬ

Последний сын ушёл у ней в солдаты,
И каждый сердце уносил у ней.
И с каждой разлукой стены хаты
Пустынней становились и мрачней.

Найдёт рубаху – чья она, рубаха? –
Не пахнет сыновьями от вещей...
Забит и дух мясных горячих щей,
А времечко ползёт как черепаха.

Мурлычет кошка, а в глазах круги...
Мать греет шею кошкой, гладит кошку.
Но скрипнули морозные шаги –
Встаёт, бежит к студёному окошку.

Кто скажет, сколько в сутки спит она,
Тая в душе надежду и тревогу?
И всё ночами смотрит на дорогу
В зрачок заиндеветшего окна.

ВОЛГА – РОДИНА

Сколько раз я на привале
Посреди чужих полей
Вспоминал родные дали,
Дали родины моей,

Деревеньку по-над яром,
Волги-матушки простор...
Видно, я, друзья, недаром
С Жигулёвских синих гор.

Великан-утёс угрюмый
Там стоит, в моём краю,
Где когда-то Разин думал
Думу вольную свою.

Жигули мои родные,
К вам лечу, лечу душой.
Оглядеть бы всю Россию
Мне с горы, с горы большой.

И послушать у разлива
В полночь песню соловья...
Край любимый, край счастливый,
Волга, родина моя!

Николай РЯБИНИН (1918–1985)

ВСЁ ПАМЯТНО, ЧТО БЫЛО

Всё памятно, что было на войне.
И как забыть метельную, лихую
ночь в январе, когда пришлось и мне
попасть впервые на передовую.
Стучал из-за сугроба пулемёт,
как будто в дверь настукивали где-то.
И пуль трассирующих виден был полёт.
И за ракетой взлетала вверх ракета.
Я пригибался и глядел, глядел.
Ах, пули, пули! Пролетайте мимо...
Я был ещё неопытен, несмел,
но знал одно: война неумолима.
И ко всему я был тогда готов,
робел, но сердцем мужеству учился.
Я знал, кто там палил из-за холмов,
кто в дверь стучал, в мой отчий дом ломился.
Умри, но только от порога прочь
отбрось врага, чтоб в доме тихо было!..
Знобило на морозе в эту ночь.
Я твёрдо шёл. Но чуточку знобило.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Так и осталась в памяти она,
в степи, в снегах затерянная где-то,
коптилкой едва освещена,
походною времянкою согрета.
Сидят бойцы на нарах в полутьме,
цигарки тускло тлеют в полумраке.
Метель, метель! И нет конца зиме,
весна нескоро перейдёт к атаке.
И, как всегда, о доме разговор,
о том, как жили до войны когда-то:
начнёт гармошка тихий перебор
в руках затосковавшего солдата.

Борис БЫЗОВ (1919–2010)

ПАМЯТНИК БРАТУ В КИЕВЕ

На Волге пел о вербах Украины,
с горящим танком был крещён в Днепре,
пылая сам, сквозь мины и руины
пробился в вечный город на горе.
И девочка, на всю палату диво,
спасла его молитвой карих глаз,
до белой вербы к танку проводила
и здесь его невестой нареклась...
А вслед за ним на пепел древних улиц,
в сожжённую народа колыбель,
неся детей, бездомные вернулись, –
не от тепла людского ли капель?
И сизый голубь рано прилетает
водой-слезой напиться из Днепра.
Сквозь гусеницу колос прорастает.
А в ночь наградой дождь как из ведра.
В такую ночь закружится Крещатик,
шипам шин во все концы спеша,
во сто цветов огнями мельтеша,
пока заря не станет сокращать их.
И в час, когда любимым жёнам снится
их первая, убитая любовь,
не та ли снова девочка танкиста

сквозь вербы провожает до лугов?
А вечный город к звёздам вознесён
и с ней плывёт в асфальте под ногами.
Она идёт, не стукнет каблуками,
боясь разбить его хрустальный сон,
и вздрогнет, остановленная взглядом,
оглянется и влюбится сестра
в стоящего на чёрном танке рядом
с письмом в огне железного костра.
Она читает: «Мама, я вернусь...»
А мать сама пришла и втихомолку
зовёт его в заглохший сад на Волгу
и плачет так, как плачет только Русь.
Теперь навеки встретился он с вербой
(серёжки льнут к горящему лицу),
не пулю, а пчелу встречает первой,
глядит на мир сквозь жёлтую пыльцу.
Душа из камня вырвалась наружу.
Вот-вот шагнёт из каменных оков
один из всех отдавший людям душу,
последний бой всегда принять готов.
А мать вот-вот раскроет настежь дверцы
стальной ограды, на костёр взойдёт,
в его глазах неслышный крик уймёт
и в камень вложит собственное сердце.

Николай МАЙОРОВ (1919–1942)

О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: «Будь прямым!
Возьми шинель – покроешь плечи,
Когда мороз немоготу.
А тем – прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу».

Когда к ногам подходит стужа пыткой,
В глазах блеснёт морозное стекло,
Как будто вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло.

А между тем всё жизненно и просто,
И в память входит славой на века
Тяжёлых танков каменная поступь
И острый блеск холодного штыка.

Пусть помнят те, которых мы не знаем:
Нам страх и подлость были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна и умирали
За эту жизнь, не кланяясь свинцу.

Юрий ГРУНИН (1921–2014)

ФРОНТ И ПЛЕН

Уводит память в давний день весны,
в день перед пленом – к разговорам в роте.
Мечтали: если б не было войны!
Но шла война. Но были мы на фронте.

Война – она свинцово тяжела.
Но фронт есть фронт, на то никто не ропщет,
не предаёт страну во имя зла.
Фронт – жизни суть и ратный подвиг общий.

На фронте, на миру и смерть красна.
Враг впереди – воздай ему по счёту!
С тобой – стеною – вся твоя страна.
И нет судьбы, что более почётна.

На фронте ясно, где твой враг, где друг.
А плен есть ад. В нём грешники да черти.
Те черти очертили тебе круг
повиновенья иль безвестной смерти.

Уж, кажется, ты всё перетерпел –
гниёшь в аду, от родины отколот.
Всё те же палки ходят по тебе,
и жизнь твою съедает гиблый голод.

И если здесь покончит кто с собой,
то пленом попрекать его не смейте:
по счастью, вам не ведома вся боль
сознания, что плен страшнее смерти.

НЕ ПОЙДУ!

Я бессилён, немощен, очень плох.
Мне не снятся женщины, видит Бог.
Снится, что свободен я, что окреп.
Снится моей родины чёрный хлеб.
Сытым понимать ли суть вещей:
Пленным снятся матери с миской щей...
Ходит чёрт-уродина наяву,
учит, что без родины проживу,
что себя пред бурей я согну,
что на верность фюреру присягну.
Поднимаю голову: не пойду!
Лучше я от голода пропаду.
Не ходи, уродина, по пятам,
Не продам я родину, не предам.

Сергей ОСИПОВ (1921–1996)

ВСАДНИК

Это было в Приднепровье
Прошлою весной.
Не спеша ко мне навстречу
Ехал верховой.
И смотрел куда-то вдаль он,
Приподняв ладонь.
Вороной под ним, грудастый,
Густогривый конь.
Вдоль дороги – два кургана
В снеге ковыля.
Показалось мне, что всадник –
Муромец Илья.
Борода, усы седые,
Огонёк в глазах,
И защитная накидка
На крутых плечах.
Распахнул накидку ветер,
Грудь обнажена,
Я на кителе заметил
Наши ордена.
Значит, был он вместе с нами
Всю войну в бою?
Как я раньше не приметил
Дедушку Илью?!

Верно, ехал он со встречи,
Где-то был в гостях...
В разных, видимо, мы были
Боевых частях.

Я хочу тишины:
Возраст, что ли, такой?
Только снятся мне сны –
Не смолкает в них бой.
Я воюю всю ночь
И седею в огне,
Пулемёты обочь –
Всё по мне и по мне.
Рвутся мины вокруг,
Сохнет влага во рту...
Просыпаешься вдруг
Весь в холодном поту.
Будто побыл в бою,
Где нещадно бомбят...
Когда с койки встаю,
Перепонки болят.

Юрий КУЛИКОВ (1924–2000)

Я полз по фронту вниз лицом,
Срывая кожу с рук.
Казалось мне – в пластунов том
Премудрость всех наук.

Я не жалел локтей своих
В усердьё неумелом,
И страх как будто бы притих,
К земле прижатый телом.

Я выдохся и весь промок,
Но слышу от солдата,
Войну выдавшего: «Сынок,
Не надрывайся так-то...»

Напрасно сил не бережёшь.
По лужам и по глине
На животе не доползёшь
До города Берлина.

В атаку легче в рост идти,
Война теперь такая,
А если упадёшь в пути –
Россия дошагает».

За час перед рассветом – тишина.
Через окопы спящей обороны
Ползёт туман, как молоком, до дна
Заполнив чаши бомбовых воронок.

Тяжёлым грузом ледяной росы
К земле прижаты заросли полыни,
А на краю нейтральной полосы
Пехота ёжится во сне и стынет.

В тумане гложет зарево ракет,
Шальной снаряд гремит у переправы...
Ещё немного задержишься, рассвет,
На самом первом рубеже державы.

*Подборку составил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.*

*Любовь ПАПЕТА, член Союза писателей России,
член Союза журналистов России.*

ПОДАРОК ДЛЯ МАРУСИ

*Посвящается Новиковым
Виктору Константиновичу и Марии Степановне – моим папе и маме.*

Июльский день был хорош! И настроение у Вити отличное. Он прибежал с работы раньше отца, успел умыться и сменить рубашу. Мама на летней кухне под старой абрикосиной пекла блины – их запах доносился до Витинога носа, который он в этот момент разглядывал в тусклом зеркальце, висящем в доме на дверном косяке. На носу краснела свежая царапина – потянулся за обувной колодкой, лежавшей на верхней полке, а она сама прыгнула, да прямо на нос...

И как теперь показаться Марусе? Будет допытываться. И ни за что не поверит про колодку, скажет, что опять сцепился с Колькой. Но даже это не портило настроения – сегодня суббота, можно гулять с любимой до рассвета. Завтра выходной, мама не разбудит на работу спозаранку. Разве отец найдёт какое дело во дворе...

А вот и он – хлопнула калитка, послышались размеренные шаги, и от летней кухни донёсся голос:

– Мать, где Виктор?

Мама что-то негромко ответила. Шаги послышались уже у самой двери дома, где затаился парнишка.

– Вот ты где. А рубашу новую зачем надел? – и не дожидаясь ответа сына, озабоченно проговорил:

– Собирайся, мать повечерять уже приготовила, быстро поедем, и в путь. Позвали в Чистенькое печь сложить. Если через час выйдем, к полуночи там будем, до рассвета поспим. За воскресенье надо успеть печь сделать, чтоб к ночи домой вернуться.

Витя от неожиданности шлёпнулся на кушетку, расстроено глядя на отца. С тех пор как старший брат Степан, отслужив срочную, остался в Херсоне, где уже даже успел жениться, отец стал брать в подмастерья младшего – Витю. Константин Николаевич славился на весь город своим искусством класть печи. В послевоенное время городские окраины и ближние к городу деревни стали прирастать целыми улицами веселых домиков на 2-3 окошка по фасаду, да чтоб обязательно с палисадником, да с высокой кирпичной трубой: – печь в доме – главная по уюту и теплу.

Грустно поплёлся Виктор в спальню – менять нарядную рубашу на рабочую... В среду, 27 июля 1949 года, Марусе исполнится 20 лет. Юноша хотел съездить на своём знаменитом велосипеде на рынок – купить подруге подарок. Он давно присмотрел ей в лавке часовщика маленькие золотые часики, похоже, трофейные – на тонком красном кожаном ремешке. Он уже представлял себе, как будет надевать их на смуглую Марусину ручку, а потом обязательно поцелует её... Денег он уже накопил. Хорошо, что было несколько шабашек, деньги за которые можно не отдавать маме. С зарплаты ему не хотелось просить на подарок для девушки.

Напрасно будет стоять сегодня у калитки черноглазая Маруся, а потом обиженно надувать яркие губки. Витя хотел было сбегать – всего-то на соседнюю улицу, предупредить девушку, но отец заторопил его:

– Иди, на кухню, ешь быстро, да узелок с едой у матери не забудь взять.

А сам пошёл в кладовку доставать мешок с инструментами и брезентовыми фартуками.

Юноша поплёлся на летнюю кухню. Попросить мать, чтоб сказала девушке, что он ушёл с отцом на заработки, Витя не мог. Не одобряла его выбора строгая мамаша...

Торопливо глотая блины и не замечая их вкуса, хотя всего несколько минут назад с вожделением вдыхал запах маминой стряпни, парень придумывал, как ему предупредить любимую. В кухню вошёл отец, не присаживаясь, съел три блина, залпом выпил тёплый компот, благодарно кивнул жене, тронул сына за плечо: пошли!

Оторвав от кулёка с конфетами небольшой кусочек вощёной бумаги, Витя завернул в него несколько жёлтых конфет-подушечек и спрятал в карман. Поцеловав мать в макушку – мама была маленькая – как раз наклониться и чмокнуть в пробор, – он выскочил за калитку вслед за отцом. Тот уже заворачивал за угол их улицы.

И тут под ноги парню прикатился мягкий комок с руками, ногами и головой в огромной клетчатой фуражке. Витя подхватил под мышки дёргаю-

Маруся и Виктор

щегося пацана, который тем не менее не выпустил хворостину, зажатую между ног, – коня не потерял!

– О! Маршал, привет! Ты-то мне и нужен.

Поставив мальчика на ноги, но не отпуская его плечо – конь то норовистый у пацана – того и гляди ускачет, – достал из кармана свёрточек с подушечками, показал мальчишке:

– Конфет хочешь?

Тот, блестя глазами, кивнул.

– Тогда беги к Марусе, скажи ей, что я с отцом ушел на заработки. Вернусь завтра поздно. Пусть не ждёт.

Пацан ещё раз мотнул головой, не сводя взгляда с конфет. Засунув по одной подушечке за каждую щёку, пуская сладкие слюни, он взвился на своего скакуна и понёсся с горки по мостику через речку – к дому Маруси.

А Витя, поправив на плече котомку с едой, которую дала мать, побежал догонять отца. Пристроившись рядом с родителем, поймал его ритм, зашагал в ногу.

Конечно, можно было бы поехать на велосипедах – у Вити был отличный немецкий, трофейный – в последние дни оккупации он нашёл это новенькое чудо в брошенном фашистами штабном вагоне. А отцу совсем недавно вручили железного коня за отличную работу. Но ехать в темноте по бездорожью – то ещё удовольствие.

Отец шёл молча, видимо, обдумывая план предстоящей работы. А Витя с улыбкой вспоминал мальчишку. Смешное прозвище у него. А почему?

Константин Жуков – отец мальчика – пришёл с войны в начале августа 1944 года после госпиталя – комиссовали подчистую. Как положено, неделю покуролесил. И вдруг женился на тихой соседке Соньке. А через девять месяцев, как раз 9 мая 1945 года, родился Георгий Константинович Жуков. И прозвали его Маршалом Победы. А для краткости – просто Маршал.

К месту добрались уже за полночь. Хозяин дома дожидался мастеров, сидя на завалинке. Благо вечер выдался тёплым. У ног его дремал страшного вида лохматый пёс. Когда путники подошли, пёс вскочил и предупредительно рыкнул, но не залаял. Витя протянул руку к уху собаки, за которое цепко держался прошлогодний репей.

Хозяин повернулся к парню предупредить, что кобель злющий и чужих не любит, да так и застыл с открытым ртом. Витя, присев на корточки, уже осторожно вынимал из свалявшейся шерсти зверя колючки, другой рукой почёсывал его за ухом. Пёс жмурился от удовольствия, тихонько повизгивая.

Собаки, да и всякую другую живность Витя любил с раннего детства. Перед войной и потом, когда фашисты пришли на родную землю, они с отцом пасли соседских коз и овец – как-то надо было жить в эти тяжёлые годы. Погонят, бывало, стадо подальше от жилья, за холмы – к Веркиной пещере – и до самого вечера. А если коза или овца окотится, ягнёнка или козлёнка оботрут травой – и за пазуху. Так и сидит там тёплый комок, а мамка рядом ходит, блеет. Покормит раза три за день, а к вечеру он окрепнет и сам за ней побежит, смешно вскидывая задок.

И всегда с ними был верный пёс. Только в войну не везло с собаками. Уж очень фашисты не любили дворняг. У них-то – страшные овчарки. Вот однажды и разодрала такая Витино Рокса. Ещё один – Туман – попал под танк. Колона их шла с таким грохотом и пылью, что пёсик растерялся, кинулся в одну сторону, в другую и угодил под гусеницу.

Витя, тогда ещё совсем мальчишка, плакал три дня, пока отец не принёс ему завернутое в грязное вафельное полотенце розовое существо с короткой розовой же шерстью. Или это так казалось, что шерсть была розовой? Мальчик выхаживал нового питомца, как самая заботливая мать. Несколько дней кормил через тряпочку, в которой был хлеб, размоченный в козьем молоке. А когда пёсик научился сам лакать из плошки, следил, чтобы он не переедал. Когда щенок припадал к еде, его невозможно было оторвать, пока на языке не исчезала последняя капля молока. Тогда он обиженно поднимал на хозяина свои круглые синие глаза: неужели это всё?

Витя смеялся – животик у его питомца раздувался как шарик и был таким же прозрачным, только лапы торчали в разные стороны. Так и пришлось назвать его Шариком.

Этот пёс и сейчас жил у них во дворе. Он уже не был тем смешным розовым щенком. Шерсть была гладкой, блестящей. На голове и шее – чуть темнее, к хвосту и на лапах – почти белая, слегка золотистая. И только животик оставался таким же розовым и круглым.

Засыпая на веранде ещё не достроенного дома, куда они с отцом пришли час назад, Витя подумал: не забудет ли мама налить воды Шарикку...

Петух заорал прямо в ухо – так показалось парню. Вроде бы только заснул, а уже рассвет. Отец закашлялся на лежанке напротив – пыльно было в их временном пристанище.

Появился хозяин, показал, где умыться и опраться. Потом хозяйка позвала завтракать.

Быстро поели, осмотрели место будущей печи, обсудили детали. Виктор отправился готовить раствор, а отец с хозяином немного поспорили о качестве кирпича.

Работа закипела. Виктор замешивал раствор, подносил кирпичи отцу, подавал инструменты. И присматривался к тому, как и что делает мастер. А сам всё время думал о Марусе. Конечно, она обидится на него. Скоро Виктору идти в армию. У них, может, и остался всего-то месяц. А там – три года разлуки. Она обещала ждать, но ведь три года! И пода-рок! Работу Виктор заканчивал, когда рынок и все

лавчонки на нём уже были закрыты, значит, купить часики до среды он не успеет...

Зачерпнув воды из колодца, юноша посмотрел на своё отражение в ведре: худое лицо, нос с царапиной, чуть наметившиеся усики, большие уши... И что нашла в нём красавица Маруся? Вот только голубые глаза – добрые и ясные. Юноша улыбнулся своему отражению, а солнечный зайчик, отразившись в колодезной воде, ослепил его, словно намекая: не потеряй голову от любви!

До обеда успели сложить печь с духовкой, установили чугунную плиту с двумя конфорками для кастрюль и сковородок. Теперь надо было строить дымоход. Хозяин хотел, чтоб дым пошёл внутри стены, которая разделяла кухню и зал, – так было бы тепло в обеих комнатах.

Константин Николаевич ходил с уровнем вокруг уже готовой печи, поглядывая на хозяина и прикидывая, успеют ли они с сыном воплотить все хотелки заказчика. Но делать нечего – взялись, надо заканчивать. Не тащиться же в такую даль ещё раз.

А Витя вышел во двор, где хозяйка накрывала стол к обеду под навесом летней кухни. За кухонкой был сад с уже наливающимися яблоками. Юноша залюбовался спелыми плодами, пошёл посмотреть, что ещё есть в саду. Он не переставая думал о том, что же делать с подарком. Хорошо, если Маршал предупредил Марусю и она не очень обидится на него за пропущенное свидание. Но ведь двадцать лет! Он так хотел порадовать любимую!..

За летней кухней был ещё один навес. Там стоял старый диван, самодельный стол на козлах, какой-то пузатый сервант с разбитыми стёклами. В уголочке в кресле-качалке, укутанная в вязаную шаль, дремала старушка.

– Доброго здоровья, бабушка! – поздоровался Витя, сняв свою серую кепочку и слегка поклонившись.

Руки женщины задвигались, стали перебирать бахрому шали. Потом она открыла глаза и посмотрела на юношу.

– Ты кто?

– Печники мы с отцом, печь в доме кладём.

– А зовут тебя как?

– Виктором, бабушка.

Старушка помолчала. Глаза её осматривали молодого человека: вот взгляд быстро пробежал по ладным сапожкам, хоть и со следами раствора, но изначально чистыми (хоть и торопились они с отцом начать работу, а Витя всё же успел утром стереть пыль ночных дорог со своей обуви). Потом женщина осмотрела руки – крепкие, загорелые, умелые. Когда она глянула прямо в синие глаза парня, у того остановилось дыхание. Ему показалось, что эта старая женщина узнала о нём всё в этот миг. Парень залился краской, но взгляда не отвёл.

– Девушку твою как зовут? – неожиданно спросила старушка.

– М-Маруся, – слегка запнувшись, сказал он.

В это время раздался голос отца, звавший его обедать.

– Иди, но, когда будешь уходить домой, обязательно зайдёшь ко мне ещё раз, – сказала женщина и закрыла глаза.

* * *

Во время обеда хозяйка не садилась с мужчинами за стол – то подавала им, то уходила в сад с тарелкой и чашкой. Видимо, кормила старую женщину.

На вопросительный взгляд Виктора коротко ответила:

– Тётю досматриваю. Она нам дом свой отписала. Вот пристрой себе делаем, – и вздохнула: успеть бы до зимы.

После обеда работали очень быстро. Торопились закончить до темноты, чтоб отправиться в обратный путь. Хозяин обещал довести их на телеге до города, а уж до дома – сами. Ну хоть в телеге можно будет немного вздремнуть, ведь завтра утром на работу.

Управились раньше, чем предполагали. Хозяин был доволен – печь затопили, дым сразу же потянуло в трубу со свистом. Отец отказался от ужина – домой торопились. Хозяйка приготовила им на дорогу лепёшек, сыру, хозяин дал бутылку своего винца.

Когда лошадь с телегой уже стояла у ворот, Витя вспомнил о старушке. И хотя отец велел ему садиться, побежал в сад.

Женщина сидела всё там же. На столе перед ней стояла миска с кашей, чашка с компотом – ужин.

Витя снял кепку, поклонился:

– До свидания, бабушка, мы уезжаем.

Женщина снова, как и днём, глянула юноше прямо в сердце:

– Я не бабушка. Меня зовут Мария Яковлевна. Я была учительницей здесь. А мужа моего звали Виктором. Он погиб в Первую мировую. Глаза у него были как твои – синие-синие...

Боясь пошевелиться, Виктор смотрел на руки женщины. А она достала откуда-то из-под шали маленький красный узелок, протянула его и сказала:

– Это Марусе на день рождения. Своих детей нам Бог не дал. А ты мне понравился.

Потом махнула рукой:

– Иди, отец зовёт.

Парень, не надевая кепки, низко склонился к руке женщины, поцеловал её и, взяв узелок, побежал к телеге.

* * *

Дома их ждала мама с поздним ужином, но отец и сын, умывшись, быстро улеглись спать – устали...

* * *

В среду Витя встречал Марусю возле швейной мастерской, где она работала. В правой руке он держал необыкновенный цветок – гладиолус. Эти удивительные растения совсем недавно появились в огородах горожан. Витя заметил их на улице Аллейной и выпросил у хозяйки это нежно-розовое чудо, пообещав отремонтировать ей всю обувь бесплатно. В левой руке у него был красный узелок, подаренный Марией Яковлевной.

Молодые люди не виделись с прошлой недели, и сердце юноши замирало: обиделась не обиделась?..

Вот из мастерской выпорхнули две девчонки, за ними ещё одна... Маруси всё не было. Сначала Витя увидел край синего платья и ножку в белом носочке и синей босоножке, потом появилась его любимая.

Увидев юношу, она попыталась сделать серд-

тое лицо, но радость от встречи победила. Маруся подбежала, сияя черными глазами:

– Это мне?

Невозможно было не восхищаться стройной фигуркой девушки! Чёрные волосы она уложила в жгуты за ушками и убрала в тонкую сетку, которую на макушке закрепила красивым гребнем. Упругий завиток у левого виска ласкал румяную щёку. Девушка то и дело сдувала его – щекотно же!

Виктор вложил в руку любимой необычный цветок:

– Тебе. С днём рождения!

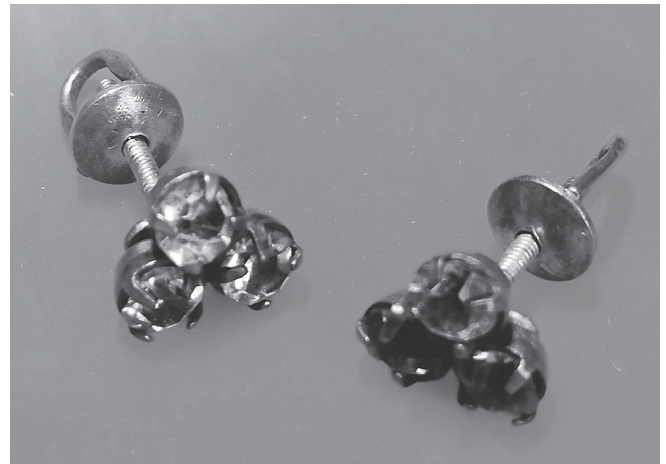
И потянулся губами к её щеке. Но Маруся, ловко увернувшись (люди же кругом!), взяла его за руку и потянула в скверик за семинарией. Они часто гуляли здесь, знали все укромные места. У них даже была любимая лавочка – под большим кустом сирени.

Вот там она разрешила себя поцеловать. И не только в щёчку...

...Нескоро Виктор вспомнил о подарке старой женщины. Он достал красный лоскуток, развернул его и протянул на раскрытой ладони девушке.

От неожиданности и восхищения она не сразу решила прикоснуться к подарку.

На лоскутке алого бархата лежали две сережки-гвоздики – каждая с тремя прозрачными камушками.

* * *

Виктор служил в армии радистом. Часто писал Марусе письма. Девушка отвечала ему на каждое. Посылала забавные открытки, свои фотографии с милыми подписями. Ждала!

Прошло три года. Тёплым осенним воскресным вечером он вернулся домой. Поцеловав плачущую от счастья маму, обняв крепкими руками отца, он бросил вещмешок и, несмотря на протестующий мамин крик, побежал на соседнюю улицу.

Маруся стояла у своего дома с двумя подругами, видимо, собирались в кино.

Увидев любимого, который, проигнорировав мостик, с разбега перепрыгнул узкую речку, девушка побежала ему навстречу.

Ветер играл её волосами, открывая маленькие ушки, в мочках которых нестерпимо блестели три прозрачных камушка.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Вячеслав ЛЮЛЬКО – художник-иллюстратор, писатель. После окончания Ульяновского педагогического училища (художественно-графическое отделение) получил специальность художника-графика в Московском педагогическом государственном университете им. В.И. Ленина. Живёт и работает в Москве.

АДАМОВ И ЕВА

Рассказ

Посвящается сыну Шурику

Четверг. 12 часов 20 минут

– Я – уполномоченная по делам несовершеннолетних Римма Игнатовна Авилова. Это не допрос с предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний. Поговорим без протокола?

Кабинет школьного психолога заняла женщина в полицейской форме.

– Дружите с Евой Смирницкой?

– С детского сада, – ответил я.

– Почему она не в школе?

– К бабушке поехала в Первую Градскую. У Надежды Николаевны микроинсульт вчера случился.

Кожаное кресло под уполномоченной хрустнуло. Откинувшись на спинку, изобразила улыбку с прищуром.

– В больницах посетителей принимают после обеда.

– Может, понадобилось чего?

– Хорошо. Братья Трусовы, «герои» вчерашнего дня, поведали, что на физкультуре Смирницкая агитировала класс на митинг. Сама же не пошла. Почему?

– Не слышал, чтобы Ева призывала к митингу.

– Да что ты! Так, так. Дружба дороже правды?

Я опустил глаза и развёл руками.

– Да, я тоже так делала, когда не хотелось обманывать. Мотивы Смирницкой прозрачны: селфи, интервью, лайки, репосты. Кому не хочется в этом возрасте быть звездой?

– Есть ещё люди, которым нужна движуха. Им все равно куда идти, на митинг или на карнавал.

Уполномоченная открыла ноутбук. Стёкла очков отразили экран.

– Нравится учиться в школе?

– Втянулся потихоньку.

– Вчера что интересного было на уроках?

– На алгебре под самый конец занятий обсуждали математическое доказательство Бога.

Очки инспектора сползли на кончик носа. Я пояснил:

– У нашего мира, обладающего математической структурой, есть Творец, Который спроектировал вселенную в виде математической модели, а затем построил её.

– А на истории?

– Одна мысль показалась обращенной ко мне. Проходили предпосылки Октябрьской революции 1917 года.

– Октябрьского переворота?
 – У нас Андрей Семенович – молодой коммунист, мы проходим Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Пролетариат был активен и сплочен, – сказал он. – Это не отшельник какой-нибудь».

– И?
 – Мне захотелось быть отшельником.
 – Мой сын учится на видеомонтажёра. Тот ещё домосед. А ты кем хочешь стать?

– Пока не решил.
 – У географа во «ВКонтакте» занятное фото с плакатом: «Мы не боимся». Что запомнилось на географии?

– Ничего особенного. Месторождения нефти на карте Российской Федерации.

– И всё? – Авилова насупилась. – Так с чего вдруг Смирницкая стала призывать к митингу?

– Ева не призвала к митингу.

– Рассказать, как я профессионально сориентировалась в пятнадцать лет? В подземном переходе сидела женщина с младенцем. По телевизору передали: если видите попрошаек с детьми, ваш гражданский долг – заявить в правоохранительные органы. Написала заявление. Подумала: не Иуда ли я Искарriot? Оказалось, младенец из Дома малютки. Чтобы спал, давали наркотик. Умер бы, взяли другого. С того дня решила бороться с преступностью в Москве. А ты предпочел дружбу правде.

– Мюнхгаузеном восхищаются, а Иуде нет прощения.

– О-у! Как ты ошибаешься! Христос простил бы его, если бы он покался, как апостол Павел, и тогда бы Искарriot не повесился.

– Подумаю об этом.

Днём ранее. Среда. 11 часов 50 минут

– Кто на митинг не пойдет, тот конформист! – крикнула Смирницкая на весь спортивный зал, а мне шепнула: – Шурик, не вздумай заболеть, как в прошлый раз.

Раздался свисток. Физрук вышел из каморки с журналом 9-го класса «А».

– Так, построились.

Ева возглавила шеренгу, будучи самой высокой в классе. Я, как самый маленький, замкнул строй. А ведь в детском саду стояли рядом. По дороге спросил: «Не стыдно идти рядом?» – «А тебе?» – ответила вопросом.

– Сдача нормативов. Мальчикам – подтягивание на перекладине. От шести до одиннадцати раз. Девочкам – отжимание. От десяти до двадцати раз.

«С первой буквы начнёт или с последней?»

– Адамов. Российская Федерация! – прозвучала моя фамилия голосом комментатора Олимпийских игр.

Подтянулся на четверку семь раз. До перемены можно отдыхать. В раздевалке, достав сотовый, загуглил слово «конформист»: приспособленец.

– Сама ты! – произнёс еле слышно.

Наша частная школа постоянно кого-то показательно выгоняет за поведение. Надо сделать все, чтобы Смирницкая не пошла на площадь. Задействовать бабушку? Тупо. Думайте, Александр, думайте.

Среда. 13 часов 00 минут

После уроков, забросив домой портфель, взял курс на Нескучный сад, где в девяностых отец сражался с гоблинами. Именно там познакомился с девушкой-эльфом, моей мамой. До сих пор дома зовет её Галадриэль, а она его – Арагорном. Сегодня в моде историческая реконструкция.

На дне оврага стрелец времён благочестивого царя Алексея Михайловича рубился с уланом войны 1812 года. Красный против синего. Дюралевые клинки летали вокруг торсов фехтовальщиков-саблистов. Неожиданный выпад улана решил поединок. Пока бойцы пили воду из пластиковых бутылок, я, хватаясь за деревья, спустился в овраг.

– Пацаны, можете побить меня? – фраза от волнения получилась глупой.

– Не вопрос. Мазохист? – отозвался стрелец.

– Надо одного человека дома задержать. Чтобы ей пришлось, ну не знаю, голову мне перевязывать, что ли.

– Предлагаешь пробить тебе череп? Наш чел! – одобрил улан.

Максимум на что был готов – рваная куртка и разбитый нос.

– Через час, – сказал я. – В арке у ЗАГСа.

– Правильно понял, ты хочешь порисоваться перед своей барышней? – спросил стрелец.

– Нет. Хочу удержать девушку от безрассудного поступка.

– Мотив делает тебе честь. Сделаем в лучшем виде.

Среда. 13 часов 40 минут

Двери лифта открылись на восьмом этаже Смирницких.

– Привет, Шурик! Мой руки и дуй на кухню. Шарлоткой угощу, – сказала Надежда Николаевна.

Ева застегнула молнию куртки. Сентябрь в этом году выдался холодным.

– Ба, нам некогда.

– А?

– Некогда нам.

Вытолкнув меня в коридор, захлопнула дверь.

«Рановато», – подумал я.

– Признаться, не отказался бы от предложения Надежды Николаевны. Не ел со вчерашнего ужина.

– По дороге чипсы купим.

– Чипсами вредно питаться.

– Ладно. Давай быстрее.

Мы вернулись. Ева, не раздеваясь, уткнулась в сотовый. Я помыл руки и сел за кухонный стол.

– Что ж ты не растёшь, Саша? Вроде кушаешь хорошо. Ещё кусок?

Тем временем цифры на табло вытяжки сообщали: пора.

– Спасибо больше, Надежда Николаевна! Очень вкусно!

Кивнул Еве: уходим.

Двор встретил нас морозящим дождиком. Подняли капюшоны. Под аркой – никого.

«Тоже мне, реконструкторы!»

Крохотный котейка, мяукая, подбежал к моим кедам. По джинсам и куртке забрался на голову, сдвинув капюшон набок. Снял с головы. Серый полосатый комок уместился в ладоне.

– Выбрось сейчас же! У бездомных кошек блохи с глистами.

– Отнесём в зоомагазин, через дорогу. Там и руки помою. И сразу на митинг.

Среда. 14 часов 25 минут

– Васька, – сказал ветеринар зоомагазина, длинный сутулый парень с добрыми глазами.

– Разве это не кошечка? – спросила Ева.

– Вот же, под хвостом.

Признаться, я ничего не увидел. Но имя Васька понравилось.

– А блохи с глистами? – спросил я.

– Чистый, только что выбросили. Не больше часа на улице.

– Возьму домой.

– Родители разрешат?

– Сколько раз мне обещали подарить щенка. Пусть держат слово. Хотел быть собачником, стану кошатником.

На день рождения подарили банковскую карточку. Консультант зоомагазина посоветовал всё необходимое. В кассе за нами встал знакомый стрелец, переодетый в спортивное. Тот самый, с которым договаривался.

– Вот вы где. Оно и к лучшему. Савелий Ртищев, – представился исторический реконструктор Еве, – можно Савва.

– Я вас знаю! – воскликнула Смирницкая. – Вы на Пасху шествовали с хоругвью на Воробьёвых горах.

Ртищев расплылся в довольной улыбке. Вот она – слава!

– На митинг с нами не хотите пойти? – спросила Ева.

– Там полиция и без меня справится.

Ртищев купил корм для собаки.

– А ты ничего! – подмигнул он Еве, прежде чем скрыться за стеклянной дверью.

Одной рукой я раскладывал покупки, другой держал котёнка. Ева не отрывала глаз от двери, скрывшей хоругвеносца.

– Подержи Ваську, пожалуйста.

– Что? А нет, лучше пакет понесу. Дай что полегче.

Среда. 14 часов 40 минут

– Если хоть раз напишет на кровати, выброшу, – сказала мама.

Васька, обнюхав будущий дом, сходил точно в лоток. Умный котик.

Ева открыла «Контакт» на моем компьютере и обомлела. Одноклассники братья Трусовы, Борька с Глебом, отвечали журналисту:

– Против чего выступаете? – спрашивали Бориса.

– Против чего мы выступаем? – Борис переадресовал вопрос Глебу.

– На плакатах написано.

– Где взяли плакаты?

– У памятника раздавали...

Видео за час собрало более трех тысяч просмотров! Репосты соперничали с лайками. Ева помрачнела.

– Ты понимаешь, что я должна была давать это интервью?

– Слушай, давно хотел предложить снять ролик о настольной игре «Каркассон». Под это дело купил штатив с лампой.

Среда. 15 часов 30 минут

Отснятый ролик разместили во «ВКонтакте». Я рассказывал о правилах, Ева восклицала: «Ребята, это реально круто!» В туалете отправил через «Ватсап» сообщения отцу и деду с бабушкой. Появились три лайка.

– Пошло дело! – воскликнул я.

Ева уселась у окна. На остановке из электробуса вышли оба Трусова.

– Борька, Глеб!

Те помахали ей рукой, как настоящие звёзды.

– Заходите к Шурику!

Среда. 16 часов 00 минут

Несколько раз просмотрели ролик с Трусовыми, набирающий лайки и репосты. Борис забубнил ломанные ритмы данс-локинга. Одноклассники пустились в пляс, насколько им позволяли габариты моей комнаты. Настроение портилось. Хотелось тишины осеннего вечера.

Достал с полки «Евгения Онегина». В конце четверти предстояло писать сочинение.

– Интересная хоть книга? – спросил Глеб.

– Не дочитал ещё.

– Про что там?

– Остановился на моменте, как Онегин едет на лошади через лес... Едет, едет. Смотрит, на темной еловой ветке сидит огромная синяя бабочка...

– Санёк, умоляю, давай без лирики!

– Ну вот, едет Онегин по лесу, едет... и слышит, кричат: «Помогите! Помогите!» Свернул Евгений на голос. Тропа привела к кладбищу, окутанному туманом. А там барышня к кресту привязана.

Взял паузу. Трусовы перестали танцевать. Ева от удивления приподняла изогнутую бровь.

– Что дальше-то? – спросили братья.

– Онегин отвязал девушку. Смотрит, на кресте написано: «Евгений Онегин». Его дата рождения! И дата смерти... прям, тот самый день. Барышня поцеловала Евгения... мм... в губы... и говорит: «Я твоя смерть, Онегин!»

– Класс! – воскликнул Глеб и обратился к Борьке: – Пошли аудио слушать.
Следом пошла и Смирницкая.
– А ты куда?
– «Рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна».

Среда. 18 часов 40 минут

Хлопнула дверь, упали ключи на тумбочку. Отец вернулся с работы. Рост отца – метр девяносто. Я – его незавершённый эскиз.

– Меня не трогать, – говорит папа после ужина, садясь за стол с двумя сферическими мониторами, погружаясь в мир компьютерных игр.

Я открыл «Евгения Онегина».

– Са-а-ша! – позвала мама с кухни. – Уроки делаешь? Са-а-ша! Не слышит ребёнок.

– Ну чего, мам?

– Уроки сделал?

– Делаю.

Вернулась из экспедиции соседка по лестничной площадке тётя Вера, преподающая орнитологию на биофаке МГУ. Зашла за ключами.

– Представляешь, – рассказывала она маме на кухне, – какую метеорологическую станцию отгрохали на Таймыре! Живут там двое моих друзей, муж с женой. Вокруг – ни души, на сотни километров.

Прошлёпал тапками к ним на кухню.

– Теть Вер, как говоришь, называется профессия твоих друзей?

Мама сделала удивлённое лицо.

– Надо же, кричу, кричу: Саша, Саша. Не слышит. Стоило появиться тете Вере, так уши на макушке.

– Ну а чего? Ребёнок интересуется. Нормально. Профессия называется метеоролог.

– Спасибо, тетя Вер!

– В МГУ на географическом факультете обучают, если что. И факультет в шаговой доступности.

Скользя по паркету, вылетел проснувшийся Васька с игрушкой-погремушкой, ударился об ногу тёти Веры.

– А это что за букашка?

– Да вот, принёс сегодня, – вздохнула мама. – Ветеринару носил, вроде, чистый.

– Как назвали-то?

– Васька, – сказал я.

– Оригинально, – посмеялась тётя Вера.

– Столько раз на улице видела потрясающих котят, – сказала мама. – И пушистых, и черненьких. А тут самый обычный короткошерстный полосатик. Что значит: не родись красивым, а родись счастливым.

Звонок в дверь.

– Я открою.

Смирницкая вернулась.

– Ты чего как ошпаренная?

– Бабушка умерла, – прошептала Ева.

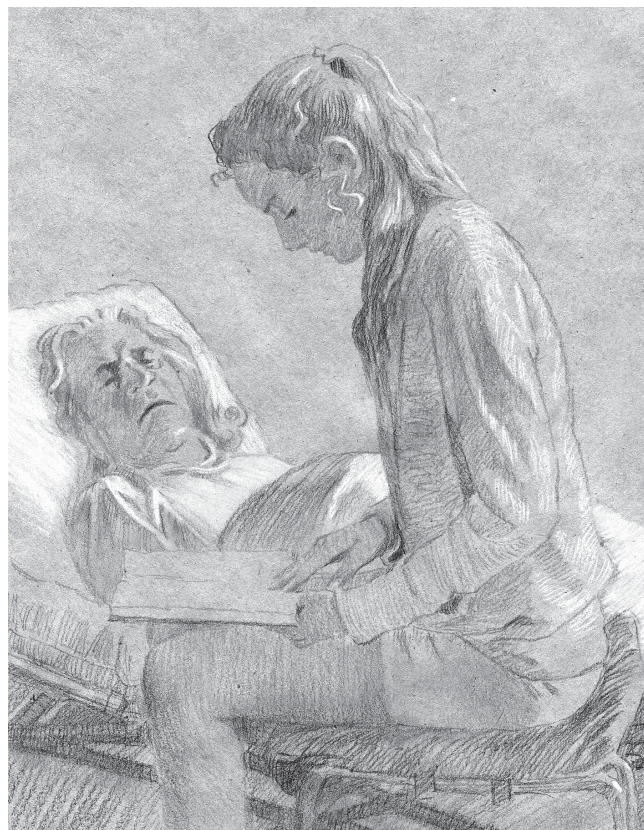
Надежда Николаевна лежала на полу спальни с прибором измерения давления. Приоткрыла глаза.

– Жива я, жива. Только как на карусели.

Тётя Вера вызвала скорую. Подложила Надежде Николаевне подушку под голову.

– Мне ведь всего пятьдесят девять, – еле шевелила языком.

– Лежи, мать, молча.

Среда. 19 часов 30 минут

– Первая городская принимает, – сообщил врач скорой. – Кто родственник?

Тётя Вера вызвалась сопроводить Надежду Николаевну в больницу и потом все рассказать.

– У меня ждите, – сказала Еве и мне.

Трёхкомнатная квартира тёти Веры походила на живой уголок. Флорариум, щеглы, рыбки, шиншиллы.

Ева оросила водным распылителем экзотические растения флорариума.

– Это я Надежду довела. Её как вша под хвост укусит, так понесёт: «Делу время, потехе – час». Теперь меня в детский дом отправят.

В памяти отпечаталось, как Смирницкие сядут в такси, чтобы сесть на тот злополучный Ан-148 «Москва-Орск».

– Если что, не дай Бог конечно, мои родители или та же тётя Вера смогут оформить опеку до твоего совершеннолетия.

– Скорей бы восемнадцать. Ты ведь станешь экономистом, как твой папа и дедушка?

– Ну уж нет. Рассматриваю профессию метеоролога на северной станции. Подальше от городов.

– Это называется агорафобией.

– Чего?

– Когда боятся выйти из дома.

– Разве я боюсь?

– Начинается с глупых мечтаний о Севере.

Вернулась тётя Вера.

– Микроинсульт. Криз сосудов головного мозга. У моего папы их было восемь. Ночь полежит в реанимации. Завтра переведут в палату. Там и навесим. Не переживай. Поживи пока у меня.

– Спасибо, тетя Вер!

– На диване постелю.

Над тем диваном висит древний потёртый коврик «Похищение из серала». Юноша с девушкой на коне перескакивают через ручеёк. Позади восточный город на фоне звёздного неба. Похищенная девушка всегда напоминала мне Еву.

Среда. 21 час 45 минут

Дома заглянул в «Контакт». Под «Каркассоном» по-прежнему три лайка.

Лента пестрит сообщениями: «В ДДП погиб актер». Под одним из постов ссылка на фильм. Герой, пытаясь уснуть, считает овец: «Одна овца, две овцы, три овцы, ...тысяча двести пятьдесят шесть отец».

Лёг спать. Васька, мурлыча, ткнулся носом мне в лицо. Затем в ногах свернулся клубком.

С прошлого мая засыпаю под грёзу, как мы целуемся со Смирницкой. Начинается мечта так. Прибегает и говорит:

– Можешь меня спрятать? Только ни о чём не спрашивай. Да или нет?

– На даче сейчас никого.

– Годится. Едем.

Час на электричке и полчаса пешком.

– Слушай, да тут царство Берендея! – восхищается беглянка.

Большой купеческий дом на реке. Две русские печки. Полки книг, сосланные из Москвы.

– Сейчас можешь сказать, от чего прячешься? – спрашиваю я.

– Нет. Позже. Впрочем, меня выдают замуж. За депутата.

Взрываюсь от смеха.

– По-твоему, это смешно?

– Прости!

– Ладно.

И в благодарность за спасение целует меня в губы.

Но на это раз Смирницкая проголодалась. Угощука запеченной картошечкой. Погреб показал фигу. К соседям схожу. Справа от нас живёт фантаст Сергей Минаенко. А слева стоит коттедж протоиерея Дмитрия Мирнова. Постучался к фантасту.

– А-а! Мой юный друг, проходите, проходите.

Думал, наш дом забит книгами, но у писателя разве что на потолке и под ногами не было книжных полок.

– Мои сочинения, – хвастался Минаенко. – Там версии завтрашнего дня. Здесь – к чему политики приведут через четверть века. Заканчивается стена вариантами на столетия. В кладовке – версии Судного Дня и постапокалипсиса. Чердак забит сочинениями о посмертном бытии.

– Так вы знаете, кто мы и зачем?

– В том-то и дело, что нет. Фантазирую.

Еды у соседа не оказалось.

– К отцу Дмитрию загляни.

Батюшка сидел у открытого окна.

– Фантаст сказал... – начал было я.

– Всё зло от фантастики! – перебил протоиерей.

– Не путай, сын мой, фантазии с божественным откровением. Вера спасает.

Не получив еды и у священнослужителя, поднялся на холм к усадьбному дому. Ветер закружил у ног, словно пес приветствовал хозяина. Прошёл в комна-

ту светлую и убранную. У окна – стол с венским стулом. В стакане чистой воды отражается герань. Открыл створки массивного книжного шкафа, провёл рукою по корешкам фолиантов. Пошёл дождь? Посмотрел в окно. Нет. Шумит закипающий чайник. Пахнет блинами. В дверном проеме появилась девушка с банкой мёда.

– Пошлите чай кушать, сударь. Пришло время узнать, кто Вы и зачем.

Проснулся. Электронные часы показывали полночь. Хотелось продолжения сна. Но до утра снились другие сюжеты.

Четверг. 14 часов 10 минут

После беседы с уполномоченной по делам несовершеннолетних брел по улице Фотиевой, когда за универмагом «Москва» разглядел Смирницкую с Ртищевым. Хоругвеносец взалёб что-то рассказывал. Подойдя, спросил Еву.

– Как бабушка?

– Лучше. Но пару недель придется полежать. Савва, а дальше?

– Так вот. В Домбай она взяла огромный рюкзак и этюдник в придачу.

По Кавказу гуляла в мини-шортах. Черкешенки говорили: своруют, пусть скромнее оденется. Чего ей станет, когда она в спортивном клубе бокс преподаёт. Стоим на отставке. Я с её рюкзакищем, она с моим вещмешком.

Всё происходит молниеносно. Проезжает автобус. Отворяется передняя дверь. Кто-то затаскивает её, дверь захлопывается, автобус исчезает за поворотом.

Надо спасать человека! Хоругвеносец вдохновлён.

Бегу по следу. Упираюсь в шлагбаум: «Тебердинский заповедник». Лесничий черкес объясняет, что автобус до Северного приюта ходит раз в день. Вокруг густой лес, уходящий в горы. Отхожу подальше, забираюсь как можно выше. Собака на цепи лесничего чует и поднимет лай. Черкес долго смотрит в бинокль. Прячусь за камнем. Не век же сидеть. Была не была... Продолжаю путь. Асфальтированная дорога заповедника петляет, поворот через каждые пятьсот метров. Опасность в том, что на слух сразу не отличить шорох шин автомобиля от шума водопада. Водопадов там, что у нас светофоров. Как померещится рокот, прыгаю в кювет и выжидаю. Туда и обратно проехал джип с черкесом. С игрой в казаки-разбойники лишь к вечеру добираюсь до цели. Окруженное кольцом гор зеркальное Форелевое озеро кажется сказочной декорацией. Залюбовался и потерял бдительность. Тут на меня вышел лесник. Как он ругался! Грозил штрафом.

– У меня девушку украли! – взмолился я.

Черкес стих.

– У меня переночуешь, завтра на экскурсионном автобусе поедешь. Иначе никак. Служба.

Рассказ Ртищева оборвал звонок. Его сотовый запел:

Кольчугою звенит

И нежно говорит:

«Не плачь, не плачь,

Маруся-красавица!»

– Да, Захар. Подожди. Ребят, следующий раз до-

расскажу, как спас кавказскую пленницу. Давайте, с Богом!

Поцеловал Еву в щёку. Мне протянул десницу. Я постарался сжать её как можно крепче. Рукопожатие смяло мою кисть, словно веник.

- А он отличный... – начал я.
- Брутальный мужчина, – продолжила Ева.
- Хотел сказать: рассказчик.

Четверг. 16 часов 20 минут

У жителей нашего района есть счастливая возможность ежедневно гулять в садах МГУ, любоваться древней столицей с Воробьёвых гор. На фоне серого неба умытый осенним дождём мегаполис восхищал гармонией и разнообразием цветов. Дышалось легко. Сегодня возле смотровой площадки не оказалось байкеров. Когда они с рёвом несутся по Ленинскому, часть моих нервных клеток безвозвратно погибает. Еву восхищали мотоциклисты.

Зашли в студенческую Троицкую церковь. Ту самую, где на великие православные праздники Ртищев подвизался носить хоругвь.

– Бабушка рассказывала, что этот храм никогда не закрывали.

- Даже ночью? – спросил я.
- Советская власть не закрывала.

В храме тишина, пахнет ладаном. Купили свечки. Две «За упокой» родителям Евы и несколько «О здравии». Смирницкая долго стояла под куполом. Показалось, что с Богом разговаривает.

Подошёл и дотронулся до её плеча:

- Пошли?
- Как мне здесь хорошо, Саша!

Выйдя из храма, остановились у светофора, ког-

да на чёрном харлее-дэвидсоне подкатила девушка в шлеме, словно блестящая инопланетная оса.

– Девочка, держись подальше от Ртищева, – сказала та, не снимая шлема. Мотоцикл с рёвом унес её в сторону Мосфильма.

- Брови Евы взметнулись.
- Не делай так. На демона похожа.
- Буду!
- Тебе не идет.

Четверг. 17 часов 00 минут

По телевизору обсуждали шансы ядерной войны, неоднократно повторяя: «первый ангел вострубил», «Судный день», «Армагеддон».

Если бы мы с Евой жили на Таймыре! Как знать, может нам предстояло возродить человечество после конца света? Ева Адамова – звучит пророчески.

Котёнок ободрал когтями моё кресло.

– Вась, если ты подобное сделаешь с папиным, тебе не поздоровится.

Взял на руки. Тот громко замурлыкал.

Что я знаю о нашем мире без научной фантастики и религий? Во-первых, не помню, что было со мной до рождения. С этим согласятся все. Во-вторых, боюсь смерти, поскольку не знаю, что потом. В-третьих, живу на стыке настоящего и будущего. Не могу остановиться в настоящем, вернуться в прошлое, забежать в будущее. И главное, не знаю, есть ли Бог, потому что Он не говорит со мной, как с Евой.

Взглянул на икону, подаренную при крещении.

– Бог, если Ты есть, дай, пожалуйста, знак! – произнёс я.

Затаил дыхание. Привычно шумит Ленинский. Дважды пробурчал холодильник. Проснулся сотовый с аватаркой Глеба Трусова.

– Ало.

– Прислушали с Борькой аудиокнигу «Евгений Онегин». Что хочу сказать? Ты ведь занимался в кружке юных сочинителей при Дворце детского творчества на Воробьёвых? Мне кажется, напрасно бросил.

Четверг. 17 часов 40 минут

Литературный кружок имени А.Г. Алексина по-прежнему вела детский писатель Опушкина Софья Родионовна, старушка более древняя, чем Евина бабушка. Из старых знакомых остался только Митя Рыков. Новенькие – очкарик лет двенадцати и семиклассница с большими печальными глазами. Сова, Винни-Пух, кролик и ослик Иа. Пятачка не доставало. Вот он – Саша Адамов. Принимайте!

– О, Адамов Александр Сергеевич! Никак из творческого отпуска к нам пожаловали? – сказала Софья Родионовна, подперев ладонью щёку. – Так, ребята, полчаса у нас еще есть? Ага. Ну, голубчик, – обратилась она ко мне, – прочтите что-нибудь новое и не очень длинное.

Одна из самых моих удачных историй называлась «Сестрёнка за тридцать тысяч».

«Когда мне было шесть лет, на мой день рождения пришли дедушка с бабушкой.

– За аркой у дверей ЗАГСа продают сестрёнок, – сказала бабуля, пройдя к маме на кухню, добави-

ла: – Хорошенькие! С толстыми косами – по пять-десять тысяч. Но разобрали. Остались с тоненькими, за тридцать.

– И вы не купили? – спросил я, распаковывая подаренную игру «Монополия».

Открыл коробку, а там куча денег! Сложил в карман – и за дверь. ЗАГС у нас под окном. Но я опоздал. Во дворе гуляла девочка с мамой. И ни души. Вообразив погоню, на одном дыхании минувя лифт, взлетел к двери, щёлкнул замком: я в домике!

– Ты где? – дед, бабушка, и родители сидели за столом.

– Хотел сестрёнку купить с тоненькой косичкой.

– Так. Кто тебе разрешил одному из дома выходить? – строго спросил отец.

– Тише, тише. У ребёнка день рождения, – вступилась мама.

– И на что ты собрался купить? – продолжал отец.

– Вот, – я вынул из кармана деньги.

Все развеселились. Деньги оказались игрушечными.

– Побереги валюту, – подмигнул дед. – Мама сама купит.

После застолья играли в «Монополию». Папа банковал и всем объяснял правила. Перед сном я попросил бабушку рассказать сказку.

– Ладно, солнышко! Но только одну. А то нам с дедом еще до дома идти.

Рассказала, как летом ездили в деревню, где она родилась при царе Горохе. Как столкнулись с медвежонком, собирая чернику. И так закричали, что перепуганный мишка пустился наутек.

– Ну все, спокойной ночи! – Бабушка пошла к выключателю.

– А сказку? – спросил я.

– Только что рассказала.

– Нет, баб, это был рассказ. Теперь сказку рассказывай.

– Ой, Шурик, ну да чего же ты хитрюшкин.

Конец истории».

– Реалистично и с юмором, в своем амплуа, – сказала Софья Родионовна. – Теперь запишите задание на неделю. Предлагаю два сюжета на выбор. Приключения на земле, на небе и под землей. Либо история, в которой герой меняется кардинально. Жадный становится щедрым, трусливый – храбрым. Царевна Несмеяна – хохотушкой. Или наоборот.

– Ой! – оживился Дима Рыков. – У меня есть история про неудачника, которому приплыло счастье.

Софья Родионовна посмотрела на часы, но того было не остановить.

– Однажды рыцарь поехал на день рождения к своему другу. Небо разорвала молния, с неба рухнул дождь. Тут ещё разбойники преградили путь. Как назло меч заклинило в ножнах. Остался без лошади и в одних кальсонах. Из леса вышел к селению, на окраине которого дочь лекаря упражнялась в стрельбе из лука. Юная леди промазала мимо мишени и попала в плечо рыцаря. Лежит на кушетке в доме лекаря, любитесь девушкой, обрабатывающей бальзамом руку. Самого же лекаря срочно вызвали в замок. Гости отравились. Никто не добегал до туалета. Все, – он понизил голос до шёпота, – обоср...сь.

И сам первый заразительно затрясся от смеха.

– Конформист в конце моей истории станет гражданином, – сказал я.

Митяй дружески хлопнул меня по плечу.

– Из конформистов, Шура, получаются хорошие сексоты.

– Так, друзья, – сказала Софья Родионовна, – в следующий четверг жду ваши рассказы. И, пожалуйста, избавляйтесь от лишних наречий. Они, как лежачие дорожные полицейские. Вымарывайте без пощады. Чтобы речь летела, как «Шевроле» по трассе Е-95. И поменьше метафор.

– Позвольте, Софья Родионовна, – возразил Рыков, – в них же вся прелесть.

– Хорошо, Дима, те, что на пятёрку, разрешаю. Ладно, на четвёрку тоже. Но не ниже!

– Как узнать, какая ниже, а какая выше?

– Если возникает подобный вопрос, точно – ниже четырёх.

Четверг. 19 часов 00 минут

До ворот с территории Дворца детского творчества шли всем братством юных сочинителей.

– Знакомьтесь, – сказал Дмитрий. – Сергей у нас фантаст. А Настька – сказочница, мастерица нагнать ужас. На мой взгляд, писать страшилки сложнее, чем сочинять анекдоты. Молодец, Насть!

Хотел возразить, поскольку любил весёлые истории, но за воротами пути разошлись.

– Вам с Настькой по пути. Мне дальше всех. До Дома аспиранта и стажёра. Алекс везунчик, у цирка обустроился.

Настя – миниатюрная девочка, на голову ниже меня. На полголовы точно.

– Ты на Ленинском где живёшь? – спросил я.

– Напротив памятника Гагарину, – ответила она. – С земли памятник оригинален. Но когда космонавт заглядывает в окно спальни – это жёсть! Первая моя история о том, как железный Гагарин по ночам кошмарит детей. Сдала как сочинение на свободную тему. Непатриотично вышло. «Ртищева, бери пример с брата!» – кричала литераторша.

– Савва Ртищев случайно не твой брат?

– Рейтинг популярности Савки зашкаливает в нашем районе.

Пока шли, многое узнал о хоругвеносце. Оказывается, он окончил два курса Литературного института имени Горького. Взял академический отпуск, вступив в партию писателя Захара Прилепина «За правду». Исторический роман Ртищева о царевне Софье остался недописанным.

Настя сочиняла страшные истории, но не была готом. Ни мертвецких синяков под глазами, ни крашенных чёрных волос. Напротив, походила на девочку с пасхальной открытки. Если Ева слегка сутулилась, стесняясь роста, то Настя наоборот, шла так, словно кто-то держал её за макушку.

– Попался список профессий для интровертов, – сказал я уже возле её подъезда. – Писатель в первой тройке.

– Это и понятно. Чем дальше от людей, тем сильнее любовь к человечеству.

– У меня соседка орнитолог, проводит отпуск на Таймыре. Птицы южных стран летят на север, чтобы птенцов вывести.

– Вот бы там жить!

– Тоже так думаю.

Её грустные глаза с еле уловимой улыбкой губ напомнили девушку из сновидения.

Четверг. 19 часов 50 минут

На скамейке детской площадки Смирницкая что-то рассказывала уполномоченной по делам несовершеннолетних Алимовой.

– Случайно подслушала перепалку географа с историком, находясь в лаборантской.

– Подслушала и подслушала, – заметив меня, Римма Игнатьевна сказала: – Так, Саша, проходи мимо. У нас девчачий разговор.

Четверг. 19 часов 50 минут

Напишу-ка рассказ о приключениях на земле, на небе и под землей.

«Москва. Октябрь 1917-го.

Подковки сапог поручика цокали о мостовую Ордынки. И вдруг застыли. На брусчатке лежал младенец, завернутый в лоскутное одеяло. Не успел поднять, как из-под забора вылезла барышня в сером пальто.

– Дайте, это мой.

– Зачем бросила?

Подъехал казак.

– Ваш благородь, это ваша баба с дитём? А то давеча в обители оказия вышла, монахиня утикла. Гутарят, Антихрист должен прийти вот так. Велели вертать.

– Мои, – соврал поручик.

Казак пустил лошадь в галоп.

Подъезд его дома набился ротой юнкеров. Все с винтовками, патронов нет. Поручик приказал снять погоны и разойтись. С беглой монахиней поднялся к себе, перешагивая через брошенные трехлинейки.

Затопил голландку остатками паркета. Обычный чай закончился, остался морковный. Отужинали хлебом при свете огня. Ночью грохотали пушки, трещали пулеметы, щелкали револьверы. Чуть забрезжил рассвет, поручик за оком увидел воздушный шар, привязанный к колокольне Покровской церкви. Чудо! Залезли в корзину. Летят, куда ветер дует. Женщина доела хлеб. Внизу показался Санкт-Петербург. Поручик пришвартовался к шпилью Петропавловского собора. На плацу матросы расстреливали офицеров. Полетели дальше. Финский залив. Штормит. Трубы затонувшего крейсера видны между волнами. Море леденеет. Падают. Накрывает корзиной. Темно. Затеplилась лучина. Женские руки предлагают горячий отвар. Пещера лопарей. Чем не убежище для младенца? Вырастет, станет исполнять желания детей, в костюме Санта-Клауса».

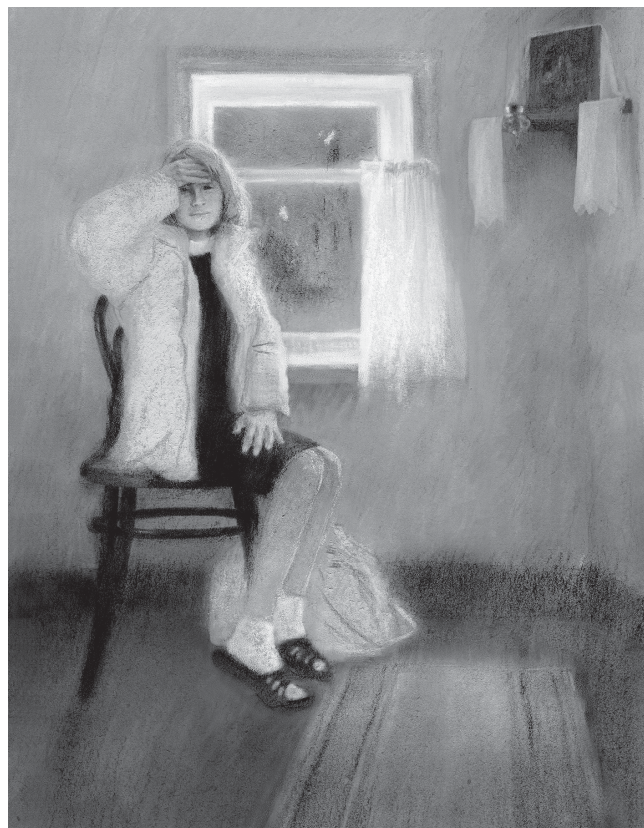
Четверг. 21 час 53 минуты

Оживился сотовый. Отключил звук, чтобы не мешал, но про вибрацию забыл. Смирницкая.

– Оказывается, ты единственный из класса, кто меня не сдал.

От неловкости сменил тему.

– Сегодня записался в литературный кружок. Рассказ написал. Хочешь прочту? Он короткий.

Четверг. 22 час 22 минуты

– Шурик, не обижайся, ерунда какая-то. С чего вдруг 1917 год?

– По истории проходим.

– И опять Север. Аж в пещеру засунул бедного поручика. Завязывал бы ерундой страдать. Алгебра – твой конёк и спасательный круг. Подожди, кто-то звонит. Всё. Пока!

«За пока мнут бока, – говорят деревенские у нас на даче. – А ведь Бог меня слышит!» – подумал я.

Встал перед иконой. Перекрестился.

– Благодарю Тебя, Бог!

Молитва сменилась вопросом: «Кто звонил Еве?»

– Ты куда на ночь глядя? – спорила мама.

– Мусор выброшу.

Выйдя из подъезда, глянул на окна тёти Веры. В комнате, где поселилась Ева, горел свет. Немного отлегло. Контейнер смешанного мусора поглотил мешок. Заглянул в арку.

Обойдя шлабгаум, навстречу шагал Ртищев.

– Договаривались вчера к обеду, а не сегодня на ночь глядя, – сказал я.

– Сань, согласишься, Ева не для тебя.

– Нам по пятнадцать. Ты совершеннолетний. Срок не боишься получить за соvrащение?

– Если кто клязу напишет. Мне сказали, ты не стукач.

– Оставь её.

– А если это взаимная любовь?

Аргумент весомый.

– Расскажу тебе, как у нас все вышло, мальчик.

Грудная клетка Саввы издала глухой звук. Или мой кулак так хрустнул.

– Ах, ты, шкет!

Хук правой сбил меня с ног. Савва хотел ударить

ногой лежащего, но появилась Ева и расцарапала Ртищеву лицо.

– Пошла прочь, дылда! – хоругвеносец оттолкнул её.

Обнаружив кровь на лице от девичьих ногтей, Савелий излил поток лексики более подобающей для солдата удачи, чем для хоругвеносца.

Вдали послышался вой сирены. Полиция? Ртищев исчез. По Ленинскому пронеслась скорая, напомнив о ковиде. Ева глотала слезы.

– Парень, ты чего возле помойки стоишь, поте-
рял чего?

Фантазия расселась. Соседка с пуделем вышла на прогулку.

Посмотрел на окна. Одно, то самое, по-
прежнему горит. Зайду. Будь что будет. Звонок па-
родировал трель соловья. Пришлось ждать. Видимо,
одевались. Открыла Ева в свитере и джинсах. Под-
нялись на один лестничный проём. Площадка меж-
ду шестым и седьмым этажом была обставлена до-
машними цветами тёти Веры.

– Савва уходит на фронт помощником военко-
ра, – сказала Смирницкая. – Пообещала ждать, в от-
вет получила: «Не жди».

– Ева, ты же с ним знакома два дня. Савва взрос-
лый. У него наверняка есть девушка.

– Хоть тысяча.

Моё терпение лопнуло.

– Знаешь, я тоже определился. Как метеоролог
поеду на Север. В свободное время стану сочинять
повести. А ещё встретил единомышленницу, – про-
говорился и сразу пожалел о сказанном. Смирниц-
кая выжала из меня всю информацию о Насте.

– Ты, Шурик, светлый человек. Почитай для на-
чала её страшилки. Может, она чокнутая.

– Король ужасов, Стивен Кинг, говорят, отлич-
ный семьянин.

– Бабушка в больнице. Савва отказал даже в
дружбе. И ты мне нервы треплешь. Кстати, ты забыл
упомануть реконструкторам, что ЗАГС Гагаринско-
го района. Нас ждали у Донского монастыря.

Четверг. 23 час 05 минут

Дома набрал номер Насти.

– Не спишь?

– Смотрю сон, в котором звонишь ты.

– Думаю, как выглядит памятник Гагарину из
окна. Можешь рассказать свой первый ужастик?

– На ночь глядя? Смотри, сам напросился.

Пятница. 15 часов 20 минут

Смирницкая позвонила, когда на диване дочи-
тывал «Евгения Онегина».

– Можешь купить продукты? Я съехала от тёти
Веры к себе. Бабушка с пенсии вернёт деньги.

– Не нужно. У меня на карточке много денег.
Чего купить-то?

– Хлеб, молоко.

– И всё? Кстати, ты чего школу прогуливаешь? В
курсе, что Глеба с Борькой выгнали?

– Да, мне звонил Глеб. Географ ещё пропал. Ему
повестка пришла.

– Говорят, уклоняется от мобилизации. На даче,
скорее всего, отсиживается. А историк доброволь-

цем хотел пойти, так медкомиссия забраковала.

– У Андрея Семёновича румянец нездоровый,
как у сердечника.

Пятница. 15 часов 50 минут

Дверь открыла Ева в тёмных очках. Я отнёс па-
кеты на кухню.

– Куда ты столько чипсов набрал? Сам же гово-
ришь, что вредно.

Смирницкая сняла очки. Я аж присвистнул. Ле-
вый глаз заплаыл гематомой красного оттенка.

– Провожала Савву на войну, а там эта стерва,
«пленница кавказская».

Она откусила булку, запила молоком.

– Через год пройдёт.

– В интернете прочитала, синяк сходит за две
недели.

– Я про любовь, а не про фингал.

– Что ты знаешь о любви, мечтатель?

– Всё.

– А. Ты про свою любовь, у которой нет шансов.

– Ни одного?

– Один, пожалуй, есть. Самый конформистский.
Пойти проторенной колеей, чтобы твоя жена мог-
ла вести беззаботную жизнь. Под это дело могу вы-
дать аванс.

Лицо Евы оказалось так близко, что ощутил за-
пах молока и хлеба, который не успела прожевать.
Серые как сталь глаза бросали демонический вызов.
Она разрешала целовать себя? Лоб обдало жаром.

Над домом пролетел вертолёт, в звуках кото-
рого слышалось: «Не торопись. Не торопись. Не
торопись».

Взял себя в руки и выдохнул.

– Просто мне для написания рассказов нужна
лёгкая увлечённость, – философствовал я, – кото-
рая проходит через полгода. В мае выбрал тебя му-
зой. Не окончился сентябрь, как на горизонте воз-
никла другая. Твоя страсть к Ртищеву – это болезнь.
Не могу бросить старого друга в часы таких испытан-
ний. Буду ухаживать за тобой, пока не оклемаешься.

– Хорошо. Будь моим психологом.

Ева поцеловала меня. Душа взлетела к потолку
и забила о стены. Оттянул ворот майки, ставший
узким.

– Ты как, доктор? – ей стало весело.

Когда дверной замок сделал два щелчка за моей
спиной, возникло нестерпимое желание вернуться
и поцеловать её вновь.

– Ева, да ты ведьма, – сказал я.

– Размечтался, – ответила она из-за двери. – Я
не Маргарита, чтобы нянчиться с писателем.

Пятница. 16 часов 30 минут

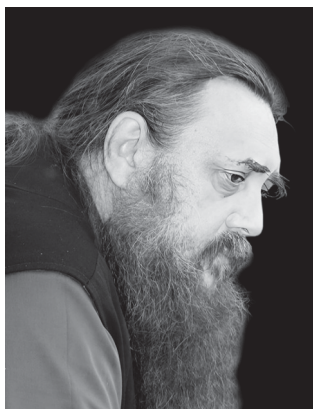
Название рассказа «Конформист» пришло само.

Под окном захлопали в ладоши, послышалось:
«ура!», стреляли хлопушки. Привычные звуки для
жильцов дома, окна которых располагаются над
ЗАГСом.

Клавиатура под моими пальцами стучала до
полуночи. Изложив события последних трёх дней,
поставил дату:

Москва. Сентябрь 2022 года.

Рисунки Вячеслава ЛЮЛЬКО

Иеромонах Пантелеимон (Шибанов) (15.08.1968 – 01.12.2021)

Год назад окончился земной путь иеромонаха, писателя, автора журнала «Симбирскъ» отца Пантелеимона (Шибанова). Еще сильна боль утраты. Мы знаем, как много людей молитвенно вспоминают доброго пастыря, благодарят Бога за встречу с ним.

Литературное творчество для отца Пантелеимона было продолжением его миссии, стремлением пробудить в читателе сострадание, милосердие, укрепить веру.

Издательством «Алдоор» (директор – Н.В. Цуканова) подготовлен к изданию сборник прозы иеромонаха Пантелеимона «Письмо Боженьке».

Предлагаем вниманию читателей не опубликованный ранее рассказ из будущей книги.

ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

Рассказ

Впервые в жизни родное с детства сочетание букв «боец Корзинкин» он не воспринял как свою собственную фамилию. Прозвучавшее вторично, отлитое из свинца суровым голосом командира, оно наконец ударило в голову и больно разлетелось по сердцу мелкими осколками. Корзинкин вздрогнул и, вздёрнув веснушчатый нос, ошалело уставился на говорящего. Из всей последующей фразы он разобрал лишь это:

– ...приговор в исполнение... контру...

Контра тут же неподалёку зябко кутала плечи в серый пуховый платок, накинутый на мятую, местами запачканную рясу. Невысокая, грузная, пожилая монахиня с благородным и очень бледным лицом сосредоточенно смотрела себе под ноги.

Зрело утро. Улыбчиво-ласковое весеннее солнце, ещё скудное и лишённое державного тепла, заливало светом прохладный и серый тюремный

двор. Всё было сонным: от лиц часовых до угрюмых стен, с молчаливыми глазницами зарешёченных окон и битой сапогами земли. Казалось, весь мир в этой ленивой утренней истоме держит паузу, не то-ропясь. А может быть, опасаясь начинать день?

Посреди двора стоял на изготовке болотного цвета грузовик с будкой, выкрашенной грязно-молочной краской. На будке большими, некогда тёмно-красными, теперь же изрядно полинялыми, цвета запекшейся крови буквами значилось: «Хлеб». Водитель курил в кабине – сизый дымок клубился оттуда. Чуть поодаль за грузовиком Корзинкин разглядел ещё двоих, ссутулившись сидевших на каменном выбеленном бордюрике. Лица их были отсутствующими – глаза смотрели и не видели, будто и не было их вовсе, и из-за того казалось, будто и лиц у них нет, и не люди это совершенно, не солдаты похоронной команды, а две мрачные тени с лопатами в цепких узловатых пальцах.

Командир стоял, заложив руки за спину. Покачивался на пятках. Фуражка оттого всё норовила сползти на лоб, но энергичным жестом неизменно водворялась на своё законное место: на макушку и чуть набекрень. Прищурившись, поглядывал то на Корзинкина, то на игуменью, то обводил глазами двор, то задумчиво разглядывал носки своих сапог, надраенных до блеска. Медлил... Был командир круглолиц, кучеряв, волос чёрный. С сединой в висках и по усам, хотя Корзинкину всегда казалось, что молод он для седины. Глаза – пронзительные, взгляд – навывлет. Корзинкин боялся его до тошноты, до колик в животе. Был этот кряжистый, по-медвежьи чуть неуклюжий в движениях человек непредсказуемым и от настроения вполне благодушного в считанные секунды свирепел и становился зверем, жестоким и скорым на расправу. А потом глядись – опять спокоен, как ни в чём ни бывало.

Третьего дня, остановив Корзинкина в коридоре, пришил к стене, как жука булавкой, вопросом: «У тебя, я слышал, вроде бабка церковной старостой была?» Похолодело всё у Корзинкина внутри, словно инеем подёрнулось. Замер, вытянулся во всю свою худобу и – ни слова не вымолвил. «Умер что ли, боец? – усмехнулся командир. – Ладно... Проверим, кто ты есть по нутру! Поглядим!» Повернулся резко на каблуках и зашагал прочь своей тяжёлой походкой, широко расставляя ноги. А Корзинкин ещё долго не мог согреться и всё думал потом ночи и дни напролёт – как его проверять-то будут? Советская власть шутки шутить не будет, дураку понятно, чем командирские слова могут обернуться.

Стало быть, эта самая «проверка» и стояла теперь перед ним, облечённая в чёрную монашескую одежду. И ему, бойцу Корзинкину, предстояло доказать искренность революционного своего нутра.

– Время! В машину! – голос командира моментально всё привёл в движение, и хорошо отлаженный механизм заработал. Двое с лопатами скользнули в будку, Корзинкин караулом вытянулся у грязной подножки кузова. Командир подошёл к монахине почти в плотную, чуть склонил голову и, глядя куда-то в сторону, указал рукой в направлении Корзинкина:

– Прошу пожаловать, мать игуменья!

Игуменья долго и несуразно карабкалась в гру-

зовик, распухшей ногой едва попадая на подножку, то и дело одёргивая рясу. С трудом подтягивалась вверх, ухватившись рукой за железную скобу. Все терпеливо ждали, никто ей не помогал. Неожиданно платок скользнул с плеч, монахиня охнула, схватила его рукой, чуть не сорвавшись с подножки вниз.

– Добротный! – заметил командир. – Видать не бедствовали молитвенницы да нестяжательницы...

Потом долго тряслись под заунывные взвои мотора. В сумраке будки пахло казармой и бензином. За мутноватым стеклом небольшого окошка мелькали улицы, дома, редкие прохожие. Город просыпался. Командир закурил, и клубы дыма плавали в тонких лучах света причудливыми движущимися узорами. Корзинкину показались они вдруг очень знакомыми, всё силился вспомнить: отчего же такие знакомые? Не смог... Перевёл взгляд на игуменью. Та сидела, сложив на коленях руки, и глядела в пол. Глаз было не рассмотреть, но показалось Корзинкину, что веет от них покоем и даже какой-то странной радостью. «Неужто не боится? – подумалось вдруг ему. – Не на свадьбу ведь везём». Потом спохватился, что свадьба для неё, пожалуй, ничего не значит, искал в голове, что могло бы порадовать игуменью, и поправился в мыслях: «Ну, не на крестный ход...» Украдкой глянул на командира. Тот, не отрываясь, задумчиво смотрел на монахиню.

Никто из них не смог бы понять происхождение этой удивительной тишины, исходящей теперь от неё. Ещё вчера днём мысли били и били, как крупный град в окно. Всё думала: «Как там сёстры, где они теперь? Кто теперь заступится за них, кто пожалеет? Ох, зря порой сурова бывала к ним!» Вспомнила просфорницу, смешливую молодую монахиню Алевтину, которую бранила за привычку её не к месту и не ко времени хихикать и заставляла то и дело отбивать поклоны в храме да в трапезной. Хорошая сестра, добросовестная. Может, зря всё ругала её, придиралась? Вспомнила инокиню Евлампию, шутливо прозванную сёстрами «мать Анафема» за неизменную привычку обособливаться. Сколько с ней билась, говорила да рассуждала, да разве это было нужно?! Хрупкая сестра, из интеллигентов, с душой, изломанной с детства. Не разговоры тут нужны были, а любовь самоотверженная! Только такой любовью язвы в душе измученной исцеляются. Да где же взять-то её, коли нет в самом человеке такой любви? Вот и пыталась всё разговорами да уговорами... Как умела... Где теперь добрая её помощница казначея Агния?.. Где духовник их, отец Симеон? Где все?..

А к ночи почувствовала, будто камера сжала её в каменном кулаке, навалилась обшарпанным голым бесстыдством и тоской. И будто полная гортань кирпича битого, и дышать нечем. Взяли душу в тиски чёрные крючковатые пальцы, и не вырваться теперь. Хотелось закричать и биться-биться о стены. Как муха о невидимую преграду – иступлённо и безнадежно, в кровь, чтобы хоть этой телесной болью немного облегчить душевную. Вот, оказывается, зачем себя кулаком в грудь-то... Господи милостивый! Сколько раз вставала ночью на прави-

ло и всё думала, вот де, гефсиманская моя молитва. А Гефсимания, она, оказывается, вот какая!

Вдруг встала перед ней – живо и неукротимо! – давняя история. Уже забытая, а может, нарочно отодвинутая на задворки памяти, хотя незримо ноющая в душе тонким тревожным чувством. Господи милостивый! Сколько лет прошло! Была тогда совсем молодой монахиней... Князь N-ский, друг семьи их – поэт, философ, красавец, пылко в неё влюблённый... И вечер этот августовский пьяный ароматами... Зачем давала обнимать себя?! Зачем губ коснуться позволила?! Словно парализовало её тогда... Да в одежде монашеской, в хитоне Божьей Матери! И на исповеди потом уклончиво, слова искусно подбирая, шёпотом... Так, может, вовсе не за Христа она пойдёт на страдания, а за грехи свои попала в такую страшную оказию? Господи, может, дашь Ты мне лучше ссылку, тюрьму? Хоть время будет покаяться! Может, священник какой попадётся – всё чистосердечно исповедую! Может... может... может... И всё сил не хватало добавить: «Но не как я хочу, а как Ты...». Ох, как трудно это, оказывается, сердцем сказать!

Потом мысли иссякли и доводы умолкли, и в этом адском томлении надежда показалась тонкой, почти призрачной нитью, на которой отчаянно, едва-едва балансировала она над бездной. И молчащее небо словно спряталось за чугунной плитой, так что не пробить, не прокричать. В этот миг за была она, чему училась все эти годы, и что игуменья она – тоже забыла. Бессильно рухнула на колени, застонала жалко, по-бабы: «Не хочу! Господи! Не хочу! Не могу-у-у!» Но только звёзды в решётчатом окне были ей ответом.

И когда всё вокруг и внутри налилось свинцом и кровью, когда была уверена уже, что сердце вот-вот порвётся, вдруг откуда-то из глубины души, тихо-тихо – воистину «глас хлада тонка» – появилось доселе неведомое ей чувство. Медленно, но неукротимо заполняло оно собой всё существо её. Вот уж воистину «око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша!» Каким-то новым смыслом повеяло на сердце: Господи, неужели вот он, предел человеческий?!.. И страдания хоть не покинули её, но стали словно бессильными, отступили, как испуганные звери. Будто чувство это приподнявшись в лучах невидимого света. И потеряло остроту и значение...

Когда утром в двери визгливо лязгнул замок, она впервые за последнюю неделю не вздрогнула. Впервые без дрожи шла уютным серым коридором. И во дворе ей показалось, что солнце новое и земля новая. Где-то далеко, в самой глубине сердца, огненной лавой кипела боль. Но и сердце уже было другое, новое...

Наконец грузовик остановился. Умолк нудный звук мотора, и в распахнутую дверь будки ворвалась пьянящая свежесть весеннего леса. Командир первым лихо прыгнул на землю: «Выходим!». Вторым, с винтовкой наперевес, осторожно ступая на подножку, выбрался Корзинкин. Игуменья спускалась так же неуклюже, путаясь в полах рясы и не попадая

ногой на подножку. Никто ей снова не помогал. Наконец на земле очутилась и она.

Впереди, в прогале между деревьями шла вниз ко дну оврага хорошо протоптанная тропинка, кое-где подкопанная лопатой. Двое без лиц, взяв инструмент, как тени, скользнули вниз по склону. Вслед за ними по тропинке осторожно спустились боец с винтовкой, за ним игуменья, последним, чуть приотстав, командир. Корзинкин шёл, затаив дыхание, нёс винтовку торжественно, как хоругвь. Пахло сыростью. В россыпях ледяных крупниц высились бугорки пожухлой желтоватой травы. Медленно расправлял рабски согнутую спину покорённый сугробами хвощ. Кое-где широкими плешинами виднелись чёрно-бурые следы недавно копаной земли. Вороша в них шершавыми клювами, суетились вороны. Несло сладковатой прелью. Уже чувствовалось, как напоенная свежей влагой, зыблется земля, будто женщина, готовая рожать. Жизнь просыпалась, рвалась к свету...

Остановились в самом низу просторной ложбины. По всему дну оврага напITYвалось влагой узкое грязное болотце, готовясь со дня на день стать звонким чистым ручьём. Командир неторопливо закурил. В провале паузы, минуты две или три, был слышен лишь нежный шелест листьев над головой. Так же неторопливо командир начал зачитывать приговор: «Именем... социалистической революции игуменья Серафима, в миру графиня Ольга Александровна Терлецкая, за контрреволюционную деятельность... за агитацию... и злостное... приговаривается...». Командир говорил тоном, в котором звучала нотка деланного презрения, – картинно, актерски вычурно, словно отталкиваясь от какого-то невидимого сопротивления в воздухе. Или боялся, что игуменья сейчас что-то спросит или вдруг начнёт, ещё чего доброго, возражать, а он не будет знать, что ответить. Но игуменья не возражала. Командир приподнял пару раз на носках, кашлянул в кулак и обратился к ней уже более миролюбиво:

– Не желаете ли что сказать напоследок?

Игуменья молча покачала головой. Командир пожал плечами:

– Что ж, как пожелаете... Дело ваше... Дело ваше...

Потом, глядя куда-то вдаль сквозь Корзинкина, добавил:

– Первый расстрел, боец, дело деликатное, почти интимное, – грустно усмехнулся, взгляд его рухнул на землю, как расстрелянный враг. – Свой первый помню... инти-и-имное...

Игуменья подняла глаза на командира, будто что-то хотела рассмотреть в этом человеке.

– Что, графиня? – тот нагнулся ближе к её лицу и заговорил низким хриловатым тоном. – Удивлены, что в нашем плебейском кармане (командир с силой хлопнул ладонью по боковине галифе) такие слова имеются? Извольте убедиться. Не так образованны, как вы, конечно, но тоже кое-чему поучиться успели. И стихи, знаете, тоже писали. Правда, не барышням в альбомы. И рецензии получали не пером, а батогами. Так что, ваше сиятельство...

Командир осёкся, посмотрел куда-то в пустоту сквозь тревожные бойницы глаз, будто пытался

отыскать там ему одному ведомую незримую поддержку. И вдруг... Вверху, за краем оврага, на полянке среди берёз увидел – возможно ли это?! – в задорной кадрили кружила счастливая деревенская молодежь. Парни и девчата, радостно улыбаясь друг другу, весело били каблуками в такт переливистым коленцам. И посреди – чернявый красавец с непослушными вихрами в весёлом залихватском азарте нещадно рвал наискось визгливую гармонию. Он улыбался широко и беззаботно, вдыхая полной грудью густую и свежую радость шальной своей молодости. А неподалёку, у запряжённой барской коляски с угрюмым кучером на козлах сквозь сень прозрачных берёз, восторженно улыбаясь, смотрела на него, не отрываясь, худенькая бледная девушка.

Потом картинка почернела, скорчилась, как свиток, брошенный на угли. Воздух сгустился и померк, берёзы исчезли, лес сделался злым и неуютным. Как в сказке, что сказывал дед когда-то, наполнился призраками «незнакомых тварей мерзостных». Заохало, зашумело в ушах, вихрем сдвинулось – вперёд, вперёд! Запах мокрых веток в лицо, тёплая доверчивая ладошка – такая маленькая в крепко сжатой его ручище, нервное дыхание в такт воспалённому сердцу. «Вперед! Нужно спешить!.. Ох, страшно мне... Нужно...» И вдруг!.. Как тать, в спину – боль! Властно вцепилась в хребет, ударила в голову, алым заревом растеклась в мозгу. И только там... там... в разверзающейся утробе тишины: тихий глухой набат далёких колоколов да пронзительный взгляд звёздного неба в самом верху тёмного медленно сжимающего коридора. Морочные отзвуки голосов: «Вам не надобно тут-сь, барыня, вам не надобно... папенька велел... не надобно тут-сь...» А потом – шум, вой, словно захлёстывали и ломали в щепки стонущий лес бушующие морские волны... После: прохладная нежность влажной травы... «Тащи ентого за ноги!.. Сам знаешь... чаво делать... чай, не глупой...» И снова там, в спасительной, но недостижимой вышине: милое и дорогое сердцу небо, всё сплошь в искрящихся слезинках звёзд, под странную и незнакомую, едва уловимую сознанием мелодию кружило в такт с нервными всполохами синих верхушек рисунчатых крон...

Командир зажмурился, потряс головой – видение исчезло. Притворно поморгал, будто влага в глазах случилась от утреннего прохладного ветерка или от дыма папиросы...

– Да ладно, мать игуменья, чего теперь... Гряди вон к своему Христу! Небось там заждались тебя уже...

Игуменья снова промолчала, опустила глаза. Потянулась пауза. «Кто бы мог подумать... у тишины, оказывается, есть своё звучание...» – пришло неожиданно ей на ум.

Тогда командир уже знакомым свинцовым и веским тоном выпалил Корзинкину:

– Действуй, боец! Я тебе команды должен отдавать. Так вот отдаю: заряжай! Цельсь! Пли!.. Внучок церковной старосты... Давай! А я на тебя сверху посмотрю.

И вразвалку зашагал вверх по тропинке к просвету меж деревьев.

– Ну, давай! Пошла! – Корзинкин попытался

сделать голос как мог более грозным, но вдруг пунцово покраснел, и веснушки изжелта выступили на лице, как семечки в помидоре. Игуменья послушно двинулась к яме, тяжело переступая предательски ватными ногами. На миг дыхание перехватило, она, покачнувшись, остановилась.

– Ну, пошла! Вперёд, сказал же... – на этот раз, как Корзинкин ни старался, голос прозвучал не грозно, а скорее отчаянно...

Вспомнил вдруг Корзинкин, как незримо подёрнулся горем их дом. Как мама сложила руки на груди лежала в гробу – вроде она, а вроде как и не она вовсе... Запах воска, ладана и хлеба... Как плакали старушки и всё причитали нараспев. Потом громко и красиво пел отец Афанасий, и ароматный белый дым вылетал клубами из звенящего кадила. А старушки подпевали ему тонкими дребезжащими голосами. Все горящие свечи в руках держали. И он держал... А когда гроб заколачивали и в могилу опускали, что-то сломалось у Вани внутри – не выдержал, убежал... Как после того все вещи в доме, которые в маминых руках обретали радостную жизнь, стояли сиротливо, будто потеряли своё назначение. Вспомнил, как много пил с того дня отец и в пьяном угаре бил его чем ни попадя, будто был сын виноват во всех отцовских бедах. За малую провинность зажмёт голову между коленей и ну пороть. Это чувство, липкое и мерзкое, до сих пор осталось с ним: голова между ног отцовских зажатая и беспомощность, беспомощность. Как желал вырваться, стать сильным, чтобы уже больше никто и никогда!.. Мачеху не помнил почти. Ваню она не любила, хоть дурного и не делала, но заступаться – никогда не заступалась. Потом отец, будто очнувшись от страшного морока, жалел его. Плакал в бороду, уродливо скорчив лицо. Прижимал к себе, носом в рубаху – потную и вонючую: «Скучаешь небось по мамке-то?» Не знал отец, что почитай каждый день бегал Ваня босыми ногами по курчавой кладбищенской траве на могилку к маме. И лежал там, обняв могильный холмик ручонками, жаловался ей на своё одиночество. И верил, что мама там под землёй его слышит и очень жалеет. Только ответить не может – и вовсе не потому, что умерла... Земли-то глянь какая толща! Но не может она не слышать! Ведь она же мама... И хоть говорила баба Марийка, будто душа её сейчас где-то высоко-высоко, не укладывалось это в Ванином уме, не принималось сердцем. Даже душой страшно было отпустить маму на небо – больно далеко. Слишком уж расплывчато было всё это, поди пойми: небеса, ангелы... А мама тут, хоть и под землёй, но рядом с ним, с Ваней.

Вспомнил ту страшную ночь, когда отец вернулся поздно за полночь вовсе не в себе от старухи Челдонихи, ворожеи местной. И от глаз его бешеных отпрянул Ваня в ужасе, как от ядовитой змеи. Как бил отец его наотмашь кулаком, и глаза всё время оставались чужими, не отцовскими: «У-у-у! Уродец! Через тебя на мать проклятельство навелось! Через тебя сгинула! Во чреве тебя уморить надо было!» Бил, пока мир не поплыл у Вани красным цветом. А потом не помнит... Лица, руки, тряпицы мокрые... После того случая забрала его к себе баба Марийка. Приходилась она покойной матери родной тёткой. Замуж никогда не выходила, и все родственники её

за глаза «игуменьей» звали. За характер кондовый да увесистый. Пела на клиросе в местной церкви, там же просвирки пекла. Строгая была, молилась много и Ваню заставляла. Жить с ней куда как лучше стало. Добрая была, справедливая. А почему через него на мать «проклятельство навелось», так никто ему и не объяснил. Спрашивал было, да баба Марийка только рукой отмахнулась: и слышать, мол, не хочу.

Вспомнилось ещё, как ходили они с бабой Марийкой паломничать в Покровский женский монастырь длинной пыльной дорогой. Как ветер нёс звон колокольный над трепещущими полями, и сердце готово было выпрыгнуть ему навстречу и нестись туда, к залитым малиновым пламенем заката куполам. Баба Марийка в такие моменты крестилась размашисто на звон и что-то шептала – беззвучно, одними губами. Всё хотел спросить Ваня: что она шепчет? Но не решался – боязно, да и нехорошо это в такой момент. Какую мож молитву тайную?.. А после забывал. Так ведь и не спросил...

Вспомнил высокую статную монахиню, показавшуюся ему необычайно красивой. Глаза у неё светились таким же тихим светом, как у этой. Только у той карие были, а у этой – голубые вроде или серые. И всё не понять было никак: молодая она или старая? Смотри не смотри – всё равно не догадаешься. Так вроде старая, а приглядишься – лицо молодое. «Молодая старушка», – решил тогда для себя Ваня. И ещё крест у неё был на груди – большой, золотистый, яркие полуденные лучи играли на нём. И солнечный зайчик, спрыгнувший с креста, ласкал Ване руку.

– Благословите, мать игуменья! – баба Марийка почтительно склонила голову. – Хотим вот поговорить денёк несколько да причаститься.

– Бог благословит! – монахиня говорила медленно, благородно, с красивым акцентом. – Внучок ваш? Какой славный... Скажите сестре гостиничной, что я благословила...

Ваня не отрываясь смотрел и смотрел на игуменью. И стеснительно уж было, и оторваться не мог. Та вдруг, улынувшись, склонилась и, доверительно глянув ему в глаза, поднесла ухо к самым Ваниным губам.

– У меня нет мамы, – вдруг прошептал он сам для себя неожиданно.

– Милый мой мальчик... Милый мой мальчик... Матерь Божья не оставит... Много-много молись Ей, Она одна знает, как душу сиротливую утешить...

И ещё много говорила. И слова её разливались в душе у Вани прохладной целительной росой. Обычные вроде были слова, но какую-то тайную силу имели. Потом игуменья размашисто осенила обоих паломников крестом, что висел на груди. Баба Марийка благоговейно поцеловала крест. И Ваня приподнялся на носочках и ткнулся губами. Крест был тёплый.

– Ба, а кому она мать? – вкрадчиво поинтересовался Ваня, когда игуменья удалялась по дорожке вдоль ровно постриженного ряда цветущих кустов. – Она же монашка, им детей не положено.

– Так всем сёстрам мать, – улыбнулась бабушка.
– А много что ли их... сестёр-то?

– Да почитай около сотни, мой хороший, не меньше.

«Ого, – вдруг подумалось Ване, – надо же! Целых сто! И всем она мать». И решил он, что монастырь – это место, где Бог собирает всех таких же, как он, у кого нет мамы, и назначает им мать игуменью, и это, конечно, очень хорошо и правильно.

– Думаю, не только сёстрам, – задумчиво добавила старушка. – Многим она мать...

– Выходит, она всехняя мама?

– Выходит, всехняя, – грустно улыбнулась баба Марийка.

Пока он вспоминал всё это, игуменья доковыляла до выкопанной ямы и остановилась от неё шагах в двух. Подходить полагалось к самому краю, но у Корзинкина больше не хватило сил скомандовать. «А ведь молиться Божьей Матери я так и не навыв, – мелькнуло у него в мозгу. – Может, помогла бы сейчас? Хотя... Нет! В таком деле разве стала бы помогать...» Монахиня повернулась, чуть прихрамывая, тяжело дыша. Но взгляд! Взгляд её не изменился, будто это вовсе не ей, а ему – Корзинкину суждено было навсегда остаться лежать в этом овраге. Будто собиралась она сейчас спокойно подняться обратно вверх по склону и идти себе свободно по дорожке среди распускающихся листьев, из ледяных снов воскресающей природы в любимый свой монастырь... «Как хорошо, если бы она меня сейчас выругала, – подумал Корзинкин, – Назвала бы как-то... ну, сволочью там, подлецом, убийцей... Закричала бы! Легче ведь было бы... ой, как легче-то...»

Пора было действовать. Но во времени случился какой-то непонятный для Корзинкина провал. Он загнал патрон в патронник – медлительно – нарочно или это просто пальцы типают? – как в бредовом сне – и в этот провал сам всей душой и вывалился. «Пора стрелять? – лихорадило в мозгу. – Уже пора? Или что-то нужно ещё? Или пора?...»

Вдруг он заметил на лице игуменьи беспокойство. Та приподняла голову и грузно подалась телом вперед. «Ну, вот... хорошо... – подумал Корзинкин. – Сейчас она скажет что-то обидное, сейчас выругает меня и станет легче!» Игуменья вскинула руки:

– Подожди, сынок, не стреляй!

– Я контре не сынок, – проворчал Корзинкин нарочито сердито, но негромко, чтобы игуменья не могла разобрать слов. Скорее, чтобы командир видел, что реагирует он – сознательно и не медля. Потом словно подавился своими же словами и, кашлянув, уже громче добавил: – Ну, чего там ещё?

В душе, впрочем, почувствовал облегчение. Игуменья быстрым движением стянула с плеч платок и протянула Корзинкину.

– Возьми, сынок. А то сейчас выстрелишь – дыра... кровью испачкаем... Время теперь трудное, матери может пригодиться или сестре. Невесте, может быть...

Потом вдруг поняла, что не может он, боец Корзинкин, взять сейчас платок – не положено это ему, ну никак не положено! Аккуратно свернула и положила сбоку у ног. Выпрямилась... перекрестилась... кивнула – готова, мол.

Корзинкин почувствовал, будто что-то взорвалось у него внутри, и разлетелся он, боец Красной

армии, на мелкие песчинки, искрящуюся и звенящую пыль. И закружили они в разгорающемся вихре горниле, поблёскивая огоньками, – вихрем!.. вихрем!.. против стрелки часовой, – как гигантская воронка из его, Корзинкина, распылившихся пылающих потрохов. И так же стремительно слились и сплывались опять в него же самого, но уже незримо другого. А что изменилось – не понять.

– Не могу... – одними губами почти беззвучно простонал он.

– Стреляй, сынок, а то они тебя убьют... – так же одними губами произнесла игуменья и отвернулась лицом к яме.

Корзинкин вскинул винтовку. И показалось вдруг, что вовсе и не взгляд, а вся душа его понеслась вдоль по линии ствола, по холодной воронёной стали, споткнулась о мушку прицельную и, рухнув на землю, ринулась сквозь игуменью, сквозь мутную пелену воды подёрнутую рябью, вдоль прелой сырости оврага по белым островкам грязью прокажённого снега, – вперёд, на звон колоколов! – или это просто в висках звон? – ударились о невидимую преграду и, покотившись обратно, споткнулась вновь о мушку – хотела ринуться опять, да сквозь силуэт игуменьи пробиться больше не смогла. Ещё показалось, что видит он, как под рясой чёрной бьётся её сердце. «Надо, чтобы не мучилась, – подумал. – Надо, чтобы сразу... Дело-то ответственное... Дело, товарищ командир, я понимаю... Только надо, чтобы не мучилась... Чтобы сразу... Дело-то... В сердце надо, чтобы не больно... В сердце, товарищ командир... В сердце... Я справлюсь... Чтобы советская власть... Чтобы только не больно... Плохо, когда больно, мать игуменья... Ба, а кому она мать?.. игуменья мать... игуменья мама... Чтобы не больно... Плохо ведь, плохо, когда больно... Сколько земли, товарищ командир, сколько земли... Дело-то ответственное... Ты ведь знаешь, как больно, ты знаешь, как больно, батя, батя... За что, батя? Как больно... Мама, я здесь, ты же меня видишь... сколько земли... ты же слышишь... Советская власть, дело ответственное... Ба, а кому она мать? Всехняя мать... Чтобы не больно больше, никогда не больно, мама...»

Выстрел!..

Грянул, гулко отозвался эхом по оврагу... Корзинкин словно очнулся и судорожно глотнул воздух. Игуменья вздрогнула и грузно осела, неуклюже распластавшись по земле. Было в этом что-то неправильное, странное, непонятное: как такой красивый человек мог так некрасиво развалиться в сырой грязи? Двое без лиц потащили тело в яму. Корзинкину вдруг вспомнилось, как наблюдал мальчонкой: в деревне кошка тащила под сарай пойманную птицу. Голубя?.. Кажется, голубя. Не вспомнить теперь, да и не суть... Птица уже почти не трепыхалась и беспомощно волочилась по земле. Чувство было то же самое – беспомощность и необратимость. «Снова беспомощность! – что за наваждение такое?!» И глазки у птицы тогда маленькому Ване запомнились. Без тревоги и укора они были, с пониманием. Будто прощали и признавали, что кошка вовсе не из злобы – так уж мир устроен.

Как взял платок и поднялся по тропинке к командир, боец Корзинкин не запомнил.

– А ты змеёныш! Да-а-а... А я тебя за пентюха держал! Надо же, смекнул... – рассмеялся командир, указывая на платок горячей папиросой. И увидев, что у Корзинкина трясутся руки, добавил: – Ничего-ничего! Не тушуйся, боец! У контры брать можно. И нужно! Свое берём, не чужое...

Потом ехали обратно, и командир всю дорогу задумчиво курил и не проронил больше ни слова. Лишь пару раз глянул на Корзинкина простым, совсем не командирским взглядом и вроде бы хотел сказать что-то, но, видно, передумал. Машины непрерывно качало. Двое без лиц по-прежнему оставались похожи на мрачные тени, и лишь лопаты в охапках чуть оживляли их. Корзинкин держал в руке свернутый пуховый платок, и был он тёплый и ласковый на ощупь, словно бережно хранил тепло и нежность своей хозяйки. В пространстве кузова царил странная осмысленная тишина. Снаружи мерно, изредка завывая, гудел мотор. Время разворачивалось скрипучей ржавой пружиной. Маленький Ваня бежал босыми ногами по курчавой прохладной траве на могилку к маме...

ЗАПОВЕДНЫЙ ПУТЬ

В октябре во Дворце книги состоялась презентация поэтического сборника Инны Зеленковой (Матюниной) «Заповедный путь».

Автор сборника – искусствовед, сотрудник Ульяновского областного художественного музея Инна Зеленкова (Матюнина) – рассказала о книге, прочитала свои стихи. В них она размышляет о духовных вопросах, делится с читателем сокровенными переживаниями, сопровождающими жизнь православного человека.

На поэтический вечер во Дворец книги поздравить Инну Зеленкову пришло много гостей.

Ольга Георгиевна Шейпак – главный редактор журнала «Мономах», член Союза писателей России – отметила, что Инна Матюнина является автором многих статей по изобразительному искусству, опубликованных в «Мономахе», сказала о том, что рада поздравить Инну с изданием первого поэтического сборника, подчеркнув духовную направленность ее лирики. Член Российского союза писателей Нина Климко (Егорова) тепло отозвалась о первой книге поэтессы и, в частности, сказала: «Я давно знаю Инну Зеленкову и всегда восхищалась её философским складом ума, теми сложными темами, которые она поднимает в своём творчестве». На встрече присутствовали поэты: Ольга Даранова, Александр Дашко, Татьяна Карпова, Нина Дубовик, Галина Голубева и другие.

Гость вечера – бард Валерий Ветров – проникновенно исполнил две песни на стихи Инны Зеленковой: «Прощание с летом» и «Золотой листок». Звучали поздравления и добрые пожелания.

Пусть не покидают поэтессу светлая вера и радость творчества!

Инна ЗЕЛЕНКОВА

ИСТИНЫ РОДНИК

О, РУСЬ СВЯТАЯ, ПРОБУДИСЬ!

И день прошёл, и год пройдёт.
Изменится ли что-то?
Свершится ли круговорот?
Иль победит дремота?

Ужель мы пропадём во мгле
И сгинем в сером прахе?!
Ужель по матушке-земле
Поскачет бес в папахе?!

Поскачет с шашкой наголо
В неистовом веселье
И заклеят Руси чело,
Зальёт тлетворным зельем?

О, Русь святая, пробудись,
Не дай врагу глумиться!
Восстань от сна и устремись
К высотам, словно птица.

Но и земли не оставляй
На откуп злему вору,
Молитвой дом свой укрепляй –
Ты в ней найдёшь опору!

Ослабнет хитрый, чёрный враг
Под натиском дружины.
И Дух заветный – силы знак –
Поднимет из трясины.

Воспрянет Русская земля,
Крыла свои расправив.
И тех, кто веру укреплял,
В веках она прославит.

Воздвигнет светлые мосты
К заоблачному краю.
Тогда Отечества кресты
Над миром воссияют!

КРЕЩЕНИЕ

Вот идёт Он – всё тихо кругом.
Даже птицы примолкли вдали.
И глаза всех, познавших Содом,
Вдруг просвет среди туч обрели.

Пробудилась душа ото сна,
Ужаснулась своей слепоте,
Потянулась к тем светлым мирам,
Что привиделись ей вдалеке.

И, спустившись к реке под холмом,
Заповедал нам Тайнство вод,
Освещён Иоанна крестом.
Распахнулся над Ним небосвод.

Белый голубь, слетевший с небес,
Осенил всё пространство крылом.
Прозвучал Глас вселенский окрест
Среди дня, словно пламенный гром.

И обрёл в этот миг человек
Светоч мира, добра и любви.
Перед Ним преклонился навек
И связал с Ним надежды свои.

* * *

Птичка легкокрылая,
Спой свою мне песенку!
Сгинь, печаль унылая!
Мне б найти ту лесенку,
Лесенку на облачко,
Белое, летящее...
Там живёт безоблачная
Радость настоящая.

* * *

День за днём – серый день.
Без молитвы он пуст.
Поборю свою лень –
И шептанием уст
Встречу новый рассвет.
Принесу дань свою –
Чувств расцветший букет
Миру я подарю...

* * *

Мне эта осень подарила
Дыханье золотых лесов
И в путь меня благословила
Звучаньем дальних голосов,

В моём скитанье начертала
Значенья высшие. И вот –
Я жду важнейшего финала,
Когда, как круг, сомкнётся год.

Увидеть предстоит мне вечный,
Сияющий Любовью мир.
Поток Её направлен встречный
Ко мне. И к каждому. Не сир

Листок на древе, чьё сознание
Питают Истины родник.
А жизнь его – лишь испытание.
Услышан одинокий крик!

И, слившись с чувством покаянным,
Тропинкой вышел к небесам.
Приникнув к пажитям пространным,
Доверюсь вечности часам.

* * *

Золотая осень загрузила.
Сероватый выдался денёк.
И берёза лист свой отпустила –
Заповедный путь его далёк.

Пролетит он снежным лихолетьем,
Силы жизни в вечности найдёт
И зелёным цветом нас приветит –
По весне на ветке прорастет!

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского.

ДОРОГАМИ ЛЮБВИ

Этот рассказ – о самом счастливом путешествии из всех, какие мне дарила жизнь. Щедрый и незабываемый подарок связан с романом «Тарбагатай», к которому я шла через душевные муки и сомнения. Мне хотелось написать семейную сагу и положить в её основу историю собственного старообрядческого рода Чебуниных за три столетия, но как протянуть нить от глубоко личного к общечеловеческому? Как рассказать о любви, соединяющей родственные души? Моё сердце было переполнено любовью, и она разливалась на всех: на близких и малознакомых людей, на папиных охотничьих лаек, на чувственную природу. И это помогло мне справиться с непосильной задачей.

Типичные ворота семейских. Этнографический музей под открытым небом в Улан-Удэ

Что бы ни происходило в истории: войны, катастрофы, революции – человек, вовлечённый в земной круговорот, ищет путь к спасению. На этом пути – тысячи преград, преодолеть которые помогает родовая пуповина. Жаль, что я поздно это поняла. А когда поняла, вспомнила, где она зарыта: лично для меня – в Бурятии, на берегу озера Щучье, куда в начале XX столетия пришёл из Тарбагатай мой дед Илларион, семейский старообрядец, и поставил сруб на пустынной земле.

Видимо, сам Господь поддержал моё горячее желание принести покаяние по отношению к собственному роду: тираж книги мгновенно разлетелся – у неё оказалась счастливая судьба. В сентябре 2022 года при поддержке Президентского фонда культурных инициатив начались съемки документального фильма по роману «Тарбагатай», и руководитель проекта Наталья Цуканова пригласила меня в далекое путешествие по родным для меня местам.

Повествование романа охватывает огромное географическое пространство, и нам предстояло пройти дорогами главных героев, связать Ярославль, Суздаль, Москву, гомельскую Ветку, Тарбагатай, Щучье озеро, Селенгинскую долину, Байкал в единую нить – родовую пуповину.

Улан-Удэ

Утомителен и долог перелёт из Москвы в Бурятию, но есть в нём одна особенность: он проглатывает ночь. Мы вылетели в 22.40 по московскому времени, а поскольку разница во времени с Улан-Удэ пять часов, вскоре прилипли к иллюминаторам в ожидании рассвета. Пассажиры, часто летающие ночным рейсом, обычно ждут этот волнительный момент – встречи ночи и утра. Это у нас, на земле, рассвет наступает медленно, постепенно заполняя живой мир несмелым светом, а в воздухе, на большой высоте всё иначе: в какой-то момент на фоне тёмно-фиолетового неба вспыхивает маленькая огненная точка и начинает быстро растекаться, как внезапный пожар, поглощающий ночное пространство. Сон улетучивается мгновенно...

Бурятский театр оперы и балета в Улан-Удэ

¹ Лариса Сахьянова – народная артистка СССР, солистка Бурятского театра оперы и балета в 1960–1970 годы.

Фонтан на Театральной площади Улан-Удэ

Самолёт Москва–Улан-Удэ начинает снижение ещё над Байкалом. Облака расступаются, чтобы обнажить потрясающее место – богатую дельту Селенги с многочисленными широкими рукавами и крутыми боками. А далее предстаёт перед нами древняя земля, такая древняя, что её холмы, испещрённые морщинами, напоминают мать Чингисхана, носящую в бессмертном своём чреве своевольного сына.

Вокруг аэропорта – маленькие неказистые домишки. «А где же город?» – испуганно озираются мои коллеги.

На стоянке нас давно ждёт водитель ГТРК Бурятии Сергей. С ним мы проведём 10 счастливейших дней – он окажется не только терпеливым и тактичным человеком (кто бы ещё вынес наши бесконечные восторги и просьбы: «...здесь остановите... и здесь... ой, там!»), но и классным экскурсоводом.

В этот же день, немного покемарив в гостинице, мы идём на главную площадь столицы Бурятии познакомиться с достопримечательностью города – необычным памятником В.И. Ленину в виде огромной головы с усеченной шеей. Разрез глаз вождя очень напоминает бурятский.

У меня есть своё любимое место в столице Бурятии – театр оперы и балета, где прошло моё детство. Я должна была связать свою жизнь с балетом – не получилось, но страсть к этому прекраснейшему из искусств осталась. Увидев на афише «Лебединое озеро», я помчалась в кассу театра. Увы, все билеты давно проданы.

И вот я стою у входа с протянутой рукой: «У кого есть лишний билетик?» Мне повезло в самый

последний момент. Вижу любимые стены, мозаичный потолок и до боли знакомый занавес (оказалось, его недавно вернули на сцену после реставрации) и едва сдерживаю слёзы.

Признаться, я не очень надеялась увидеть Одетту, хоть немного похожую на легендарную Ларису Сахьянову¹, но чудо произошло – японка Харука Ямада танцевала так блистательно, что затмила всех моих кумиров.

Щучье озеро

Рано утром (в Ульяновске в это время только начинается ночь) мы отправляемся на родину моего отца, в село Ягодное, расположенное в живописном месте, где в Загустайской долине вольготно разлеглись восемь озёр. Самое ближнее – Щучье, оно примыкает к отрогам Хамар-Дабана, за которыми прячется Байкал. Щучье связано подводными токами со старшим братом, поэтому оно такое же чистое и прозрачное. Немногие жители Бурятии знают, что отсюда существует короткий путь до Байкала через Хамар-Дабан – всего около 80 километров (если ехать по Кяхтинскому тракту до Улан-Удэ, а потом по Баргузинскому тракту до Байкала, придётся проехать 260 километров). Мой дед Илларион в июле 1930 года был проводником у новосибирских учёных-орнитологов и провёл их через хребет до Байкала кратчайшим путём.

Илларион Ионович первым приехал на Щучье в 1915 году и поставил на берегу озера сруб. Трудная это была работа, да и решение покинуть село Тарбагатай, где две сотни лет жили его предки семейские, далось нелегко.

Озеро Щучье в Бурятии с северной стороны

Но какая красота открывается взору, когда оглядываешь северный берег озера Щучье, уходящий хребтами к Байкалу! Здесь всё одухотворено. Дед воспринимал природу как своенравную женщину. Моему отцу передалась его любовь к тайге, сопкам, зверью, охотничьим собакам. Каждый год в октябре он брал отпуск и уходил в тайгу соболятничать. Нас, дочерей, научил метко стрелять, ценить лес и все его дары. Я любила бывать в дедовом зимовье за Убукункой – мы с отцом шишковали там каждую осень.

После деда и другие семейские стали переселяться в эти места. Село Ягодное образовалась чуть ниже Щучьего – в широкой долине.

Съёмочную группу встретили в Ягодном мои двоюродные сестры: старшая Маруся и младшая Маша – обе дочери Вассы Чебуниной, папиной

Мария Семёновна Чебунина

сестры. Старшая классно поёт частушки – в запасе у неё не одна сотня смелых припевок. Младшая давно овладела старинным знаменным распевом, который впитала с молоком матери, и поёт в семейском² ансамбле «Рябинушка». От мамы и бабушки ей достался в наследство традиционный наряд, сшитый по типу русских костюмов XVII века, вместе с янтарными бусами, кичкой и домотканым поясом, обрётёнными ещё в Речи Посполитой.

Василиса

Почему в одной семье две Марии?

Моя тётушка Василиса вышла замуж ещё до войны и родила двоих детей: Николая и Марию. В 1941 году её муж Иван Атаскевич ушёл на фронт, и вскоре Васса получила извещение: пропал без вести. А в 1942-м вернулся после тяжёлого ранения (до локтя отнята левая рука) односельчанин Семён Чебунин. Дома его ждало страшное горе: умерла молодая жена, оставив сиротами четверых деток: девочку и троих мальчиков. Семён пал в ноги Вассе: выходи замуж, спасай малышей. А они были не чужими нашей семье, приходились двоюродными племянниками нашей бабушке Дарье. И Васса вышла замуж вторично.

Иван вернулся в 1946 году: был в плену. Начал умолять жену: уедем вместе. Разговор состоялся в бабушкином доме. Маруся, дочь Ивана, спряталась за печкой, плакала и молилась: «Божья Матерь,

сделай так, чтобы мамочка согласилась!» А Васса уже носила под сердцем ребёнка от Семёна. «Будет моим, никогда не попрекну!» – сказал Иван. «А четверо сироток! – воскликнула Василиса. – Это уже мои дети, мамкой меня зовут. Разве я их кину!»

И уехал Иван Атаскевич из села навсегда. А Васса родила ещё троих детей: Ваню, Надю и Машеньку.

Девять детей подняла, а летом всех племянников привечала. Я и мои сёстры Таня и Лена любили гостить у тёти. Никогда я не видела Вассу сидящей без дела: из избы – в летнюю кухню, тепляк, амбар, а там и погреб, на второй двор и на задний, в огород и к цепне (колодцу), и так бесконечно, всегда бегом.

Ещё затемно, часа в три тётя начинала месить тесто. Помню, я просыпалась, когда она затапливала печь для хлебов, а засыпала от монотонного стука весёлки о квашню³.

В пять утра хлеба были готовы, тётя Васса убежала сначала в свой тепляк – доить корову, а затем на ферму. Возвратившись, поднимала нас на завтрак. На столе уже стояла незамысловатая еда: парное молоко, творог, хлеб и сладкие тарочки. До сих пор помню аромат свежей лустки⁴ с хрустящей корочкой!

Не понимаю, как хватало Василисиных рук и сердца на всех детей – своих и приёмных, племянников, внуков и правнуков, населявших дом до самой её кончины. Откуда брались силы на молитву и духовное пение? Как хватило терпения пережить все невзгоды?..

Тарбагатай

От города Улан-Удэ к районному посёлку Тарбагатай ведёт федеральный тракт. Сказочный по красоте, он лежит вдоль русла величавой и своенравной реки Селенги, окружённой древними хребтами, на вершинах которых все сосны увешаны разноцветными яркими лентами, которыми буряты приветствуют духов и ублажают Будду.

Путь в заповедный мир. С вершины знаменитой Омулёвой горы⁵ открывается россыпь ярких, добротных домов. Тарбагатай... Древний и сакральный... Не просто географическая точка – это символ твёрдости духа и веры предков, залог верного исторического пути.

Семейские старообрядцы сделали достоянием мировой культуры древнерусскую икону и сохранили древнее богослужебное пение – **знаменный распев. Неслучайно** духовная культура тарбагатайских семейских провозглашена «шедевром устного нематериального наследия человечества» и включена в первый список ЮНЕСКО.

В 1764 году Екатерина II выслала сюда из гомельской Ветки непокорных старообрядцев. Жили общинно, подчиняясь строгому уставу и сохраняя традицию «помочи»⁶, сложившуюся ещё в польской Ветке. В старообрядческих общинах существовало правило: все денежные и продовольственные

² Семейскими моих предков называли в Сибири, так как при Екатерине II их переселяли из старообрядческой Ветки (ныне территория Гомельской области) в Забайкалье семьями. Пение семейских – знаменное, крюковое.

³ Квашня – корытце для теста, весёлка – специальная деревянная лопатка для замеса.

⁴ Лустка – кусок хлеба.

⁵ Другое название горы – Спящий лев. Издалека гора очень напоминает лежащего льва.

⁶ Помочь – помощь со стороны односельчан тем семьям, где нет мужчины-кормильца, сохранялась до конца XX века: крышу починить, забор поставить, сена накопить и пр.

Дорога в Тарбагатай

излишки – в общую казну. Деньги шли на помощь вдовам и малоимущим, на строительство и обустройство церквей и монастырей. Семейские в Забайкалье крепко держались за общину. Жили сытно, трудились много, алкоголь не употребляли, куревом не баловались, детей рожали много и почти всех выхаживали.

Земля вокруг Тарбагатая – песок да камни на высоких разлогах, климат жёсткий. Сколько ж надо труда вложить, чтобы всё цвело и земля давала богатые урожаи! Гречиха, картошка, томаты – об этих культурах сибиряки до прихода семейских не слыхали.

Много восторженных воспоминаний о забайкальских старообрядцах оставили декабристы – они восхищались культурой земледелия и быта, трудолюбием и смирением. Такое же изумление выразил Н.А. Некрасов в поэме «Дедушка», рассказывая о сказочной стороне Тарбагатай. Но я приведу другое – негативное – воспоминание жены декабриста Ивана Анненкова. Влюблённая в красавца кавалергарда, француженка Полина Гёбль последовала за ним к месту ссылки (все, наверное, помнят эту романтическую историю по фильму «Звезда пленительного счастья»), её путь лежал через село Тарбагатай, там ей предоставили ночлег в доме... Чебунина. Нехарактерный для крестьянина дорогой

интерьер жилища, холодность и негостеприимность хозяина навели Полину на мысль, что она попала в дом разбойника.

Читая её воспоминания, я улыбалась, воображая, как был напуган сам хозяин: принять католичку, не говорящую по-русски, в доме, где находились древние иконы, означало осквернить весь дом. Представляю, как после её отъезда Чебунины отмывали опочивальню и выбрасывали (а они были очень бережливыми!) пуховые подушки!

Сородичи

Со старых времён и до середины XX века семейскую девушку легко было отличить от сибирячки. На шее – три ряда янтаря, поверх рубахи – юбка из шёлка или бархата с оторочками, нарядный передник с атласными лентами, на лбу – гуашки с украшениями из речного жемчуга, а у замужних баб – кички, покрытые дорожными платками.

Вот в таких нарядах нас встретили тарбагатайцы. С семейскими песнями, хлебом-солью, с плюшками-тарками. А радостнее всего было познакомиться со своими сородичами Чебуниными – они пришли в районный Дом культуры, чтобы рассказать о своих корнях: Иван Степанович и его супруга Галина Ермолаевна, Василий Антонович, Елена Львовна, Яков Андреевич.

«Чебунины в Тарбагатае – это основная фамилия, – говорит Иван Степанович. – В нашем околотке из 15 семей восемь имели фамилию Чебунины. И в классе, где я учился, 11 детей носили эту фамилию. Было время, когда над нами смеялись: ой, семейские... Некоторые стеснялись носить свои одежды, но были и гордые люди. Соседка Василиса Калистратьевна Медведева до конца жизни носила сарафаны и не стеснялась говорить, что семейская.

Супруга Ивана Степановича – Галина Ермолаевна – человек знатный в Тарбагатае, заслуженный работник культуры России, почётный профессор ВСГИК. Руководитель семейского ансамбля «Судьбинушка». Она активно продвигает древнерусскую культуру, собирает старообрядческий фольклор, принимает туристов. О семейских **Галина Ермолаевна** рассказывает с большим уважением:

– Вы в семейскую деревню приедете, сразу поймёте, куда попали. Ухоженные дома и огороды, уважение к своему жилищу, своей родне, семье. У нас говорят: если у тебя есть руки-ноги, стыдно жить плохо. У тебя должен быть огород, куры, гуси, поросята. Ты должен жить достойно. Это уважение к самому себе. Ты семейский. Ты не можешь жить по-другому. У тебя должно быть чисто, богато, убрано. У тебя должна быть семья в порядке, дети-труженики, у каждого трактор должен быть. Что бы ни случилось, человек всегда возвращается в семью. Это вся твоя родня. Ничего нет важнее и надёжнее... У семейских семья (недаром их так зовут) – это основа, это соль. Даже если ты уже пенсионер, а родители живы, вот как они сказали – так и будет. Семейские достаточно рано выходят замуж, потому что понимают: пока ты ещё в могуществе, ты можешь помочь детям поставить дом, обустроиться.

Стол у семейских обильный, много мясных блюд, обязательно суп, сало, потому что много работают. Много выпечки – семьи-то большие, надо быстро

Резные ворота. Вход в усадьбу о. Сергия в Тарбагатае

Галина Ермолаевна Чебунина

детей наплатить, чтобы целый день, пока родители работают, сыты были. А ещё надо сказать: семейские достаточно грамотные. До революции, по статистике, в России каждая семья выписывала периодики на 0,6 коп., а семейские выписывали периодики на 60 копеек в год. Когда в Тарбагатай приехал декабрист Андрей Розен, он увидел: чистота, уют, мебель с ярмарки, на столе лежит свежий «Вестник». Накормили его несколькими сортами каш, рыбой, мясом и прочими яствами. На основе этого рассказа Николай Некрасов написал впоследствии поэму «Дедушка».

Крепость – вот что главное в семейских. Крепость семьи, крепость традиций, устоев. Ведь через такие страдания люди прошли! На голую землю пришли, на камни. В землянках выживали в сорокаградусные морозы. Не ожесточились, но закалились и полюбили эту землю как родную. Отец мой так любил родину, такой был патриот, и нам с братом внушил огромную любовь к своему краю.

О традициях в семье рассказывают и другие Чебунины, пришедшие на встречу.

Елена Львовна поведала свою историю.

– У папы было восемь детей. Выжило только четверо. Они разъехались по всему миру. Родственники у нас в Канаде, Швеции, Франции, Германии, ну а большая часть здесь.

У мамы в семье было 12 детей: шесть своих и шесть приёмных. У маминого отца был брат Дорофей. Его в 1937 году отправили на шахту в Гусиноозерск. В Тарбагатае осталось пять детей и жена беременная – она во время родов умерла. И всех взял к себе мой дедушка Варфоломей.

У папы отец был репрессирован в 1937 году. Его отправили в Якутск, на Сахалин, там и пропал. Его

жена прожила 96 лет. И до последнего дня паша баранов, ходила по горам. А пасти баранов – это очень сложно: они идут своим ходом – только за ними поспевай! И вот бабушка до 95 лет сама паша.

Василий Антонович Чебунин пояснил:

– У семейских были крепкие семьи и родственные связи. Понятия «развестись» не существовало. Если остался сирота, его забирали родственники.

Ещё одна черта, о которой все говорят, – бережливость семейских. Вещь отслужила своё – надо её прибрать куда-то в сарай и непременно сохранить. И эта черта объяснима: старообрядцы не раз теряли всё, что нажито, и начинали обустраиваться заново. Поэтому во многих тарбагатайских семьях сохранилось очень много старинных вещей. Но всех превзошёл по собиранию старины местный старообрядческий священник отец Сергей.

Отец Сергей (Палий)

Через дорогу от старообрядческой церкви находится Тарбагатайский этнографический музей. Его богатство поразит любого гостя и самого искушённого музейщика. Чего здесь только нет! Вещи, монеты и иконы, привезённые старообрядцами из Речи Посполитой. И это собрал местный батюшка, старообрядческий священник отец Сергей. Мы встретились с ним в музее. На всё у отца Сергея своя точка зрения.

– Я попал в эти места в 1970-е годы и увидел, что старина быстро уходит, даже очень быстро. И в итоге прекратятся взаимоотношения старого поколения и нового. И я начал потихоньку всё собирать. Ведь что веками сохраняли староверы? А то, что князь Владимир принёс на Русь! Вот ещё интересный вопрос: как относиться к тому, что Екатерина II выслала старообрядцев в Забайкалье? Когда их сюда пригнали, она шесть лет не брала налога: пусть старовер покамест приживётся, чтобы хлебушек казакам был. Разработал пашню в лесу – 50 лет не плати подати. Вот и пошло развитие. Не было ничего и вдруг начало расти. Почему? А потому что по

Частная коллекция о. Сергия в Тарбагатае

В бывшем храме святого Афанасия, частный музей о. Сергия

уму делалось. Было три пашни. На северном склоне, на южном, в низине. Тут ведь климат плохой: долбанёт мороз – низ весь убьёт. Засуха – северный склон родит пшеницу. Если мокрое – южный родит. Вот так из трёх пашен какой-нибудь урожай да спасётся. Но сколько трудов надо положить! Канавки по горам прорыли. Вы не представляете, какие канавы! В скалах вырубаются ниши, чтобы пропустить воду с гор. Куда конь мог заходить с сохой, там и пахали.

Что мы сейчас видим? Деревни русские заброшены и разрушены, а у семейских целы. Ни одна деревня не закрылась. Советские поля все восстановлены, американские комбайны работают. Они к нашим полям на сопках не приспособлены, но мужик сделал так, что всё работает и ходит.

Мужику не мешай! Дай ему свободу, и он всё сделает сам. Если хочешь – поддержи. И вы Россию не догоните. Это я вам точно говорю.

После небольшого интервью отец Сергей решил допустить нас в святая святых – свои музеи, спрятанные от посторонних глаз в собственном огромном дворе. Вход особенный: огромные резные ворота – редчайшее произведение искусства! За ними – музей под открытым небом: древняя мельница, дом старообрядца, бывшая Знаменская церковь, построенная Амвросием Федотовым, ставшим впоследствии епископом Афанасием и принявшим от большевиков мученическую смерть. Теперь это местночтимый святой Афанасий.

Музей, обустроенный отцом Сергием в бывшей церкви, поразил нас больше, чем официальный этнографический: здесь и дореформенные церковные книги, и иконы XVI–XVII веков, и старинная мебель, и даже домовина⁷, которую отец Сергей изготовил лично для себя.

Но что-то меня сильно задело в этом великолепии старины. Больно стало за Знаменскую церковь, которую тарбагатайцы строили всем миром, а теперь она стоит без купола и крестов, без колокольной, и мученик Афанасий смотрит на неё с высоты небес и льёт на родную землю горькие слёзы...

Беречь Слово апостольское

300 лет староверы стерегли древнее апостольское Слово. Теперь, когда язык поруган, я часто задумываюсь: а ведь древность священна, и Слово, изначально данное, сакрально.

Один из героев романа «Тарбагатай» старец Иоасаф наставляет Егория: «Слово живое беречь надо. Как оно у апостолов изначально записано, так из рода в род переходить должно. Слово немереную силу имеет. И небо приближает так, что конечная правда видна как на ладони».

В Национальной библиотеке Бурятии и в Бурятском государственном университете хранятся дореформенные книги из Тарбагатая. В университете мы встретились со специалистом по древнерусской литературе, доктором исторических наук **Светланой Валерьевной Бураевой**.

Она познакомила нас с книжной коллекцией.

– Здесь представлено то, что читали в начале XX века, вплоть до 1930-х годов: часовник, рукописные тропари, каноны. Практически весь день и вся жизнь старообрядца проходила с книгой. Не было церкви, и люди вынуждены были многие вещи делать самостоятельно. Поэтому было много книжных людей. В начале 1960-х годов сюда приехали новосибирцы, они совершили археографическое открытие Сибири. И все поняли, что глухомани здесь не было.

Староверы могли семена с собой из Польши везти, а они везли книги. Для них не было жизни без книги. Цена одной такой книги равнялась стоимости коровы и даже больше, но они покупали!

Однажды я столкнулась с забавной надписью на книге. Её хозяин решил дать зарок не употреблять алкогольных напитков ни в каких дозах и сделал запись прямо на книге: «В чем клянусь тебе, Святая книга. 1978 год».

Семейским нельзя было состоять на общественных должностях, открывать свои училища, нельзя печатать книги. Много чего нельзя. Но они были очень предприимчивые, и эту невероятную хозяйственную адаптивность никуда не денешь. Поскольку они попали в чуждое окружение, язык, культуру, у них не было выхода кроме как сплотиться, иначе они потеряли бы себя. Для них самое важное – духовность, семья, труд. Бабушки и дедушки семейские очень долго живут, потому что они в труде. Посмотрите на их дома и дворы – это же невероятная красота! Просто красота. Возвратить ничего нельзя, но нужно больше рассказать молодёжи и объяснять, в чём ценность этого наследия.

Большой Куналей

Среди семейских никогда не было бедноты. Их окружала красота. Так отцами заповедано: создашь земную красоту – получишь небесную. Так живут и ныне. В этом мы убедились, попав в село Большой Куналей Тарбагатайского района.

Приехали в самый разгар уборки хлеба и напросились в поле. Действительно: работают современные комбайны, на сопках колосится пшеница. Хозяйство

⁷ Домовина – гроб из цельного бревна, распиленного вдоль: эти две половинки с выдолбленными углублениями якобы сохраняют тело усопшего до второго пришествия.

Большой Куналей. У ворот дома О.А. Жимаревой

принадлежит фермеру. И пусть трудятся здесь не колхозники, а наёмные крестьяне, за них не обидно: село богатое, дома добротные, такие же яркие и нарядные, как и костюмы семейских. Расписные ставни, двери, летняя кухня – всё в ярких красках, живое, радостное. Даже собачья будка нарядная – хоть на выставку вези. И, несмотря на позднюю осень, во дворе – ликование цветов.

Мы зашли в дом **Ольги Александровны Жимаревой** (в девичестве Рыжаковой) и попросили рассказать о своём житье-бытьё.

– Семьи у нас всегда были большие, у каждого ребёнка – свои обязанности. Все знали, кому дрова колоть, кому воду таскать. Вставали затемно,

О.А. Жимарева

и начинался трудовой день... Надо работать, работать. Родители учили нас жить в любви, дружно, придерживаться старых традиций.

В школу я пошла в сарафане. По уставу семейскому у девочки одна коса должна быть – грешно носить две косы. В школе нас, конечно, ругали, но наши-то упёртые...

Я замуж пришла в этот дом, тут были старики. Они столько пережили! Репрессии, тюрьма. Вот уж они молились! Молятся, молятся, но меня шибко не заставляли – я больше по хозяйству.

Главная отрада у семейских – песня. Родители пели всегда и везде. Какая жизнь трудная, сколько проблем, а пели... Женщины едут ранёхонько в поле, сидят на долгой (это длинная значит) телеге гурьбой и поют. Нароботаются до потери всех сил, едут обратно – поют. Вот такой ещё пример. На другом конце села жил одинокий мужичок, за малый рост звали его Чекушкой. Голосок жиденький, жёлтенький – так говорили. Жил скудно. А у нас заведено: в субботу накорми, в баньке попарь. Вот отец за ним поедет, привезёт, в бане вымоет, накормит. Никакой выпивки не было – ни-ни. И давай петь! Напоются, и тятя его обратно везёт. Он у меня руководителем семейского хора был – Александр Иванович. Ещё знатных стариков застал, пел с ними в Кремлёвском Дворце в 1940-м, в 1959-м, в 1967 годах. А на банкете в Кремле запел – люстра тряслась. Где только ни выступали! В Америке, во Франции, Германии и других странах. И я поездила по всему миру в 1990-е. У нас колхоз крепкий был, выделял деньги, и мы с нашим хором везде побывали. И так нас принимали, так аплодировали! Вон, гляньте на фотографию: женщины все бравенькие, кровь с молоком...

Живой Будда

Когда Екатерина сослала старообрядцев из Ветки в Забайкалье, им была предоставлена помощь в виде зерна и денежного пособия. Расселяли их семьями по всей Бурятии. Вот только умолчали власти, что вся земля за Байкалом поделена между древними бурятскими племенами. Столкновение, казалось, было неминуемо, но русский и бурятский народы нашли точки соприкосновения и миром решили проблему земли.

Буряты очень любили моего деда. На Щучьем озере он поначалу оказался единственным русским. Учил бурят плести сети и добывать рыбу. Это было актуально, когда в засушливые годы или во время эпидемий начинался падеж скота и мор валил бурят. Они же посвятили деда в тайны тибетской медицины. Во времена моего детства буряты были частыми гостями в доме деда: не проходило дня, чтобы кто-то из них не наведался «по срочному делу».

Марина Павловна Рогачева, заместитель главы Тарбагатайского района Бурятии по социальному развитию, рассказала свою семейную историю, связанную с бурятами. Так случилось, что её отец влюбился в девушку, но его отец – он был уставщиком – не благословил молодых, и они вынуждены были уехать из слободы. Сложилась крепкая многодетная семья, но выжить вне общины и без поддержки родных оказалось очень сложно. Подкармливали буряты – их улус был рядом. «Буряты помогли нашей семье выжить, – говорит Марина Павловна

Наталья Цуканова после интервью с Чингис-ламой Шулутского дацана

и добавляет: – Судьбы наши слились, и культуры слились».

В Бурятии прихожане православных храмов нередко обращаются к ламам за помощью, особенно лечебной, и даже посещают хуралы в дацанах.

Наша съёмочная группа тоже направилась в дацан – Иволгинский. Это главный буддийский монастырь в России, место паломничества буддистов всего мира. В переводе с тибетского языка это «Обитель Совершенного Колеса Учения, Горы, Приумножающей Добродетели Тушиты».

Главная святыня Иволгинского дацана – **нетленное тело Пандито Хамбо ламы (титул главы буддистов России) Даши-Доржо Итигэлова**. Это был XII глава буддистов, известный религиозный деятель, который в 1927 году сказал своим ученикам, что уходит в вечную медитацию, и велел им проверять его могилу каждые 25 лет. После обретения его тела в 2002 году в Иволгинском дацане был возведён Дворец Хамбо Ламы Этигэлова. Посмотреть на живого ламу едут не только буддисты. Мы тоже полюбопытствовали и заплатили каждый по 300 рублей за вход. Сидящий живой Будда не впечатлил нас, зато беседа с ламой – охранником Даши-Доржо Итигэлова – показалась интересной. Он уверял нас, что Итигэлов разговаривает. Если задать ему вопрос, который тебя мучит, то во сне обязательно получишь ответ. Также он рассказал, что на территории дацана находятся, кроме храмов, буддийский университет, библиотека, музей, художественная мастерская, Галерея искусств народов Азии, оранжерея для священного дерева Бодхи. Здесь же расположены здания резиденции действующего XXIV Пандито Хамбо ламы Дамбы Аюшеева.

Женщины, торгующие сувенирами на территории дацана, показали нам дом, где проживает глава буддистов России. Я знала, что буддийские ламы аскетичны в быту, но жилище действующего Пандито Хамбо ламы меня поразило: простенький деревянный домик с удобствами на улице...

Священное море

О Байкале местные жители говорят очень уважительно, одушевляя его и наделяя выразительными эпитетами. Озером не зовут – только морем. Много легенд, связанных с характером Байкала, бытует в Бурятии. Из этих сказов вырастает образ

своевольного, мудрого, жёсткого и справедливого старика. Даже омуля рыбаки ловят с оглядкой: пожадничаешь – Байкал накажет.

Те, кто живёт далеко от берегов священного озера, слыша восторженные рассказы о нём, мечтают увидеть эту красоту своими глазами. Но не всем открывается тайна Байкала. Не ждите от его берегов пышности и великолепия. Он могуч и суров, знает и видит то, что сокрыто от глаз человека.

Мы выехали на Баргузинскую трассу в пять утра, чтобы успеть отснять самые примечательные места на берегу Байкала. Мне было интересно понаблюдать за коллегами: как они воспримут священное море?

Когда мы достигли первой точки соприкосновения трассы с Байкалом, я не заметила особого восторга на лицах моих друзей, но очень скоро Старик увлёк их силой и мощью, и они уже готовы были навек остаться в его объятиях. Зная, как опасно возвращаться ночью по серпантину над каньонами, я пыталась остановить путешественников от дальнейшего продвижения на север, но мы всё же добрались до Усть-Баргузина и Национального парка. И эта картина стоила пройденных сотен километров (в оба конца – более шестисот).

Очень хотелось искупаться. Побывать на Байкале и не окунуться в его волшебную ледяную воду – значит обидеть Старика. Руководитель группы Наталья Викторовна, как оказалось, даже захватила купальник, но я, чтобы не лопнуть от зависти, её остановила: мол, впереди ещё много работы – здоровье важнее.

В Улан-Удэ мы возвращались, конечно же, ночью...

Байкал

Ветка

Моя ниточка рода протянулась на тысячи километров, связав западные границы нашей огромной страны с восточными. Так что из Бурятии мы отправились на другой край земли – в Гомельскую область. Снова тяжёлый перелёт в Москву, а оттуда на машине – в Беларусь. Тут никакие километры не страшны: современные автобаны позволяют легко и быстро передвигаться от города к городу.

В XVII веке это была польско-литовская страна, и сюда из центральных районов России бежали тысячи и тысячи старообрядцев, чтобы сохранить Слово Живое. И сохранили немеркнущий свет, принесли сюда своё православное Отечество.

Вот небольшая цитата из романа.

Беженцы облюбовали пустынный остров посреди реки Сож – тут решили ставить слободу.

– Обоснуем свою православную ветку, – торжественно объявил Козма, – и пустит она корни. Пуцай растёт вишь новыми ветками и крепит нашу веру.

И пошло название из уст в уста: Ветка. Вокруг острова строились новые слободы: беженцы прибывали. Слободы получали свои названия по именам и фамилиям основателей. Но за всеми поселениями укрепилось единое имя Ветка – образ свободы и правой веры.

Но в названии «Ветка» скрыт гораздо более глубокий смысл. Об этом мы узнали в Ветковском музее старообрядчества им. Ф.Г. Шклярова. Этот богатейший музей открылся в 1987 году в историческом особняке – доме купца Грошикова. Сегодня музей – крупный научно-исследовательский и просветительский центр региона. В его фондах насчитывается около 11 тысяч экспонатов: уникальные коллекции старообрядческих икон, рукописных и старопечатных книг XVI–XIX веков, коллекции ткачества и археологии. Действует отдел реставрации и возрождения ремёсел.

Нас встречает директор музея **Пётр Михайлович Цалко** и сам проводит экскурсию. И что удивительно: каждое его слово пропитано любовью к старообрядцам и Ветке:

– Это единственный музей, который полноценно рассказывает о культуре старообрядцев и создаёт цельный их образ. Но старообрядцев здесь нет, Ветка – мифический образ, она пустила ветви в Тарбагатае, Невьянске, в самых разных точках России. Как Богородица стала вмещищем невмещаемого, так и эти стены музея вместили в себя не несколько тысяч экспонатов, а живую культуру. Кто такие старообрядцы? Они себя не называют так – они же православные. Это название извне. Появилось название – москали. И сразу понятно, откуда они пришли.

Слушая Петра Михайловича, я делаю неожиданное открытие для себя: в XVII веке Ветка развивалась как русский город, как Москва. Дата основания – 1685 год. Издавна главная площадь Ветки называлась Красной, и сегодня она – Красная площадь! Та самая, откуда они пришли. А названия слобод? Новгородских слобода, ярославских, донских, московских. Растёт население, возвышаются купола Покровского храма, русские корни дают новые ростки.

Директор Ветковского музея старообрядчества
Петр Цалко

Директор музея продолжает:

– Из своего Отечества, откуда они пришли, они принесли и площадь Красную, и храм Покрова Пресвятой Богородицы, и культуру. Вот оно, Отечество, здесь, рядом! Ветка – это ветка Москвы, ветка древлеправославия. Староверов униженно называют раскольниками. Но ветвь, которая откололась, не раскололась! Она пустила свои крепкие корни и расцвела. Это стремление к свету, солнцу, красоте внутри этих людей было. Культура Ветки развивалась от образа райского сада. Пусть не там, откуда нас изгнали, а здесь наш сад будет. Если мы разведём эти сады, значит и душа наша в раю будет.

А ведь правда: могли бы озлобиться, проклясть власть – светскую и духовную! Бежать из страны с ненавистью ко всему русскому (как это происходит сейчас), а они пронесли свет и красоту... И не только в Ветку, но затем и в Забайкалье. И Любовь процветает – в песнопениях, в ярких нарядах, в которых тоже скрыты глубокие смыслы.

В этом отрывке из романа идёт речь идет о ткачестве в Ветке.

Работа ткачих не была лёгкой: требовались и сноровка, и фантазия. Степанида научала Василису:

– Тки не без рассудка. В природе каждая вещь имеет смысл: икона, книга, сарафан. Нет в мире бессмыслицы: земля внизу, небо вверху, воздух в середине. И мы все следуем единому правилу в пути: рождение, змаганье, кончина. Так и в одежде: есть низ, за ним – сяродак, дальше – верх. Ты, когда рисунок тягнешь, кумекай: что в низ ткани кладёшь, что – в сяродку, а что – ввысь.

Не сразу Василиса поняла, чего добивалась Степанида, а когда разумела, такую радость в работе обрела, что оторваться не могла от дела: мысль обрела образ, а образ переносился в рисунок.

И Пётр Михайлович развивает мысли о красоте:

Гомельская Ветка. Памятный крест старообрядцам

– Вопрос красоты для старообрядцев – это мерило всего, что есть в земной жизни. Потому что там, в райском саду, была красота. Вот к чему надо стремиться: к райскому саду! Поэтому всё, что вокруг: палисадники, иконы, киоты, оклады, ризы, книги – должно быть красиво. Если есть внутри красота, ты будешь готов принять её извне. Но чтобы принять извне, ты сам должен её создавать. Внешняя красота – проявление внутренней, которая всегда была в старообрядце.

Ветковские древлеправославные иконы отличаются от современных. Прежде всего поражает богатство золочёных окладов и жемчужной вышивки. И раскраска образов особенная.

Мы останавливаемся у образа святителя Николая. Пётр Михайлович комментирует:

– Видите? Золото. Райский цвет. Потому что радоваться надо. Надпись на иконе уникальная: «Никола Чудотворец отвратный, иже в Москве». Подчёркнуто: как и в Москве! Отвратный – отвращающий беса. Взгляд у Николая – за левое плечо. В экспедиции дедушка, который передал музею эту икону, вспоминал: «Когда я был мальцом, мать уходит в поле работать, скажет ребятишкам: “Смотрите, Никола же за вами следить будет”. И мы хоть под кровать залезем, а он всё равно смотрит на нас. Ощущение такое, что он, Никола, в твоём доме живёт и он здесь хозяин».

Пётр Цалко рассказал нам о многочисленных экспедициях по Беларуси в поисках старообрядческих экспонатов. За каждой вещью – своя история, живые люди. Особенно тронула Петра Михайловича

встреча с обладательницей уникального Апостола – книги Ивана Фёдорова 1574 года.

– Представляете картину? Конец XX века, женщина сидит у окна и читает Апостола Ивана Фёдорова в оригинале. Полтысячелетия прошло, а она сидит и читает у окна. Стали мы просить старушку продать эту книгу в музей – она не соглашается ни за какие деньги. Говорит: «Это не книга мне принадлежит, а я этой книге». Какая глубокая фраза... Она раскрывает культуру старообрядцев, их воззрения на мир. Старообрядцы собирали старину не для того, чтобы в шкафчик складывать, а делиться мудростью. Для них древняя книга и икона – источники, чтобы дальше продолжать эту традицию. Кстати, та женщина отдала музею свою книгу бесплатно, попросив взамен похожую, более позднего издания.

Не икона, не письмо Ветку прославили, а свобода. Они пришли сюда свободные, они свободно мыслили. Это были величайшие философы, образованнейшие люди своего времени...

Никола Отвратный. Икона XVII века в Ветковском музее старообрядчества

Почему расцвела Ветка и её культура? Покинув Москву, старообрядцы дошли до реки Сож. Это была полноводная судоходная река, впадающая в Днепр, а далее – Чёрное море, богатейший рынок. Когда расцветает экономика, расцветает и культура. Но вот что главное: староверы не обогащали собственные карманы – они обогащали культуру через карманы.

Община зародилась не в Тарбагатае, а ещё в Ветке. Священное правило: все денежные накопления должны идти в общую казну – прижилось среди старообрядцев и выполнялось даже самыми богатыми промышленниками России.

И ещё один важный вывод мы сделали в Ветке. Для старообрядцев Отечество – это самая большая ценность. Не важно, какая власть над нами, – важно любить свою родину и делать всё для её процветания.

Ярославль

Наше путешествие построено так, будто мы движемся в обратном направлении – в прошлое. Такова формула верного пути: лицом в прошлое, спиной к будущему, дабы избежать исторических ошибок. Ведь в прошлом скрыты все ответы на главные вопросы бытия.

Мои герои проделали путь длиной в три века из Ярославля в Москву, оттуда – в Речь Посполитую, а через сто лет – в Тарбагатай. Мы же проложили дорогу Любви в обратном направлении и наконец приехали в Ярославль. Он встретил нас хмуро, дождём и траурными баннерами в связи с трагической гибелью талантливого артиста, художественного руководителя Ярославского театра драмы им. Ф. Волкова Сергея Пускепалиса.

И всё-таки город хорош! Кто не видел Ярославля, тот не знает Россию.

По семейному преданию, мои предки из Ярославля. По архивным документам, пращур ушёл из Москвы в 1682 году после разгрома старообрядцев с дьяком Козмою. Из этих данных родился главный персонаж романа «Тарбагатай» – Феодор Чебунин, мастер резьбы, который участвовал в украшении ярославских храмов.

В самом центре Ярославля стоит удивительный по красоте храм Илии Пророка XVII века с четырьмя приделами. Уже только ради этого архитектурного сооружения можно мчаться в Ярославль! Внешний облик церкви необычен: разные по величине объёмы с четырьмя столбами, поддерживающими высокие своды. Поистине, это шедевр древнего зодчества.

Главной целью нашей поездки в Ярославль были съёмки внутреннего убранства этого храма, на что мы почти не надеялись. Вход оказался платным, и видеосъёмку нам разрешили. То, что мы увидели, превзошло все ожидания.

Больше всего поразила стенопись. Она украшает стены, своды, столбы, откосы окон. Краски яркие, сочные, завораживающие. Как рассказала экскурсовод, церковь строилась на средства богатейших ярославских купцов – братьев Скрипиных. После смерти одного из них – Вонифамия – его вдова Иулита Макаровна не пожалела денег и пригласила самых известных мастеров. Главный из них – костромской мастер Гурий Никитин слыл крупнейшим мастером стенографии. Его бригада расписывала главный придел храма Илии Пророка.

Эстетический шок испытываешь при виде шестиярусного иконостаса. Очень выразительны древние иконы – они живые! В центральном иконостасе сто икон. Среди этого великолепия выделяются

иконы местного яруса. Слева от Царских врат находится икона Богоматери Тихвинской XVI века. Справа от врат – Спас Смоленский кисти знаменитого иконописца Стефана Дьяконова и мастеров его круга. Рельефные колонки между иконами украшены пышной вьющейся золоченой виноградной лозой с серебристыми гроздьями. Это один из лучших русских иконостасов XVII столетия.

Придельные храмы были расписаны ярославскими мастерами, но это не умаляет их красоты.

Тёплый придел – Покрова Пресвятой Богородицы. Своды здесь низкие, и это придаёт храму загадочность и скрытность. Северный придел посвящён святым исповедникам Гурию, Самону и Авиву. На противоположном юго-западном углу возвышается придел Положения Ризы Христа – великолепный шатровый храм. К освящению Ильинского храма в 1650 году царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф даровали богатейшую святыню – часть Ризы Господней,⁸ но её мы так и не увидели.

Ярославль – за что я его люблю – сохранил образ старой Руси, как и старообрядческая культура сохранила ментальность древнего православия, когда народ воспринимал Русь как святую землю с особым присутствием Бога. При всей своей смиренности русские люди гордились древнерусским православием.

Сегодня же, когда глобалисты подмяли под себя полмира, мы вспомнили, что у нас свой путь – Русский. Многовековое староверие не угасло в нашем сознании, закрепилось на генном уровне, потому мы и не воспринимаем чуждую идеологию.

Судьба подарила мне незабываемые встречи с родными людьми, связала родовой пуповиной места обитания предков, прошлое – с настоящим и будущим.

Все мои далёкие-близкие, родные семейские ушли дорогами любви, обрели путь к Вратам Небесным. Может быть, и меня, грешную, помилует Господь...

Прощание с Тарбагатаем

⁸ Дар персидского шаха Аббаса царю Михаилу Федоровичу, преподнесённый в 1625 году и хранившийся в Успенском соборе Московского Кремля.

ТО, ЧТО СЕРДЦУ ДОРОГО

Холмы Бурятии

Буддийские подношения

Хор семейских женщин

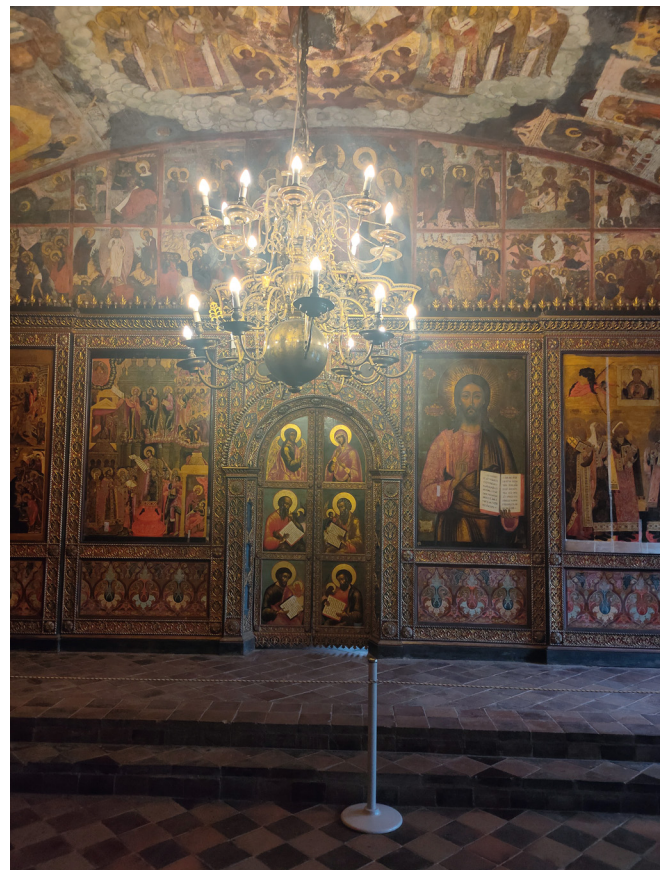
Экспонаты частного музея о. Сергия

О. Сергий (Палий) в храме-музее бывшей Знаменской церкви в Тарбагатае

Богоматерь Казанская. XVII век. Оклад XVII в. Ветка

В храме Илии Пророка

Главный храм Иволгинского дацана

Иволгинский дацан

ОТ ГОРОХОВЦА ДО МУРОМА

Фото Владимира ЛАМЗИНА

(«Путевой дневник» читайте на стр. 49-51)

Гороховец, Благовещенский собор

Гороховец на Клязьме

Гороховец. С монастырского берега Клязьмы открывается красивая панорама. Город лежит как на ладони

Гороховец, вид на Свято-Знаменский женский монастырь

Гороховец. Панорама с берега Клязьмы

Муром. Свято-Троицкий женский монастырь. Троицкий собор (1643)

Муром. Церковь Николая Чудотворца.
(Год постройки: между 1700 и 1717 гг.)

Муром. Спасо-Преображенский мужской монастырь,
Спасо-Преображенский собор (1560)

Муром. Спасо-Преображенский мужской монастырь. Храм в честь Херсонесских священномучеников в братском корпусе (1911)

Муром. Спасо-Преображенский мужской монастырь. Храм в честь Покрова Божией Матери (1691) и Спасо-Преображенский собор (1560)

Муромский Благовещенский мужской монастырь, Благовещенский собор

Сергей ЕСИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА БЛАГОДАТЬЮ

Из путевого дневника

С 2017 года у группы выпускников средней школы № 2 г. Ульяновска (выпуск 1974 года) сложилась традиция весной выезжать в паломническо-познавательные поездки по монастырям России. В 2022 году (по объективным причинам), поездка состоялась осенью. Мы пришли к единому мнению, что желаем видеть в осеннем наряде Гороховец и Муром.

19 октября 2022 года мы посвятили Гороховцу.

Гороховец – удивительный город на востоке Владимирской области, административный центр Гороховецкого района. По легенде, был основан великим князем Андреем Боголюбским в 1168 году во времена походов русских войск на Волжскую Булгарию.

В маленьком поселении на 12 тысяч человек достопримечательности встречаются на каждом шагу. Визитная карточка Гороховца – его архитектурный облик.

В Гороховце представлена не только деревянная архитектура, но сохранились каменные палаты XVII века. Не в каждом областном городе найдешь хотя бы один такой дом.

Дом Ершова (Сапожникова)

Один из древнейших жилых домов Гороховца расположен недалеко от Пужаловой горы. Величественное трехэтажное сооружение с высокой каменной лестницей призвано было показать окружающим, насколько богат и влиятелен торговец Семен Ершов. В советское время в здании открылся историко-архитектурный музей.

Дом Ширяева

Жилые палаты семьи Ширяевых примыкают к ограде Сретенского монастыря. Трехэтажное строение XVII века не раз переделывалось, перестраивалось и совершенствовалось.

Фасад выполнен в древнерусском стиле, однако все внутреннее устройство следовало европейским тенденциям того времени. Трудными реконструкциями особняк приведен в дореволюционный вид.

Дом Опарина

Каменные палаты Матвея Опарина относятся к концу XVII века. Изначально это было скромное двухэтажное здание с маленькими окошками и красивыми каменными наличниками, не привлекающими особого внимания.

Через несколько лет произошел довольно забавный случай, благодаря которому малопримечатель-

Дом Опарина

ное строение изменило свой внешний вид и стало исключительным образцом старинного зодчества.

Купец построил дом на берегу Клязьмы так, чтобы входная дверь смотрела на город. Однако вскоре другой гороховецкий купец – Ершов поставил перед домом своего конкурента Благовещенский собор, тем самым затмив владения торговца.

Обиженный Опарин перенес вход на противоположную сторону жилища и пристроил к нему огромное крыльцо наподобие церковного портала. В результате архитектурного противостояния появилось уникальное в своем роде сооружение.

В течение столетий особняк сменил нескольких владельцев, в числе которых были торговые люди Забродины и Селины. Сегодня в здании располагаются ЗАГС и центральный архив города.

Дом Канонникова

Белокаменный особняк Канонникова отличается от других купеческих жилищ простотой и отсутствием каких-либо внешних украшений. Два этажа вмещают несколько просторных комнат, в которых проживала большая семья купца.

В советские годы памятник архитектуры мог быть утрачен ввиду ненадлежащего ухода. Полноценная реставрация началась только в 2004 году. В настоящий момент в здании работает одно из подразделений управления культуры и спорта.

Свято-Троицкий Никольский монастырь

Свято-Троицкий Никольский монастырь основан в 1644 году и расположен на Пужаловой горе. Монастырь возник на месте сожженной черкесами деревянной церкви.

В 1681 году на деньги купца Сапожникова был заложен главный храм обители – двухэтажный пятикупольный Троицкий собор. В XVII веке рядом появились ещё два каменных строения: храм преп. Иоанна Лествичника и надвратная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (не сохранилась).

В советское время монастырь был закрыт, а главный храм обезглавлен. В зданиях разместились склады, детский приют и общежитие. После развала СССР обитель возродилась и обретает былую красоту.

Сретенский монастырь

Первый в Гороховце женский монастырь был основан в 1658 году в самом центре поселения. Высокая надвратная колокольня, словно маяк, видна издали.

Сердце обители – пятиглавый храм Сретения Господня, построенный в 1689 году. Из древних сооружений сохранились также невысокий теплый храм преп. Сергия Радонежского (1699) и келейный корпус.

Каждые сто лет после основания монастырю грозили закрытием, однако каждый раз местные жители отстаивали обитель. Окончательно упразднить её смогла лишь власть большевиков. На заре XXI века монастырь возродился к жизни.

Свято-Знаменский монастырь

Мужской деревянный монастырь был основан в конце XVI века. Древнейшую обитель Гороховца возвели в местечке, прозванном Красной гривой, поэтому в народе монастырь получил название Красногравский.

Первые белокаменные сооружения были построены во второй половине XVIII века на пожертвования купца Лопухина. Центром обители стал храм Знамения Пресвятой Богородицы. После революции монастырь опустел, постройки были отданы под нужды советского народа. В 1994 году церкви возвратили верующим. В 1999 году обитель начала возрождаться в качестве женской общины.

Сегодня монашескую жизнь от мирской по-прежнему отделяет река Клязьма. Понтонный мост – единственная ниточка, связывающая монастырь и

Собор Живоначальной Троицы

город. Живописные окрестности охраняют молитвенное уединение и труд сестер.

20 октября 2022 года через Ворсму и Выксу направились в Муром.

В Ворсме мы посетили Островоезерский Троицкий женский монастырь.

В 2007 году началось восстановление Островоезерского монастыря. Свято-Троицкий Островоезерский монастырь – возрождаемый монастырь на одном из островов Ворсменского озера близ города Ворсма.

Монастырь основан в конце XVI века схимонахом Макарием. С 1588 по 1743 год несколько поколений князей Черкасских были строителями и благоукрашителями Островоезерского монастыря. Монастырь упразднён в 1930-е годы, в 1950-е была полностью разобрана монастырская ограда и разрушены два каменных храма – Троицкий и Казанский. Сохранились только полуразрушенные братский корпус, фрагменты ограды и надвратная церковь Михаила Малеина. В 1995 году остатки монастырских построек и остров были взяты под охрану государства.

Город Выкса. Посетили Выксунский Иверский женский монастырь (основан в 1863 году).

Иверский монастырь

Действующая женская православная обитель в Выксе переживает новый этап в своей истории, возродившись после забвения в советскую эпоху. С 1991 года идет возрождение монастырских объектов.

Появление в Выксе монастыря связано с именем преподобного Варнавы Гефсиманского, послушника одноименного скита Троице-Сергиевой лавры. В миру его звали Василий Меркулов. Религиозный деятель, причисленный к лику святых, в 1864 году прибыл в село Выкса, основав здесь обитель. Рассвет монастыря пришелся на рубеж XIX–XX веков, примерно на 1887–1921 годы. После монастырь подвергся частичному закрытию, потом – ликвидации. В 1930-х многие его строения были разрушены.

Соседство двух эпох иллюстрирует действующий храм Троицы Живоначальной. Вновь отстроенная красивая церковь, декорированная в бирюзово-белых тонах, с запада примыкает к руинам разрушенного исторического здания, из-

Свято-Знаменский монастырь

Выксунский Иверский монастырь

начально возведенного в 1904 году по проекту архитектора П. Виноградова.

21 октября 2022 года.

Муром впервые упомянут в «Повести временных лет» под 862 годом среди городов, подвластных князю Рюрику после призвания варягов. Согласно другим датировкам, славянские племена появились здесь не ранее второй половины X века.

Воскресенский Женский монастырь (1566)

По преданию, монастырь был основан на месте загородного дворца княжеской четы Петра и Февронии. Первое упоминание в документах приходится на XVI век. В архитектурный ансамбль входит пятиглавая Воскресенская церковь, трапезная, обходная галерея, Введенская церковь и шатровая колокольня.

При большевиках монастырь был разграблен, расположенное здесь городское кладбище и вовсе приспособили под футбольное поле. Пострадавшие в те времена постройки до сих пор находятся в плачевном состоянии и проходят поэтапную реставрацию. В введенской церкви хранятся местные реликвии: иконы и частицы святых мощей.

Свято-Благовещенский мужской монастырь (1553)

На месте действующего мужского монастыря в XII веке был построен деревянный Благовещенский храм. В нем хранились мощи муромских князей, обративших население к лику христых. Их останки и сегодня составляют главную святыню монастырского комплекса наряду с частицей мощей Ильи Муромца. Сам же монастырь появился в 1553 году при Иване Грозном в честь присоединения Казанского ханства.

Многие оригинальные постройки не уцелели в годы польской интервенции, а часть сооружений появилась позже. Так, в 1812 году комплекс был обнесен каменной оградой с угловыми башенками. Из самых старых построек сохранился Благовещенский храм в стиле русского узорочья. На территории комплекса находится некрополь, где покоится прах многих выдающихся муромцев.

Свято-Троицкий женский монастырь

Действующий Свято-Троицкий монастырь был основан в 1643 году. Белоснежный собор и колокольня в стиле русского узорочья составляют один

из самых узнаваемых в Муроме архитектурных ансамблей. Яркая деталь – сверкающие на солнце кованые кресты, покрытые позолотой.

Монастырь бережно хранит несколько святынь. В их числе – мощи Петра и Февронии Муромских, покровителей семьи и любви. Памятник православным святым установлен перед храмом и стал популярным местом у молодоженов.

Другая монастырская реликвия – Виленский крест-мощевик, почитаемый как чудотворный. Согласно преданию, он был привезен боярином Миклулиным из захваченного Вильнюса (Вильно) в 1657-м и передан Тарасию Цветнову – основателю Свято-Троицкой обители.

Спасо-Преображенский мужской монастырь (1096)

Монастырский комплекс входит в число древнейших городских построек: первое летописное упоминание относится к 1096 году. Построенный, как считается, при дворе князя Глеба, он выполнял еще и оборонительные функции. Значительный вклад в развитие монастырской инфраструктуры внес царь Иван Грозный. В XVII веке монастырь пострадал при нападении литовцев.

Позже комплекс дополнился новыми постройками: каменными Покровской и Кирилло-Белозерской церквями, настоятельным корпусом, семинарией и братским корпусом; также была построена колокольня с шатровым завершением. В 1920-30-х годах здесь действовало отделение НКВД. Сейчас Спасо-Преображенский мужской монастырь вернулся в лоно Муромской епархии и является действующим.

Николо-Набережная церковь

Другое название храма на высоком берегу Оки – церковь Николы Мокрого. Это связано с тем, что во время весенних разливов реки вода подступает к самым стенам постройки. Церкви в честь Николая Чудотворца традиционно возводились у воды, поскольку святой считается спасителем утопающих и покровителем путешественников. Строительство было закончено в 1717 году, хотя, согласно летописям, первая деревянная церковь была построена здесь в середине XVI века Иваном Грозным. В храме хранятся мощи святой праведной Иулиании Лазаревской.

Также на территории бьет Никольский родник: вода в нем считается целебной.

Гуляя по набережной, мы, конечно, осмотрели памятник былинному богатырю Илье Муромцу (скульптор Вячеслав Клыков). Монумент, установленный в 1999 году, выполнен из бронзы, высота составляет 21 метр.

Мы возвращались, объединенные общими впечатлениями. Сочетание красоты осенней природы с красотой церковной наполнило душу. Сколько благодатных мест в России! Сколько еще маршрутов можно проложить, открыть для себя неизведанные уголки родной земли!

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

ВНОВЬ ЗА ПРАВДУ РОССИЯ

Стихи димитровградских поэтов

Евгений ЛАРИН (1926–2020)

ПОЗВОЛЬТЕ СКАЗАТЬ!

Позвольте сказать, дорогие поэты,
Кто дышит поэзией в нашем краю:
Да, многое нами воспето и спето,
Когда выражаем мы душу свою.
Мы каждый по-своему в лирике «пашем»,
Но жаль, что порой содержание стиха
Не пахнет ни Русью, ни временем нашим,
Хоть ставь под стихами любые века.
А всё потому лишь, друзья дорогие,
Что любим, как в годы застоя, молчать
И гневное слово в защиту России,
Как прежде, боимся направить в печать.
Мы жизнь наблюдаем сквозь рамы двойные,
Не чувствуя, что у народа болит...
А там, за окошком, живая Россия,
Которая ныне нередко бурлит.

А мы, как чужие, не видим, не слышим,
А мы – в стороне от гражданственных тем.
А мы о невзгодах народа не пишем,
Не зная конкретных российских проблем.
Не знаем мошенников и спекулянтов,
Кто вечно на биржах ловчат и хитрят.
Не знаем российских полуэмигрантов,
Кто многие годы казну потрошат.
Они и Россию кольцом окружили,
Чтоб сесть на неё, как на лошадь, верхом...
Ах, как она ждёт, чтоб её защитили
Поэты России гражданским стихом!
Ах, как она ждёт от нас мощного слова,
Глыбастой, зубастой, разящей строки,
Чтоб наши глаголы звучали сурово
И были остры, как в атаке штыки.
Чтоб слово поэта во всю свою силу
И гнев, и протест выражало сполна,
Чтоб верой и правдой России служило,
Она ведь у всех у нас только одна!

Отрывок из поэмы

ВЕНОК ПАМЯТИ

Отгремел в сорок пятом последний снаряд.
 Заросли разнотравьем блиндажи и окопы.
 И на пенсии ныне самый юный солдат,
 Прошагавший с боями почти пол-Европы.
 Он с тревогой теперь не на Запад глядит,
 А на то, что осталось от великой державы...
 И солдатское сердце скорбит и болит
 За единую, общую, ратную славу.
 Да, была у народов Победа одна,
 Даже ненависть общая всех наполняла.
 Было общим и горе, и страна, и война,
 А единство и дружба были крепче металла.
 И в ту пору представить не мог ни один
 На державном пространстве

иное пространство:

Самостийных украинцев, суверенных грузин,
 Где иные законы и иное гражданство...
 Для того ли спасали мы множество стран?
 Для того ли немецкий фашизм разгромили?
 Чтоб в Эстониях, Латвиях нас, россиян,
 Унижали и подло за Победу судили?..
 Раскололась держава, как ветхий горшок.
 И сердца раскололись, и память, и души.
 Раньше братски делили последний кусок,
 А теперь уже делим и море, и сушу.
 Потому и горюет, и вздыхает солдат:
 «Где же дружба? Где братство?»

Не пора ли сплотиться?..»

И вчерашний солдат бьёт призывно в набат,
 Чтоб до всех разобщённых сердец дозвониться.
 Только жаль, что ещё равнодушья полны
 Очень многие ныне – чего уж лукавить.
 Мало – памятник ставить

не пришедшим с войны,

Надо памятник в с е р д ц е сначала поставить!
 Тут не нужен ни мрамор, ни сталь, ни гранит,
 Ни звенящая бронза, ни другие металлы,
 Чтобы заповедь века – НИКТО НЕ ЗАБЫТ –
 Как молитва и клятва в сердцах kloкотала.
 Чтобы память о смертных

б е с с м е р т н о й была

И в умах, и в сердцах,

и в делах, и в стремленьях,

Чтоб к солдату тропа зарости не могла
 Ни травой-сорняком, ни травой забвенья.
 Равнодушие губит и память, и жизнь.
 Равнодушие тоже токсично, как стронций.
 С равнодушья всех стран начинался фашизм,
 Крематории зла раздувая под солнцем.
 Сколько горя и слёз принесло это зло!
 Сколько чёрных смертей грохотало над нами!
 Сколько нас, россиян, на земле полегло,
 Амбразуры войны накрывая сердцами!..
 Оттого не глотается горечи ком,
 Что безмерно число и слезам, и утратам...
 Пусть стихи эти будут благодарным венком
 Н е ж и в ы м и ж и в ы м

ЛЕГЕНДАРНЫМ СОЛДАТАМ!

Светлана ЗАЗИМКО

ВНОВЬ ЗА ПРАВДУ РОССИИ

Сколько боли и страха
 Претерпели они!
 Вновь Донецк, Волноваха
 Заполняют все дни:
 Что ни новость с экрана –
 Дым да всполох огня! –
 И сердечная рана
 Всё больней у меня:
 Там бандитские танки
 У домов среди села!..

Моя мать харьковчанкой
 Юность всю провела.
 С русским мужем в Сибири,
 На Урале жила...
 Край её я любила,
 Много раз там была.
 И тогда там мой русский
 Рядом с мовой звучал,
 С нежной вышивкой блузки
 Харьков мне продавал.
 Были общими горе,
 Счастье, радость и грусть.
 А Шевченковы твори
 Знала я наизусть...

Крым, и Харьков, и Сумы
 Вечно дороги мне.
 До сих пор мои думы,
 Что в одной мы стране!
 Я совсем не МЕССИЯ,
 И не громок мой глас:
 Вновь за правду Россия,
 И форпостом – Донбасс...
 Снова мир установим –
 Будет в крепких руках.
 Нашим общим героям –
 Честь и слава в веках!

ДЕВОЧКАМ РОССИИ

(Теленовости: Министр обороны
 вручает награды)

Лица их без помады
 И бледны, но спокойны.
 Ох, девчонкам не надо б
 Участвовать в войнах!
 Уж стихи бы читали,
 Ожидали бы сватов –

Им награды вручали
 В госпитальных палатах.
 И смущались от ласки:
 – Не считаю героем!
 Он был ранен, без каски –
 Я прикрывала собою.

...Эта женская доля –
 Прикрывать и лелеять,
 Выносить с поля боя,
 Себя не жалея...

Инга ГААК

МНЕ ЭТОЙ ОСЕНЬЮ НЕ СПИТСЯ

Мне этой осенью не спится –
Во снах сожжённая земля,
Визжат от ненависти птицы
И взрывом вспаханы поля.
Закрыв глаза, закрою уши,
Спускаюсь в сказочный уют.
Но те, что мечутся снаружи,
Парить, как прежде, не дают.

...В атаку брат идёт на брата –
И прежде видела во снах...
Да, я ни в чём не виновата,
Так отчего же к горлу страх,
Что это мой ленивый голос
Молчит, хоть мощь его важна?!
Что я должна, а не боролась
и наяву, и в безднах сна!

Но не умею в рукопашном
Сойтись и победить бою.
Наверное, решает каждый,
что делать, стоя на краю.

Я – молча плачу, вышивая
Славянский чёрно-алый миф.
На древе жизни закрепляю
Объединяющий мотив.
Грозится змей огнём летучим
Разрушить мировую ось,
Но крылья птиц пригонят тучи,
Чтоб небо благом пролилось!
И мёд поэзии заполнит
Ветвей иссохших пустоту!

Пусть зло поверженное помнит,
Что ветры добрые придут!
Они пройдут через пустыни
И недоверие сердец;
И гнев, и ненависть остынут,
И в виде годовых колец
На Древе Мировом застынут –
Войне – конец!

Лидия СТЕПАНОВА

Я – РУССКАЯ

Я – русская, и этим я горжусь!
Моя душа навек в себя вместила
Историю твою, святая Русь,
И это придает мне в жизни силы.

Я – русская. И счастлива я тем,
Что мне досталась родина такая,
Ее просторам нет конца и края,
Красу ее мне не сравнить ни с чем.

Я – русская. Люблю я наш язык –
Сакральный, мелодичный и могучий.
Он – бытия бессменный проводник,
Богатый, многогранный, самый лучший!

Я – русская. А русские всегда
За сирых и обиженных вставали.
И если в общий дом пришла беда,
Мы все ей дружно противостояли.

Я – русская. Я верую, что есть
Все силы Света, что нам помогают.
Отвагу сохранив свою и честь,
Мир русичи от зла освобождают.

Я – русская, а значит, знаю я,
Что Правда – вот святое наше знамя,
Да, с нами Бог! – вот истина моя.
И если бой, победа будет с нами!

ТЕЛЕМОСТ ДРУЖБЫ

В октябре 2022 года во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина состоялся телемост ульяновских писателей с литераторами города Лутугино (Луганская область, ЛНР).

Мы рады были приветствовать членов литературного объединения «Луганчик»! Ульяновцы и поэты Луганщины проложили мост дружбы и установили дружеские контакты на будущее.

На встрече члены литературного объединения «Луганчик» прочитали свои стихи, ознакомили со сборником «Город мой молодой», изданным к 120-летию города Лутугино, рассказали о своей литературной жизни.

От Ульяновского регионального отделения Союза писателей России приняли участие Ольга Даранова, Илья Таранов, Виктор Малахов, Николай Ларионов, Александр Дашко, димитровградцы Раиса Кашкирова, Александра Белова, Светлана Зазимко, Инга Гаак.

Ульяновцы рассказали об истории своего писательского союза, представили сборники «Симбирская пристань», «Слово о Победе», «Новый Венец».

Состоялся обстоятельный разговор и об антологии современной патриотической поэзии «ПоЗЫВной – Победа!» (изданной столичным из-

дательством «Вече» по инициативе Союза писателей России, при поддержке Президентского фонда культурных инициатив), в которой участвовали и ульяновские авторы. Презентация антологии состоялась позже, на вечере патриотической поэзии в День народного единства 4 ноября 2022 года.

Также лутугинцев пригласили к участию в декаде отечественной истории с 1 по 12 декабря 2022 года.

Предметом дружеского разговора было наше настоящее и общее будущее, наше содружество и взаимопонимание. Стихи ульяновских поэтов и поэтов Луганщины проникнуты единым чувством добра и братства, свободы и человеческого счастья. Мы благодарны друзьям за общение!

На встрече была достигнута договорённость о взаимных контактах, презентациях книг, публикациях.

Стихи лутугинских поэтов будут опубликованы в журнале «Симбирскъ» №1 – 2023 г.

Ольга ДАРАНОВА

Н. Ларионов, А. Белова, В. Малахов, Р. Кашкирова, И. Гаак, С. Зазимко, П. Шушков, О. Даранова, И. Таранов

ЮБИЛЕИ

Елена ДРОНИНА, руководитель литературного объединения «Родники».

ДА БУДУТ «РОДНИКИ» ВСЕГДА!

28 октября 2022 года в Карсунском районном Доме культуры прошли Чесноковские чтения и празднование 65-летия районного литературного объединения «Родники».

В зале собрались почитатели таланта поэта Анатолия Чеснокова (25.10.1951 – 09.03.2010), учителя, школьники, библиотекари, музейные работники, творческая интеллигенция. С большим интересом все присутствующие посмотрели видеofilm «Да будут «Родники» всегда», созданный Карсунской модельной центральной библиотекой им. Н.М. Языкова. Этот фильм рассказывает об истории литобъединения, о его руководителях и активных участниках, о прошлом и сегодняшнем дне районного литературного объединения «Родники». С большого экрана прозвучали слова поздравления всем тем, кто пишет стихи и прозу, печатается в районных, областных и всероссийских изданиях, кто верен Слову и служит своему Делу. Литературное объединение «Родники» было создано при газете «Карсунский вестник» (ранее – «Красная жатва» и «Коммунистическая новь»), поэтому первой поздравила «Родники» с юбилеем Елена Александров-

Участники встречи: О. Савко, В. Хорев, Е. Дронина, Л. Абрамушкина, М. Павликова, И. Сазонов, С. Рабани.

на Беляева, директор-главный редактор районной газеты «Карсунский вестник». Она пожелала процветания, вдохновения и творческих сил поэтам и писателям. Юбилей «Родников» совпал с юбилеем нового руководителя литобъединения Елены Михайловны Дрониной, учителя русского языка и литературы Большепоселковской основной школы. На сцену вышли «родниковцы», которые тепло поздравили Елену Михайловну с двумя юбилеями сразу! В ответном слове Е.М. Дронина поблагодарила своих коллег-единомышленников и прочитала поздравление «Родникам» от выпускника школы Никиты Красильникова, поэта, члена литобъединения, ныне солдата Российской армии. А ученики Елены Михайловны прочли стихотворения Анатолия Чеснокова и стихи собственного сочинения.

Начальник управления культуры МО «Карсунский район» Владимир Александрович Хорев тоже поздравил «Родники» с юбилеем и пожелал дальнейших успехов и вдохновения всем поэтам и писателям, прочитал стихи из своей новой книги.

Трепетно и с любовью рассказали о своём земляке-поэте А.П. Чеснокове ребята из Теньковской средней школы, душевно прочитали его произведения.

Прозвучали песни на стихи Анатолия Чеснокова в исполнении работников культуры и Марины Владимировны Павликовой, учителя русского языка и литературы Белозерской средней школы.

О.В. Савко рассказал о поэте А.М. Загибалине, Л.Г. Абрамушкина напомнила всем о близком друге А.П. Чеснокова поэте В.М. Селянкине, прочитала его стихотворения. Людмила Георгиевна зачитала поздравление с юбилеем «Родников» от Ольги Николаевны Дарановой, председателя Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

С большим волнением присутствующие на празднике слушали видеозапись выступления поэта, прежнего руководителя «Родников» Татьяны Александровны Эйхман (19.07.1956 – 26.11.2020).

На большом экране были кадры, где Татьяна Александровна читала свои стихотворения со сцены Языковского парка. В зале воцарилась тишина. А голос её звучал и звучал, напоминая о времени, когда Татьяна Александровна была рядом с нами. Замечательное стихотворение В.А. Хорева «Улетела птица», посвящённое памяти Т.А. Эйхман, прочитала Е.А. Павлычева, руководитель земского театра. На празднике со своими стихотворениями выступила и делегация из Языкова: С.М. Шатин, Н.В. Забродин, Ю.А. Мишин, юная поэтесса Я. Ключникова.

Поэтические выступления продолжила карсунская поэтесса Светлана Рабани, член литературного объединения «Родники».

Все прозвучавшие стихотворения наполнены большой любовью к Родине и Карсунскому краю.

В зале Дома культуры была развёрнута выставка книг местных авторов, сборников, альманахов, журналов, где напечатаны произведения карсунских поэтов и писателей. Украшением праздника стали замечательные песни, исполненные Д. Подгорновым, А. Бенгиным, вокальной группой «Щедрый вечер».

ЧУДОТВОРНЫЙ РОДНИК

Стихи участников литературного объединения «Родники»

Никита КРАСИЛЬНИКОВ

* * *

И вновь журчанье родника
Грядущее готовит миру,
Воспрянет творчества река,
Польётся громко, торопливо:
Вновь на прохладу чистых вод
Сойдутся жаждущие слова
И будут счастливы, коль бьёт
Родник – так чисто и знакомо.
Нет лучшей радости для нас,
Чем созидать под взором Музы,
Чей звонкий и певучий глас
Соединит людей в союзы –
Союзы чувственных речей
И высоко парящих мыслей:
Пока живёт родник, ручей,
То не иссякнут жизни смыслы.

Сергей ШАТИН

РУССКИЙ ДУХ

Радушно мы гостей встречали.
Мы всех соседей уважали.
Пытались с каждым в мире жить
И по возможности дружить.
Помочь мы каждому готовы.
Вы же мечтаете в оковы
Нас заковать в который раз.
Поставить на колени нас.
Стараясь аж с глубин веков
Унизить наших земляков.
Вы много лет на нас шипели,
Вы уничтожить Русь хотели,
Чтобы никто не смел мешать
Вам этим миром управлять.
Но вы, похоже, поспешили
И русских недооценили,
Ведь даже в древние века
Была святая Русь крепка.
И в наше время нет сильней
Её земли богатейшей.
Проверить русский дух хотите?
Ну что ж, тогда уж не скулите.
Допроситесь вы, так бабахнет,
Что Русью и у вас запахнет.

РОССИЯ

Ты так необъятна и так величава.
Народ твой и ныне един.
И с древних веков нерушимая слава
Повсюду идёт рядом с ним.
Как часто тебя на колени поставить,
Унизить пытались враги.
И гордый народ твой хотели заставить
Чужие лизать сапоги.
Но ты возрождалась из пепла и пыли.
Хотя было трудно порой.
Мы подвиг героев твоих не забыли.
Страна! Весь народ твой герой.
Так пусть процветает и дышит свободно
Ей сила и мудрость дана.
Вовек нерушима, всегда благородна
Россия во все времена.

Татьяна ДРОНИНА

В УСАДЬБЕ ЯЗЫКОВЫХ

Иду я мимо, слышу звуки вальса...
И голос Пушкина почудился мне вдруг.
К Языкову приехал повидаться
Его по вдохновенью брат и друг.

...Сентябрь окрасил листья позолотой,
Они шуршат и в парке, и в саду.
Дорогой, всем теперь уже знакомой,
И я по парку медленно иду.

Здесь Пушкин был,
Здесь он гостил у братьев,
Стоял, быть может, около пруда.
С Языковым-поэтом повидаться
В сентябрьский день приехал он сюда.

Я вижу дом Языковых просторный,
Типично барский и богатый дом.
Он двухэтажный, с белыми колоннами,
И Пушкину гостить приятно в нём.

Все в доме гостю дорогому рады.
И Пушкин, крепкой дружбой дорожа,
Сказал, что лучше нет награды,
Чем здесь гостить, зовёт сюда душа.

Прошло с тех пор почти уже два века,
Как Пушкин здесь, в Языково, гостил.
Наверно, нет такого человека,
Кто этих мест не знал и не любил.

И каждый год, спеша сюда на праздник,
Мы рады этим встречам вновь и вновь:
Здесь Пушкин был, судьбы своей избранник,
И здесь жива к Поэзии любовь!

Светлана РАБАНИ

НОЧЬ

Ночь завесила луну над домом.
Под стрехою воробышки спят...
Всё уснуло. Лишь в краю знакомом
Тихо-тихо провода гудят.
Небо звездами усыпано ночное.
Спят поля, укрыты пухом снеговым.
Лес завьюженный мечтает о покое,
Ветром убаюканный сквозным.
Ночь-кудесница, прядешь свою ты пряжу
Над простором и над тихой рекой.
Тёмным пологом укрыла землю нашу.
Подарила городам, селениям покой.

Николай ЗАБРОДИН

Случилось то, чего боялся я.
Ведь до сих пор был занят лишь искусством,
Как вдруг среди пустого бытия
Нагрянули забытые мной чувства,
Которых не испытывал сто лет.
И вот опять грешу я этой новью.
О, Боже! Как назвать её?.. В ответ:
«А назови по – старому – любовью.»

Я в рябиновой гуще купался,
А мольберт без меня рисовал.
Как и я, он ничуть не боялся
И все краски умело мешал.
Так зачем я теперь ему нужен?
Он творит без меня чудеса:
Вот и клён, и рябинка, и лужа,
И, конечно, любимой глаза.

Людмила АБРАМУШКИНА

«РОДНИКАМ»

Больше ценим с годами
Каждый день, каждый миг.
Пожурчи вместе с нами,
Чудотворный родник.

Расскажи нам, как летом
Соловей пел с тобой,
А порой, пред рассветом, –
Ветра грустный гобой.

И как радуга в небе
Торжеством разлилась...
Наша русская небыль,
Облаков белых бязь...

Быстрой птицей подняться б
Над любимой страной...
Мимо годы пусть мчатся,
Беды пусть – стороной...

Снеги саваном скроют
Чью-то радость, печаль,
Полетят белым роєм
Над землёю и вдаль...

Но я знаю, под снегом
Не замёрзнет «Родник»,
Песня, полная неги,
В нём звенит и звенит...

Будем мы подниматься.
Будет резвым Пегас.
Мы должны состояться,
Чтоб огонь не угас...

Алесь ТУМАНОВ, 16 лет

КАРСУНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Земля Карсунская, родная и простая,
Таких земель немало по стране,
Но что-то есть такое в этом крае,
Что малой искрой теплится во мне.
Мне не забыть восходы и закаты,
И птичий гомон раннею весной,
И шум берёз, как корабли, туманы,
И ясный месяц над Барыш-рекой.
Люблю простор полей, холмы, леса, болота,
Жужжанье комаров и трели соловья,
Пургу зимой и зной в июльский полдень...
Ты вся во мне, Карсунская земля!

Андрей МАНЬКОВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры Военно-политической работы Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, подполковник запаса, ветеран военной службы. Живет в г. Санкт-Петербург.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФ И ЛИТЕРАТОР

К юбилею уроженца Симбирско-Ульяновского Поволжья
Александра Сергеевича Полякова

А.В. Маньков в музее «Симбирская классическая гимназия». Август 2022 года

12 ноября 2022 года исполнилось 140 лет со дня рождения выдающегося отечественного библиографа, талантливого литератора и видного историка театра Александра Сергеевича Полякова.

А.С. Поляков стремительно ворвался в когорту деятелей культуры столицы Российской империи незадолго до начала Первой мировой войны, будучи уже достаточно взрослым человеком и вполне сформировавшимся специалистом. Являясь одним из наиболее заметных участников популярного в Петербурге предвоенных лет Пушкинского семинария при Психоневрологическом институте, а затем Петербургском университете, который вел видный историк литературы С.А. Венгеров, Поляков увлекся не только модной в те годы пушкинистикой, но и стал помощником своего маститого мэтра в деле

Саша Поляков (крайний справа) во время учебы в Симбирске

создания обширного литературно-библиографического словаря. В годы мировой войны А.С. Поляков активно сотрудничает с журналом «Русский библиофил», а также становится душой Петроградского историко-литературного кружка, что дало повод его членам назвать кружок «Поляковским».

В 1918 году А.С. Полякова назначили на должность заведующего Центральной библиотекой Русской драмы (ЦБРД) – уникального учреждения, основанного при императрице Елизавете Петровне 30 августа 1756 года. Это заведение являлось ведомственной и очень специфической библиотекой, где хранились театральные сценарии и другие культурологические рукописи XVIII–XIX вв. Оно работало при Дирекции петроградских академических театров. Архивные документы подтверждают, что Поляков «состоит на службе театров с 8 августа 1918 года».

Со временем круг служебных обязанностей «первого красного заведующего» увеличился настолько, что это отразилось в его должностном положении. Александр Сергеевич стал не только «заведующим Центральной Библиотекой Русской Драмы, но и архивом, а также членом совета музея, редактором и заведующим изданиями петроградских государственных академических театров».

В 1918–1923 годах Поляков в несколько раз увеличил библиотечные фонды одной из старейших библиотек России, а также создал ее обширный архив. Полякову также удалось получить в библиотеку весь фонд драматической цензуры из упраздненного после падения монархии Главного управления

по делам печати (цензурного комитета), являющегося поистине бесценным источником по истории русских императорских театров. Огромный интерес современного исследователя представляет журнал «Бирюч Петроградских государственных театров», ставший одним из первых советских театральных журналов, который издавался в ЦБРД под редакцией А.С. Полякова в 1918–1920 годах. Журнал отражал, главным образом, жизнь государственных театров Петрограда. Недаром в его заглавии появилось древнеславянское слово «бирюч» – вестник, глашатай. В этом оригинальном издании печатались программы спектаклей, театральная хроника, архивные заметки, статьи ведущих актёров, режиссёров, художников, драматургов и историков театра.

В то же время биография А.С. Полякова, как для большинства его современников, так и для нынешних исследователей русской культуры долгие годы продолжает сохранять многочисленные «белые пятна». Это неудивительно – ведь до 2019 года, по сути, никаких исторических исследований его жизни вообще не проводилось. Однако в ходе организованной нами более трёх лет назад и продолжающейся в наши дни целенаправленной работы мы выяснили, что повседневная жизнь и социально-политическая деятельность этого крупного деятеля отечественной культуры были тесно связаны не только с Петербургом-Петроградом, но и с губерниями Среднего Поволжья.

Симбирская классическая гимназия. А.С. Поляков окончил гимназию в 1901 году с медалью.

Во-первых, А.С. Поляков родился и вырос в последней четверти XIX века на Средней Волге, в той части нынешнего мордовского края, территориально входившей в прошлом в обширную тогда Симбирскую губернию. Родился А.С. Поляков 12 ноября 1882 года в небольшом селе Лобаски Ардатовского уезда в семье сельского учителя С.П. Полякова. Детские и юношеские годы будущего библиографа и литератора прошли в Симбирском уезде и городе Симбирске. В 1901 года он с медалью окончил Симбирскую классическую гимназию. Осенью того же года Саша Поляков поступил на медицинский факультет Императорского Казанского университета.

Во-вторых, А.С. Поляков являлся одним из наиболее активных участников оппозиционного движения в средневолжском крае в первые годы XX века. В 1902 году в Казанской губернии он вступил на путь антиправительственной борьбы. Соци-

Гимназист Саша Поляков (второй слева) в кругу членов семьи и друзей в Ундорах Симбирской губернии

ально-политические взгляды А.С. Полякова начали оформляться во время его учёбы в Казанском университете, где он установил связь с революционно настроенными студентами и стал членом партии социалистов-революционеров (эсеров). Юный Поляков принимал непосредственное участие в создании первых организаций партии эсеров в Казани и Симбирске. После отчисления по политическим мотивам из университета Поляков вернулся в Симбирск, где поступил на работу статистиком в Губернской Земской управе.

В годы Первой русской революции он был участником ряда крупных революционных событий 1905 года в Симбирске и Симбирской губернии, став одним из наиболее известных революционных трибунов края. После поражения революции в 1907 году Поляков был арестован в Санкт-Петербурге и несколько лет отбывал ссылку в г. Кадникове Вологодской губернии. Находясь на Русском Севере, он возобновил изучение истории и русской литературы. Отбыв административное наказание, Поляков не вернулся ни в Симбирск, ни в Казань, а уехал в Петербург. Там началась, вне всякого сомнения, его новая общественная жизнь. В столице империи бывший революционер опять желает учиться: снова стать студентом стало его основной целью. В Петербурге он поступает на словесно-историческое отделение недавно открытого психоневрологического института, а в 1913 году Поляков переходит на историко-филологический факультет Петербургского (Петроградского) университета. Вместе с учебой Александр с головой уходит в библиографическую и литературную работу. Журналы, книги и русская литература – вот что в эти годы постоянно интересовало вчерашнего эсера.

В предвоенные годы Поляков полностью сосредотачивается на литературной деятельности. Многолетние годы дружбы и сотрудничества объединяли Полякова с его земляками: симбирским историком литературы и педагогом М.Ф. Суперанским, будущим видным советским астрономом, геодезистом, картографом и инженер-контр-адмиралом

В.В. Каврайским, пушкинистом и историком, членом партии кадетов и будущим политэмигрантом Н.Н. Кноррингом. С 1917 года Поляков работает внештатным сотрудником древлехранилища Пушкинского Дома в Петрограде. В революционные дни февраля – марта 1917 года по поручению Пушкинского Дома он вносит большой вклад в спасение государственных архивов и других ценных исторических и литературных документов, которым грозило полное уничтожение революционной толпы. Так, Поляков был командирован в Симбирскую губернию с целью перевозки в г. Петроград приобретенного у наследников П.В. Анненкова ценнейшего пушкинского архива и библиотеки.

После Октябрьской революции 1917 года именно революционное прошлое Полякова сыграло свою роль при его выдвижении на ответственную руководящую работу. Летом 1918 года А.С. Полякова назначили на должность заведующего Петроградской библиотекой Русской драмы (ныне – Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека). В послереволюционные годы он также является членом совета музея академических театров, принимает постоянное участие в работе ряда литературных обществ, изучающих творчество русских писателей и драматургов, в частности, И.С. Тургенева и А.Н. Островского, редактирует литературные журналы, пишет многочисленные статьи по истории русского театра, работает в Книжной палате. В это же время им были написаны очень интересные книги по русской истории «Второе 1-е марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. (материалы)», изданной журналом «Голос минувшего» (Москва, 1919 год), «О смерти Пушкина (по новым данным)» (Петроград, 1922 год).

К огромному сожалению, стремительный творческий взлет А.С. Полякова был прерван неожиданно развившейся болезнью. Надежда новой отечественной библиографии, создавший современный облик Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки, Александр Сергеевич Поляков скончался 4 октября 1923 года в одной из больниц Петрограда, не дожив до сорока одного года чуть более месяца.

В августе 2022 года автор данных строк побывал в Ульяновской области, в частности, в селе Ундоры, где долгие годы жила семья Поляковых, а также в г. Ульяновске, где встретился с заведующей музеем «Симбирская классическая гимназия» И.Ф. Макеевой и другими сотрудниками музея. В ходе встречи ученый передал коллективу музея учебного заведения, где восемь лет учился Саша Поляков свои научные работы, посвященные жизни и творчеству А.С. Полякова, а также многочисленные копии фотографий Полякова из хранилищ Санкт-Петербургской Театральной библиотеки, где находится архив А.С. Полякова, другие интересные материалы, раскрывающие малоизвестные страницы биографии выдающегося уроженца Симбирского Ульяновского Поволжья.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей.

ЗАГАДКА ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ

В повести знаменитого аргентинского прозаика, поэта и эссеиста Хулио Кортасара «Преследователь» (обсуждалась на октябрьской встрече литературной студии «Восьмёрка») описаны сцены из последних месяцев жизни саксофониста Джонни Картера, в образе угадывается фигура известного джазового музыканта Чарли Паркера. Повествование ведётся от лица музыковеда Бруно, любившего музыку Джонни, ставшего его другом и написавшего книгу о нем и его творчестве. Дружба с Джонни – нелёгкий крест. Но для Бруно она оказывается частью его профессии музыковеда. Близость к герою книги – залог успешности его карьеры.

В попытках понять своего героя Бруно удивляется контрасту между величием художественного дара музыканта и ничтожностью или даже ущербностью его человеческой личности. Джонни не просто заурядная личность, он личность отрицательная, мерзкий деградант, существо, опустившееся ниже уровня, который мы понимаем как дно человеческого бытия. Он алкоголик, наркоман, зачастую сумасшедший, страдающий галлюцинациями и маниакальным бредом. На него невозможно положиться. Он постоянно теряет или ломает свои саксофоны, срывает концерты и сеансы звукозаписи, подводит друзей и партнеров по музыкальной работе.

Окружающие Джонни люди давно махнули бы на него рукой, но отмахнуться от его гениальной музыки оказывается невозможно. Тогда его стали считать кем-то вроде юродивого и перестали относиться к нему по меркам как к обычному человеку. Бруно даже решил, что его эксцентрические выходки – это

что-то вроде жертвоприношения, способ искупления перед вечностью за обыденное бытие остального человечества.

«...когда Джонни мучается, сидит в тюрьмах, пытается покончить с собой, поджигает матрацы или бежит нагишом по коридорам отеля, он ведь как-то расплачивается и за них, гибнет за них, причём не зная об этом, - не в пример тем, кто произносит громкие слова на эшафоте или пишет книги, обливая людские пороки, или играет на фортепьяно с таким пафосом, будто очищает мир от всех грехов».

Много раз Бруно колеблется в своих оценках Джонни как человека и наконец останавливается на следующей характеристике.

«Я решил оставить в неприкосновенности второе издание. Джонни изображён таким, каким он, по сути дела, и был: жалким бродягой с посредственным интеллектом, одаренным музыкантом - в ряду других талантливых музыкантов, шахматистов, поэтов, способных создавать шедевры, но не сознающих (вроде боксёра, гордого собственной силой) грандиозности своего творчества».

В фигуре Джонни Картера удивительным образом соединяются гениальный музыкант и ничтожная личность, которую Н.В. Гоголь назвал бы «прорехой на человечестве». Кажется, о чём тут дальше рассуждать? Просто констатировать это сочетание как курьез и на том остановиться. Но к этой оценке следует добавить убеждённость Бруно в том, что герой его книги в своей повседневной жизни вовсе не жалкое существо, страдающее от своих пороков, а активный деятель, стремящийся к какой-то одному ему понятной цели. Бруно назвал это стремление преследованием.

«Никому не дано знать, за чем гонится Джонни, но преследование безудержно, оно во всем: в «Amour's», в дыму марихуаны, в его загадочных речах о всякой всячине, в болезненных срывах, в книжке Дилана Томаса; оно целиком захватило беднягу, который зовется Джонни, и возвеличивает его и делает живым воплощением абсурда, охотником без рук и ног, зайцем, стремглав летящим вслед за дремлющим тигром».

Тщетно Бруно пытается разобраться в картинах его бреда и галлюцинаций. К числу этих навязчивых идей относится особое ощущение времени, в котором герой может свободно перемещаться и случайно попадать в завтрашний и послезавтрашний день. Это также и образ непрочности мирового бытия. В окружающем мире герой своим метафизическим зрением видит огромное количество «дыр», влекущих мир к неминуемому разрушению. В последней части книги Джонни много раз рассказывает об урнах с прахом усопших, постоянно встреча-

ющихся на его пути (психоаналитик, наверное, мог бы дать этим бредовым картинам глубокую интерпретацию и сделать на этом основании далеко идущие выводы).

Показав своего удивительного героя, дошедшего до предельной степени распада, автор пытается описать и другую сторону этого образа – новую музыку, которую Джонни принёс миру. Не очень-то простая задача. Будучи профессиональным музыкантом, чьей специальностью является пересказывание смысла музыки словами, Бруно всё-таки отказывается от целостного анализа услышанного, оправдываясь тем, что «народу это не нужно».

«...незачем было идти против вкусов публики, которая обожает джаз, но отвергает музыкальный или психологический анализ. Публика требует полного и быстрого удовлетворения, а это значит пальцы, которые сами собой отбивают ритм; лица, которые блаженно расплываются; музыка, которая щекочет тело, зажигает кровь и учащает дыхание, – и баста».

Однако говоря о музыке, невозможно хотя бы косвенным образом, хоть с оговорками, не затронуть её содержания.

«Такой джаз разбивает вдребезги банальный эротизм и так называемое вагнерианство, чтобы освоить безграничные просторы, где музыка обретает полную свободу, подобно тому, как живопись, освобождённая от образов, становится живописью, и только живописью».

«Никогда не удовлетворяясь достигнутым, музыка становится непрерывно возбуждающим средством, не имеющей конца композицией – и прелесть её не в завершении, а в творческом искании, в проявлении душевных сил, которые затмевают слабые человеческие эмоции, но не теряют подлинной человечности».

«В музыке Джонни желание всегда заслоняет наслаждение и отбрасывает его, потому что желание заставляет идти вперёд, искать, заранее отмечая «лёгкие победы» традиционного джаза».

Таких характеристик в книге можно найти немало. Это характеристики частичные, косвенные. Подобное описание не позволит, например, отличить джаз 1950-х годов от музыки, популярной перед Второй мировой войной, или от «горячего» американского джаза времён Великой депрессии. Но оно всё-таки даёт какое-то представление об услышанной и любимой автором музыке. Особенность подобного описания – чувственный характер восприятия. Поделившись впечатлением, автор не напоминает нам услышанную мелодию, мы её не сумеем пропеть или насвистеть после его слов. Но переживание от музыки в них всё-таки передаётся, несёт на себе печать искренности и подлинности.

«И если говорить откровенно, при звуках «Аmour's» у меня к горлу подкатывает тошнота, будто она помогает мне освободиться от Джонни, от всего того, что в нём бушует против меня и других, от этой черной бесформенной лавины, этого безумного шимпанзе, который водит своими пальцами по моему лицу и умиленно мне улыбается».

Может быть, для художественной книжки ничего другого и не требуется. Это же не научная монография и не учебник для студентов консерватории.

Что касается общей идеи разбираемой здесь короткой повести Х. Кортасара, то она, как мне кажется, относится именно к области соотношения творческого дара и личности человека, этим даром наделённого. Божественный дар в лапах «безумного шимпанзе» всё-таки остаётся божественным даром. Священный огонь, горящий в разбитом грязном горшке личности поврежденного разумом человека, не прекращает озарять окружающий мир своим таинственным и животворящим светом.

Кажется, мы добрались до того, что может быть названо проблемой произведения. Автор её не высказывает прямым текстом, но она вкладывается в сознание читателей самым ходом и сюжетом повествования. Почему самым большим музыкальным талантом оказался одаренный «нехороший» герой произведения? Почему Творец распределяет свои дары так несправедливо? Есть ведь в книге и другие парни из того же музыкального сообщества. Они гораздо более порядочные и человеческие, чем Джонни, они также любят джаз и профессионально его исполняют. И всё у них в жизни лучше, чем у Джонни Картера, за исключением его таланта. Где же справедливость? С предельной принципиальностью этот вопрос когда-то поставил перед Творцом пушкинский Сальери:

«... – О небо!

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?... О Моцарт, Моцарт!»

Получается, что общество направляет своих членов к одному образу совершенства, а Господь редких избранников, которым достаётся Его дар, толкает совсем в другую сторону. Общество хочет, чтобы человек был послушным сыном, добрым отцом, любящим мужем, отличником учёбы, успешным работником на своем рабочем месте, хорошим другом своих друзей и гражданином своей страны. А если ему достаётся творческий дар, человек вдруг «выходит из берегов» и оказывается в состоянии, прямо противоположном состоянию достойных членов общества. Он нередко бывает плохим уче-

ником в школе. Например, Томас Эдиссон всегда испытывал трудности в учёбе, а Альберт Эйнштейн не смог окончить гимназию, а позднее Техническое училище в Цюрихе. Профессиональная карьера гениев также складывается не так, как у их «нормальных» сверстников. Что говорить про их семейную и личную жизнь! Очень часто она оказывается собранием самых отрицательных примеров. Истории из личной жизни знаменитых творцов напоминают сборники анекдотов. А близким людям, страдающим от причуд гениев, совсем не позавидуешь.

Осознавая это противоречие, некоторые люди встают перед соблазном: зачем стараться быть достойными членами общества, если гораздо легче стать «гулякой праздным», подозревая в себе творческий дар, который рано или поздно сам явит себя миру?

Но Моцарт не был просто праздным гулякой. Он в первую очередь был тружеником своего дела, создателем более шести сотен крупных музыкальных композиций. Это огромное творческое напряжение, конечно, требовало своей разрядки. Именно в это время релаксации он становился заметным и, по-видимому, понятным для окружающих. Глядя на композитора, любыми возможными средствами выводившего себя из состояния творческого перенапряжения, народ снисходительно посмеивался: «Парень отрывается по полной. С кем не бывает!» Именно из-за этих моментов Сальери, наверное, и назвал Моцарта «гулякой праздным».

Если вернуться в свете этих рассуждений к повести Кортасара, то нужно предположить, что напряжение и самоотдача, которые требовались от Джонни Картера для его выступлений, были так велики, что платой за восстановление творческих сил стал сам человеческий облик музыканта. Получается, что для воплощения своих творческих идей герой должен был пожертвовать всей остальной своей жизнью. Всем известен афоризм: «Искусство требует жертв». Но мало кто может представить себе, насколько велики могут оказаться эти жертвы. Один из таких примеров показал нам в своей повести Хулио Кортасар. Вспоминается стихотворение Н. Заболоцкого:

«А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?»

Творческий дар – это огонь, мерцающий в сосуде личности творца. Нести его в себе нелегко. Он опалывает и порой беспощадно сжигает сосуд, ставший его вместилищем. Однако тепло и свет этого огня не только оправдывают ничтожность содержащего его сосуда, но даже и сам сосуд делают интересным и привлекательным для окружающих. Об этом и свидетельствует Х. Кортасар в своей повести «Преследователь».

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Ольга РОНЖИНА, член Союза журналистов России.

САЛЬВАДОР ДАЛИ: «Я ДО НЕПРИЛИЧИЯ ЛЮБЛЮ ЖИЗНЬ!»

Воспоминание о путешествии

В Каталонии, в провинции Жирона, можно побывать в пяти местах, связанных с жизнью великого испанского сюрреалиста Сальвадора Дали. Прежде всего, это его родной город Фигерас, в котором создан Театр-музей Дали. Затем – приморский городок Кадакес, где жил дедушка Сальвадора и где мальчик проводил каждое лето.

В-третьих, маленький рыбацкий поселок Порт-Льигат. Там Дали и Галя в 1930 году купили свой первый домик – сарай для рыбацких снастей. В нем они были нищими, но безумно

счастливыми. С годами к сарайчику пристраивали домик за домиком, пока не получилась целая личная «деревенька». Сальвадор всю жизнь очень любил там работать. В Порт-Льигате создан солидный музей художника.

Далее – мыс Креус, его художник рисовал множество раз.

И, наконец, замок Пуболь, который миллионер Дали купил для жены в 1969 году.

Сегодня мы побываем в Театре-музее Дали в Фигерасе и в замке Пуболь.

Сюрреализм – это невероятно смешно!

Как объяснить читателю значение слова «сюрреализм»? Насколько глубоко для этого следует погрузиться в идеи о бессознательном? Следует ли задержаться на рассмотрении концепций психоанализа Фрейда, которые были положены сюрреалистами в основу своей теории? Необходимо ли проследить родство сюрреализма с символизмом и другими направлениями авангардизма начала XX века? Наконец, желательно ли окунуться в логику параноико-критического метода, который был изобретен самим Дали?

Все это чрезвычайно познавательно. Но пусть в данном случае каждый выбирает для себя! Хочешь – изучай направление во всех подробностях, а хочешь – включи интуицию и просто смотри на работы Дали, они сами подскажут, что, собственно, хотел сказать художник. «Сверхреализм», «надреализм» (то есть сюрреализм) – это, если говорить упрощенно, смешение реально существующих предметов и порождений иллюзий и сновидений. И чем дальше были изначально разнесены в нашем сознании собранные в одном произведении объекты, тем удивительнее и смешнее результат.

Впрочем, не всегда смешнее. Иногда это гольный ужас – как в картине Дали «Композиция с богами, или Предчувствие гражданской войны». Но таких пронзительно-страшных работ немного. В основном живопись, графика и инсталляции удивляют неожиданным смешением совершенно разнородных предметов, и я не припомню музея, где

Водолаз на фасаде музея

бы мы столь искренне смеялись, как в Театре-музее Сальвадора Дали в Фигерасе.

Театр сюрреалистических действий

Уж кем-кем, а человеком щедрым и расточительным Дали не был. Еще в 1939 году бывший брат по цеху сюрреалистов Андре Бретон придумал ему прозвище-анаграмму (то есть произведенное из букв имени и фамилии Дали) «Avida Dollars», что по-латыни не точно, но узнаваемо значит «алчный до долларов». По-русски это звучит примерно как «деньголюбец». Шутка Бретона мгновенно облетела всю Европу, но несколько не смутила самого Дали и не помешала его деловой репутации.

Миллионером художник стал в Америке. Они с Гала бежали за океан от войны в 1940 году. Вернулись в 1948-м. В США в течение восьми лет Дали работал как каторжный. Американский принцип «не упустить выгоды!» стал и его главным принципом. Есть воспоминание, как некий гость вечеринки, на которой присутствовали супруги Дали, намекнул художнику о какой-то картине: мол, может, подарите? Тот только рассмеялся в ответ и сказал, что он в принципе никогда не сделал бы этого. Ну, не дарил Дали картин!

Поэтому в 1960 году новый мэр Фигераса Рамон Гуардиола Ровин, наверное, очень рисковал нарваться как минимум на холодную надменность, когда поинтересовался, не мог бы Сальвадор Дали подарить родному городу одну-две своих работы.

Фигура на фасаде музея

Фасад Театра-музея Дали

Но, как ни странно, эта просьба вызвала у художника огромное воодушевление. «Не картину, а целый музей!» – воскликнул он.

Вот так удачно расположились тогда звезды. Дали было уже 56 лет. Видимо, желание подвести какие-то итоги, подняться над обыденностью, осмыслить свой творческий путь, а также преподнести работы широкой публике – все это значительно перевесило желание создать на этом капитал. Деньги у него были. Он хотел славы. Ему виделась толпы народа на площади перед музеем, огромные очереди за билетами. Так оно, к слову, и случилось после открытия экспозиции.

В качестве помещения для музея был выбран городской театр, сгоревший еще во время испанской гражданской войны. Реставрация здания шла больше десяти лет. Официальное открытие Театра-музея Дали состоялось только в 1974 году. Но и после этого, практически до конца жизни (а прожил он еще 15 лет, до 1989-го) Сальвадор Дали постоянно что-то менял в экспозиции, покупал дополнительные площадки для музея, создавал новые работы. Он представлял свою картинную галерею так: не традиционная анфилада залов, где по стенам чинно и благородно развешаны картины, а такой музей, который сам стал бы произведением искусства.

Духи «Сальвадор Дали»

Теперь Театр-музей работает на город Фигерас, а город Фигерас работает на музей. На подходах к зданию заглядываем в магазинчик сувениров. Духи «Дали» в знакомых флакончиках в виде стильных женщин в роскошных платьях, «текущие» часы, слоники на паучьих ножках, открытки с изображениями картин... А на двери соседнего кафе – фотография Сальвадора Дали с хозяином заведения. Дали тут «без грима» – пожилой усталый человек в своей любимой каталонской шапочке барретине (надев ее, художник демонстрировал свой патриотизм). Вышел прогуляться, остановился поболтать с земляком.

Сальвадор Дали с хозяином кафе в Фигерасе

Мы приближаемся к входу. Любуемся стенами музея, сделанными из темно-красного кирпича. Говорят, что самые теплые воспоминания о детстве у Дали были связаны с необычайно мягким и вкусным хлебом и куриными яйцами. Поэтому огромные белые яйца венчают стены музея. Между ними – пластиковые минималистичные, покрытые золотом фигуры человечков, некоторые из них держат в руках или на головах длинные батоны хлеба. Стены по всей их плоскости украшены небольшими местными хлебобулочными изделиями, мы бы сказали: плюшками. А на стене эти позолоченные плюшки выглядят как пышные узоры в стиле барокко.

Стены и Башня Галатеи Театра-музея Дали в Фигерасе

Чтобы попасть на площадь Сальвадора и Галы Дали, которая располагается перед фасадом музея, поднимаемся по крутой лесенке. Зажатая между домов, здесь стоит известная скульптура «Памяти Ньютона». Та, которая с шариком, символизирующим яблоко. Душа художника живо откликалась на многие явления жизни. А уж науку он просто боготворил!

Скульптура «Памяти Ньютона» на улочке города

На площади перед музеем

Обход площади приносит новые впечатления. Здесь установлены целых три одинаковых памятника художнику Мейсонье (1815–1891 гг.). Автор скульптуры, Антонин Мерсье, изобразил живописца удобно откинувшимся на спинку кресла. А Сальвадор Дали не просто выполнил три копии памятника, как делал нередко, а поднял их на колонны, составленные из грубых автомобильных шин.

А вот еще памятник. Хм... Не объясни экскурсовод, что тут к чему – нипочем не догадаешься. Памятник каталонскому философу Франсеску Пужольсу, который был другом семьи Дали и которого художник очень уважал. Пужольс – это не тот большой человек с яйцевидной головой без лица, одетый в белую хламиду. Нет, это, вроде как, сам Дали. Рядом с ним, кстати, макет атома водорода, как воздушный шарик на веревочке – тоже любимый образ художника. И Пужольс – не белый бюст в центре композиции, установленный на корневидном столетней оливы. Это бюст римского императора II века н. э. Антония Пия. А сам образ философа – небольшой бюстик черного цвета, укрепленный на голове

Один из трех памятников Мейсонье на площади Гала-Сальвадор Дали

Пия. Вот, разобрались, наконец! У этого памятника к тому же красивая решетка и очень удобный ступенчатый пьедестал, на нем одновременно может разместиться много утомленных туристов!

Памятник Пужольсу

Сальвадор Дали не избежал синдрома Плюшкина: он собирал всяческий хлам в огромном количестве. Подобное психическое отклонение по-научному называется силлогоманией и хоардингом. Но это если действительно отклонение. Мало ли какие отклонения могут быть у гения! У гения они и отклонениями-то не считаются! Из собранных «запчастей» Дали придумывал просто блестящие инсталляции, причем в огромных количествах.

«Обелиск телевидения» Вольфа Фостеля – башня, составленная из телевизоров, на вершине которой – женский бюст. Продолжает тему телевидения большое лицо с телевизионным экраном во лбу, с зубами-игрушками и с куколками в глазах...

Голова великана с телевизором во лбу

Где Дали, а где Led Zeppelin?

Стоп! А это что? «Лестница на небеса»?

Led Zeppelin. Четвертый альбом. Если не ошибаюсь, 1971 год. Авторы – гитарист Джимми Пейдж и вокалист Роберт Плант. Кто хоть что-то слышал о великом английском роке, тот не может не знать «Лестницу» – Stairway to Heaven. Но Дали... Он здесь при чем?

Хотя, если вдуматься, это было его время. И он лет восемь-девять дружил, например, с певицей Амандой Лир. Она, конечно, не Роберт Плант, но тоже была популярна во всем мире. Должен же был Дали слушать какую-то современную музыку. Получается, что песня, которая стала символом не только группы «Свинцовый дирижабль», но и рока в

целом, так подействовала на художника, что он сделал инсталляцию? Возможно.

Есть в истории и второй образ «Лестницы в небо». Это библейское сказание о том, как Иаков во сне увидел лестницу, по которой ангелы ходили с неба на землю и обратно (Быт. 25, 27-34). Лестницу эту изображают обычно увитой розами.

А у Дали – явно лесенка со свалки, сваренная из подручных материалов. Нет, это не «лестница Иакова»!

Про что песня Led Zap? Джимми Пейдж, как рассказывают очевидцы, начитался народных сказаний про британских друидов и создал языческое художественное произведение. Вот центральная, фольклорная часть песни. Перевод Ильи Кормильцева – я ему верю:

«О, как все это странно!

О, как все это действительно странно!

И голос шепчет мне, что вскоре,
как только мы пропоем заклинанье,
Мы пойдем к истине вслед
за человеком с дудочкой.
И начнется новый день для тех,
кому хватило терпенья,
И леса отзовутся нам смехом.

И если ты слышишь шорох в кустах,
не пугайся –
Это весна пришла за Майской Королевой...»

Однако в первой и последней строфах говорится не о фольклорных образах, а о вполне современной женщине. Вот начало:

«Женщина, уверенная в том,
что все то золото, что блестит,
Покупает лестницу в небо.
Она знает,
что если даже все магазины будут закрыты,
При помощи волшебного слова она получит то,
за чем явилась.
О, она покупает лестницу в небо...»

И конец:

«...А впереди идёт эта женщина,
которую знает каждый из нас,
И сияет белизной, чтобы мы уразумели,
Как любую вещь
можно всегда обратить в золото...
...Она покупает лестницу в небо».

Больше пятидесяти лет мир слушает и поет «Лестницу на небеса» и спорит о ее содержании. Так о чем песня? Сами авторы не раз в интервью говорили: она о том, что кто-то, как та самая женщина, надеется купить место в раю, потому что привык получать «все, за чем пришел».

Похоже на правду. Но интересно, о чем думал Дали, когда делал эту инсталляцию?

Честно говоря, эта «Лестница» на какое-то время выбила меня из колеи. И мы еще вернемся к ней.

Сю-ю-ю-ю-р!

Миновав входные двери, попадаем в пространство в форме подковы, оставшееся на месте театрального партера. Сейчас это открытый дворик.

Королева двора – потрясающая скульптура царицы Эсфири (1968–1973 гг.), которую подарил Дали австрийский скульптор Эрнст Фукс. «Великая Эсфирь» – темная и массивная, с огромными руками, ногами и прочими частями тела. И в то же время она чрезвычайно гармонична. Дали установил ее на капоте «Кадиллака» в самой большой в мире, по его мнению, сюрреалистической композиции «Дождливое такси». Эсфирь тянет на цепях установленную за автомобилем колонну.

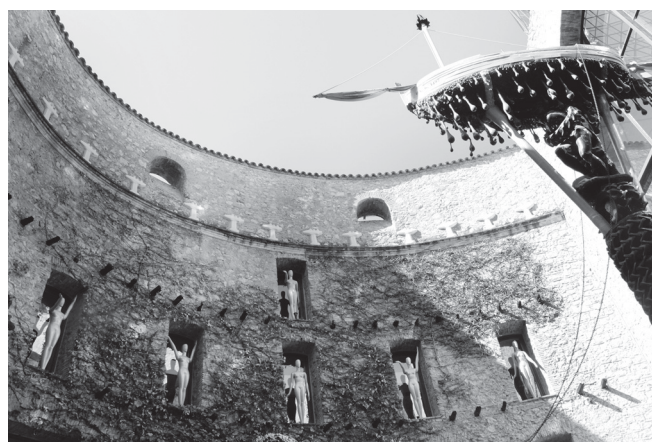
Эсфирь на «Кадиллаке»

В композицию входит настоящий «Кадиллак», в котором сидят манекены: водитель и пассажир. За такси возвышается колонна Траяна из автомобильных шин, на которой стоит раб Микеланджело, окрашенный в черный цвет. Под его ногами – бюст Франсуа Жирардона (1628–1715 гг.), французского скульптора эпохи «большого стиля», который оформлял Версаль. Раб в данном случае скован той же автомобильной крышкой. Словно Атлант, он держит лодку, принадлежавшую Гале. Все днище

лодки – в синих каплях стекающей воды. На мачте установлен классический черный зонтик.

Внизу, около автомобиля, посетитель бросает в автомат монетку, и венчающий композицию зонтик раскрывается, а внутри такси начинает идти дождь. Публика реагирует очень непосредственно! Около такси – гомон и смех. А мне этот дождь внутри машины очень напоминает последнюю сцену фильма Тарковского «Солярис», вышедшего в 1972 году. Там только зонтика не хватает.

Как стены этого дворика отделаны – любо-дорого посмотреть! Дали оставил фрагменты состаренных в пожаре балок – они не мешают восприятию всей композиции. Вверху по кругу – бордюр, созданный из белых фаянсовых раковин-рукомойников. Почему именно рукомойников? Потому что художник решил, что они очень похожи на ангелов с развернутыми крылами.

Стены бывшего партера с бордюром из рукомойников

Ниже на стенах – два неких хтонических чудища, одно женского рода, другое – мужского. Остов кита, бивни слонов, камни и ветки, любимые мастером ящики комодов, бесчисленное количество раковин от виноградных улиток и Бог знает какие еще находки собирателя всякой всячины пошли на эти композиции. Но в целом выглядят чудища так, как и должны: прекрасный фон для начищенного до блеска «Кадиллака» и темной дорожной Эсфири.

Сюрреализм и балет

Сцена театра так и осталась сценой. Ее не перedelывали под специфические нужды музея. От дворика-партера ее отделяет стеклянная стена. Театральный задник – из декораций к балету «Лабиринт», выполненный Дали. Как-то у нас в стране мало кто знает, что художник с детства любил музыку, театр, оперу, балет. Он начал сотрудничество с театром как художник, когда ему только что исполнилось 23 года. До войны написал три балетных либретто и создал оформление к этим спектаклям. Однако поставлены они были только в Америке. Там он выступил художником-постановщиком, а нередко и либреттистом, девяти балетных спектаклей. Не все они увидели свет. Но три из их числа поставил прославленный русский танцовщик и балетмейстер, много лет работавший в труппе Сергея Дягилева, Леонид Мясин (1896–1979 гг.). В это время он жил в США и был балет-

сцены Театра-музея к балету «Лабиринт»

мейстером труппы «Русский балет Монте-Карло». О работе с Сальвадором Дали Л. Мясин ярко рассказал в своих мемуарах «Моя жизнь в балете». Сначала был поставлен спектакль «Вакханалия» (1939 г.), потом «Лабиринт» (1941) и через три года – «Безумный Тристан».

Первый взгляд на задник «Лабиринта», который мы видим на сцене Театра-музея в Фигерасе, обманчив. Кажется, что это вполне современная картина и сюжет балета будет развиваться в середине XX века. На самом же деле спектакль поставлен на основе древнегреческого мифа о Тесее и Ариадне. Герой идет в лабиринт, чтобы сразиться с Минотавром, а дочь критского царя Миноса Ариадна дает ему клинок и клубок ниток. Эту сказку все знают с детства. Но Дали не для того писал либретто, чтобы в балете все было ровненько и гладенько. Во-первых, в качестве музыки он выбрал симфонию до мажор Франца Шуберта. Звучание музыки без перерыва, по замыслу Дали, ассоциировалось с бесконечным клубком ниток. Во-вторых, как сюрреалист Дали просто не мог оставить миф в его классическом виде.

«В эпизоде, когда Тесей убивает Минотавра, – писал Леонид Федорович Мясин о постановке «Лабиринта», – Дали хотел использовать настоящую голову тельца, затем должна была следовать сцена, в которой танцоры торжественно отрезали куски от головы и ели их. Однажды вечером, после того как начались репетиции, мы с Дали поехали в такси на 6-ю авеню и стали объезжать один ресторан за другим в поисках головы тельца. Официанты были ошеломлены, но любезны. Лучшее, что они могли нам предложить, был телячий сэндвич!

Это был период, когда воображение Дали перешло всякие границы. Тогда он заявил, что, символизируя гибель, мы должны уронить на сцену «Стейнвей» (весьма дорогой рояль, выпущенный прославленной американской фирмой. – О.Р.), я наотрез отказался. Но одним из наших наиболее удачных решений был эпизод с девушкой в прозрачной тунике, лежавшей неподвижно на сцене. Над ней висело несколько танцовщиков, скрытые задником; видны были лишь их ноги, к которым мы привязали белых голубей. Таким образом мы создали иллюзию обнаженной девушки, над которой порхают голуби.

Хотя мы добились некоторых интересных эффектов в «Лабиринте» – так назывался балет, я всег-

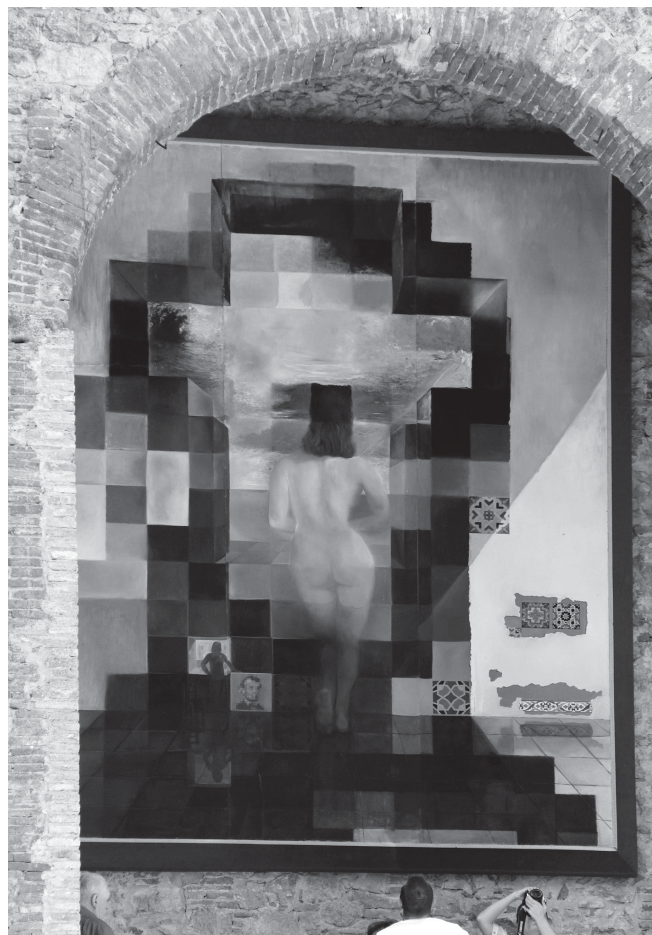
да считал, что музыка Шуберта слишком сложна сама по себе, чтобы сопровождать действие, а образы Дали выглядят просто приложением к ней. Должен признаться, я был разочарован, поскольку не сумел придумать ничего оригинального. Откровенно говоря, этот балет следовало бы считать интересной неудачей с несколькими запоминающимися сюрреалистическими эпизодами».

Вот так непросто складывалось сотрудничество двух величайших представителей эпохи: художника и балетмейстера. И спасибо авторам сайта Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, которые помогли нам найти эти увлекательные материалы!

Вокруг сцены и под ней

Сцена – старт для осмотра музея. Здесь просторно, легко дышится. Вверху находится уникальный «геодезический купол», через стеклянные грани которого льется солнечный свет. Создал этот шедевр архитектурного искусства Эмилио Пинеиро, а идея была, конечно, Сальвадора Дали.

Два двойных образа задерживают на себе внимание. Это полотна, на которых вблизи мы видим одно, а издали – другое. Дали первым изобрел такие изображения. Вот, например, работа под названием «Обнаженная Гала, смотрящая на море, которая на расстоянии 18 метров трансформируется в портрет Авраама Линкольна». Или «Галлюциногенный тореро»: вблизи перед нами ряд статуй Венеры Милосской, а отойдя подальше, мы видим портрет тореадора.

Двойное изображение. «Портрет Линкольна»

Рядом с портретом Линкольна – смешная инсталляция с пианолой и забинтованным человеком. Обратите внимание, что ноги у него повернуты в обратную сторону. Видимо, такой образ художнику музыкой навяло.

Инсталляция с пианолой

Спускаемся в крипту, под сцену. Там останавливаемся около могилы Сальвадора Дали. «Salvador Dali i Domenech Marques de Dali de Pubol 1904–1989» – написано на белой плите, вмурованной в стену. После смерти Галы в 1983 году король Испании присвоил Сальвадору Дали титул маркиза Пуболь за особые заслуги перед родиной. И это несмотря на тот факт, что после возвращения из Америки супруги Дали не приняли испанского гражданства – они до конца жизни были гражданами Монако.

Захоронение Сальвадора Дали в крипте под сценой театра

А наверху, на сцене, место захоронения отмечено прямоугольником. Сам художник хотел, чтобы над его гробом ходили посетители музея.

Рядом с могилой – Зал сокровищ, где представлены юношеские работы Сальвадора. Вот первые городские пейзажи, первые портреты. А это молодая женщина шьет у окна – портрет сестры.

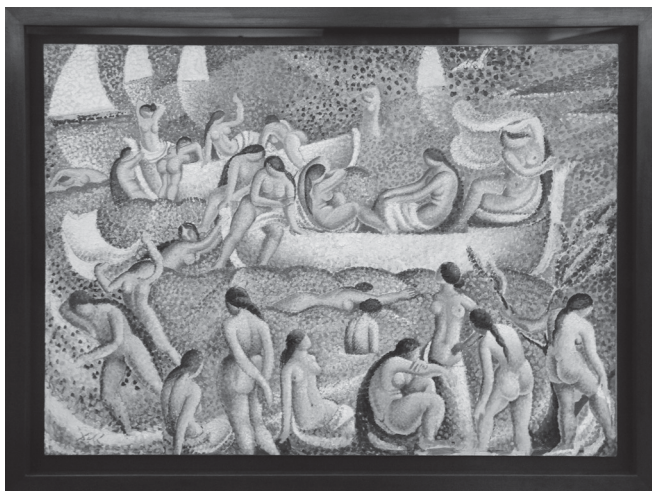
Девушка из Фигераса. 1926

Композиция, навеянная «Танцем» Матисса

В академии изящных искусств Сан-Фернандо, куда Дали поступил в 17 лет, он был пай-мальчиком. Никаких тебе студенческих пирушек, никаких девочек и прочих излишеств. С занятий – в свою комнату, к мольберту, или в библиотеку, или в музей – изучать картины классиков.

Перед ним лежал огромный мир живописи. Он страстно желал перенять все техники и манеры как старых мастеров, так и современников. Он пишет

Опыт пуантилизма

Повтор картин Пабло Пикассо

картину, похожую на «Танец» Матисса. Работает в технике пуантилистов. Повторяет округлые формы натурщиц Пикассо. Осваивает кубизм. Наконец, здесь есть прекрасная работа «Фантастическая повозка» – считается, что так написать воздух, как на ней, художник больше не смог ни разу в жизни...

Когда Дали был уже в зените славы, многочисленные интервьюеры спрашивали, как ему нравятся работы молодых авторов. Он неизменно отвечал, что каким бы талантливым ни был художник, он должен в совершенстве владеть техникой рисунка и живописи. Иначе он дилетант, который не создаст ничего великого. Особенно он не жаловал примитивистов. Дали писал о них: «Им достался в наследство Рафаэль, а они поклоняются фетишам, слепленным в порыве рукой дикаря. Надо же так вывихнуть зре-

ние!» Сам-то Дали был прекрасным рисовальщиком и живописцем. Из современников он выделял Пикассо. А ярче всех для него сияли звезды Рафаэля и Веласкеса.

Вперед, вперед, вперед!

Наверное, где-то написано, сколько произведений искусства выставлено в Театре-музее Дали. Я такой статистики не нашла. На мой взгляд, их не сколько тысяч. А мы – только в начале пути.

Был в творчестве Сальвадора Дали период, посвященный... носорогу. Художника очень увлек этот странный зверь. Мастер рисовал носорога и так, и эдак. А в экспозиции музея выставлена значительная по размеру композиция, объединяющая Носорога и пророка Моисея. Причем объединяющим их элементом являются именно рога. Известно, что когда Микеланджело ваял Моисея в 1505 – 1516 годах для могилы римского папы Юлия II, он пользовался Ветхим Заветом, перевод которого осуществил с древнееврейского на латынь в конце IV – начале V века Иероним Стридонский. В тексте могло быть двойное толкование: во-первых, над головой Моисея было сияние, во-вторых, на голове были рога. Переводчик совершил ошибку. Этот перевод с рогами и продержался в католической традиции вплоть до Средневековья и Возрождения.

В композиции Сальвадора Дали микеланджелевский Моисей выполнен из гипса, а над ним укреплены сначала большой осьминог, а выше – голова

Моисей-осьминог-носорог

настоящего носорога. Вроде бы: ну и что? Необычно и смешно. Но в этом «доме муз» чем глубже проникаешь в историю вещей, тем загадочнее они становятся.

После смерти хозяина два с половиной десятилетия директором Театра-музея был друг Дали, художник Антони Пичот (1934–2015). Он написал подробный путеводитель по музею. Так вот, в этом уважаемом издании утверждается, что композиция «Моисей-осьминог-носорог» означает просто монотеизм! Вот те раз!

Недалеко от Моисея размещен крокодил с лампой, ведущий за собой человека, у которого вместо ноги – красивый белый протез. Тоже очень забавная работа. Но Пичот рассказывает, что ничего смешного нет: фигура напоминает о пикадоре, покалеченном во время корриды в Фигерасе. Этому бедняге отняли ногу.

Инсталляция, посвященная пикадору

Мы быстро пробегаем по узким полукруглым коридорам, которые раньше были ярусами театра. Сейчас они увешаны картинами и листами графики, а также уставлены инсталляциями. Один «рукав» такого коридора на втором ярусе посвящен эротической графике. Экскурсовод специально предупреждала: мол, не зависайте там, сделайте снимки – дома рассмотрите. А вообще, практически все работы Дали есть в интернете. Поэтому мы на эротике не задерживаемся.

Венера с ящиками

Здесь же – знаменитая Венера Милосская с подвижными comodными ящиками в торсе. Дали объяснял, что эти ящики олицетворяют подсознание.

Дальше – не менее известное оформление витрины, где установлен бюст красивой женщины с батоном хлеба на голове и муравьями на лице. И все это – на фоне ярких фазаньих перьев. Это копия «Ретроспективного женского бюста» 1933 года, впервые показанного на выставке сюрреалистов в парижской галерее Пьера Коля.

«Этот бюст, – пишет Антони Пичот, – художник дополнил муравьями, кукурузными початками, лентой из старинного проекционного аппарата зоотропа, батоном хлеба с бронзовым чернильным прибором и фигурами из «Анжелюса» (так называется известная французская картина, где крестьяне, мужчина и женщина, молятся в поле. – **О.Р.**) Милле, столь частыми в образной системе Дали. Роль постаumenta играет рука в черной перчатке, вокруг которой обвивается другая рука из белого парафина. Завершают убранство витрины акуля челюсть, скелет летающей рыбы, реальная ложка с иллюзорной пластмассовой чашкой и многозначный рог носорога».

Наконец, доходим до самого прославленного объекта этого музея – до комнаты, где в интерьере сделано лицо Мэй Уэст (1893–1980) – актрисы, певицы, драматурга и сценариста, а также секс-символа своего времени. (См. цветную вклейку.)

Диван – губы, камин – нос, пейзажи Парижа – глаза. Все это в обрамлении самого грандиозного в мире парика. Хочешь увидеть все сразу – поднимись по лесенке, посмотри в линзу, подвешенную под брюхом верблюда.

Американцы, наверное, вообще тают от умиления: Мэй Уэст – это их героиня. Дали ее очень любил, потому что Уэст, как и он сам, беззастенчиво сотрясала основы пуританской Америки. Прямо «девочка-скандал»! На сцене она начала появляться с пяти лет, в двенадцать стала делать карьеру, исполняя музыкальные номера.

Первая пьеса, которую она написала и в которой играла главную роль, называлась ни много ни мало «Секс». В апреле 1927 года пьеса была запрещена, а Уэст арестована вместе с труппой. Ее приговорили к 10 дням тюрьмы, но выпустили на два дня раньше за хорошее поведение.

Арест прибавил тридцатилетней Мэй популярности. Следующее ее произведение было посвящено гомосексуальным отношениям. Эта пьеса тоже взорвала Америку. После того на сцене и в кино шли многие пьесы, а также фильмы по сценариям Мэй Уэст. Ее афоризмы до сих пор ходят в народе. Например: «Я верю в цензуру, я нажила на ней состояние». Или: «Любовь побеждает все, кроме бедности и зубной боли».

Портрет вот такой женщины, красивой, притягательной, талантливой, обладающей искрометным юмором и свободным духом, но, судя по произведе-

нию, не лишенной тяги к китчу, запечатлел Дали в своей «комнате-лице». Согласитесь, такого портрета до него никто никому еще не дарил.

Мы бродим по залам уже около полутора часов. Пора передохнуть. Нас ждет скамеечка на свежем воздухе в самом центре музея. Этот круглый садик сам Дали называл «Мир». Здесь необычайно уютно, солнечно, зелено и красиво. За высокими кипарисами – с одной стороны «геодезический купол», с другой – Башня Галатеи. Белоснежные яйца и фигурки человечков ар-нуво, украшающие стены и верх башни, – совсем близко. Башня, которая раньше называлась Горгот, был частью средневековых городских стен. В 1981 году эта часть стены присоединилась к Театру-музею, и Дали объявил, что теперь это будет Башня Галатеи, названная в честь Гала, и она станет памятником всем загадкам. С октября 1983 года и до своей смерти в январе 1989-го Дали жил в этой башне.

Замок Ветра

Этот зал Дали любил больше всего, потому что именно здесь впервые, причем с большим успехом, выставлялись его картины. Он назвал эти помещения Замок Ветра. При жизни художника тут располагались спальня, мастерская и зал для готовых работ мастера. Теперь остались спальня и зал.

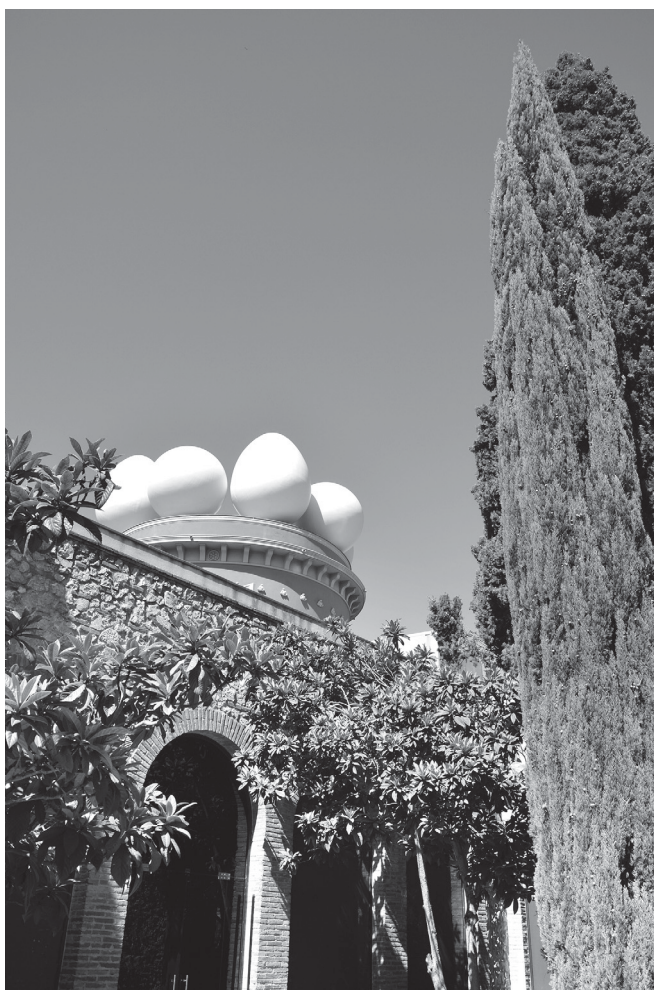
Комната Дали – потрясающая! Например, это не просто кровать, а кровать из знаменитого парижского борделя Ле-Шабане. Возможно даже, что она принадлежала одной из фавориток Наполеона III. О, что это за кровать! Сама в форме раковины, установленная на фигуры дельфинов! А над ней – гобелен с картины «Постоянство памяти».

Около кровати, ближе к окну – композиция из позолоченного скелета гориллы и копии статуи «Экстаз святой Терезы» Бернини (1645–1652 гг.).

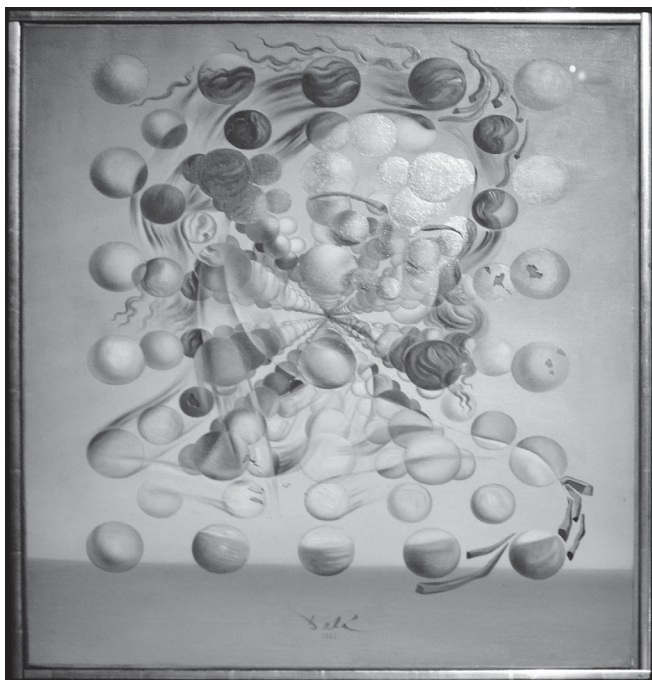
В спальне также осталась металлическая ванна, лежа в которой Дали несколько раз давал интервью. Говорят, ванна из того же борделя. В углу около кровати – предмет, который нельзя не заметить и не оценить: мраморное биде на «звериных лапах». В спальне масса предметов мелкой пластики. Они расставлены в основном на полках дивана-буфета, созданного в стиле ар-нуво. Тут же – некий ящик с микросхемами и телефонными трубками вместо ручек. А также ящик турецкого чистильщика обуви. Умиротворение и улыбку стремился вызвать Дали у посетителей своей комнаты.

Как всякий уважающий себя дворец, Дворец Ветра украшен потолочной росписью. Две фигуры, мужская и женская, то есть Дали и Гала, возносятся в небо (или «падают в небо»). Тут и облака, и деревенька на горизонте, и участок черной ночи в центре небосклона... Очень яркая, эффектная работа!

Под расписным потолком – произведения, созданные Дали. Например, портреты Галы. Один – проникнутый «атомным мистицизмом» – теориями об атоме, поглотившими Дали после взрыва американцами бомб в Хиросиме и Нагасаки. В этих работах, как в атомах, элементы не соприкасаются друг с другом. Из той же серии – картина «Атомная Леда», которую мы видели в Зале сокровищ. Еще один портрет Галы – подготовительный рисунок 1946 года к картине «Галарина».

Внутренний дворик – «Мир»

«Атомный» портрет Галы

Рядом – прекрасный бюст Веласкеса, у него на лбу миниатюрное изображение картины «Менины».

Веласкес же и героиня его самой знаменитой картины, инфанта Маргарита, вместе с самим Дали и еще какими-то, видимо, известными, людьми, стали героями голограммы. «Холос! Холос! Веласкес! Габор!» – так она называется. Во времена Дали лазеры, создающие голограмму, были самым передовым изобретением. Такое произведение дома – это действительно можно назвать роскошью!

Мы проходим залы, где представлены опыты Дали со стереоскопией. Потом рассматриваем экспозицию работ Антони Пичота. На них фигуры людей сложены и обтесанных камней. Эффектно!

И завершаем обход Театра-музея Башней Галатеи. Внизу, перед винтовой лестницей стоит петух в полтора человеческих роста. В Каталонии очень популярными соревнованиями на народных праздниках являются построения многоэтажных акробатических пирамид – «замков». Участники команд,

Маскарадный костюм от Dior в проеме лестницы на Башню Галатеи

строющих «замки», называются «кастельерс». Такая команда из города Вальса, что недалеко от Барселоны, подарила прославленному земляку этого петуха. Теперь у птицы сделано отверстие в груди, из которого выглядывает голова китайца. Этому тоже есть объяснение. В 1975 году вышел фильм «Впечатления из Верхней Монголии» по сценарию Сальвадора Дали. Снял фильм режиссер Хосе Монтес Бакер. Представитель монголоидной расы помещен внутрь петуха в память о фильме.

А в центре винтовой лесенки висят карнавальные костюмы Дали и Гала, созданные «Диором», когда в этой фирме еще работал Пьер Карден. Супруги Дали были в этих костюмах на балу. А также, создавая атмосферу веселья, везли этих пятиметровых человечков в полный рост, «усадив» их в автомобили. Сохранились такие смешные кадры фотохроники.

«Сердце мое!»

В детстве мама ласково спрашивала Сальвадора, когда он просыпался: «Чего ты хочешь, сердце мое? Чего ты желаешь, сердце мое?»

...Странный он все-таки был человек, Сальвадор Дали! Рассорился с семьей: с отцом, с которым был всегда в хороших отношениях, с сестрой, которая была ему первым другом, – потому что они не смогли простить ему, мягко говоря, неуважение, которое он проявил по отношению к рано умершей матери. Считается, что сначала семья категорически не приняла Галу, иностранку, которая к тому же на десять лет была старше Сальвадора. И это, конечно, тоже. Но оскорбление памяти матери, безумно любившей его, послужило причиной полного разрыва.

А сам Дали потом часто вспоминал: «Чего ты хочешь, сердце мое?..» Он иногда повторял эти слова, обращаясь к Гале. И вот однажды она и ответила: «Я хочу сердце!»

Сердце, созданное для любимой жены

Так, по легенде Дали начал делать ювелирные украшения. Это не те сережки, бусики и колечки, которые мы привыкли понимать под словами «ювелирные изделия». Нет! Он делал сложные настольные композиции, иногда из ограненных камней, а иногда – из природных друз камня.

Сердце, которое сделал Дали для жены, было золотым, с бриллиантовой короной и прямоугольником из темно-красных камней. Поначалу оно беспрестанно билось. Потом перестало: то ли батарейка села, то ли механизм испортился.

В коллекции остались движущиеся модели. Например, через определенный промежуток времени открывается каменная дверца размером чуть ли не со спичечный коробок, и на нас смотрит мужское лицо.

В «Распятии» веточки красного коралла выглядят как потеки крови на теле Христа.

Любую из этих работ можно рассматривать долго и внимательно, удивляясь мастерству и нетривиальному подходу к созданию коллекции. Это несравненное удовольствие!

Сейчас ювелирные изделия находятся не в самом Театре-музее, а в нескольких шагах от него, в так называемых новых залах, занимающих помещения бывшего постоянного двора, а затем – ювелирной лавки. Торжественное открытие в присутствии королевской четы Испании состоялось в мае 1994 года. Тогда же там была выставлена большая картина Дали «Апофеоз доллара», а также другие работы Дали.

А вот ювелирных украшений тогда не было. Они выставлялись в Фигерасе в 1973 году, но принадлежали американскому фонду Оуэна Четэма. Испанский фонд «Гала-Сальвадор Дали» долго вел переговоры о покупке коллекции. Была названа такая баснословная цена, что понадобилось несколько лет, чтобы собрать необходимую сумму. Но испанцы всей страной упорно перечисляли деньги в фонд, чтобы ювелирные украшения, созданные их земляком, прибыли в Фигерас.

В 1999 году фонд выкупил изделия. Показ коллекции состоялся в 2001-м в том здании, где она размещается сейчас. Устроители позаботились, чтобы вместе с сокровищами демонстрировались и эскизы к ним, выполненные рукой Сальвадора Дали.

«...И она покупает лестницу на небеса!»

Гала, Елена Ивановна Дьяконова – одна из самых удивительных женщин XX века. У нее была идеальная фигура, но лицо не было очень красивым. И тем не менее первые красавицы мира будут до скончания века скрипеть зубами от зависти, читая стихи, которые написал ей первый муж Поль Элюар. И уж совсем сойдут с ума, когда увидят, что буквально каждая третья картина великого Сальвадора Дали посвящена жене, его бесценной подруге и музе – Гале.

Хотя... В воспоминаниях современников она представляется далеко не безупречной. У нее были, – рассказывают друзья, – мелкие зубы, и когда она злилась и начинала ругаться, в ней проявлялось что-то крысиное. Яркая характеристика!

И в то же время невозможно переоценить ее

участия в судьбе Дали в качестве менеджера. Половина его богатства – это заслуга Галы. И вообще у них с Сальвадором, как говорят иногда, «было одно кровообращение» – они были созданы друг для друга и понимали друг друга без слов.

Они познакомились в 1929 году. А через сорок лет Гала напомнила мужу, что он обещал подарить ей замок. Что ж, обещал – значит, подарит.

Почему она после семидесяти лет решила жить одна? А вы попробуйте прожить с гением сорок лет! Наверное, она очень устала быть вечной нянькой, соглашаться с ним во всем, улыбаться, когда этого совсем не хочется... Просто захотелось отдохнуть. Я так думаю.

Они объездили всю округу и остановились в средневековом замке в деревеньке Пуболь, что в нескольких километрах от Фигераса. Галу этот дом привлек тем, что рядом с ним был небольшой садик.

Замок Пуболь

Доступ в замок Сальвадору Дали разрешался только с письменного согласия жены. Но художник, конечно, часто жил здесь. В замке у него была мастерская.

На первом этаже в оборудованном под гараж помещении стояли два «Кадиллака». Здесь же было место для повозки. А любимый белый конь Галы содержался в соседнем отсеке.

Новый дом хозяйка обставила по-женски, мило и уютно. Муж же внес некую пикантную нотку в интерьер. Так, Гала терпеть не могла, когда были видны батареи отопления. По ее просьбе их закрыли белыми панелями. Пришел Дали и с упорством фотореалиста написал на этих панелях «портреты» тех же батарей. Смотришь на них – прямо как настоящие!

Или купила Гала старинный гобелен, на котором изображен суд царя Соломона. Пришел Дали и в центре гобелена изобразил своего традиционного персонажа – «горящего жирафа».

Он же разрисовал трон Галы и приставил к нему охрану – двух огромных, вырезанных из дерева больших кошек. А подруга Дали Аманда Лир написала на фотографии Галы, прямо на лбу: Tete au chateau – то есть «Голова во дворец».

«Горящий жираф» на старинном гобелене

Хозяйка замка очень следила за собой. Она придерживалась низкокалорийной диеты, много ходила пешком, летом каждый день плавала в бассейне, разместившемся в садике. Представители европейских домов моделей стояли в очереди, чтобы предложить синьоре Дали новое платье. Постоянные поставки осуществляли косметологи. Она нередко прибегала к услугам пластических хирургов.

Вещицы, принадлежавшие Гале

Гала в течение всей жизни позволяла себе влюбляться и заводить большие и маленькие романы. Но

чем она становилась старше, тем младше становились ее избранники.

Одним из самых последних и самых известных «юношей Галы» был американский музыкант и певец Джефффри Крейг Фенхольт, который родился в 1951 году.

Фотография Фенхольта и Галы. 1970-е годы

Джефф Фенхольт в Америке известен так же широко, как в Европе Иэн Гиллан, солист группы Deep Purple. Гиллан первым спел вокальную партию Христа в рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда» Тима Райса и Эндрю Ллойда Уэббера. Фенхольт в 1971 году первым в США сыграл ту же роль в театре Марка Хеллингера на Бродвее. Он пел эту партию более 700 раз, проехав с гастрольями всю страну.

В общем-то, это была довольно грустная история о любви пожилой женщины к рок-звезде, молодому человеку, которому было чуть больше двадцати лет. Обожание, комфорт и деньги – это все, что могла дать Гала Джеффу. И он очень быстро привык выкачивать денежки из этих отношений. Например, Гала звонит ему в Америку: приезжай, я очень соскучилась. А тот спокойно отвечает: конечно, если я получу соответствующую сумму. А суммы, надо сказать, исчислялись в тысячах долларов. Потом Гала купила ему дорогую квартиру в Америке...

Но. От слухов и сплетен никуда не денешься. В народе Фенхольта неизменно называли «мальчиком-игрушкой Галы Дали». Молодая жена Джеффа ушла от него, забрав маленького сына. И в дальнейшем музыкальная карьера Фенхольта не задалась по разным причинам. Он стал проповедником в одной небольшой христианской конфессии и всю жизнь отказывался от воспоминаний о своей связи с Галой. По сути, жена Сальвадора Дали сломала жизнь молодому музыканту. Умер он недавно, в

сентябре 2019 года. Его сын, тоже проповедник, до сих пор старается обелить имя отца.

Да, Галя сумела вовремя «купить Лестницу на небеса». Но вот удалось ли ей подняться по ступенькам? Вряд ли. Но это я так думаю.

Слоник в зарослях садика

...Дно некогда глубокого бассейна в парке замка Пуболь сейчас засыпали повыше, чтобы вид был красивым. А маленький садик совсем зарос, и среди кустарника проступают фигурки слоников на паучьих лапках – любимые образы Дали.

Галя умерла в 1982 году и похоронена в подвале замка Пуболь. Сальвадор Дали пережил свою музу на семь лет.

Когда он умирал в комнате Башни Галатеи, сиделка расслышала последние его слова: «Мой друг Гарсиа Лорка».

...Они познакомились в 1923 году в Мадридской академии изящных искусств Сан-Фернандо. Дали был еще стеснительным замкнутым зубрилой, а Лорка, на шесть лет старше его, уже был известен и считался душой компании: веселый и обаятельный, он играл на пианино, пел, славился своими стихами и пьесами, прекрасно рисовал. Они быстро подружались. И пять лет были не разлей вода.

Фигура Сальвадора Дали в окне замка

В 1928 году жизнь развела их. Может быть, они встретились бы потом, уже взрослые и мудрые. Но поэт погиб в самом начале гражданской войны в Испании, в августе 1936 года. Дали узнал о смерти друга с большим опозданием, и в его душе до конца жизни не затихала боль от этой потери.

В 1926 году Федерико Гарсиа Лорка написал «Оду Сальвадору Дали». Поэт в ней не просто говорит о дружбе, но и превозносит неутомимые творческие поиски молодого художника. И благословляет его на этот тяжкий путь.

«О Дали, да звучит твой оливковый голос!
Молода твоя кисть, и работы незрелы,
но сквозь пальцы смотрю на твои недочеты,
восхищаясь, как точно нацелены стрелы...

...Мне понятны усилия мраморной позы.
вызов улице, страсти, волнениям и бедам.
Хорошо, когда в бухте морская сирена
шелестит перламутровым велосипедом.

Но важнее другое. Не судьбы искусства
и не судьбы эпохи с ее канителью,
породнили нас общие поиски смысла.
Как назвать это – дружбою или дуэлью?

Каталония, дактилография крови
на отлитом из золота сердце старинном.
Словно руки сокольных, замерли звезды,
стиснув пальцы вдогонку крылам соколиным.

Не вперяйся в костлявый скелет аллегорий,
над песочными не сокрушайся часами.
Твоя смуглая кисть да купается в море,
населенном матросами и парусами».

Это ода вполне достойна художника, который, по его собственному выражению, до неприличия любил жизнь!

*Фото Ольги Ронжиной
и Арсения Измайлова.*

«О ДАЛИ, ДА ЗВУЧИТ ТВОЙ ОЛИВКОВЫЙ ГОЛОС!»

Федерико Гарсиа Лорка

«Геодезический купол» Театра-музея

Двойное изображение «Галлюциногенный тоreadор»

Этюд к «Битве при Тетуане». 1962

Зал сокровищ. «Порт Альгер». 1923

Кубистская композиция

Композиция «Дожливое такси»

Витрина магазина – «Ретроспективный женский бюст»

Стол в кухне накрыт к чаю

Голограмма, принадлежащая Дали

Роспись потолка во Дворце ветра

Бассейн в парке замка

Трон хозяйки замка

Дворец ветра. Набросок портрета
Гала «Галарина». 1946

Спальня С. Дали

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ТАВРИДА

Ульяновские художники в Крыму

С 4 по 10 октября двое молодых ульяновских художников принимали участие в образовательном заезде «СЛОЖНОСТИ = ВОЗМОЖНОСТИ» арт-кластера «Таврида» в составе арт-школы академической живописи и графики.

Это член молодежной секции Ульяновского регионального отделения Союза художников России, преподаватель детской школы искусств №7 и Ульяновского государственного технического университета Антон Лазарев и член молодежной секции Ульяновского регионального отделения Союза художников России, руководитель «ПРОСТО школы рисования» Антон Костин.

В программе образовательного заезда были мастер-классы от преподавателей ведущих художественных вузов страны, лекции и другие мероприятия. Но главной творческой составляющей смены для художников стали выездные пленэры. Тропа Голицына, Херсонес, Ливадийский дворец и Бахчисарай помогли раскрыть многогранную красоту Крыма, всю его палитру.

Крым всегда был значимым местом для русской культуры. И продолжает вдохновлять и привлекать молодых творцов и сегодня. Итогом поездки Антона Костина и Антона Лазарева стали крымские этюды, которые погружают зрителя в мир ярких и чистых красок, южного солнца, утреннего моря, старых крымских городов.

«Уникальная красота природы Крыма – это неиссякаемый источник вдохновения для художника. Даже, казалось бы, на небогатой на сюжеты территории арт-кластера можно найти интересные мотивы. Каждый рассвет, закат или просто набежавшее облако приносят новые цвета в уже знакомые виды», – поделился своими впечатлениями Антон Лазарев.

Антон Лазарев

Антон Костин

Антон КОСТИН

Бухта Капсель. Холст, акриль, 60x80

Мыс Алчак в восходящих лучах. Холст, масло, 40x50

Перед восходом солнца. Картон, масло, 20x30

*Полнолуние над мысом Меганом.
Картон, масло, 20x30*

Солнечный штиль. Бумага, акрил 30x40

Утреннее море. Холст, масло, 20x30

Антон ЛАЗАРЕВ

Бахчисарай. Старый домик

Пляжи Тавриды. Меганом

Бахчисарай. Старая мечеть

Пляжи Тавриды. Мыс Алчак

Таврида. Аллея

Пляжи Тавриды. Мыс Рыбачий

ТИШАЙШИЙ СНЕГ

СОЧЕЛЬНИК

Сочится синий свет в окно,
Похрустывает ельник.
Всё ожидания полно
В рождественский сочельник.

Встает звезда из-за лесов.
Сердечко так и бьется!
Осталось несколько часов –
И Рождество начнется!

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ

Фото Олеси Тюльпа

Фото Владимира Ламзина

Марина (Марианесса) ВОЛКОВА – поэт, прозаик, краевед. Родилась в Ульяновске. С 9 лет пишет стихи, с 12 лет – прозу и статьи. Увлекается краеведением, изучает свою родословную, на данный момент в ее семейном древе 772 человека. Окончила детскую школу искусств №10 по программе «Хоровое пение». В настоящее время – студентка Ульяновского педагогического колледжа. Лауреат литературного студенческого конкурса «Пиши не в стол», обладатель специального приза православного литературного конкурса «Волжский благовест». Публиковалась в журнале «Симбирск».

ЁЛОЧНЫЙ ШАР

Рождественский рассказ

В один зимний вечер маленький Лёша наряжал с дедушкой рождественскую ёлку. В коробке с елочными украшениями были гирлянды, стеклянные фигурки животных, снеговиков, Деда Мороза и Снегурочки. Все это блестело, переливалось и радовало глаз яркими, сочными цветами.

Когда зелёная красавица была почти наряжена, с самого дна коробки Лёша достал слегка потускневший, кое-где поцарапанный красный шар на простой ниточке. Он был совершенно простой: без картинок и украшений, как на многих современных шарах. Мальчик хотел положить его обратно, но дедушка движением руки остановил внука. Он береж-

но взял ёлочную игрушку, аккуратно протёр тряпочкой, посмотрел на своё отражение в шаре, задумчиво чему-то улыбнулся и повесил его на самое видное место.

– Дедушка! Так же совсем некрасиво!

Действительно, шар на ёлке смотрелся скучным пятном по сравнению с другими игрушками.

– Давай уберём его обратно в коробку, – предложил Лёша и уже потянулся к ветке.

– Подожди, – остановил его дедушка, – хочешь, я расскажу тебе одну историю, а потом, если решишь, мы вместе уберём этот шарик.

Мальчик, не раздумывая, согласился. Он любил

рассказы дедушки и всегда слушал их, затаив дыхание. Они казались ему гораздо интереснее мультиков. Ну конечно, ведь главным героем в них был его собственный дедушка. То он отважно сражался с Кощеем Бессмертным, то отрубал голову Змею Горынычу, то вообще в одиночку ночью шёл на старую водяную мельницу, где, как говорил дедушка, кишмя-кишели крысы, летучие мыши и прочая живность. Порой после таких сказок приходилось спать со светом, но он всё равно раз за разом просил рассказать новую историю про сказочных героев или просто про дедушкино детство.

Вот и сейчас он вмиг затих, сел к дедушке на колени и приготовился слушать.

– Что ж, – улыбнулся дедушка, – слушай, внучок, внимательно, может потом своим детям расскажешь.

Было мне тогда лет четырнадцать. На зимних каникулах, в канун Рождества у друга был день рождения. И он пригласил меня в гости, и чтобы отпраздновать с семьёй оба эти торжества.

Звали друга Иван. Учились мы с ним в одной школе. Жил он в поселке Весёлый, в шестнадцати километрах от нашей Бекетовки. Было там домов тридцать. В школу отец возил друга на лошади, посёлок-то был в лесу, далеко пешком ходить.

Родители не хотели отпускать меня одного. Но куда уж, у меня с детства был упрямый характер: уж если что решил, то никому меня не переубедить. Пойду – и всё тут! Мать это знала, потому и согласилась, хоть и с трудом. Понимала, что не отпустит – сам убегу.

С собой я взял гармошку (мы с другом любили песни под неё петь) и рюкзак, в котором были подарок другу, спички, ножик да газета, мать мне её дала, мол «может пригодится тебе в дороге».

Вышел я примерно в обед, часов в двенадцать. Зимний день короткий, рано темнеть начинается. Зашёл в лес, а там темень, и погода, как на зло, испортилась: подул сильный ветер, снег повалил, вдалеке послышался вой – волки!

Через лес мне надо было идти часов пять или шесть, а зимой и того дольше. Где полянка, там снега поменьше, а в лесу были моменты снега и по пояс навалит.

Прошёл я достаточно много, уж и посёлок, кажется, близко. Думал, доберусь без приключений, но судьба распорядилась иначе.

Дошёл я в лесу до оврага, вдоль него проходила дорога. Тут смотрю, а в темноте глаза светятся! Я в сторону, они за мной. И тут понял я – волк!

Тогда и вспомнил про газету, что дала мне мама, поджёг и стал ею размахивать! Волк-то немножко поддал и отошёл. Но газета быстро закончилась. Я не растерялся и начал играть на гармошке задорные мелодии и петь во все горло песни, кото-

рые только мог вспомнить. Волк поначалу остановился, но не ушёл. А я пальцы от холода уже не чувствую, так замёрз, а все играю. Тут серый стал подходить всё ближе и ближе. Ну, думаю, не дойти мне до друга, не порадоваться с ним вместе его празднику и Рождеству!

– Дедушка, а тебе совсем-совсем не страшно было?

– Конечно, страшно. Так страшно, было, Лёша, что казалось, сердце вот-вот из груди выпрыгнет, а по щекам уже горячие слёзы катятся. Но я сам себя успокаивал. Думаю: физически я крепкий, одного-то волка смогу задушить. А еще на небо смотрю и смотрю без мыслей, словно помощи жду.

Вот так я и пошёл вперёд, надеясь то ли на чудо, то ли на везение... Поднялся на гору, за которой была деревня. Волк долго от меня ещё не отставал, шёл со мной почти до самого посёлка, но вреда мне не сделал. Когда увидел я огоньки деревни, у меня дрожь по телу пошла. И испуг у меня, и усталость, вот ноги-то и подкосились. Как дошёл я до деревни, до первого дома, увидел огонь в окне, так упал, и потерял память, от усталости в забытие впал.

Добрые люди увидели меня, лежащего в снегу без памяти, да и подобрали. На санках довели до дома друга Ваньки Панкратова. Как-то догадались, что я к ним шёл! Он меня уже и не ждал...

У Ивана я и прожил все каникулы. Помню, накормили меня картошкой с бараниной. Эх, и вкусно было! А потом на печку уложили – отогревайся, мол. Захворал я тогда сильно: горячка, ангина. Домой меня не отпускали, а родителям весточку с односельчанами послали, что, мол, дошёл и скоро вернётся.

– А что ты своему другу подарил? Новую машинку?

– Ох, Алёша! – рассмеялся дедушка, – Тогда подарки были совсем не такие, как сейчас. Я взял с полки свою любимую книгу. Тогда это был самый ценный и желанный подарок.

Мальчик сильно удивился, но ничего не сказал и продолжил внимательно слушать историю, обхватив дедушку за шею.

– А он мне в честь Рождества Христова подарил свой любимый ёлочный шар.

– Тот самый, что я нашёл сегодня в коробке?

– Да, тот самый. Так что? Будем его снимать с ёлки?

– Нет! Что ты, дедушка! Тебе ведь его подарил твой лучший друг!

– Вот видишь? Не стоит судить о чём-то, не узнав его историю.

– Теперь это будет и мой любимый ёлочный шар! – радостно воскликнул маленький Лёша и обнял деда.

Вера ДОЛМАТОВА – поэт, прозаик. Родилась в селе Кучуры Ульяновской области, окончила Силикатненскую среднюю школу, затем Ульяновский государственный университет, имеет актёрское и библиотечное образование. Живет и работает в г. Ульяновске. Дипломант областного конкурса «Первая роса», публиковалась в журналах «Симбирскъ» и «Веретено», сборнике «Новый венец». Является организатором литературных мероприятий и проектов по продвижению книги и чтения, а также творчества ульяновских авторов.

ЛЮБОВЬ В КОНВЕРТЕ

Пришли мне себя по почте
Без марки в обычном конверте
Листок с поцелуем и подпись:
«Для самой любимой на свете!»

Пришли мне свою улыбку,
В конверт заверни дыханье
И ласковый взгляд, и нежность,
Но не сообщай заранее.

Пускай почтальон внезапно
Примчится и скажет: «Срочно!»
Раскрою, а это ты
Прислал мне себя по почте.

СОН

Ты помнишь? На закате наших дней
Раскаты грома раскололи небо!
Не слышал и не понял ты, а мне
Подумалось, что ты моим и не был.

Не ты, а твой фантом разжал ладонь,
И, выронив мою, ушёл с туманом.
И дождь хлестал. А может это сон?
Твоя любовь не может быть обманом!

Одна проснулась – дождь накрыл наш дом,
Окно открыто, пусто, давят стены.
Застыло время, сон растаял в нём,
Но слёзы льются, боль течёт по венам.

Этот мир, вероятно, пьян,
Одурочен и брошен в тумане.
Где пробоина, в чём изъян?
Покажите того, кто крайний.

Капли времени на песке
Словно слёзы, не ставшей явью
Той мечты, что в моей руке
Задышится от тщеславья

И ничтожных моих обид,
Ожиданий сверх меры жадных.
Оказалось, со мной не щит,
А корыто амбиций бабьих.

Отражение на воде
Искривило лицо в ухмылке:
«Не вини этот мир в беде.
Ты пьяна и сидишь в бутылке»

Двигутся стрелки-иголки,
Звенья цепи тянет груз.
Щёлк – каждый зуб шестерёнки
Пробует время на вкус.

Ржавые звенья меняет
Смерти слуга-часовщик,
Если доходит до края
Чья-то история-жизнь.

Двигутся стрелки-иголки
Памяти ткнут полотно.
Щёлкает рот шестерёнки.
Тянется цепи звено.
Щёлк – с Новым годом! и – дальше
Стрелки отщёлкают срок:
Стану ли я завтра старше
Или же...
Скрип.
Щёлк.

Когда-нибудь я загляну в глаза
Мечте, застывшей в зале ожидания,
Пойму – жива и, слова не сказав,
Шагну навстречу собственным желаниям.
Смахну немую пыль с дорожных карт.
От счастья задохнусь – теперь свободна!
Тревогам дня поставлю шах и мат
Когда-нибудь.
Потом.
Но не сегодня.

Ты пойми, милый друг мой Возраст,
Что какой бы мне год не шёл
Я горжусь тобой, но есть просьба:
Просто будь со мной, хорошо?
Не дави на меня отметкой,
Не навязывай жизни стиль,
Иногда помогай советом,
А ошибки мои прости.
Каждый прожитый год – учитель,
Каждый прожитый день – урок.
На каком решено совете,
Что всему есть отметка, срок?

Я живу, как велит мне сердце,
Не считая свои года.
Слышишь, Возраст, нам шепчет ветер,
Что душа молода всегда.

Николай ЛАРИОНОВ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Чувашской республики.

А.Ф. Юман (1932–2018)

КРЫЛЬЯ ОБРЕТАЮ ВНОВЬ

В среднеалгашином Доме культуры 28 октября 2022 года состоялся 1-й литературный фестиваль «Крылья обретаю вновь» имени Анатолия Юмана. В этот день нашему коллеге, чувашскому поэту, переводчику, публицисту, члену Союза журналистов СССР, члену Союза писателей СССР, заслуженному работнику культуры Российской Федерации, первому почётному гражданину Цильнинского района, лауреату литературной премии имени Петра Хузангая Анатолию Федоровичу Ермилову-Юману исполнилось бы 90 лет. К сожалению, нашего друга и Учителя 13 ноября 2018 года не стало. Похоронен он в селе Большое Нагаткино, где прожил почти 70 лет.

Родился А.Ф. Юман (этот псевдоним на русский язык переводится «дуб») в деревне Средние Алгаши (Чавашкасси) Цильнинского района Ульяновской области в семье учителей в 1932 году. Пятнадцатилетним мальчишкой начал работать в богдашкинской районной газете «Коллективный труд». Всю жизнь связал с журналистикой. Первое его стихотворение было опубликовано в 1947 году. В 1961 году очно окончил отделение журналистики Казанской высшей партийной школы. В 1963–1989 годах работал заместителем главного редактора Богдашкинской (с 1965 года – Цильнинской) районной газеты. С 1989 по 1994 год – заместитель главного редактора ульяновской областной чувашской газеты «Канаш».

Журналистика и поэзия – это вся жизнь Анатолия Юмана, два его несущих крыла. Как и когда он успевал писать стихотворения и поэмы, ведь районная газета тогда выходила три раза в неделю! Как человек Анатолий Федорович – сама скромность, сама степенность, само спокойствие, нигде старался не выделяться. Не делал поспешных выводов, пока не услышит всех доводов. А к его мудрым советам прислушивались все. Никто и никогда от него не слышал повышенного тона, раздражительности, нелитературных слов и осуждения других. Удивительно был выдержанный человек!

Анатолий Юман – автор многих поэтических сборников на чувашском и русском языках. Его

Василий Алексеевич Селендеев

перу принадлежат прекрасные переводы произведений русскоязычных поэтов на чувашский язык. На его стихи известные композиторы создали ряд песен. Некоторые песни включены в спектакли Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова. А.Ф. Юман издал более 60 книг, в том числе 10 – на русском языке. Уже в зрелом возрасте он сумел удивить читателей, издав четыре книги сонетов. Его сонеты стали большим событием в литературной жизни Чувашии, затем они были переведены Петром Ишутовым на русский язык. После смерти П. Ишутова автор переводил сонеты уже сам. За эти книги автор удостоен премии имени народного поэта Чувашии Петра Хузангая. Его сонеты и лирические стихотворения написаны горячим сердцем и пламенной душой. Всё его творчество проходило под девизом «Сеять добро я стремился в стихах». Юман вырос на родной земле, вобрав лучшие ценности своего времени. Герои его произведений – соседи, односельчане, близкие знакомые, известные личности... Автор пытался глубже вникать в сущность человека, размышлял о жизни и смерти, был и лириком, и философом. Образы под его пером засветились множеством граней. Автор оставил глубокий след в чувашской литературе, и не только. Его наследие нам предстоит исследовать долгие годы. Он достойный сын своей земли, родной деревни, Цильнинского района, Ульяновской области и всей России, внесший большой вклад в развитие многонациональной культуры нашей страны.

Творчество Анатолия Юмана, по моему мнению, близко к творчеству народного поэта Чувашии Якова Ухсая. Они оба поэты от земли, от сохи, поэты не рафинированной, а народной словесности, их стихи не декларативны, а написаны «для души,

Дочь А. Юмана – Татьяна Анатольевна Федорова

для тиши». Оба корнями росли в землю, очень трепетно относились к малой родине, природе, каждое слово пропускали через мелкое сито.

Анатолий Федорович также был активистом общественного движения, стоял у истоков возрождения чувашской национальной культуры в конце 1980-х годов. Один из основателей чувашской газеты «Канаш» и телепередачи «Еткер». Первый номер газеты «Канаш» в 1989 году он написал и сверстал лично сам. Являлся почётным членом правления Ульяновского культурно-просветительского общества им. И.Я. Яковлева, членом правления Ульяновской областной чувашской национально-культурной автономии, народным академиком, членом Совета старейшин Чувашского национального конгресса.

Более четверти века мы были близко знакомы с Анатолием Федоровичем. Когда в начале 1990-х годов мы встретились в редакции областной чувашской газеты «Канаш» (я был общественным корреспондентом), стали вместе тесно трудиться в литературном поле. Он стал моим литературным отцом, поправлял мои первые стихи, указывал на ошибки и недостатки, давал домой читать книги по стихосложению из своей домашней библиотеки. И всегда советовал больше читать классиков. Нас поражала его начитанность, его способность подробно рассказывать о многих поэтах, прозаиках. Затем я в 1996 году стал штатным журналистом газеты «Канаш». И уже в июле 1997 года при редакции газеты «Канаш» мы организовали литературное объединение «Шевле» («Зарница»). Анатолий Федорович был уже пенсионером, но приезжал на каждое заседание из Большого Нагаткина, говорил, что встреча с коллегами для него – отдушина. В последние девять лет жизни Юмана я его часто отвозил на своей машине с заседаний до автовокзала и там же поджидал, пока мой старший товарищ не сядет в автобус. Бывало, и до Нагаткина довозил. В первые годы в литобъединении иногда собирались по 15–20 человек. Юман также стал редактором первого коллективного сборника нашего литобъединения «Свет зарницы» (Ульяновск, 2000) на двух языках. Мы часто говорили с Анатолием Федоровичем о литературе. У меня дома хранятся много книг моего Учителя с дарственной надписью.

Литературную деятельность автора в своей книге «Творчество Анатолия Юмана» обобщила Валентина Ефимова, которая несколько лет трудилась с ним бок о бок в редакции «Канаша». Эту книгу Анатолий Юман успел увидеть.

О творчестве А. Юмана положительно высказывались многие маститые поэты и писатели. Народный писатель Чувашии, лауреат премий Союза писателей СССР и РСФСР Юхма Мишши писал: «Анатолий Юман – один из безусловно даровитых поэтов... Его произведения отличаются свежестью мысли и поэтическими находками, вдумчивым отношением к слову и знанием фольклора». Народный поэт Чувашии Георгий Ефимов констатировал: «Мне нравится, что А. Юман верен своему краю, легендарному городу Ульяновску. Он много пишет о земляках, радуется их успехам. Поэт старается быть в гуще жизни своей области. Видимо, к этому его приучила газета. Это хорошая черта А. Юмана». Высоко оценил творчество нашего зем-

Ансамбль «Надежда» из Б. Нагаткина
под руководством В.Н. Тарават

ляка и народный поэт Чувашии Яков Ухсай: «В количественном росте чувашской поэзии заметно выделяется Анатолий Ермилов (его литературный псевдоним Юман). Работая в редакции районной газеты и находясь в самой народной гуще, он продолжает по содержанию и форме гражданственность Константина Иванова». (К.В. Иванов – воспитанник Симбирской чувашской школы, классик чувашской литературы, чувашский Пушкин, автор бессмертной поэмы «Нарспи», переведённой на 16 языков мира.)

На вечере, посвященном Анатолию Юману, в сельском Доме культуры собрались чиновники, журналисты, руководители национально-культурной автономии, работники культуры, школьники, односельчане, жители соседних сёл. Все они выражали свое почтение человеку и восхищение прекрасному талантливому поэту. Открыл праздник народный ансамбль «Шанас» («Надежда») из села Большое Нагаткино под руководством члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры Российской Федерации, почётного гражданина Ульяновской области Валентины Тарават. Затем мы с Валентиной Николаевной со сцены передали участникам фестиваля приветствие от председателя Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольги Николаевны Дарановой. Свое мастерство показали также артистки ансамбля «Палнай» из Ульяновска. Они исполнили песню на стихотворение А. Юмана «Супруге» (музыка ульяновского композитора Станислава Толстова).

Из города Нурлат (Татарстан) приехала на фестиваль дочь Анатолия Федоровича – Татьяна Федорова. Она выразила благодарность за то, что земляки не забывают имя отца.

– Сколько помню, отец постоянно писал, писал. А когда напишет на русском языке, давал мне на проверку – нет ли грамматических ошибок. От папы мы, два сына и две дочери, получили правильное воспитание. Мы выросли честными, справедливыми. Мне сегодня также не стыдно за своих детей – внуков Юмана. Мы тоже старались их воспитывать на ценностях нашего отца, – сказала Татьяна Анатольевна.

Очень интересным оказалось выступление учителя Средних Алгашей, учителя-пенсионера, увлеченного краеведа Василия Селендеева, которому идет уже 82-й год.

– Мы с братьями Толей и Геной Ермиловыми росли вместе на одной улице, недалеко друг от друга. Постоянно играли вместе, бывало, и в бане

вместе мылись. Их семья была приезжая, поэтому они жили прямо в школе, переоборудовав один класс. За это мальчика звали Шкул Тули (Школьный Толя). Он на улице всегда был заводилой, собирал мальчишек и устраивал разные игры, в том числе народные. Любил песни, вставал на лестнице коридора школы и сверху учил нас петь. Сам громко пел и при этом размахивал руками, как дирижер. Сам переводил русские песни на чувашский язык. Также читал ребятам свои стихи, играл на гитаре. У них в семье были патефон, граммофон, мы целой толпой собирались слушать музыку. Как-то он неожиданно начал заниматься гирями, так к школе чуть ли не полдеревни собиралось. Поднятие тяжестей превращалось в острое молодёжное состязание. После первых тренировок очень многие заболели этим спортом. Потренировавшись самостоятельно некоторое время, Толя стал самым сильным. Брал две двухпудовые гири и попеременно поднимал их жимом. Помню, как на Сабантуе в Старом Дрожжаном на радость всем нам он занял первое место по поднятию гирей и оттуда привёз ценный приз. Занятие этим спортом он не прекращал до преклонного возраста.

Наш старший товарищ Толя также был талантливым художником, постоянно носил с собой карандаш и блокнот, рисовал на односельчан дружеские шаржи в стиле Кукрыниксов. Посылал свои рисунки в газету «Пионерская правда», художник по фамилии Шимранов им дал высокую оценку, – рассказал со сцены Василий Алексеевич.

Учитель-пенсионер выступил с инициативой организовать в Цильнинском районе новый проект «Литературно-туристическая тропа».

– Пусть об этом совместно подумают чиновники, работники культуры, учителя, краеведы, ведь в нашем районе много известных поэтов, прозаиков разных национальностей, – сказал он.

А мне после выступления аксакала вспомнились слова моей односельчанки Дарии Ларионовой-Шуркиной, которая училась в одном классе с Ермиловыми в Нижнетимерьянской средней школе в начале 1950-х годов.

– Мы жили в интернате. В нашем классе учились братья Ермиловы. Они тогда были сиротами, мы их очень жалели. Толя играл на гитаре и пел грустные песни. Помню до сих пор одну строку из его песни: «Не всем дано летать, удачу догонять», – рассказала мне три года назад Дария Петровна.

Со сцены дети читали стихи своего земляка на русском и чувашском языках. Как раз для молодого поколения и должны проводиться такие мероприятия, чтобы не прерывалась связь времён, чтобы поэзия Анатолия Юмана в народе вновь обрела крылья.

Закончился праздник «Гимном Средних Алгашей» (слова А. Юмана) в исполнении местного самодеятельного коллектива. Организаторы этот фестиваль решили сделать традиционным, ежегодным.

За душу задело участников мероприятия стихотворение Анатолия Юмана «Родной язык» в переводе Анатолия Смолина. Вот одна строфа из него:

Язык родной! Я без тебя – без сердца,
С тобой лишь жар горит в моей груди.
Пока ты есть – и мой народ бессмертен.
С тобой лишь счастье ждет нас впереди.

С РОССИЕЙ В СЕРДЦЕ

Праздничный вечер «С Россией в сердце» состоялся 4 ноября 2022 года, в День народного единства, в Торжественном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Вечер был инициирован и организован Ульяновским региональным отделением Союза писателей России при поддержке Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

День народного единства – государственный праздник России, объединивший наш народ в едином стремлении к миру, независимости, суверенитету России.

Пожалуй, никогда ещё с момента своего учреждения в 2005 году этот праздник не звучал так актуально, как сегодня. И пожалуй, никогда слова «Родина», «Отечество», «Россия» не были нам так дороги, ценны и внятны.

Объединение русских земель, укрепление государства, собирание и сбережение народа – вот те основополагающие гуманные ценности, которыми всегда жил наш народ. История не раз преподносила нам пример героизма русского народа: Ледовое побоище, Куликово поле, Смута, Бородино, Великая Отечественная война и день сегодняшний. Как когда-то народ под предводительством нижегородского земского старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского объединился и встал на защиту своей Родины, так и сегодня россияне мужественно сражаются за безопасность своей страны, за родину, за Россию.

Этот день православные верующие отмечают ещё и как День памяти Казанской иконы Божией Матери. Во времена Смуты икону считали покровительницей русских воинов-освободителей.

И в наши дни Россия вновь отстаивает свой суверенитет, защищает свою государственность и свой народ. И вновь актуальны поэтические строки и музыка единства, героизма, победы, поддерживающие и раскрывающие мужество своих сынов, они

становятся необходимой поддержкой воинам и всему нашему народу.

Потому что мы – русские люди!

Именно с песни под таким названием «Русские люди» (слова и музыка ульяновского поэта и композитора Александра Филатова) и начался вечер патриотической поэзии и музыки.

На вечере прошла презентация

Антологии современной патриотической поэзии «ПоЗЫВной – Победа!», подготовка и издание которой было поддержано Президентским фондом культурных инициатив. С первых дней специальной военной операции поэты со всей страны, а также из Донецкой и Луганской народных республик объединились в едином порыве и создали новую яркую страницу в истории отечественной поэзии, посвящённую подвигу российских солдат и офицеров, а также осмыслению происходящих на наших глазах глобальных перемен в мировой истории.

В антологию вошли стихи и ульяновских поэтов – Анатолия Шутого, Ильи Таранова, Николая Марянина.

Участникам вечера был продемонстрирован видеоролик с выступлением председателя Союза писателей России Николая Иванова, в котором он рассказал об антологии и новом проекте Союза писателей России.

Прозвучали стихи Николая Марянина, Анатолия Шутого, Ильи Таранова в исполнении авторов и ведущей вечера. Прекрасные музыкальные композиции исполнил автор-исполнитель, певец с уникальным голосом Сергей Лямин.

Прозвучали стихи и приветствия друзей-поэтов из Лутугина (Луганская область), от литературного объединения «Луганчик» (руководитель

Николай Марянин

Раиса Кашкирова

Светлана Казьмина) и поэтов недавно организованного отделения Союза писателей России в Республике Татарстан под руководством Татьяны Сушеновой.

На вечере был дан старт новому межрегиональному проекту «Марафон Памяти», суть которого – в сохранении памяти о подвиге российских воинов в разные исторические времена. С Дня народного единства и до Дня Великой Победы будет длиться марафон поэтических строк, музыки, презентаций книг и творческих вечеров. Вся информация будет аккумулироваться на сайтах Ульяновской организации Союза писателей России и Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

Тему памяти продолжила поэт, певица Вера Долматова. В её исполнении прозвучали песни «На солнечной поляночке» и «Песня о России».

Свои стихи прочли ульяновские поэты Раиса Кашкирова, Галина Анисимова, слова приветствия высказали руководитель мордовской национально-культурной автономии Ульяновской области Владимир Софонов и поэт, переводчик, заслуженный работник культуры Чувашской Республики Николай Ларионов.

Завершился праздник песнями «Вперед, Россия!» и «Солнечный круг» в исполнении Малой академии вокала и музыки «Созвездие» под руководством Ольги Беляевой.

Организатор и ведущая вечера – поэт, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России
Ольга ДАРАНОВА

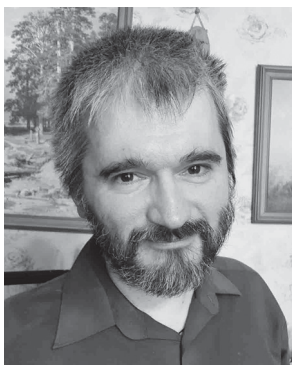

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Памяти Анатолия Шутого

И МЛЕЧНЫМ НЕ ОКОНЧИТСЯ НАШ ПУТЬ

Мы простились с Анатолием Михайловичем Шутым (27.07.1968–10.11.2022).

Ушёл замечательный человек. Поэт. Борец. Романтик. Ученый. Мыслитель. Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Ульяновского государственного университета. Лауреат премии УлГУ «Лучший учёный» (2019), лауреат премии имени академика РАН Жореса Ивановича Алфёрова. Член Союза писателей России (2007).

Автор поэтических сборников «Квинта», «Високосный год», «Дорогой нОСорога», «Имя», «По циферблату Млечного пути», «Путешествие в Город Дорог», «...где-то по дорогам», научного труда «Онтология личности. Введение в метафизику образов», он написал более двух тысяч стихов и несколько фундаментальных работ, опубликованных в журнале «Вопросы философии». Даже когда об Анатолии Шуте писали как об учёном, получалось как о поэте: «Рисунки к статьям – как крылья фантастических птиц, графики – как гравюры, текст – как белый стих... Глубокие исследования частного – как поиск общего Великого смысла». Печальным оптимистом назвали его коллеги-учёные, а его жизнь – подвигом.

Он был мужественным, честным, чистым че-

ловеком. Он не позволял своему недугу спеленать за спиной крылья, и поэзия помогала ему в самые трудные времена...

Ему было нелегко. Часто больно и грустно, одиноко. В трудные минуты он разговаривал с Господом, смотрел на храм за окном... Писал стихи.

Общался в чате с коллегами – писателями, публиковал стихи, отзывался на все волнующие события, спорил, отстаивал свою точку зрения. Он будоражил нас, напоминал, что «душа обязана трудиться...».

Земля и Небо соединились в нем, в его творчестве органично и навечно. Вера в жизнь Духа придавала ему силы жить на земле, осознавая, что пределу жизни нет, она будет продолжена в другом измерении... Он учил этому нас, придавая нам силы жить и творить, радоваться и надеяться.

В небеса улетела трепетная, тонко чувствующая душа, вместившая в себя добро, сострадание к ближнему, милосердие.

Вечная память другу и поэту!

*По Промыслу, но не по Божьей Воле,
Так правил космос, тонущий во зле:
Бывают птицы, брошенные в море,
Бывают ангелы, прибитые к земле.
Но нам сердца ковали серафимы,
И сталь души не обратит во ртуть!
Мы званы, нас услышат, мы любимы,
И Млечным не окончится наш путь.*

Ольга ДАРАНОВА

Илья ТАРАНОВ, член Союза писателей России.

НАСТУПИТ ЧАС – И НЕ В ОКНО ВЗГЛЯНУ Я...

Рассказ-очерк

Памяти Анатолия Шутого

Ноябрьский ветер гонял по крыше веранды сухие листья винограда, а те, что ворохом застряли в зарослях лозы вдоль карниза, вздрагивали, будто испуганные кошки. Несмотря на непогоду, я собирал в мешки и ведра обрезанные ветки, сухую листву и недозревшие сине-пурпурные гроздья Изабеллы, частью подгнившие, малопригодные в пищу. Начало лета было холодным, вот и не хватило времени для созревания. Ох уж это время! Оно является мерой вечности, но так скоротечно; его всегда не хватает, когда человек занят работой, и так замедляется, когда человек в мучительном ожидании чего-то, в состоянии бездействия.

Тренькнул смартфон. Я увидел, что пришло сообщение на ватсап, но не стал его открывать, помедлил, слегка очооченными пальцами засунул гаджет в карман, дабы не сбиться с мысли, которая кружила в голове. Пожухлый разлтый лист винограда с тёмной паутиной прожилок напомнил потрескавшуюся иконку Божьей Матери. Порыв ветра выхватил из ведра листья, и будто невесомые лики святых закружили вокруг, превращая миг в вечность. Невольно я взглянул на запад, где в серости дня виднелись холодно-свинцовые купола Арских храмов. Тихо ударил колокол, моё наваждение отхлынуло, и я продолжил несложную работу, дающую возможность погружаться в мысли и воспоминания. Пазлы мироощущений сложились в картинку, и я понял, чего мне не хватало в последнее время, в прошедший День народного единства, День Казанской иконы Божьей матери. Не хватало посылать одного человека, который не был мне родственником и другом, человека, с которым я встречался всего несколько раз в жизни, но умогательная связь с которым невообразимо действовала на мои чувства и мысли, человека, которому, как мне казалось, на всё хватает времени несмотря на его постоянную деятельность. Своеобразная у него фамилия – Шутый. Анатолий Шутый. Я не то что завидовал такой фамилии, а держал в голове мысль, что ему никакой псевдоним не нужен. Даже шурушащие листья повторяют: Шу-у, Шу-утый... Вот и ватсап я постоянно открывал, ждал ответа от Анатолия. Я написал ему несколько дней назад, но ответа так и не было. Анатолий заболел ковидом, попал в больницу и с этих пор не размещал в писательском чате свои сообщения: картинки с изображением разных икон к праздничным и иным датам православного календаря, свои лирические и патриотические стихи; порой колкие, но точные комментарии к нашей переписке и стихотворные поздравления с днём рождения собратям по перу. Порой мы скрещивали в спорах копыа, порой было горячо, как на поле

сражения, но всегда кто-то из нас шёл на уступки и всё заканчивалось миром. Да что говорить! Творческие личности частенько нападают друг на друга в порыве ревности к успехам коллеги по творческому цеху. Доказанный ли факт или нет, но я склонен верить, что Есенин называл Маяковского «певцом банок Моссельпрома», а автор «Облака в штанах» называл любимую мной есенинскую поэзию «идеализированной деревенщиной». Но в резкости высказываний Анатолия Шутого была совершенно иная субстанция, понять которую мне, возможно, не до конца довелось, для этого необходимо глубже погрузиться в его творчество, пройти дорогами времени, которыми шёл этот человек.

Чат без его сообщений осиротел, а ведь не сразу он стал одним из активных и значимых пользователей в нашем виртуальном пространстве. Мне пришлось поначалу его уговаривать, он дал согласие, я включил его телефонный номер в группу, и Анатолий долго присматривался к коллегам. Стоит заметить, что наш чат в ватсапе с аватаром портретом Пушкина работы русского живописца Кипренского называется Союз писателей. Будучи председателем ульяновского отделения Союза писателей России, я создал этот закрытый чат для объявлений и творческого общения ульяновских писателей...

Всё же осенний ветер решил согнать меня с крыши. Очередные листья разлетелись в стороны, я подумал, что надо бы написать об этом стихотворение, но тема показалась мне несколько банальной, её вытеснила мысль о болезни товарища, и я вспомнил нашу первую встречу.

Кажется, это тоже было осенью. Я заехал в редакцию журнала «СимбирскЪ» к редактору и поэту Елене Кувшинниковой поделиться планами своей работы в должности председателя Ульяновского отделения Союза писателей и поговорить о членах нашей организации, с которыми я лично не был знаком, но предварительно хотел узнать об их творческой жизни. Елена Викторовна готовила очередной номер, мы поговорили о журнале, о наших коллегах-писателях. Мы с Еленой выпили по чашке чая и разговорились о творчестве Анатолия Шутого. Она и познакомила меня с его литературным сборником «По циферблату Млечного пути». Философский дух произведений Анатолия завладел моим вниманием. Вообще на тот момент я поставил себе сверхзадачу: побывать дома у каждого нашего писателя, но следует со смирением признать, что миссия оказалась невыполнимой. План провалился, как зимний лунный месяц в лохматую тучу. Не понимаю, чего не хватило: моего времени и настойчивости или желания и времени писателей. Я не стал

зачислять это в минус, а обнадёжил себя сознанием сэкономленного времени литературным творцам на очередные произведения. Непостижим только план Бога, который надо лишь принять.

Анатолий объяснил по мобильнику как до него добраться, я приехал на улицу Минаева, поднялся на четвёртый этаж обычной панельной хрущёвки и вошёл в приоткрытую дверь. Он встречал меня в инвалидной коляске на пороге зала, чуть смущаясь, но с явной заинтересованностью, пристально вглядываясь в моё лицо, поглощая своими тёмно-кариими глазами фантомы, кванты моих ощущений, неуловимые оттенки эмоциональности, которые нельзя скрыть ни мимикой, ни словами, которые улавливаются душой и сердцем человека, как счётчиком Гейгера радиоактивное излучение. Мы познакомились, обменялись своими книгами, выполняя неписанный писательский ритуал, я присел на диван, кратко рассказал о себе и попросил поведать о его творческих планах. Всё это время он не переставал присматриваться ко мне, вслушивался в мою речь, реагировал на интонацию. В свою очередь, я изучал нового знакомого, пытался определить возраст. Лет сорок семь-сорок восемь – тогда подумал я и почти не ошибся. Он был сухоощав, с прямыми чертами лица, тёмными волосами и густой бородкой, что-то казацкое показалось мне в его чертах и осанке, и этот его портрет я бы с первого взгляда сравнил с Григорием Мелеховым, героем романа «Тихий Дон» Шолохова. Первоначальное смущение уже пропало, взгляд Анатолия становился всё яснее, упрямее, без оттенков суетливости, его почти неподвижная поза вызывала у меня новое сравнение с иконописным ликом Николая Угодника. В комнату вошла его мама – Евгения Иосифовна, и я вручил ей коробку конфет. Женщина показалась мне энергичной, немногословной, добродушной, привлекавшей к труду и домашним заботам. В её фигуре читалось напряжение, вызванное не присутствием гостя, а ежеминутными физическими действиями, внутренней материнской обеспокоенностью о своих детях, скрытым переживанием и постоянной готовностью помочь. Евгения Иосифовна с материнской любовью заботилась не только об Анатолии, но и о дочери Ольге. Она позже выехала на такой же инвалидной коляске, как у брата. Ака, так ласково звал сестру Анатолий, взглянула на меня по-детски добрыми ангельскими глазами. Ака показала свои недавние карандашные рисунки. Её графика была удивительно философским символизмом, на что я обратил внимание и тем вызвал одобрительный комментарий Анатолия. На рисунке я увидел распустившийся цветок, в его центре – большой алмаз с нарисованными на гранях глазами, а поверх каждого лепестка – раскрытые женские ладони. Только неординарная личность могла нарисовать такой цветок, открытый романтик, человек с чистой душой и большим сердцем. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», – такую бы надпись я поставил под этим рисунком. Ака так же внезапно исчезла в проёме комнаты, как и появилась. Будто солнце ненадолго выглянуло из-за облаков и скрылось, обнажая обыденность обстановки.

Да-да, теперь точно вспоминаю, что была осень. За окнами зала, где мы беседовали с Анатолием, ка-

чались акварельные ветви голой берёзы и хорошо просматривался Спасо-Вознесенский кафедральный собор. Анатолий подкатил свою коляску ближе к окну: «За окном мой друг!»

Протяни, Дерево, свои ветки.
Тыщу лет жить тебе! А мне... – «двести»!
Разговариваем с тобой редко,
Будто порознь живём, а не вместе.

Посмотри, как они озябли.
Ну а мне тепло будто летом.
И замёрзли на ветках капли
Не расслышанным здесь ответом.

Расскажи мне о всяком прочем
И о том, что спросить не смею...
Холодает, похоже, к ночи.
Дотянись – я чуть-чуть согрею.

Он молча протянул мне листок бумаги с этим стихотворением. Строчки вонзались в моё сердце, обнажая тонкую духовную суть поэта. А он ловил мой взгляд как ребёнок, ожидающий похвалы за свою работу.

«Дотянись – я чуть-чуть согрею», – продекларировал я последнюю строчку стиха и Анатолий удовлетворённо выдохнул. Мы молча посмотрели за окно на дерево, потом на собор. Его ярко-голубое строение и золотые купола не просто украшали городской пейзаж, а вносили торжественное звучание всему сущему вокруг, олицетворяя вечность и небесную славу. Об этом каменном величественном сооружении следует немного рассказать. Он стал чудом для Анатолия и его близких. Когда они переехали в этот дом, безликость пространства за окном привела его поэтическую натуру в удручающее состояние. Берёза ещё не дотягивалась ветками до их окон, за которыми гудело шоссе: гремели трамваи, сигналили машины, а дальше был небольшой пустырь и сквер со старым Некрополем. «Эх, вот бы случилось чудо и на пустыре построили церковь», – как-то сказал матери и сестре Анатолий. Впоследствии он писал, возможно, именно об этом состоянии души: «Когда нет храма, нет колоколов, / Господь дарует небо для набата. / И зазвучат как Сорок Сороков / лазури даль и выси облаков, / и будет гулом сторона объята!»

Услышало ли небо просьбу людей или просто решило одарить смиренные души, кто же знает. Может быть, вот эти строчки Анатолия Шутого добрались до Бога: «Окно из дома открывает дали, / и дарит свет и всё, что есть окрест / – без окон мы давно б слепыми стали. / Окно из Мира в Мирозданье – Крест!» И свершилось чудо – началась стройка. Вознёсся в небеса золотой крест собора. Наполнилось пространство от неба до земли благовестом и перезвоном: «Благовестуйте со дня на день спасение Его (Бога нашего)...», начался новый отсчёт времени колокольными переливами. Охватило Симбирскую гору от Свяги до Волги, от Пушкирёвского кольца до площади Победы иным звучанием, поначалу непривычным, но от удара к удару, от перелива к переливу всё привычнее становились эти звуки в суматошном течении городской жизни Ульяновска.

Нет, не о своей болезни, не о трудностях, которые приходится преодолевать, рассказывал этот увлеченный человек. Анатолий поведал с горящими глазами об этом удивительном событии в его жизни, как день ото дня преображался пейзаж за его окнами, как воплощалась в реальность его мечта. Как напротив его дома появился великолепный по архитектуре и внушительный по размерам Спасо-Вознесенский собор и жизнь Анатолия наполнилась яркими красками, невероятно чистыми звуками, большим смыслом, радостью и душевным равновесием. Он будто отправился в долгожданное путешествие. Когда-то в центре города в XVII-XVIII веках стояла Воскресенская церковь. В ней крестили русского поэта Николая Языкова, писателя Ивана Гончарова, а в приходе храма жил святой блаженный Андрей Симбирский, где его и отпели после смерти. Всё в этом мире связано незримыми нитями – и прошлое, и настоящее, и будущее. Это, если хотите, некая соматическая вселенская система, познав которую и можно докопаться до истины мироздания. Этим познанием и был поглощён Анатолий Шутый, но об этом позже.

При нашей первой встрече я узнал, что Анатолий много лет уже не покидал своей квартиры, прикованный к инвалидной коляске. Писал он об этом так:

Не в комнате живу – на корабле!
По времени плывёт он в небывшее...
Чужое или, может быть родное –
Не вижу я пока в минувшей мгле.

Со мною, как и в море, небеса!
Пусть будет ясным Солнечное око!
И мачтами мне стали рамы окон,
А шторы, не иначе, – паруса!

За суетой повседневности мы часто не в состоянии разглядеть внутренний мир человека, я уже не говорю о тех несбыточных порывах той или иной творческой личности на пути преобразования окружающего бытия, до которых добраться не менее сложно, чем до края Вселенной. Лёгкое смущение Анатолия при нашем первом визуальном контакте я, скорее всего, принял за некую фрустрацию, вызванную его физическим состоянием, а на самом-то деле мой шаблонно-экзистенциальный подход к знакомству с этим человеком не то что не подходил, а был ему чужд. Во время общения подсознательно я ушёл от этого, постарался подняться на тот уровень духовности, который он принял. Да-да: «...А шторы, не иначе – паруса!» Но кроме корабля у Анатолия было огромное войско, которым он руководил в своём безграничном воображении на полях сражения.

После разговора о Спасо-Вознесенском соборе мы отправились в его комнату, где он писал свои глубокие стихи, прозу и научные работы, где был его рабочий стол с компьютером. Если в зале полки шкафов были забиты в основном книгами, в том числе и подписными изданиями, сохраняя духовную атмосферу жилья, то в этой комнате царил боевой дух: сотни оловянных коллекционных солдатиков заполняли полки и ниши, вызывая почти мальчишеский восторг и удивление. Я покачал головой и заинтересованно стал рассматривать эту армию: «В

детстве я тоже собирал солдатиков. Было у меня не больше роты, а тут целые батальоны!» Разнообразие военной формы разных стран, разнообразных родов войск, вооружения и поз воинов будоражили моё воображение. Здесь солдатики стояли не только по стойке смирно, как у Ганса Христиана Андерсена, но и шли в атаку, замахивались саблём, кололи штыком, прицеливались из ружья и пулемёта и скакали на коне. Тут фигурки и знаменитых полководцев, и храбрых гусар, и офицеров времён Второй Мировой войны и рядовых солдат. Анатолий обрадовался моему интересу: «Это коллекционные оловянные фигурки. Заказываю через интернет. Давно увлекаюсь. Они мне помогают жить...»

Потом уже я наткнулся на одно стихотворение Анатолия:

Что главное: что есть или то, что будет?
Кусок металла, перстень или ржа?
Ответы – как на лезвии ножа –
О смысле, оправданье наших судеб...
О прожитом спрошу у жизни данной:
Чему быть над землёй, чему – в золе?
Пока я за столом. А на столе
Наполеон... – солдатик оловянный.

Этот человек всё больше и больше вызывал мой интерес. Мы уже общались по-простому, как мне казалось, было по-особому уютно в этом мире книг, солдатиков и обыкновенных окон, за которыми шумело привычное мироздание, и я затронул тему творческих планов Анатолия, поглядывая на мерцающий монитор включённого компьютера. Не сразу он взялся отвечать, а опять невидимый счётчик считывал мои мозговые импульсы, определяя возможную степень доверительности.

– Скажу так – пишу книгу по философии. Точнее – собираю воедино вопросы философии, богословия и науки, – ответил он довольно сухо.

Позже я узнал, что Анатолий Шутый не только поэт, писатель, член Союза писателей России, но и доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Ульяновского государственного университета. В это время он работал над серьёзным тысячестраничным трактатом «Онтология личности. Введение в метафизику образов». Именно «Онтология...» – учение о сущем, о фундаментальных принципах бытия. За свежими экземплярами этих книг я позднее приходил к Анатолию, чтобы передать их в Областную научную библиотеку, где нашёл приют и наш ульяновский Союз писателей, где мы часто проводим творческие встречи и вечера. Три части «Онтологии» из семи я осилил, но на этом пока остановился. Осмысливание прочитанного, смею предположить, очень длительный процесс. Как-то вечером обдумывал одну лишь фразу из этой книги: «Бог не создаёт эти законы, они сами возникают, согласно Его Природе». Или вот это утверждение Анатолия Шутого: «Вселенная – мёртвый мир, и всё живое в этом мире инородное». Пытаясь при чтении книги иногда в уме что-то оспаривать, сразу прекращал, напоминая себе, что «ты же не философ и не доктор наук», а для большей убедительности открывал список рецензентов – профессоров Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

– Анатолий! Хотя бы в двух словах на простом языке приоткрой завесу философского трактата, – я мягко направлял собеседника к продолжению темы. – Мне это весьма любопытно. Когда-то я увлекался теорией торсионных полей, да и сам пытался умозрительно проникнуть в микромир, расщепить логическим импульсом фотоны и кварки.

В его глазах сверкнула искорка, и он ответил уже дружелюбнее:

– Мою новую философскую концепцию можно отнести к метафизике христианства. Пытаюсь заглянуть вглубь бытия. Синтезировать знания из различных областей. Святитель Игнатий задавался вопросом: «Кто Я?.. Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределённый, непредугаданный. Являюсь и увожусь как невольник...» В этой книге я рассматриваю понятие Перволичности как первой возникшей формы энергии...

Ноябрьский ветер согнал меня с крыши, а следом за мной кружили сухие листья винограда. Один виноградный лист прибил к холодному стеклу, а мне опять привиделось, будто невидимый мастер написал на нём лик святого угодника. Тренькнул

снова телефон. Я открыл в ватсапе писательский чат. Короткая фраза пронзила меня до дрожи: «Толя умер»...

Наступит час – и не в окно взгляну я,
А в то, что ожидает за крестом,
И створки Света Белого минуя,
Я с ветерком покину этот дом.

Это четверостишие Анатолий написал пять лет назад...

Большинство писателей воспринимали Анатолия Шутого как поэта. Общались в основном в чате, где он делился своими стихами, порой только что написанными, так сказать, с пылу и с жару, но трогательными и лирическими, всегда с глубоким смыслом, который мы скорее всего до конца и не понимали. И не понимали, что он спешит нам сказать что-то важное и сокровенное. Только сейчас я начинаю осознавать, что его путь был вовсе не мученическим, а созидательным, богоугодным, его выбрал Творец как последователя Перволичности для процесса осознания Его Природы, для дерзновенной попытки осознания бессмертности своего Я, своей духовной личности, ушедшей из физического мира не как невольник, а как Творец.

14.11.2022

Анатолий ШУТЫЙ

ПРИФРОНТОВОЕ

Ощетинилась земля –
В темно-буром.
А загадывать нельзя –
На смех курам.

Просвистело вдалеке
Прошлой ночью...
Убежать бы налегке,
Если громче.

Время, взятое в залог.
Не посеешь.
Будто вены сеть дорог –
Не поспеешь.

Где дрожала бирюза,
Слыша залпы,
Эшелоны и глаза –
Все на запад.

Календарик отложи
Устаревший –
Даты встанут у межи,
Онемевши.

Завтра... Нынче будто рой –
Люди, люди...
Этот мир прифронтовой...
Что-то будет.

14.04.2022

Россия не утонет никогда!
Она – корабль, идущий к Божьей Правде!
Годин и тягот будет череда,
Но сквозь шторма придет ко Дню Суда –
Не многим в мире верный компас даден.
Пред ней бессильны адовы врата!
Дано ей слышать Ангела напевы...
Хоть волны ночи бьют в ее борта,
Ее Звезда высокая свята,
Покуда под Покровом Присно Девы!

15.04.2022

ВЕСЕННИЙ САД

Не внемля сообщениям с фронтов
И не взирая на металла тонны,
Весенний сад опять цвести готов –
На зыбкий свет раскрыл свои бутоны.
Когда деревья солнцу шлют поклоны,
Над ними вертолеты, гул ракет...
И кто-то, может, гибели в ответ
Зачем-то скажет, прикрывая кроны:
«Не повредили б только нежный цвет...»

06.05.2022

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

(Окончание.)

Начало см. «Симбирскъ» №6–2021, №1–2022, №3–2022, №4–2022, №5–2022)

Заметки провинциала

Журнальный вариант

Прекрасный наш язык способен ко всему...

Александр СУМАРКОВ

Дар поэта – ласкать и карябать,

Роковая на нём печать...

Сергей ЕСЕНИН

Ты написал много букв; ещё одна будет лишней...

Иосиф БРОДСКИЙ

В 2006 году в УлГУ работали целых три диссертационных совета по педагогике. Два – на кафедрах педагогики (их было две). Еще один – при кафедре *акмеологии*, которую возглавлял Николай Ильич Калаков. Он бывший военный, кандидат психологических и доктор педагогических наук. Именно Николай Ильич согласился стать моим научным руководителем, и меня как соискателя прикрепили к его кафедре. А Ольга Ивановна Донина была научным секретарем диссовета по акмеологии.

Акмеология – это раздел психологии, исследующий закономерности и механизмы, которые обеспечивают возможность достижения высшей ступе-

ни (акме) индивидуального развития (личностного, профессионального, возрастного и т. д). Соискатели ученой степени, в зависимости от содержания диссертации, становились кандидатами или психологических, или педагогических наук.

Я благодарен Ольге Ивановне за то, что она сразу же обеспечила меня целой пачкой авторефератов диссертаций по психологии, акмеологии, педагогике и дала пять или шесть вариантов электронных версий готовых диссертаций. Быстро освоив этот массив информации, я легко понял, что такое диссертация и какой должна быть структура ее текста. И работа сразу закипела!

Содержание моего исследования было связано с акмеологическим развитием студентов-филологов в вузе. Увы, мне пришлось отказаться от психологической направленности работы, поскольку в этом случае требовалась сложная математическая интерпретация результатов эмпирического исследования, а я в этом не силен. Писал педагогическую версию диссертации по акмеологии.

Но злой рок подстерегал меня и здесь. В начале 2007 года диссертационные советы во всех провинциальных вузах приказом председателя ВАК (высшей аттестационной комиссии) были закрыты. А дальше так: вскоре одни советы открыли вновь, а другие – нет. Диссертационный совет Калакова был аннулирован. Но в УлГУ еще продолжали действовать два совета по педагогике. И тогда я очень быстро, за полтора месяца, *переформатировал* текст диссертации. Была работа по акмеологии – стала по педагогике, а Николай Ильич немного изменил тему: вместо «акмеологического развития» стало «профессиональное развитие».

Следующие три месяца прошли как в угаде: надо было оформить, распечатать и переплести текст диссертации, подготовить кучу документов, разослать авторефераты. Еще я ездил в Тольятти к официальному оппоненту и в Саранск – ведущей организацией мне определили Мордовский государственный университет (сокращенно – МГУ!).

30 мая 2007 года состоялась защита на седьмом этаже первого корпуса УлГУ на Свияге, а через полгода я получил диплом кандидата педагогических наук.

Дети мало читают, потому что не умеют читать. Взрослые – тоже не умеют. И учителя-словесники не знают, как подступить к художественному тексту. Но ведь можно помочь школьнику *войти в текст*...

Если заходить через правильную *калитку*, то ребенку будет *интересен* практически любой рассказ, роман, любая повесть. Интерес имеет решающее значение, поскольку обеспечивает *мотивацию*. И хитрость тут в том, что текст надо рассматривать как *ризому* – сеть, не имеющую начала и конца...

Летом 2007 года, во время отпуска, мне предложили поработать в официальной городской газете «Ульяновск сегодня». Там также уходил в отпуск корректор, и надо было читать полосы. Согласился, поработал четыре недели. А осенью редактор газеты Елена Гаврилова пригласила меня на постоянную работу совместителем в должности *литературного редактора*. Опять согласился.

Редакция любой газеты – это всегда оазис художественной жизни. Сюда нередко заходили Геннадий Демин, художник Борис Склярчук. Здесь работали бывший фотокорреспондент ТАСС Юрий Белозеров, поэт Александр Лайков. Другой поэт, Андрей Цухлов, тоже здесь когда-то работал, а теперь стал весьма частым гостем...

На наших улицах и на рынках появились иконные лавки. Все современные иконы почему-то оформлены в стиле ширпотреба.

Андрей Баранов, наш проректор по научной работе, перебрался в Москву. Там, в учебно-педагогическом издательстве с вычурным названием «Вентана Граф», нашлась для него вакансия заместителя директора по региональному развитию. Его задача – продвигать продукцию издательства, в основном школьные учебники, в регионы. Потом в бывшем его кабинете в те или иные годы сидели разные люди, мужчины и женщины, но в большинстве случаев это была жалкая пародия на проректора по науке.

Его 0,5 ставки на кафедре культурологии достались мне – это он сам так распорядился. На первой же лекции я с позором *облажался*, но в дальнейшем уже все было нормально.

Всегда и всё – буквально всё – детерминирует *аксиология*. И цену имеет лишь то, что попало в активную зону *аксиологического континуума*. У каждого из нас есть своя ценностная система, которая определяет наш *выбор*, наши *поступки* и *слова*.

Что сейчас стало ценностью? Нефть и газ. Квартиры и машины. Романы Бориса Акунина и Харуки Мураками, фильмы Стивена Спилберга и Квентина Тарантино. В общем, все то, вокруг чего *ажиотаж*. Всякий ажиотаж порождает *ажиотёров*. Даже вот свиной грипп так *распёрзли*, что на антивирусных препаратах уже заработаны солидные состояния.

Так же и люди: чем ближе человек к центру активной зоны аксиологического континуума, чем выше у него зарплата-та-та...

В редакции «Ульяновск сегодня» столкнулся лоб в лоб с Толяном Чесноковым. Он сюда *просто так* зашел. Может же он хоть куда-нибудь приходить...

Вот как об этом говорил герой Достоевского по фамилии Мармеладов: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти».

В 2010 году поступаю совместителем на кафедру философии и культурологии педуниверситета – *педухи*. Кафедра *межфакультетская*. У меня нет аттестата доцента, но должность я занимаю доцентскую.

Итак, я работаю на трех работах: в ИПК (0,5 ставки старшего научного сотрудника и 0,5 ставки доцента на кафедре культурологии), 1 ставка в редакции газеты «Ульяновск сегодня» и 0,5 ставки доцента в УлГПУ.

Дети не умеют читать. И взрослые не умеют. И учителя-словесники не знают, как подступить к художественному тексту.

Так как помочь школьнику *войти в текст*? Хитрость тут в том, что текст надо рассматривать как *ризому*¹ – сеть, не имеющую начала и конца. То есть начинать чтение можно с любой страницы – так и объявим всему классу. И, если ребенок привык читать книги именно в таком порядке, не стоит пре-

¹ Есть обычная сеть (например, рыболовная), а есть сеть-ризома. Если в расставленную в реке сеть попала рыба, то она так и будет оставаться в той ячейке, в которой застряла ее жаберные крышки. А если пользователь где-то вошел в интернет-сеть, то он сможет выйти из нее в любой момент и в любом месте.

пытствовать ему: очень скоро он сам поймет, что читать все-таки надо с первой страницы, причем слева направо.

Есть поэты, подобные кометам: вспыхнут, промелькнут и – сгорят. Вот только некоторые из них: Николай Рубцов, Ника Турбина, Борис Рыжий...

Завкафедрой философии и культурологии Александр Александрович Тихонов – мудрейший человек. Он как-то догадался, что мне нравится работать с филологами, и мои студенты – в основном с филфака. Тут на каждом курсе есть группы с дополнительной специализацией «культурология». Вот им я и читаю некоторые дисциплины. Наверное, лектор из меня не ахти какой, а вот семинарские и практические занятия проходят очень живо и интересно. Я предлагаю такие темы сообщений, по которым нет никакой литературы, так что, хочешь не хочешь, надо *включать мозги*.

У меня в «Одноклассниках» в числе друзей есть бывший студент Сергей Боков (выпуск 2012 года), который однажды сделал блестящий доклад по теме «Субкультура маршрутки». Он до сих пор об этом помнит и считает тот семинар звездным часом своей студенческой жизни. В частности, он выделил обозначение трех пространств маршрутки на базе автомобиля «газель»:

- за стеклом, или аквариум, или гарем – места рядом с водителем, куда обычно садятся девушки;
- приемный покой – сразу за дверью салона;
- собачатник – места в задней части салона.

Увы, после защиты диплома Сергей устроился работать в какую-то фотолабораторию, где выполнял рутинную работу-ту-ту...

В.Н. Янушевский со студентами-филологами УлГПУ. Апрель 2012 года

Сначала перебиваются с хлеба на квас. Потом, когда на хлеб хватает, хочется намазать на этот хлеб масло. Дальше – больше. Красная и черная икра, крепкие напитки, ветчина-окорок, пирожные. И, наконец, *группа снижения веса*. – Как раз за это придется платить самые большие деньги.

Итак, условно говоря, текст – это ризома². Но можно и проще посмотреть на проблему восприятия и интерпретации художественного текста, если моделью такого текста считать не *грибницу*, а всего лишь *кочан капусты*.

Что, на мой взгляд, надо изменить в господствующей по сей день системе преподавания литературы в школе? Во-первых, в том, что вместо слова «преподавание» необходимо использовать какое-то другое – например, «изучение». Во-вторых, не следует торопиться подводить читателя-школьника к идейно-тематическому ядру литературного произведения. Оно, как и любое структурное ядро, находится в центре, в окружении многих слоев, или, иначе, капустных листьев. Так что начинать надо по порядку.

Крайний слой – словесный, поскольку текст сделан из *слов*, из материала языка. Обычно читатель как-то умудряется не замечать этот слой и сразу проскальзывает дальше – в мир произведения, в «сонмище образов», которые возникают из слов и воспринимаются *внутренним зрением*. Хорошо бы задержать ребенка на первом уровне текста, предоставив ему возможность присмотреться-прислушаться к словам. Не исключено, что какое-то слово ему понравится, заинтересует, зацепит. Тут можно *поиграть в слова*, провести *контент-анализ* текста или его фрагментов.

А вот дальше непременно включается внутреннее зрение, в интенциональной сфере сознания возникают «живые картины» – с этим проблем не бывает, современные дети уверенно чувствуют себя в виртуальном пространстве. И теперь каждый может выбрать то, что понравилось: слово-образ, «материализованный» воображением объект, взглянуть на него попристальней и заняться его исследованием, развить СВОЮ тему. И не надо беспокоиться о том, что другие объекты (как и другие элементы текста) выскользнут из поля его внутреннего зрения. Не выскользнут в силу действия закона Франкла–Куринского...

И если, к примеру, перед ребенком такой сверхтяжелый и необъятный по размерам объект изучения, как роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» («много букаф»), то мы можем успокоить его, сказав:

– Ты не читай ВЕСЬ текст, ты свою тему разрабатывай...

Подобное пожелание способствует снижению *школьной тревожности*. И будь уверены: он все равно прочтает ВЕСЬ текст – это обеспечит бесперебойную работу механизма, который называется законом Франкла–Куринского.

И не следует переживать по поводу того, что ребенок так и останется на уровне первого – словесного – слоя. Вслед за воспринимаемым чисто эмпирически миром произведения сами собой начнут открываться последующие слои, обеспечивающие осмысление и *концептуализацию* прочитанно-

² Ризома (фр. rhizome – корневище) понятие в философии, фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность как для внутренней (автохтонной) имманентной подвижности, так и для интерпретационного плюрализма, и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования. Термин ризома заимствован из биологии, введен в философию Ж. Делезом, который так называл «грибницу у гриба» / alexpww.livejournal.com/148956.html

го: **система персонажей и образов, сюжет³, композиция и, наконец, тема и идея.**

Осмысление темы и идеи осуществляется посредством сублимации конкретных образов: предметов, пейзажей, образов-персонажей и др. Как отмечал М.М. Бахтин, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хроно-топов»⁴. Это следует понимать так: абстрактные понятия возникают лишь на основе конкретно-предметных, вещественных, «материальных» объектов. Сначала идет восприятие через органы чувств, которые работают в том числе и в виртуальном пространстве (увидеть интенсиональный объект можно лишь через формирование в своем сознании интенсионального субъекта), и только потом включается аналитическая процедура.

В 2007 году у Анатолия Чеснокова вышел второй сборник стихов «Свет Родины». Предпечатную подготовку рукописи выполнили *волонтеры*, сочувствующие талантливому автору: сам он уже мало на что годился. Он в это время жил в Теньковке, работал ночным сторожем в школе, *не пил* (а значит, и новых стихов не писал). Ему сообщили о выходе книги: кто-то из редакции журнала «Мономах» позвонил в школу. Толян сразу же сорвался и примчался в Ульяновск. Он приходил в нашу редакцию – наконец-то мы *нормально* поговорили, он обещал подарить книжку, но так и не подарил. Несколько следующих дней у него прошли как в угаре, он где-то умудрялся ночевать, на работу в школу уже не вернулся...

Дальше события разворачивались стремительно: его сборник выдвинули на конкурс «Симбирская книга», книга получила первую премию в номинации «Лучшее художественное произведение». Казалось бы, жизнь налаживается, но встроиться в колею обычного (т. е. обывательского) существования он уже не мог. Если появлялись хоть какие-то деньги, то они мгновенно тратились. Он страстно хотел оставаться в городе, где шла хоть какая-то художественная жизнь, но у него не было пристанища. Его заметили какие-то бездомные бродяги, позвали с собой. В общем, Анатолий *забормжевал*...

Увы, в течение жизни люди не становятся лучше, особенно люди творческие. За возможность творить приходится платить – *расплачиваться собой*, порой опускаясь на *дно жизни* и даже *пробивая* это дно. И многие из тех, кто пришел в литературу в былое время, сполна изведали грязные притоны, дешевые бордели, кабаки и даже тюремные камеры...

Вместе с коллегой, Валерием Александровичем Угольниковым, проводим круглый стол в группе учителей-словесников. Вдруг почему-то затронули проблемы *ономастики*, стали говорить об *именах*. Зазвучали лингвистические термины: *топонимы, гидронимы, антропонимы, зоонимы*. Тут же вспомнили клички домашних животных советской поры:

если поросенок, то Борька, если коровы, то Зорька, Дочка, Ночка...

– А теперь совсем другие клички, – подала голос одна учительница из Карсунского района. – Вот у нас в селе есть корова *Изаура*, коза *Марисабель*, кот *Мэйсон*...

– Счастливы! – напутствовали мы друг друга в брежневские семидесятые.

– Удачи! – так стали говорить в последние годы.

Как артисту необходимы публика и аплодисменты, так литератору нужны текущие публикации и новые, пахнущие типографской краской, книги. Для Анатолия Чеснокова и то, и другое было чревато печальными последствиями. Любую газетную публикацию он воспринимал как апофеоз, как триумф, который непременно надо было пышно отметить, устроить овацию в духе римских императоров. А уж выход книги вызывал неуправляемый взрыв эмоций, от которого рушилось все вокруг...

Выход второго сборника и победу в конкурсе «Симбирская книга» он воспринял как восхождение на Олимп. Это его и погубило. Доступ в реальный мир, где обитали простые люди со своими земными заботами, был для него уже закрыт. Оставался богемный мир, который в нулевые годы XXI века оказался *зоной маргиналов*...

Лайфхак: если на эмблеме автомобиля «Лада» порвать парус, получится эмблема автомобиля «Лексус».

Недавно с огорчением узнал, что мое звание лауреата областной премии имени И.Н. Ульянова *аннулировано*. Прежде в нашем регионе ежегодно вручалось пять областных премий:

- имени И.А. Гончарова – за достижения в области искусства;
- имени И.Н. Ульянова – за успехи в области образования;
- имени А.А. Любищева – за достижения в области научных исследований;
- имени М.Н. Костина – для передовиков в области промышленности и сельского хозяйства;
- имени В.С. Зорина – за внедрение передовых технологий в производство.

Но вот депутатам Законодательного собрания области взбрело в возбужденные законотворчеством головы отменить премии. И отменили, а губернатор, не вникая в суть вопроса, утвердил это решение.

Но вот незадача! Приближалось 200-летие со дня рождения Ивана Александровича Гончарова. Во властных структурах разработали план подготовки юбилейных мероприятий и реанимировали премию имени Гончарова, объявив ее чисто литературной. Изменился и статус премии: из областной она

³ Истолковать соотношение понятий *сюжет* и *фабула* школьникам поможет учитель, опираясь на трактование этого вопроса М.М. Бахтиным: *фабула* представляет читателю событие мира произведения, *сюжет* – событие рассказывания о том, что в этом мире произошло.

⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Художественная литература», 1975. – С. 406.

превратилась во всероссийскую. Знай наших! Ульяновская область впереди планеты всей!..

И вот теперь, в 2022 году, премию опять отменили. И региональная программа книгоиздания прикрыта.

Стікер в салоне димитровградской маршрутки: «Невпихуемое не впихуете».

В магазинах появилась лапша быстрого приготовления – это такая копеечная еда не то чтобы для бедных, а просто для всех. Оппозиционный политик Алексей Навальный, неоднократно побывавший в *шизо*, *сизо* и даже отбывавший многомесечную *отсидку*, тоже пристрастился к такой еде.

Самые популярные марки лапши быстрого приготовления: «Роллтон», «Доширак», BigBon.

Оговорки:

- джинс-тоник;
- климакс-контроль;
- интел-девочка;
- контактная Лиза;
- кубрик-Рубрик;
- форс моржовый.

Опять в редакцию приходил Толян Чесноков. Вид у него *божжеватый*. Можно предположить, что его девиз таков: «Каждому – по потребностям, от каждого – по способностям». Такому принципу на определенном этапе стала соответствовать вся его жизнь. Жаль, что принцип этот не подкреплен экономически.

В 2008 году и у меня в самарском издательстве «Артишок» вышла книга стихотворений «Двоечье, или «Бронзовый век»». И тут как раз из Москвы приехал Андрей Баранов с командой сотрудников своего издательства «Вентана Граф», чтобы сделать рекламу очередной партии учебников. Мы с ним столкнулись в коридоре ИПК, поздоровались, после чего я буквально затащил его в помещение нашей лаборатории и подарил свою книжку, на ходу сделав дарственную надпись. Он ушел, но через минуту вернулся и вручил мне свой сборник стихов, тоже *еще пахнувший типографской краской* (конечно, это литературный штамп, но что делать, что делать...)

Для современной устной речи характерна дилемма: *языковая норма* или *коммуникация*. Причем все чаще побеждает второе. Главное – чтобы всем понятно было, о чем идет речь. Поэтому «инцендент», «прецендент» или «обеспечЕние» никого уже не напрягают. И всё меньше людей вокруг, которые различают глагольные формы *надеть* – *одеть*. И уродливый извод глагола «позвóним» бьет по ушам.

Тут, возможно, срабатывает принцип: будь проще, и люди потянутся к тебе-бе-бе...

В «Новой газете» интервью Даниила Гранина, сразу три журналиста задают писателю вопросы:

« – У вас в последнее время появилась новая манера – фрагментированная, *дискретная* проза: может, это и есть *нарратів* будущего? »

– Она именно дискретная, да, поскольку дискретна жизнь. Она стала сегодня фрагментарна, как программа новостей: пять минут – про Олимпиаду, три – про Италию, две – про Америку... Первым это стал делать Розанов⁵, поняв, что *человек распадается* (курсив мой – В.Я.); потом Катаев, и это были лучшие его сочинения».

Василий Розанов, может быть, и стал это делать первым, но только у нас в России (это, кстати, еще проверить надо), а в Западной Европе задолго до него такую – дискретную – прозу уже писали Франсуа де Ларошфуко («Максимы»), Блез Паскаль («Мысли»), Жан де Лабрюйер («Характеры») и другие. Да возьмите записную книжку любого писателя, живописца, композитора, архитектора, даже инженера – и вот вам готовый сборник дискретной прозы.

Лет этак 6-7 назад в национальном конкурсе «Учитель года» победил учитель-словесник из Череповца Андрей Успенский. В одном из интервью он рассказал, что каждый новый урок литературы он проектирует «на ногах» – когда идет в школу, возвращается домой, гуляет вечером в лесопарке – и записывает приходящие в голову мысли в карманный блокнот. Из этих *почеркушек* и складывается проект урока...

В № 2 за 2009 год журнала «Литературный Ульяновск» мы с Толяном Чесноковым в первый (и, увы, последний) раз умудрились опубликоваться вместе. У него вышла солидная подборка стихов, а у меня – рассказ «Клавиши». Публикации этого моего текста поспособствовал Геннадий Демин, с которым мы накануне оказались рядом за накрытым столом на каком-то празднике в редакции газеты «Ульяновск сегодня». Я сказал ему, что у меня есть неопубликованная проза, – сказал и забыл, а он запомнил и позвонил Николаю Полотнянко, который в то время редактировал журнал...

На презентации журнала был Женя Мельников, который сделал обзор всех публикаций номера, назвав мой рассказ *модернистским текстом*.

Лингвистический закон экономии в действии:

– Я прилетела из Новосибира... У нас в Новосибире еще зима.

– Едем в Магнитку (Магнитогорск).

– Подходим к Владике (Владивостоку). Приготовить чалки и трапы!

Город Ульяновск с легкой руки какого-то безымянного студента тоже приобрел сокращенную форму своего названия: Ульск.

Мы с Толяном Чесноковым никогда не разговаривали о *религии* и о *сексе*. Думаю, это потому, что у нас достаточно было как здравого смысла, так и деликатности. О том, что он был православным, я узнал только после его смерти – где-то прочитал, что отпевали *обгоревшее тело* в Теньков-

⁵ Имеется в виду книга эссе «Уединенное» Василия Васильевича Розанова, русского религиозного философа, литературного критика и публициста.

ской церкви Илии Пророка⁶. Я не был крещен, потому что семья наша проживала в маленьком городе, где все у всех на виду, а отец мой был, как я уже писал выше, последовательно мастером участка, старшим мастером цеха и начальником этого же литейного цеха на машиностроительном заводе, а мама работала в школе учительницей. Насколько я помню, церкви в Кусе не было. Причастных религии людей (ветхих старушек) я видел только однажды, когда бабушка моих двоюродных братьев Сергея и Алеши, носившая замечательное имя Мария Ермиловна, однажды повела нас троих на кладбище. Был теплый солнечный день, возможно, пасхальная родительская суббота (родительский день), мы шли по краю кладбища, по борозде, и там, на едва проросшей свежей траве, сидели благообразные старушки, разложив на вышитых полотенцах разноцветные яйца. Помню, меня поразило одно яйцо: оно было темно-фиолетового цвета, я засмотрелся на него, и старушка, перед которой оно лежало, перекрестила меня и с поклоном протянула его мне, назвав меня *батюшкой*...

Помню экзамен по научному атеизму – единственный, который раб божий Толян Чесноков откровенно завалил. Ему достался вопрос о том, как религия трактует вопросы брака и семьи. Разумеется, религиозную трактовку, по замыслу преподавателя по фамилии Дубинин, сначала надо было изложить, а потом разбить ее в пух и прах. Студент Чесноков натужно скрипел всеми сочленениями стола, на крышке которого сиротливо лежал экзаменационный билет, и стула, на котором он сидел, скрежестал зубами, потом все-таки подсел к столу экзаменатора, попыхтел и повздыхал, а затем выпалил:

- Браки свершаются на небесах!
- Кто это сказал? – поинтересовался Дубинин.
- Лев Толстой, – был ответ экзаменующегося.

Доцент Дубинин указал ему на дверь.

Толян и я всегда сдавали экзамены последними, поскольку, кроме нас двоих, академическая группа состояла из девушек, которых мы галантно пропустили вперед. Однажды, на экзамене по политэкономии, он ответил раньше меня, а я остался на долгое растерзание преподавателю (кажется, это была преподавательница).

Когда я, наконец, вывалился из душной аудитории, коридор был пуст, а на стоящем возле двери стуле лежала записка. Своим филигранным почерком Толик Чесноков извещал меня: «Вовик! Я устал ждать и пошел в баню – смывать политэкономическую муру. Будь здоров! А. Чесноков».

Тогда в центральной части города была только одна баня – в Молочном переулке. Именно там время от времени Толян мыл свое брэнное тело.

Так вот, вопросы секса мы с Толяном тоже не обсуждали. У него, деревенского парня, было преимущество – об этом я догадался только в те времена, когда жил в Спешневке и мог наблюдать тамошние нравы. Городскому подростку трудно получить первый опыт интимных отношений. Даже если

имеется подружка, согласная *на всё*, возникает проблема: а где с ней можно уединиться? Тут надо было включить *креатив*. А вот в сельской местности эта проблема решается элементарно. Где-где? В бане! В своей или у соседей, когда там все уже помылись. Это в холодный сезон, а летом можно в любой подходящий вечер.

Любимый анекдот Толяна на эту тему состоял всего из одной реплики: «Айда в баню, заодно и помоемся».

Модный лингвист Михаил Эпштейн некоторое время назад занялся составлением «Проективного словаря русского языка». Подразумевалось, что это будет словарь «лексических, грамматических и концептуальных возможностей русского языка; в него будут включены слова, которых в языке еще нет, но которые могли бы в нем быть, но иные и должны быть, а некоторые уже вошли или входят в язык» – такое или примерно такое определение можно найти на некоторых интернет-сайтах.

Эпштейн рассчитывал, что сможет привлечь к составлению словаря преподавателей вузов, школьных учителей, аспирантов, студентов, но что-то пошло не так, проект не получил поддержки. И не удивительно: логика развития языка такова, что сначала возникают новые предметы и явления, и только потом у них появляются имена – слова, которые принято определять как *неологизмы*.

Употребление прописной буквы в постсоветскую эпоху:

- Бог
- Богоматерь
- Его Святейшество
- Преподобный
- Русская православная церковь.

Вот я поглумился над потугами Михаила Эпштейна создать лексикон еще не существующих слов, а напрасно! В своем блокноте спешневской поры обнаружил такой вот самодельный словарик:

- *вампиришество*;
- *доносье*;
- *единослушие*;
- *злобоохотлив*;
- *злостолубив*;
- *изолирика*;
- *импотенденция*;
- *комсомолистость*;
- *легкомыслитель*;
- *лицемероприятие*;
- *манифисташки*;
- *манифесташки*;
- *раболепка*;
- *роговладелец*;
- *соображенцы*;
- *спустярукавизм*;
- *чегоугодие*;
- *шумотворение*;
- *шутопия*.

⁶ Церковь теньковская размещена в приспособленном здании. Исторический храм, имевший три престола, разрушен в 60-е годы прошлого века. То есть Анатолия в младенчестве могли крестить как раз в том храме.

Вавилонское столпотворение – это не столько смешение языков, сколько смешение стилей речи.

Умер Анатолий Чесноков в ночь с 8 на 9 марта 2010 года. Сгорел в своем недавно приобретенном доме в Теньковке. Вероятно, встречал случайных гостей и хорошо *принял на грудь* за милых дам. Я не ерничаю. Этого надо было ожидать – он устал жить. Устал нести поэтический крест...

Последний раз я видел Толяна Чеснокова в редакции газеты «Ульяновск сегодня» на перекрестке улиц Гончарова и Карла Маркса. Он был в том кабинете, где работали Саша Лайков, Галина Антончик, Дима Сильнов – они все куда-то поразбежались. Толян стоял один и сам с собой разговаривал:

– Ха-ха, «рукописи не горят»... Еще как горят! Больше я его голоса не слышал.

В 2011 году впервые отмечался Международный день материнского языка.

МАТЕРинский язык – от матриархата. Это средство передачи фамильной информации.

РОДной язык – это язык рода, племени, этноса.

Странствую по городам, поездки в основном деловые. Ночью где придется...

Вот комнаты отдыха на железнодорожном вокзале во Владимире. Плата за сутки – 400 рублей. На моей двери табличка «Детская комната». В туалете надпись красной краской через трафарет на голубом кафеле: «Уважайте труд уборщиц» и «В унитаз мусор не бросать».

В соседней комнате разместился батюшка из какого-то сельского прихода. Он то и дело шастает в туалет в одном исподнем.

Ночью спать не могу... Почему-то навязчиво вспоминается Чесноков. Все мысли о нем. Возможно, он когда-то приезжал сюда, останавливался в этих, как раньше говорили, *меблира́шках*, и дух его тут до сих пор витает-ает-ает...

Наши автомобилисты предпочитают внедорожники, потому что, как теперь принято говорить, в России нет дорог – одни направления.

Няшка – это такая милая девушка, душка. Слово образовано в результате действия лингвистического закона экономии: Ду-няшка, Ма-няшка, Та-няшка...

В одно лето побывал в Нижнем Новгороде и в Ярославле, но ни в одном из этих городов не видел легендарную *Стрелку*...

Извечная проблема: как отличить хорошие стихи от плохих. Какова, вообще, так сказать, *критерияльная база* качественной лирики? Широко известно высказывание Пушкина о том, что «Поэзия должна быть глуповата». Это из письма (май, 1824) к его другу поэту Петру Вяземскому. И дальше Пушкин пишет: «Твои стихи к Мнимой Красавице (ах, извини: Счастливице) слишком умны». Так что тут

речь не о стихах, а о читателях (читательницах). То есть перед нами встает проблема *восприятия*: любовь зла – полюбишь и козла...

Свежие неологизмы: *фуд-кóрт* – столовая, кафе, закусочная и т. п.; *танцпóл* – танцплощадка.

Литературный концептуализм предполагает создание текстов, состоящих из слов и понятий, не имеющих реальных *денотатов* в материальном мире.

Объекты концептуального искусства могут существовать только в виде фраз, текстов, схем, графиков, чертежей, фотографий, аудио- и видеоматериалов. Так можно изобразить любой предмет, явление, процесс, поскольку концептуальное искусство представляет собой чистый *художественный жест*. Советский (московский) концептуализм 1960-х – 1980-х годов был особенно злободневен, потому что все без исключения вожди социализма старательно разводили *слово и дело*.

Как считает Михаил Эпштейн, «...слишком много слов вылетело на ветер в словоизвержениях XX века, чтобы за ними не выветрился еще один слой – психологическая подоплека, обнажив еще более глубокий – метафизическую пустоту. Эти мертвые слова... выметают из языка концептуалисты, позволяя нам на пределе обманутого слуха услышать само молчание»⁷.

Оно, может и так, но ведь и сам Михаил Наумович немало постарался, чтобы слова у нас оторвались от реальности. А вот писатели-концептуалисты, и прежде всего Дмитрий Александрович Пригов, явили миру этот отрыв. Но прикормленные литературные критики и ангажированные университетские преподаватели сделали вид, что нет никакого концептуализма. Ну что ж, Бог им судия...

Философу Григорию Сковороде приписывают такую мысль: все простое есть правда, все сложное – неправда. Возможно, что так и есть, но как отличить простое от сложного?

Вот я отобрал два коротких двеннадцатистрочных стихотворения. Одно мое, другое – Анатолия Чеснокова. Его стихотворение называется «Слово» из сборника «В сердце России»:

Кончается бумага,
Кончаются чернила,
Кончается отвага
Писать легко и мило.

И не в бумаге дело,
А в чем-то посложней...
Вот слово улетело,
Хоть и не воробей.

И снова затерялось
В июлях, январях,
Еще не отстоялось
В душевных словарях⁸.

Теперь мое стихотворение «Классика» из сборника «Двоеточие, или “Бронзовый век”».

⁷ proza.ru/diary/adver2/2010-03-17

⁸ Чесноков А.П. В сердце России: стихи и поэмы. – Ульяновск, «Симбирская книга», 1994. – С. 68.

Чем глубже в свое, тем больше вашего:
Чеховские очки, рубаха-толстовка.
Милостидарь, сударь, вашество,
Дамские локоны, детская головка.

Сапоги всмятку, аршин пространства,
Тарантас, бричка, рыдван, коляска,
Тоска, самоедство, масонство, чванство,
Божья милость, монаршья ласка.

Карась-идеалист, барышня-крестьянка,
Шинель, юродство, охота, гаданье.
А какие смушки! Смущает цыганка:
Казенный том, страница, страданье...⁹

Расхожие *концепты* советской эпохи:

- советский человек;
- юный пионер;
- разведчик недр;
- покорители космоса;
- юноши и девушки;
- строители коммунизма;
- закрома Родины;
- социалистическая собственность.

Неискоренима любовь к *варваризмам* у наших соотечественников: название кафе, ресторанов, торговых центров пишут латиницей. А если и по-русски, то все равно названия почему-то заморские: «Сити», «Амарант», «Версаль», «Энтерра», «АкваМолл»... Стесняются, что ли, господа коммерсанты русского языка? Или вот компании, оказывающие услуги пассажирских перевозок (такси): Uber, Untaxi, Sitimobile...

Даже театр юного зрителя в Ульяновске назвали так: NEBOLSHOY TEATR. При этом не вспомнили, что существительные и прилагательные у нас изменяются по падежам. В результате в какой-нибудь газете можно прочитать: «Очередная премьера в NEBOLSHом театре». Получается какая-то экстрамальная интерлингвистика.

Пицца богов – закуска для избранных.

В современной культурологии принято различать три эпохи, характеризующиеся принципиально разными способами передачи информации.

Первая эпоха – период язычества, когда информация передавалась посредством *устной речи*, «из уст в уста». Далее кое-где появляется письменность, но материал для письма долго еще остается дорогим или крайне ненадежным (папирус, пергамент, береста), так что все это – в рамках той же самой эпохи.

Вторая эпоха – *книжная*. Иоганн Гутенберг изобрел печатный станок (у нас тем же прославился Иван Федоров; если написать Иоганн Федоров, то становится ясно, что они оба – *тёски*), а производство приличной бумаги уже было освоено.

Третья эпоха – *экранная*, когда печатную, визуальную и звуковую информацию мы «считываем» с

монитора компьютера, ноутбука, планшета, смартфона или даже простого кнопочного телефона. Так что бумажная книга обречена на исчезновение, а библиотеки стали анахронизмом.

Как мы помним, в Советском Союзе не было *безработицы*, а вот сейчас очень даже есть. Люди теряют привычную работу, и воспринимают это как крушение всего-всего-всего...

Увы, у наших людей нет привычки и навыка жить в *нестабильном мире*. А между тем и античные философы, и составители священных текстов буддизма последовательно развивали мысль о том, что каждый человек всегда должен быть готов расстаться со всем тем, чем он обладает. Так что не стоит привязывать себя на всю жизнь к одному виду деятельности, особенно если это творческая профессия.

Вечером из радиорепродуктора на кухне услышал голос Николая Романова: он читал свой рассказ. Коля был уже на пенсии, всегда приходил на похороны уходящих один за другим бывших коллег и собутыльников, и вот – взялся за перо. Рассказ был откровенно эпигонский, под раннего Шукшина: герой – деревенский *чудик*. Текст Николай читал с воодушевлением, чувствовалось, что ему самому и рассказ нравится, и героем своим он любителю...

3 марта 2011 года в редакции газеты «Ульяновск сегодня» был выпускной день – поздно вечером редактор подписывал номер в печать. И тут кто-то позвонил, чтобы сообщить печальную новость: умер Женя Мельников. Похоже, что у него был *панкреатит*, потом начались онкологические осложнения, он долго болел.

Я тут же написал короткий некролог, который поместили внизу второй страницы. Это все, что я мог сделать для него в тот вечер...

Наверное, не ошибусь, если скажу, что наши граждане недолюбливают Михаила Сергеевича Горбачева, но все-таки мы должны ему быть благодарны: он познакомил нас со словом *плюрализм*¹⁰. Из этого как минимум следует, что не надо загонять себя в рамки чего-то одного: места работы или службы, профессии, увлечения...

Как же все-таки хорошо, что я не поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Клич Андрея Вознесенского «Айда в кино!» на меня уже не действует. Кино не люблю: старые фильмы нагоняют тоску, новые раздражают... А впереди – безнадега. Точно знаю, что я никогда уже не смогу посмотреть *новые фильмы*, равные «Солярису» и «Зеркалу» Тарковского, «Романсу о влюбленных» и «Сибириаде» Кончаловского, «Репетиции оркестра» и «Амаркорду» Феллини. А главное состоит в том, что уже не будет меня того, который, затаив дыхание, смотрел эти фильмы.

⁹ Янушевский В.Н. Двоеточие, или «Бронзовый век». – Самара: Изд-во «Книга»; Ульяновск: Издательская группа «Ар-тишок», 2008. – С. 109.

¹⁰ Плюрализм (от лат. pluralis – множественный) – позиция, согласно которой существует несколько или множество независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия, оснований и форм знания, стилей поведения и прочего (Википедия).

И театр раздражает... Даже некогда любимый мною КВН просто бесит: там или грубый фарс, или юмор, связанный с незнакомым и непонятным мне контекстом. При этом я отнюдь не ощущаю себя пожилым человеком, пока не подойду к зеркалу, а диагноз *гипертония* компенсируют таблетки.

Человек лежит в гробу, а где-то в кармане брюк, глубоко под саваном, трезвонит мобильник, туда приходят СМС, поступают рассылки и спам.

Такое вот учреждение культуры: «Читалище».

Любопытное слово вычитал в «Ледяном доме» Ивана Лажечникова: *зарюмить*. И рюмка тут не причем. Зарюмить – значит заплакать, захныкать. И вот еще фразы из этого же романа: «обрызганная стыдом», «постригусь отечеству», «нешекотливое на приличие время», «фигура усугубления», «мода на калмыков».

Или вот: «Только что мелькнула ее гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьянный сапожок, – и за княжнюю полезла ее подруга, озабоченная своим *роброном*». Доводилось ли кому видеть *гомеопатическую ножку*? А у какой из нынешних девушек есть в гардеробе «роброн» – модное в XVIII веке платье с закругленным шлейфом?

Ах, Лажечников. А еще Загоскин, Бестужев-Марлинский... Выпущенный в 1990 году издательством «Правда» сборник исторических сочинений Николая Полевого снабжен «Словарем устаревших и малоупотребительных слов». Вот некоторые из

них: *витáлище* (жилище), *дееписáтель* (летописец), *ересиáрх* (основатель ереси).

Слово *виссон* (разновидность ткани) из этого словаря использовал Венедикт Ерофеев в своей поэме «Москва – Петушки», другое слово – *кимвал* (музыкальный инструмент) встречается в стихах Андрея Вознесенского, а ульяновский поэт Николай Полотнянко дал своему первому сборнику название «*Бра́тина*» (большой сосуд для вина или пива – на всю *бра́тию*).

Или вот у Толстого в «Войне и мире» замечательные словечки: *брульбóн* (черновик), *пудрома́нт* (накидка, надеваемая при пудрении парика).

Симбирск-Ульяновск – город с богатейшей историей. Здесь останавливался закованный в кандалы Пугачев, а стены Симбирска осаждали мятежные сподвижники Степана Разина. По его улицам запросто ходили Николай Карамзин, Иван Дмитриев, Николай Языков, Денис Давыдов, Иван Гончаров, Николай Огарев, Александр Керенский, братья Ульяновы. Сюда приезжали Александр Пушкин и Лев Толстой. У города богатое прошлое, но почти всегда – в любые времена – убогое, невероятно тусклое настоящее...

Что лучше: когда все нельзя или когда все можно?

Симбирск-Ульяновск имеет потрясающую историю, это факт неоспоримый. У этого города величественное прошлое и – во все времена – жалкое, позорное настоящее.

Но странное дело: проходят годы и десятилетия, постыдное настоящее стареет, удаляется в завтра и послезавтра, чудесным образом становясь вполне презентабельным прошлым...

Запоминающиеся строки из «Евгения Онегина» Александра Пушкина: «...Но *панталоны*, *фрак*, *жилет*, // Всех этих слов на русском нет...» Отмеченный Пушкиным процесс продолжается и поныне: появляются новые предметы одежды – и вместе с ними в национальный язык приходят новые слова. Вот некоторые из них: *ба́тник*, *ле́ггинсы*, *у́гги*, *сли́перы*... Еще раньше появилось слово *кроссовки*, которое, однако, было сконструировано у нас, поскольку в английском есть только слово «кросс» – *cross*.

Вот еще одна печальная новость: кто-то мне сказал, что Коля Романов повесился.

Он прожил свои семьдесят с небольшим лет вдвоем с женой Лидой. Детей у них не было – возможно, по медицинским показаниям, а может быть принципиально. Не исключено, что Николай стремился реализовать себя исключительно в творчестве – в журналистике, в сочинительстве...

Самое публикуемое мое стихотворение – «Пушкин в дороге». Оно было напечатано и в журнале «Мономах», и в книге «Двоеточие, или “Бронзовый век”», и в различных коллективных сборниках, составителем и редактором которых чаще всего был Николай Марянин. И в интернете его можно найти в один клик.

Семинар-практикум по освоению федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в гимназии № 1 Ульяновска.

Слева направо: замдиректора по НМР О.Ю. Лебедева, замдиректора по УВР (5–9-е классы) Н.В. Павлова, начальник отдела общего образования управления образования администрации Ульяновска Н.А. Макарова, директор гимназии С.А. Ставский, проректор по учебно-методической работе УИПКПРО В.В. Зарубина, куратор пилотных школ Ульяновской области по освоению ФГОС В.Н. Янушевский. Февраль 2013 года. В те годы со школами региона работали наиболее квалифицированные специалисты: среди запечатленных на фото организаторов семинара – четыре кандидата педагогических наук

Вообще-то стихотворение имеет название «Сукин сын», а «Пушкин в дороге» – это подзаголовок. Но редакторы наши, да и большинство читателей обычно считают только верхний слой текста, не утруждая себя попытками проникнуть в его толщу. 14 сентября 1833 года Пушкин писал из Симбирска жене Наталье Гончаровой: «...Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его поberi, дорого бы дал я, чтобы его затравить...»

Глагол «затравить» применим как к охотнику, так и к охотничьим собакам (в травле зайца могут участвовать *борзые, гончие, легавые*). Помня известное восклицание Пушкина после завершения работы над драмой «Борис Годунов» («Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»), я представил, что раздосадованный тем, что заяц перебежал ему дорогу, он готов был сам, обернувшись охотничьей собакой, этого зайца затравить. Поэтому-то стихотворение и начинается строкой «Я бы дорого дал, чтоб борзой обернуться собакой...»

В начале 2014 года я отправил текст этого стихотворения на 23-й ежегодный конкурс международного общества пушкинистов «Пушкинская лира» (Нью-Йорк). Примерно через год я получил бандероль с дипломом, свидетельствующим о том, что я удостоился первого места, также мне прислали тематические компакт-диски и номер выходящей в Нью-Йорке русскоязычной газеты «Репортер» от 6 февраля 2015 года. Я, конечно, возгордился своей победой, но, развернув газету, увы, был разочарован. Во-первых, уже на второй странице увидел до дыр заштампованный в советских газетах заголовок «А воз и ныне там...», а во-вторых, в посвященном итогам конкурса «Пушкинская лира» материале прочитал следующее: «О поворотном мгновении в жизни Пушкина – неудачной попытке вернуться в Петербург из ссылки – Владимир Янушевский рассказывает так живо и образно, словно сам участвует в этой поездке...»

Во как! Оказывается, засевающие в Нью-Йорке «пушкинисты» элементарно не знают биографии знаменитого поэта...

Исторически культура складывается по принципу *палимпсеста*: старая форма получает новое содержание, но прежняя суть проглядывает сквозь идеологический *новодёл*.

Когда я слышу звуки современного гимна России, мой внутренний голос поет: «Союз нерушимый республик свободных...»

Еще одна утрата: 24 ноября 2015 года умер Григорий Медведовский, коллега Николая Романова по работе в редакции сельской жизни Ульяновского телерадиокомитета. Ушел неутомимый балагур и мастер эпиграммы.

Три эпохи в развитии мировой экономики:

- первая – подавляющая часть населения была занята в производстве с/х продукции;
- вторая – большая часть населения была занята в сфере промышленного производства;
- третья – значительная часть населения занята в сфере услуг.

Сейчас – третья эпоха. Мы пользуемся услугами мобильной связи, услугами банков (пластиковые карты), услугами интернет-провайдеров и т. д. Точно так же в силу действия этого механизма появились медицинские и образовательные услуги.

Осенью 2016 года я собрался на Урал: Магнитогорский центр повышения квалификации и организационно-методической работы пригласил меня для проведения серии авторских семинаров. За день до отъезда я столкнулся на улице Гончарова с Виктором Баскаковым. Оба обрадовались встрече: сколько лет, сколько зим! Я сообщил ему, что еду на Южный Урал, а он ответил, что бывал в тех краях, что люди там хорошие, душевные и приветливые, независимые в суждениях. И вдруг добавил-выпалил:

– Да-да, там, на Урале, люди совсем *другие*, они же фактически не знали крепостного права! А у нас Богдан Хитрово всех поставил в *ярмо*, так что рабская кровь течет в жилах каждого коренного жителя Симбирского края...

Я брезгливый человек, и ничего с этим не могу поделать.

Была у меня одна коллега, доктор психологических наук, и вот как-то нам с ней довелось готовить общий отзыв на один и тот же текст научно-методического характера. Рукопись была распечатана и включала где-то две сотни страниц. Мы встретились, чтобы обсудить структуру отзыва, и я увидел, как эта дама пролистывает рукопись: она обильно *слюнявила пальцы*, а затем переворачивала несколько страниц. Потом все повторялось...

У меня пропало всякое желание прикасаться к этим самым страницам, и я позвонил человеку, который давал нам задание подготовить отзыв, и попросил *скинуть* мне электронную версию текста, что и было незамедлительно сделано.

Мне понятно, как могла эта ученая тетя обзавестись такой привычкой: когда-то давным-давно бабушка читала ей книжки и, переворачивая страницы, облизывала пальцы. И это передалось девочке... Да-да, мне понятно, но я брезглив, и ничего с собой не могу поделать. И не только я: в бесечно-детские начально-школьные годы со мной за одной партой сидела девочка, которая так презрительно отзывалась о наших одноклассниках, имеющих подобную привычку:

– Они *муस्याют* пальцы. Бе-е-е...

На поезде № 392У я за сутки доехал до Челябинска, а потом еще четыре часа надо было добираться автобусом до Магнитогорска.

Не зная города, я уезжал не с центрального автовокзала, который располагался рядом с железнодорожным – тут же, впритык, а с какой-то небольшой автостанции, так уж получилось. Купив билет, я вдруг услышал, как стоящий возле соседнего окошка кассы мужчина лет сорока пяти сказал: «Один билет *до Кусы*». У меня защемило сердце: он ехал на мою родину. Я подошел, о чем-то спросил, он что-то ответил... Увы мне надо было в другую сторону...

Следующим после Магнитогорска был расположенный на Полярном круге город Салехард. Впрочем, тот августовский семинар оказался не самым

удачным. Я привык работать со слушателями непосредственно в аудитории, глядя в глаза, а педагоги Ямало-Ненецкого округа не могли в теплое время года добраться до Салехарда: на болотистой почве невозможно было проложить дороги и построить взлетные полосы аэродромов. Так что приходилось вести занятия дистанционно, а это не позволяло мне проводить тренинги.

Дальше состоялась серия семинаров в других городах.

Этот текст, который я сочиняю, в принципе не имеет завершения. То и дело возникают очередные ремарки, всплывают воспоминания («тени минувшего»), появляются новые темы, мотивы, аллюзии и реминисценции. Вслед за Тютчевым я в очередной раз могу повторить: «Моя душа – элизиум теней...» Но завершать начатое необходимо, поэтому точку всегда надо ставить.

В 2017 году Институт повышения квалификации и переподготовки работников приказал долго жить... Какое-то время это учреждение еще продолжало существовать в формате Центра образования и системных инноваций Ульяновской области (Центр ОСИ).

Письмо подражает устной речи, имитируя оттенки артикуляции конфигурацией шрифтов. Курсив – это интонационное выделение слова или фразы. Дойдя до подчеркнутого фрагмента текста, мы останавливаемся и прочитываем его еще раз (если надо – то и в третий раз¹¹), то есть подчеркивание – это фактически удвоение слова, тезиса. А вот жирный шрифт имитирует громкий голос на письме (еще раз напомним совет, который давал ораторам Уинстон Черчилль: когда не хватает аргументов, надо повысить голос).

Слово *учитель* исчезает из разговорной и письменной речи. Взамен используется слово *преподаватель*. Это произошло с легкой руки журналистов...

На вопрос «как дела?» у наших людей как минимум три ответа:

- Как сажа бела.
- Дела у прокурора.
- Еще не родила (так нередко отвечают бойкие незакомплексованные девушки).

Книги Ильфа и Петрова оценили не издатели, а читатели – причем те немногие из них, чей художественный вкус сформировался в дореволюционную эпоху. Им особенно импонировал *насмешливый пафос* текста: юмор помогал преодолеть невзгоды и понять лживую сущность многих бытовых нелепостей, порожденных советской властью. Об этом же писал и Зощенко...

Булгаковского «Мастера» открыли литературоведы, вкус которых также во многом определился еще до установления советской власти.

Сейчас – полный *облом*: в редакциях изда-

тельств и литературно-художественных журналов сидят люди, которые, возможно, оказались бездарными писателями и которые не способны или просто *не хотят* оценить произведение своего более талантливого коллеги. В толстых журналах – несменяемые тусовки, *обоймы* одних и тех же имен (по-прежнему все те же «деревенщики», «производственники», безликие авторы городских романов, повестей и *повестушек* т. д.).

Популярными становятся те книги, которые одобрены кем-либо из авторитетных людей. Так было всегда: своей личной точки зрения рядовой читатель «самой читающей страны мира» никогда не имел.

Восточный фасад главного корпуса УлГПУ украшает памятник И.Н. Ульянову, стилизованный под фаллический символ (смотреть надо сбоку, от северо-восточного угла здания). И это – не мое наблюдение. Так увидел этот монумент мой коллега, кандидат философских наук доцент И. Не буду раскрывать его имени, дабы не навлечь на него гнев местных *обскурантов*...

«Дефицит необходим человеку. Вспомните, например, дефицит информации. Какая была любознательность у людей! Сейчас все стоит на полках... И так же и с едой. Когда дефицит, сам сознательно себя ограничиваешь, тогда получаешь гораздо больше удовольствия от того, что потом себе позволяешь.

Мы живем в мире, где слишком много удобств, изобилия, соблазнов. А для физического, душевного здоровья абсолютно необходимо *изобилие покоя* (курсив мой – В.Я.) и каких-то разумных самоограничений, самоконтроля». (Андрей Кончаловский. «АиФ Здоровье», 14.01.2017.)

Одна из самых острых проблем функционирования языка – неумелое, тупое объяснение значения слов. Во многих толковых словарях можно прочесть, что *онтология* – это учение о бытии. Пусть так, но что есть *бытие*? Или вот другое слово: *харизма*. Открываю словарь: харизма – это *благодать*. А что такое благодать?

Мой отец любил это слово, часто восклицал: «Благодать-то какая!» В его устах это было высшей похвалой. Он говорил так, к примеру, когда устраивался на какой-нибудь *лежанке*, где тепло, мягко и сразу клонит в сон...

Существует два методологических подхода к образованию и науке: *репродуктивный* и *продуктивный*.

Первый опирается на принципы так называемого академизма: научные школы, традиции, преемственность. В русле этого подхода появляются бесчисленные диссертации, написанные по стандартной *болванке*. В результате наука не развивается, а топчется на месте...

Когда наши ученые в последний раз получали Нобелевские премии? Вот мне вспоминается 1964

¹¹ Как тут не вспомнить Грибоедова: «Упал вдруг орядь – уж нарочно, // А хохот пуще, он и в третий так же точно...». / Грибоедов А.С. Сочинения в двух томах. – М.: Издательство «Правда», 1971. – С. 83.

год, когда физики Н.Г. Басов и А.М. Прохоров совместно с американцем Чарльзом Таунсом отхватили нобелевку за изобретение лазера-мазера. Все трое – авантюристы, не признающие авторитетов. Я, будучи учеником восьмого класса, делал об этом доклад на занятии школьного факультатива. Только продуктивный подход обеспечивает прорывные открытия, которые совершают вчерашние профаны и дилетанты...

Простенькие слова популярной песни в исполнении Татьяны Овсиенко: «Школьная пора, и при всякой погоде пропадали пропадом мы во дворах...»

Архитекторы, когда-то спроектировавшие советские спальные районы, в свое время испытали нападки со стороны чиновников, искусствоведов, обычных жителей. Но всё это незаслуженно, не по делу. Время показало, что именно такие спальные районы с их просторными дворами оказались идеальным пространством детства. Там дети играли, общались, там получали бесценный социальный опыт...

Увы, современные дворы стали вытоптанными пастбищами для табунов алчных автомобилей. А так называемые клубные дома проектируются таким образом, словно там вообще не предусмотрено наличие детей...

Вот встретили еще один Новый год, шагнули в БУДУЩЕЕ. Дальше раскладываем по тарелкам салат оливье и садимся к телевизору, который парадоксальным образом возвращает нас в ПРОШЛОЕ: смотрим комедии Леонида Гайдая, допотопный «Аншлаг» с Региной Дубовицкой, записанную много лет назад программу «Старые песни о главном». Постаревшие киноактеры и дикторы Центрального телевидения СССР рассказывают про то, как появилось «Советские шампанское», напоминают зрителям рецепты приготовления все того же Оливье и селедки под шубой, перебирают в картонной коробке из-под печенья «Юбилейное» елочные игрушки советской поры...

Недавно сообразил, что слова *текст* и *сплетня* – чуть ли не синонимы.

Ну, в самом деле, слово «текст» происходит от латинского *textus* «ткань; сплетение, связь, сочетание слов»; от *texere* «ткать, плести» (восходит к праиндоевр.**tek* – «делать»). Русское слово *текст* заимствовано через немецкое *Text* или непосредственно из латинского. Такие сведения можно почерпнуть в словаре Макса Фасмера.

А этимология слова «сплетня» вполне прозрачна: это то, что *сплетено*, соединение правды и выдумки.

Что в итоге? «Текст» – от латинского *textus* «ткань, сплетение». И «сплетня» – продукт плетения...

Николай Полотнянко пережил многих своих друзей-товарищей, собратьев по перу. В 2018 году Николай отпраздновал 75-летний юбилей, был творческий вечер в областной научной библиотеке. Он начинал как поэт, потом взялся за прозу, стал активно печататься в федеральных издательствах в те годы, когда Женя Мельников уже утратил былые по-

зиции. Так что Коля Полотнянко – один из наиболее успешных, продуктивных наших – ульяновских – литераторов. Но даже ему писательское ремесло не обеспечило материального благополучия.

Тут всем надо хорошо понимать: литературным трудом невозможно прокормиться. Гениальный Пушкин после своей смерти оставил прорву долгов, оплатил которые, как известно, император Николай I. Достоевский удостоился пышнейших похорон, но и он умер должником. Только Льву Толстому как-то удалось втиснуться в нишу успешных, даже процветающих писателей. По-видимому, в его время прослойка читающей публики стала потоньше, да и сам он трудился не покладая рук (как-никак, 90 томов юбилейного академического издания). И писал-то он для *всех*: и для дворян, и для разночинцев, и, особенно в последние годы жизни, – для крестьян, *мужиков*.

Вот Пушкин придумал гениальную бизнес-модель литературного предпринимательства, включающую два модуля: журнал и издательство. В журнале он предполагал печатать фрагменты повестей и романов (сейчас это называется *демоверсии*), а полнообъемные тексты выходили бы в лояльном к нему, Пушкину, издательстве. Но ведь не сработало, не стал он успешным *книгопродавцем*. Не поддержали его предпринимательские потуги братья-литераторы. И сестры-литераторши тоже не поддержали: начинающая писательница Надежда Дурова, в недавнем прошлом кавалерист-девица, тоже не поверила в Пушкина-бизнесмена, отдала свои «Записки...» другому издателю...

В.Н. Янушевский во время методологического семинара по проблемам учебного проектирования школьников. УИПКПРО, февраль 2015 года

Моя мама отважно берется за жизнь. Несколько последних лет у нее был устойчивый диагноз – гипертония. Постоянно измеряли давление электронным тонометром, давали таблетки. Но вот за месяц до 95-летия она упала, когда шла из своей комнаты в кухню, и сломала шейку бедра на правой ноге. Новые проблемы отодвинули в сторону гипертонию (закон доминанты). Или гипертония была мифом?

После разгона Ульяновского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (УИПКПРО) полсотни докторов и кандидатов наук были выброшены на улицу. Кто-то уехал в Самару, в Нижний Новгород, даже в Курск, но больше всего наших людей *осело* в Москве.

Аналогичная ситуация характерна практически для всех достаточно крупных городов России: почему-то местным чиновникам кажется, что у них в регионе слишком много расплодилось представителей научной интеллигенции. А они, люди науки, – *шибко умные*, горазды критиковать власть. Ну, их и притесняют, а они и едут в Москву: столица всех принимает...

Постоянно звучит мотив *поезда*. Мама задает такие вопросы:

- Поезд пришел?
- Кто старший по вагону?
- Кто дежурный по вагону?
- Кто сопровождает вагон?

Еще в ее речах имеет место тема необходимости спуститься на этаж ниже.

Прошло три года с тех пор, как меня лишили постоянной работы в Ульяновске. За этот период я выпустил девять методических пособий, в том числе пять из них вышли в федеральных издательствах: «Владос», «Русское слово» и «Сентябрь».

И так работают многие мои коллеги. Наши – ульяновские – специалисты обеспечивают качественной методической подготовкой педагогов *всей страны*, в то время как школьное образование Ульяновской области стараниями местных чиновников продолжает деградировать...

Лучший, на мой вкус, наш литературный переводчик *с иностранного* – Михаил Лозинский. Именно поэтому его неустанно поливали грязью, кое-кто заявлял, что он *лизал сапоги* Сталину. Ничего он не лизал, а работал. Вдохновенно и неустанно. Я очень ценю Пастернака-поэта, но его переводы¹² шекспировских текстов не идут ни в какое сравнение с переводами Лозинского. А знаменитое «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте» – это сформулировал И.П. Греков. Интеллектуальный поэт Пастернак не был способен изречь такую *простую фразу*.

«Улисс» Джойса на русский перевели Виктор Александрович Хинкис и Сергей Сергеевич Хоружий. С какого языка? Это трудный вопрос, потому что «Улисс», как считал сам автор, Джеймс Джойс, написан сразу на 30 языках. Ну и следует снять шляпу перед Владимиром Вениаминовичем Бибихиным, который переводил трактаты Хайдеггера, а там все непривычное: новоизобретенные термины, ненормативная орфография, и по содержанию – запредельная заумь; в общем, без *пол-литра* не разберешься...

В наши дни передовиком производства в переводческом цехе я предлагаю считать Максима Владимировича Немцова. Он блестяще перевел прозу неуправляемого американца Чарльза Буковски, со всеми его *прибамбасами*: сленгом, матерщиной и эвфемизмами.

Вот встретил двух бывших моих коллег. Выслушал их сентенции. Один сказал:

– У наших региональных чиновников есть редкостный дар: унижать, преследовать и устранять из активной жизни всех талантливых людей.

Второй вздохнул и обреченно произнес:

– Что делать – такие времена: засилье *шушеры*. Шустрая шушера в политике, в управлении, в науке, в искусстве...

Маме моей 1 ноября 2017 года исполнилось 95 лет. После падения она неподвижно залегла на спине: радикальная хирургия ей была противопоказана. Каждый вечер к ней приходила медсестра Катя и делала обезболивающий укол – вводила в мышцу препарат, содержащий в своем составе наркотик. Ночью у мамы начинались галлюцинации.

– Маменька, папенька, поднимите меня, мне надо в туалет! – отчетливо произносила она трогательным детским голосом. По причине неподвижного образа жизни у нее возникли проблемы с пищеварением, так что «тема туалета» была весьма актуальной.

Вот любимые слова нашего премьера Д.А. Медведева: существительное «локация» и прилагательное «вирусный».

Чиновники – они как дети: услышат новое слово, и оно прилипает к ним *как банный лист*.

Все чаще мама погружается в забытие, переходящее в галлюцинации, которые, в свою очередь, сливаются с воспоминаниями. Ей снится детство, вспоминается поселок Тальк на Южном Урале.

...Поезда возле поселка Тальк поначалу не останавливались. Взрослые и дети пешком ходили за 7 километров до соседней станции, там садились в пригородный поезд, ехали в Свердловск. На обратном пути, чтобы сэкономить время и силы, прыгали из вагонов на ходу. Благо, скорость была небольшой. Много позже появилась своя железнодорожная станция.

Наш человек: водитель категории Ё...

Тальково-магнезиевое месторождение открыли ссыльные, собранные из южных областей СССР. Тальк применялся как огнеупорный материал в металлургическом производстве и пользовался спросом. Так что «враги народа», виноватые лишь в том, что умели эффективно обрабатывать землю и получать обильный урожай, за что их признали «зажиточными», а позднее – «кулаками», сами создали себе рабочие места. И тут, на Южном Урале, земля продолжала кормить их, щедро раскрыв свои недра. Люди построили хорошие, крепкие дома, обзавелись скотиной и домашней птицей. Ну и, конечно, развели сады, помня заветы Ивана Владимировича Мичурина, опираясь на собственный опыт и полагаясь на свое чутье...

Пукс – так звали таксу Мстислава Ростроповича (это аббревиатура: ПУКС – путь к социализму).

¹² Понятно, что Борис Леонидович должен был на что-то жить, кормить семью, вот он и занялся переводами.

Больные люди капризны. Обездвижен, они становятся невыносимыми для окружающих.

Представляю, какой мама была в детстве: *оторва* она была. Сорви голова. Удивляюсь, как она не повыкалывала себе глаза, не обварилась кипятком, не поломала руки-ноги...

Регулярные переломы конечностей у нее начались после того, как ей исполнилось семьдесят лет.

Фельдфебельская почта...

Полусон (литературный жанр).

Современные инженерные решения и технологии позволяют неустанно повышать уровень комфорта нашей жизни. Вот, например, придуманы *стеклопакеты*, алюминиевые и пластиковые окна. Но стеклопакеты не дают эффект *арабесок*.

Дети, родившиеся в XXI веке, никогда не видели морозных узоров на окнах. Даже окна в общественном транспорте оснащены каким-то особым стеклом, которое тоже почти не замерзает зимой.

Два способа (принципа) жить: «здесь и сейчас» или «там и потом». Первый – для экстравертов, второй – для интровертов. Вот строчка из Бродского: «Когда человек один, он в будущем...»

Мама моя прожила 95 лет, умерла 9 апреля 2018 года, сразу после Пасхи, в первый день Святой недели. Я был возле ее постели накануне. Запомнились ее последние слова:

– По мне буквы бегают и не складываются в слова...

Французский прозаик Эмиль Золя, помимо многого прочего, написал роман «Земля». Там любят и ненавидят друг друга те, кто владеет землей, и те, кто ее обрабатывает. И при этом еще делят деньги, женщин, детей...

Лауреат премии «Русский Букер» Михаил Елизаров недавно тоже стал автором почти восьмистраничного романа «Земля», повествующего о тех, кто роет могилы, и тех, кто в них ложится. То есть обо всех нас.

И на Украине (или в Украине) в наши дни разыгрывается драматический роман с землей. Пахотной землей, черноземом. Землю эту выставили на стол с рулеткой. Как товар...

Так стоило ли наиболее пассионарным жителям *незалежной* затевать *майдан* и *революцию достоинства*, чтобы влезть из-за этого в непомерные долги, а потом начать распродавать родную землю по гектарам, чтобы с этими долгами рассчитаться?

Среди всех славянских народов братья-украинцы оказались редкостными идиотами (поистине, в семье не без урода). Рьяно взявшись за декоммунизацию, они последовательно повторили все ошибки большевиков-коммунистов. Диалектику надо было учить борзым хлопцам, а также грамматику русского языка. Да-да! Наш язык кого угодно до Киева доведет!

Вот новое испытание: коронавирус COVID-19. И неслыханное прежде ограничение: *самоизоляция*. Мне, пишущему эти строки, такой расклад только на пользу: сиди за столом и работай, но, помнится мне, Аристотель утверждал, что «человек – социальное животное». И как же быть с «роскошью человеческого общения» (Экзюпери), а также выводом о том, что «человек один не может» (Хемингуэй)?

Во времена СССР в Ульяновских гастрономах иногда – *по случаю!* – можно было купить только один сорт пельменей фабричного производства: машинной лепки, с толстым слоем пресного теста и сомнительным фаршем, по цене один рубль сорок копеек за килограмм.

Но вот пришли лихие 90-е, отменившие многое из прошлого и открывшие немало нового. В частности, появились заведения быстрого и недорогого перекуса – *пельмённые*, воспетые в фильме Тимура Бекмамбетова «Ночной дозор» (1998 год). Чаще всего там можно было отведать все тех же клеклых советских пельменей.

В современных сетевых супермаркетах нам предлагают красиво упакованные пельмени самых разных брендов – «Цезарь», «Мираторг», «Сибирская коллекция» и др. Если приходится иногда отварить десяток таких пельменей, то я их поедая так: пережевываю и затем заглатываю начинку, а тесто, которого по-прежнему много, откидываю в сторону.

Приглашаю еще раз обратиться к тексту Гиляровского: «Трактир Лопашова, на Варварихе, был одним из древнейших...

Неизменными посетителями этого трактира были все *московские сибиряки*. Повар, специально выписанный Лопашовым из Сибири, делал пельмени и строганину. И вот как-то в восьмидесятых годах съехались из Сибири золотопромышленники самые крупные и обедали по-сибирски у Лопашова... значилось только две перемены: первое – закуска и второе – «сибирские пельмени».

Никаких больше блюд не было, а пельменей на двенадцать обедавших было приготовлено 2500 штук: и мясные, и рыбные, и фруктовые в розовом шампанском...»¹³

Девиз многих: *сотвори себе кумира!* Так проще жить маленькому человеку в провинции. Отсюда растут ноги у фанатов: спортивных, театральных, музыкальных. Та же природа и у поклонников Цветаевой, Вознесенского, Бродского. Я знал одну учительницу, которая в юные годы была поклонницей Андрея Дементьева, ездила в разные города, где он проводил вечера поэзии, хотя, строго говоря, автор текстов для песен Дементьев – вообще не поэт.

Настоящие пельмени умела делать только моя мама: она раскатывала деревянной скалкой тончайшие, почти прозрачные *сочни*, в середину каждого серебряной десертной ложкой помещала увесистый комочек мясного фарша (предварительно она пробовала сырой фарш на вкус, чтобы удостовериться, что он в меру посолен) и соединяла края сочной. Вылепленные пельмени могли иметь одну

¹³ Гиляровский В. Москва и москвичи. М.: «Правда», 1979. С. 276.

или другую конфигурацию: серпообразные или почти круглые, с соединенными концами.

Если в доме собиралась небольшая компания (2-3 семьи), то мама всех взрослых привлекала к почти магическому обряду изготовления пельменей: мужчинам на пояс повязывали полотенца вместо передников, для раскатки сочней использовали не только скалку, но и пустые бутылки. В таких компаниях для изготовления сочней могли применяться конкурирующие технологии: лепили из теста тонкие колбаски, а затем резали их на кружочки, которые, собственно, и раскатывались в сочни (так делала моя мама), или раскатывали комок теста в большой и тоже полупрозрачный блин, из которого рюмкой с тонкими стенками выштамповывали идеально круглые сочни.

Когда в Кусе лепили компанией праздничные пельмени, обычно делали так называемый счастливый пельмень. Там вместо фарша в сочень заворачивали что-то другое: творог, желток из вареного яйца, лук, однажды даже положили детскую резиновую соску, которая надевалась на бутылочку.

Можно предположить, что это – отголоски «жаворонков», упоминаемых Гончаровым в «Обломове». Такое гадание предлагали крестьянским ребятишкам в позапрошлом веке: попадетсЯ в лепешке копейка – станешь богатым, попадет уголек – будешь погорельцем, попадет щепка – лежать тебе в гробу. Довольно жестокие игры для детей...

«Слово – великое орудие жизни». В.Г. Короленко.

Итак, коронавирус COVID-19. Самоизоляция. С библейских времен известно: злейший враг человека – другой человек.

Хорошо еще, что работает интернет. Недавно посмотрел фильм «Земляничная поляна», про который мне когда-то рассказывала студентка из Вильнюса Илана Березницкая. Там действительно в самом начале седой профессор идет по улице и видит часы без стрелок, но не на городской башне, а просто над тротуаром – часы подвешены на металлическом *кронштейне*, или *консоли*. Профессора зовут Исаак Борк. В этом фильме у всех персонажей еврейские имена или, иначе, – библейские.

Часы без стрелок – замечательный образ. Когда режиссер Ингмар Бергман – эта немецкая, еврейская и шведская фамилия произошла от немецких слов *berg* (гора) и *mann* (человек) и переводится как *человек с горы* – смонтировал и озвучил этот фильм в 1957 году, мне было пять лет.

Самоизоляция. Ведущие информационных программ телеканала «Россия-24» ведут передачи прямо из дома: сначала с ноутбуков по *скайпу*, а через пару дней им всем установили небольшие телекамеры и качественные микрофоны.

Подавляющее большинство этих журналистов сидят на фоне книжных полок: смотрите, дескать, какие мы начитанные! Ну что ж, книги опять входят в моду, и это хорошо...

...Готовые пельмени укладывались в посыпанный мукой противень и замораживались в сених, в холодном чулане, на балконе.

Ну а дальше все было просто: свежевылепленные или замороженные пельмени опускали в большую алюминиевую кастрюлю, где бурлил крутой кипяток, и когда они всплывали, надо было выждать определенное количество времени (обычно 40–50 секунд), а затем вычерпывать шумовкой готовую закуску в большую миску или салатницу. И сразу – на стол. Приятного аппетита!

Известная формула из учебников философии: «пространство и время – фундаментальная характеристика всякого бытия». Мне всегда казалось, что главной проблемой тут является *время*: его всегда не хватает, мы ничего не успеваем, и, в конце концов, жизнь наша отнюдь не бесконечна. А пространство – вот оно, его много: слева, справа, сзади, впереди. А еще – *астральный верх* и *инфернальный низ*...

Но *самоизоляция* показала, что пространство, подобно шагреновой коже, может сжаться, буквально *скукожиться* до мизера. И тут образ Достоевского вспоминается: «аршин пространства». Или это не образ вовсе, а неизбежный итог жизненных странствий?

С кем не бывает – *забыл слово*, причем в самый неподходящий момент! Это вот что напоминает: бутылка стоит на столе, а штопора нет. У меня даже составлен и помещен на видное место список наиболее часто забываемых слов: *вертеп*, *тотемизм*, *плеоназм*, *кенотаф*...

Три тенденции в литературе в плане привязки действия ко времени:

- стремление к прекрасному будущему (утопия);
- боязнь будущего (антиутопия);
- отрицание будущего (бездвремя).

Как часто мы просим судьбу послать нам счастливый случай, а случай этот всегда подле нас. Просто мы не умеем им воспользоваться или вообще не можем его разглядеть, распознать, или нам все время кажется, что случай этот недостаточно счастливый...

Электронная книга так и не смогла пока что вытеснить книгу бумажную, *книгу-кодeкс*. Впрочем, тут все неоднозначно: одни выбрасывают книги, другие, напротив, собирают. Ремонтируют и переплетают. То тут, то там опять стали появляться переплетные мастерские, возрождаются устаревшие технологии переплета, вновь востребованными оказываются ткани для обложек: штапель, холст, сатин, ластик. В ходу *коленкорный переплет*, *ледериновый переплет*. Для тиснения применяют сусальное золото, бронзовую и алюминиевую фольгу, цветную фольгу. Ну и бескрасное тиснение – *блинт* – украсит любой переплет...

Моля судьбу послать нам счастливый случай, мы тотчас придумываем себе этот случай, воображаем, каким он должен быть. А вообразив, начинаем его ждать. Судьба же чаще всего подбрасывает нам другой случай, не такой, как мы представили.

И мы проходим мимо своего счастливого случая,
своего шанса...

Гаврила Державин умер 20 июля 1816 года, прожив 73 года. Двумя неделями раньше он написал последнее (предположительно) свое стихотворение:

Река времен в своем стремленье¹⁴
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

6 июля 1826 г.

Я иду против солнца, низко, по-зимнему, горящему над землей, и поминутно мигаю, – и в те мгновения, когда я смежаю веки, перед глазами моими вспыхивает яркий непрозрачный алый свет – это я вижу свою кровь, бегущую по мельчайшим сосудам век...

Державина хоронили в Хутынском монастыре, что в Новгороде Великом. Последний путь от фамильной усадьбы до места упокоения проходил по реке Волхов.

«На носу поместились певчие, на корме перед налом псаломщик читал молитвы. Малиновый гроб был поставлен на катафалке, воздвигнутом посередине лодки; черный балдахин колыхался над катафалком. По углам стояли четыре тяжелых свечи в церковных подсвечниках. Лодка шла бечевою, за ней следовала другая с провожатыми. Ночь была так тиха, что свечи горели во все время плавания»¹⁵.

Самоизоляция породила слово *санитайзер* – пластиковый флакон с распылителем, внутри которого плещется дезинфицирующая жидкость. Такие флаконы стоят при входе в супермаркеты. Когда дезинфицирующая жидкость заканчивается, находчивые работники торговли просто наливают внутрь воды из-под крана. Голь на выдумку хитра...

Похороны в нашем дворе. Из окна дома смотрит на прощальную процессию женщина и плачет.

Я заезжал на пару дней в Новгород Великий лет семь назад, остановился в *хостеле*¹⁶: мне дали номер без соседей.

Утром следующего дня я обнаружил под стенами кремля полупустынный пляж на берегу Волхова. Было прохладно, дул ветер, но я вошел в воду, немного поплавал. А после обеда сел на пароходик для прогулочного *круиза*. Пассажиры, мужчины и женщины, все как один пили пиво и жевали *чипсы* – такие времена...

Вода в Волхове мутная: русло реки протекает через пласты рыхлого чернозема.

Маленький мальчик выглядывает на улицу из окна. Заметив, что я тоже смотрю на него, прячется за занавеску...

janushevscky@yandex.ru

Автор выражает благодарность
Нине Аркадьевне Барсуковой
за техническую подготовку фотографий,
сопровождающих этот текст.

¹⁴ Орфография автора сохранена.

¹⁵ Ходасевич В.Ф. Державин. – М.: «Книга», 1988. – С. 289.

¹⁶ Всегда есть риск спутать слово «хостел» с другим – хоспис...

**УЛЬЯНОВСК –
ГОРОД ЛИТЕРАТУРЫ**

ФЕСТИВАЛЬ КРЕАТИВНЫХ ГОРОДОВ ЮНЕСКО «ПЕРЕКРЕСТОК» — МЕСТО ВСТРЕЧИ ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ

Мероприятие проводилось впервые и стало межрегиональным – в сентябре в наш город съехались лучшие представители креативных городов ЮНЕСКО Санкт-Петербурга, Казани и Каргополя Архангельской области.

Двухдневный формат фестиваля привлек горожан и объединил представителей литературной, музыкальной, ремесленной индустрии и гастрономии.

Символика фестиваля

Организаторами выступили дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», Управление культуры и организации досуга населения администрации города Ульяновска, а также Фонд креативных технологий «Ульяновск – культурная столица» при поддержке Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

В первый день прошел круглый стол «Креативные города ЮНЕСКО: планы и перспективы сотрудничества, сетевые проекты и форматы взаимодействия с международными участниками сети». Магистральным вектором международного сотрудничества является развитие творческой кооперации креативных городов ЮНЕСКО стран БРИКС.

Одним из ключевых векторов развития программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» является не только международная коммуникация, но и межрегиональное сотрудничество с

российскими городами, входящими в сеть. Благодаря таким мероприятиям, как фестиваль «Перекресток», Ульяновск стремительно развивает культурно-туристический потенциал муниципалитета, становясь точкой притяжения для путешественников и любителей узнать интересные факты о разных субъектах страны.

Фестивалю было чем заинтересовать горожан и гостей города. И это доказывают цифры – 1500 участников и посетителей, 6 регионов, 6 площадок.

Во второй день проведения фестиваля «Перекресток» в центре Ульяновска работали площадки по четырем направлениям креативных городов ЮНЕСКО: это литература, музыка, ремесла и гастрономия.

Перед зрителями на площадке «Открытый микрофон» выступили гости из столицы – главный редактор журнала «Москва», поэт, прозаик Владислав

Фестиваль стал центром притяжения молодежи

Санкт-Петербург – гастрономический город

Северная столица стала частью сети креативных городов ЮНЕСКО в 2021 году. За многолетнюю историю города здесь сложилась уникальная гастрономическая традиция – петербургская кухня объединяет в себе и европейское, и исконно русское направления. Примечательно, что именно Санкт-Петербург стал первым городом России, где создали последовательную подачу блюд, пришедшую на смену единовременной. В городе насчитывается около девяти тысяч ресторанов, кафе и баров, что больше, чем в Риме, Будапеште и Праге. Некоторые из них сумели получить признание авторитетных международных рейтингов. В 2020 и 2021 годах местные заведения вошли в список 1000 лучших ресторанов мира по версии французского гастрономического рейтинга *La Liste*.

Артемов и заместитель главного редактора журнала «Москва», писатель и поэт Михаил Попов.

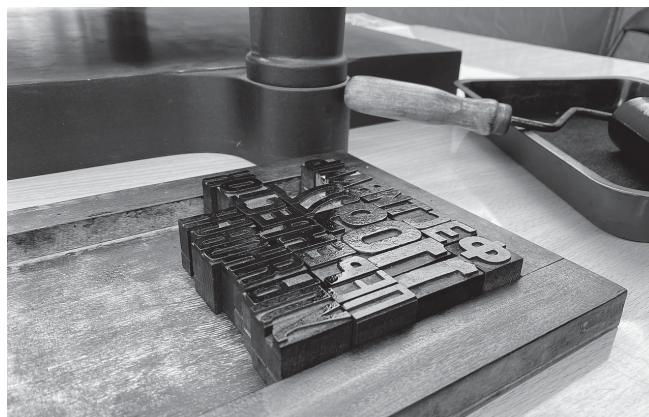
В сквере у памятника Гончарову с удовольствием развлекались дети – для них проводил игры музей занимательных наук Эйнштейна. Также были мастер-классы по рисованию на воде и по изготовлению книжки-малютки в технике оригами. Музей Гончарова провел познавательную экскурсию «История городских часов». Одним из запоминающихся моментов стало создание арт-объекта из мороженого «Малиновая лада» с цифрой 374 – цифра отражала возраст Ульяновска-Симбирска. И неслучайно – фестиваль проводился в рамках Дня города.

Хедлайнером «Перекрестка» в области гастрономии стал известный бренд-шеф ресторанов Cafe Claret и Marius Санкт-Петербурга Александр Богданов. Александр приготовил пышный омлет «Тетушки Пуляр» с соусом и пожарские котлеты в необычном исполнении.

Богатый выбор книг от «Дома печати» на ярмарке

Самой массовой частью программы стала литературно-ремесленная ярмарка, развернувшаяся в аллее в центре города, где располагаются значимые литературные достопримечательности – музей И.А. Гончарова, памятник Обломову. Для посетителей фестиваля на ярмарке работали 15 литера-

Пресс для корректурных оттисков от музея «Симбирские типографии» вызвал интерес у горожан

турных и 18 ремесленных площадок участников из Ульяновска, Казани, Чебоксар, Каргополя. Гости с интересом участвовали в мастер-классе «Литературные города ЮНЕСКО», интерактивной игре «Литературный бум» и квесте «Путешествие фрегата «Паллада».

Для тех, кто любит читать бумажные книги, организаторы приготовили большой сюрприз – «Дом печати», магазин «Книга+», «Букинист», книжная лавка «Общественной библиотеки», «Симбирский губернский клуб книголюбов им. И.А. Гончарова» и казанский антикварный салон-галерея «Ретроспектива» предлагали свою продукцию. И это стало еще одним преимуществом фестиваля – отправившись на размеренную прогулку в центр города, горожане смогли купить понравившуюся книгу по привлекательным ценам или пополнить свои коллекции новыми сувенирами и антикварными предметами. Гости ярмарки также озна-

Сделал каргопольскую игрушку сам!

Горожане с удовольствием участвовали в мастер-классе каргопольского центра народных ремесел «Берегиня»

Каргополь – город ремесел и народного творчества

Каргополь – небольшой город в Архангельской области. Здесь проживает не более 10 тысяч жителей. Но это не помешало ему в 2019 году стать частью сети креативных городов ЮНЕСКО.

Одна из визитных карточек города – знаменитая каргопольская глиняная игрушка, которую изготавливают ручным способом. Ремесленники опираются на традиционные фольклорные и сказочные мотивы, создавая из каргопольской глины разнообразных персонажей в лубочном стиле. Популярностью пользуются игрушки «Полкан» (полуконь-получеловек символизирует соединение силы коня и ума человека), «Берегиня» (Мать сыра земля, которая молится небу о хорошем урожае), «Птица Сирин», которая приносит счастье, «Тянитолкай» – красочный образ двойного коня, на котором, согласно поверью, солнце выезжало из-за горизонта. Свою уникальность имеет и игрушка-свисток – будучи созданной вручную, она выполнена с соблюдением специальных технических условий, чтобы ее обладатель смог услышать свист.

Уникальные каргопольские игрушки

комились с продукцией ульяновской типографии «Мастер-студия». А музей «Симбирские типографии» предложил всем желающим окунуться в мир типографских процессов и сделать оттиск на корректурном станке.

Чем еще запомнился фестиваль? Уникальной возможностью ознакомиться с вековыми традициями народных промыслов города Каргополя. Представители центра народных ремесел «Берегиня» провели мастер-классы по лепке традиционной глиняной игрушки, изготовлению брелока из бересты и куклы-оберега. Причем глину наши участники привезли с собой из Каргополя. На ярмарке можно было приобрести расписные каргопольские изделия из глины.

Выступление балета «Пантера» из г. Казань в парке «Прибрежный»

А во двореке музея Гончарова звучали современные композиции ульяновских музыкантов – PANiN!, Idon Care, ТРЕХТОННИК, Princess Pitch, KIRA WINTER. Более 70 слушателей окунулись в творческую атмосферу фестиваля.

Фестиваль охватил не только правобережье Ульяновска. Жители левобережья также получили возможность провести досуг с интересом – в парке «Прибрежный» перед зрителями выступил камерный балет «Пантера» из города Казани Республики Татарстан. Жители высоко оценили творчество артистов балета (художественный руководитель – Н.Р. Ибрагимов).

«Перекресток» стал местом для достижения важных договоренностей о сотрудничестве между креативными городами ЮНЕСКО, центром самовыражения представителей разных креативных направлений. И конечно же, фестиваль оставил приятные воспоминания у горожан и гостей Ульяновска, позволив публике с большим интересом провести сентябрьские выходные.

Казань – город музыки

Казань присоединилась к сети креативных городов ЮНЕСКО в 2019 году. Столица Татарстана богата музыкальными традициями. Здесь проводится много музыкальных форумов международного статуса, к примеру оперный фестиваль имени Федора Шаляпина, фестиваль классического балета имени Рудольфа Нуриева, фестиваль современной музыки «Европа-Азия», фестиваль имени Сергея Рахманинова «Белая сирень», фестиваль новой татарской культуры Tat Cult Fest и другие. Казанские государственный симфонический оркестр и государственный камерный оркестр La Primavera широко известны за пределами региона.

Подготовили Дарья ФОКИНА
и Ирина ЛУЧАКИНА

Мария ЭССЕН (1872–1956)

3 декабря. 150 лет со дня рождения публициста, мемуариста Марии Моисеевны Эссен (03.12.1872, г. Брест-Литовск Гродненской губ., ныне г. Брест Республики Беларусь – 04.02.1956, г. Москва). Участвовала в деятельности первых социал-демократических организаций Саратова и Самары. В 1899 году приехала погостить к сестре в г. Мелекесс (ныне Димитровград); была здесь арестована. С 1903 года член Петербургского комитета РСДРП. С 1925 года работала в Москве; заведовала отделом истпарта ЦК ВКП(б) и Института Маркса – Энгельса – Ленина, была старшим редактором Госполитиздата. Автор книг воспоминаний «В эпоху зарождения партии» (1934), «Первый штурм» (1957), «Встречи с Лениным» (1972).

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ (отрывок из книги)

С Лениным никто не старался казаться умным, говорить о высоких материях, становиться на носки. Он видел человека насквозь, и каждый чувствовал, что с Ильичом надо говорить только просто, щеголять не нужно.

Сколько раз мне приходилось присутствовать при его беседах с товарищами, и меня всегда поражало, с каким доверием и вниманием он всех слушал. Это был такт большого человека: ободрить работника, поднять в нём веру в свои силы, зажечь бодростью и энергией. Не в этом ли исключительный успех и влияние Ленина, что он умел, как никто, воодушевить волей к работе, и человек, соприкоснувшись с ним, трудился с удесятёрённой энергией. Каждый чувствовал, что у него точно крылья выросли.

Никакого оратора не слушали так, как Ленина. Впервые я увидела его на трибуне в 1904 году в Женеве, когда он делал доклад о Парижской коммуне. Ленин на трибуне весь преображался. Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделанный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной стальной фразе.

Мне приводилось тогда слышать очень крупных ораторов, которые говорят точно для того, чтобы поразить слушателей, блеснуть яркой фразой, остроумной шуткой, умеют использовать силу и гибкость голоса, плавный жест, красивую позу. Таковы были Плеханов, Жорес, Вандервельде, считавшиеся мировыми ораторами. В их выступлениях было много эффектного, но мне никогда не удава-

лось отрешиться от впечатления какой-то искусственности их речей.

Не то Ленин. Непередаваема сила его речей. В них нет как будто никакого внешнего блеска, они просты и ясны, но, слушая Ленина, забываешь обо всём. Он овладевает слушателем всецело. И тут разница между Лениным и Плехановым разительна.

Плеханов любил красиво отточенные фразы. Он знал цену своему таланту, знал, когда повысить и понизить голос, умел вовремя блеснуть остроумием, поднять утомлённое внимание аудитории кстати рассказанным анекдотом. Но его слушали спокойно, он волновал в меру.

У Ленина нет этого внешнего блеска, он не оттачивает фразы, но тем не менее именно его слушают, затаив дыхание, слушают так, точно он раскрывает твои самые сокровенные мысли, заветные мечты. Другие ораторы восхищают, но слушаешь их точно со стороны, а Ленин зовёт к действию. Его речи зажигают энтузиазмом и желанием действовать. Речи Ленина нельзя забыть: все чувствуют, что он сказал самое важное и нужное.

Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили её могучее дыхание, её пафос, её трагедию, её мировое значение. Парижская коммуна встала перед нами, как сверкающая заря новой жизни, как первый опыт рабочих взять власть в свои руки. Мы мысленно видели осаждённый Париж, трусость и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбежавшее в Версаль и предавшее родину, мы увидели героический рабочий

класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах.

Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о её гибели.

Я до сих пор помню и эту речь, и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская коммуна – не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас.

С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены.

Я спросила Ленина:

– Неужели мы доживём до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?

Ленин встрепенулся:

– А вы сделали такой вывод из моего доклада?! – спросил он.

– Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня.

Слушать Ленина на собраниях, видеть его за работой, углублённого в книги, или за разрешением политических вопросов, слушать его планы поражения противников, его уничтожающие характеристики – всё это давало яркую картину его многогранности. Но тот не знает Ленина, кто не видел его и в обычной домашней обстановке.

Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы...

Эрнест КОЛЬМАН (1892–1979)

6 декабря. 130 лет назад родился философ, мемуарист Эрнест Яромирович Кольман (06.12.1892, г. Прага, Австро-Венгрия, ныне Чехия – 22.01.1979, г. Стокгольм, Швеция). В Первую мировую войну попал в русский плен. Затем вступил в Красную армию; в 1919 году бывал в Симбирске. С 1930 года работал в Москве. Доктор философских наук (1934). Работал в Праге, где в 1948 году был арестован. Весной 1952 года освобождён; 24 марта приехал в Ульяновск к жене и дочери. Вновь жил в Москве. В 1976 году выехал в Швецию к дочери. Автор публикаций «Гегель и математика» (1931), «Против лженауки» (1938), «Четвёртое измерение» (1970) и др. Написал книгу мемуаров «Мы не должны были так жить» (1982).

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ТАК ЖИТЬ (отрывки из воспоминаний)

Не обращая внимания на Путинцева, он протянул мне обе руки и сказал: «Здравствуйте, товарищ Кольман. Я министр госбезопасности, Игнатъев. Произошло недоразумение. Вы оказались во всём правы. Мы против вас ничего не имеем. Вы свободны...» И пригласил сест (в кожаное кресло, в котором я почти утонул), продолжал беседу.

Всё это произошло неожиданно, без малейшей подготовки. Удивительно, что мой ослабевший организм не среагировал на такой «сюрприз», как бы он ни был расприятен, инфарктом. Не касаясь причин происшедшего со мной «недоразумения» и не расшифровав, в чём это я оказался прав, Игнатъев констатировал удивительную вещь – что вид у меня плохой, и предложил направить меня в санаторий. Я, поблагодарив, отказался. Заявил, что только что три с половиной года пробыл в «санатории», что хочу работать, но прежде всего, если это возможно, свидеться с женой и дочкой. Я спросил, где они, что стало с ними и с моими сыновьями. Игнатъев с недоумением, как будто неподдельным, повернулся к Путинцеву: «Разве вы не сообщили товарищу Кольману?», и тот невозмутимо ответил, что «не успел». И тут же ещё раз соврал, сказал, что Катя с дочкой находится в Ульяновске, где хорошо устроена, работает в пединституте. А сыновья по-прежнему работают. То, что Вячек уже третий год в лагере, он скрыл.

Тогда я попросил помочь мне выехать первым поездом в Ульяновск. Игнатъев поручил Путинцеву организовать это немедленно, и тот вышел. Мы остались с министром одни. Он предложил, чтобы

я предупредил о своём приезде Катю телеграммой, и взялся составить её текст вместе со мной. Катя сохранила её, вот она: «УЛЬЯНОВСК ПЕДИНСТИТУТ ЛАБОРАНТКЕ КОНЦЕВОЙ КАТЕНЬКА АДЕНЬКА ВСЁ КОНЧИЛОСЬ ОТЛИЧНО ПРИЕЗЖАЮ 24 ПОЕЗД 78 ВАГОН 6 ЦЕЛЮЮ КРЕПКО ЭРНЕСТ». И тут же Игнатъев заявил: «Она (то есть Катя) у вас настоящая беспартийная большевичка, всё это время мужественно вела себя». И когда Путинцев вернулся и доложил, что всё устроил и я смогу в час дня выехать в Ульяновск, министр распорядился, чтобы меня «прилично» одели и выдали денег...

Наконец – Ульяновск. Кате принесли вчера, в воскресенье, мою телеграмму в общежитие. Они с Адой, не зная от радости, что и делать, старались, как только могли, чтобы подобающе, по-праздничному, встретить меня. На имеющиеся у них жалкие гроши (до полочки было далеко) купили что-то на базаре, чуть ли не даже крупинку сливочного масла, конфеты «подушечки», а в магазине рыбные консервы, убрали свою «комнату». На станцию явились за три часа до прихода поезда. Тогда в Ульяновске вокзала не было, старое, ещё дореволюционное здание развалилось от ветхости. Строили новое, но годами. Катя и Ада ждали в выбракованном, неотапливаемом пустом вагоне. Они успели насквозь промёрзнуть, несмотря на то, что их согревала радость моего возвращения.

Едва поезд успел остановиться, как я увидел обеих этих моих страдалец. Я выскочил из вагона первым (благо был без багажа, налегке) и бросился к ним. Выглядели они не ахти как хорошо, одеты

были неважно, не то что не по-празски, но не по здешнему суровому климату. Ада, конечно, за эти годы вытянулась, ведь теперь ей шёл уже тринадцатый год, но была худенькая, как щепка. От волнения мы, кроме междометий, не могли выговорить ни слова, да и нельзя было при посторонних. Битком набитый автобус довёз нас до общежития пединститута.

Здесь они жили... В бывшей общей уборной. Два круглых отверстия в цементном полу не были даже прочно забыты, а только прикрыты досками. Холод и сырость здесь не выводились. Окно было всё в щелях, и хотя имелась низенькая печурка, не было топлива. Только изредка Ада насобирает щепок и отбросов угля, этим они затопят, но теплело

только на пару часов. Спят они вместе. (койка одна) прикрываясь всем своим тряпьем. Удивительно, как они не схватили ревматизм, туберкулёз.

Работала Катя лаборанткой кабинета русского языка и литературы, получала в месяц 413 рублей (41 рубль 30 копеек на нынешние деньги), из которых ещё платила за жильё, взносы в профсоюз, за обязательные займы и т. д. Уму непостижимо, как это они выжили. Ведь в Ульяновске – городе, где родился Ленин, – кроме хлеба, соли, спичек и рыбных консервов тогда в магазинах ничего не было. А на базаре было всё – молоко, масло, сахар, картофель, капуста, мясо, но всё это втридорога. И вообще город был крайне запущен, стал несравненно хуже того Симбирска, каким я застал его в 1919 году...

Иван ПЫРКОВ (р. 1972)

6 декабря. 50-летний юбилей отмечает поэт, литературный критик Иван Владимирович Пыркoв, творческий псевдоним – Иван Васильцов (р. 06.12.1972, г. Ульяновск). Сын поэта В.И. Пыrkова. Окончил Саратовский пединститут (1995). Работал зав. отделом поэзии и критики журнала «Волга XXI век». Профессор Саратовской юридической академии. Доктор филологических наук (2019). Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Дубовый меч» (1992), «Ищите мир» (1998), монографии «Гнездо над обрывом» (2017). Лауреат международного конкурса «Золотое перо России» (2007), Международной литературной премии имени И.А. Гончарова (2018, Ульяновск). Живёт в Саратове.

И мёртвые спят, и живые
В пределах великой страны.
И пьют тополя молодые
Полынную горечь луны.

Иголочка громоотвода,
Скамья в ожиданье, крыльцо,
И старенького огорода
Почти оспяное лицо.

Живём, как на вечном перроне:
Прощанья, отчаянье, злость...
Но вот в полусломанном доме
Как будто окошко зажглось.

И стало понятно, что лето,
Что ноги боятся росы,
Что в небе, дрожа от рассвета,
Хранят равновесье весы.

Без страха и без укора
Комар свою песню поёт.
Живым просыпаться уж скоро,
А мёртвым – ещё не черёд.

Надоела война.
И миры надоели.
Ты родился едва,
А тебя уже съели.

Увядает цветок
Красоты Нефертити.
Умирает белок
На холодной орбите.

Починили реле,
Подсветили эпоху...
– Есть ли жизнь на земле? –
Крикнешь чертополоху.

Но колюче молчит
Тень травы окаянной.
В небе осень влачит
Свой хрусталик стеклянный.

Луна молчала, бледная от боли.
Ласкала ночь усталую кугу.
Свинец сказал: «Пусти меня на волю,
Я жить в темнице больше не могу!»

И облаков воздушная отара
Была незрима и несла мечту.
Летела дробь, модель земного шара,
В холодную, как рыба, пустоту.

Летел, летел свинец, отлитый в пули,
Из ненавистных тюрем нарезных.
Как будто бы какой-то чёрный улей
Лишался разом демонов своих.

...Жаль, всем убитым – правым и неправым! –
Не встрепенуться взглядом из-под век.

Звенел февраль серебряной октавой.
И март стонал, как Снежный человек.

Геннадий ДЁМОЧКИН (р. 1957)

7 декабря. 65 лет исполняется журналисту, краеведу, писателю Геннадию Александровичу Дёмочкину (р. 07.12.1957, г. Полевской Свердловской обл.). Окончил Уральский университет (1980). Работал в газетах «Ульяновский комсомолец», «За кадры», «Симбирский курьер»; собкором ВГТРК, директором Объединённого корпункта в Ульяновске. В серии «Антология жизни» издал более 40 книг об истории области и ярких её представителях. Лауреат всероссийского конкурса краеведческой литературы «Малая родина» (2007). Обладатель Гран-при премии в области региональной историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха» (2021). Награждён медалью «Патриот России». Живёт в Ульяновске.

БРАТ НА БРАТА (отрывки из книги)

...Эту школьную общую тетрадку в чёрном дерматиновом переплёте передала мне Галина Григорьевна, вдова замечательного актёра, народного артиста России Анатолия Ивановича Устюжанинова. Не скажу, что мы с Анатолием Ивановичем притеснивались (разница в возрасте 20 лет), но симпатизировали друг другу явно, он бывал на презентациях моих книг, а при встречах мы с неизменным удовольствием беседовали (пару раз под коньячок).

По первому образованию Анатолий Иванович журналист, мы с ним оканчивали один журфак – Уральского университета. Потом, став актёром, он всю жизнь играл Ленина (молодого и зрелого), на сцене и даже в кино (и не у кого-нибудь, а у С.Ф. Бондарчука в фильме «Красные колокола»). Так что было Анатолию Ивановичу о чём рассказать, а мне было что послушать.

Но никогда в моём присутствии не рассказывал Устюжанинов об отце. Потом, в одной из его книг, увидел брошенное между прочим: отец воевал в Гражданскую на Украине, откуда привёз много украинских песен...

Не думаю, чтобы Анатолий Иванович не держал в руках эту отцовскую тетрадку. Как человек пишущий, он не мог не оценить ценность (а вернее – бесценность) этой рукописи. Не исключаю, что мог он подумывать и о её публикации, но дело, небось, как всегда, упёрлось в деньги.

Как бы то ни было, но тетрадь, пролежавшая уже и в моём столе порядка трёх лет, наконец-то «выходит в люди». Явившиеся нам записки участника Первой мировой и Гражданской войн, составленные в основе своей в тридцатые годы, то есть практически по горячим следам событий, можно, на мой взгляд, смело отнести к разряду исторических сенсаций. В массовом сознании россиян Гражданская война по-прежнему остаётся большим белым пятном. Старые и новые фильмы переполнены мифами и историческими искажениями.

Тема братоубийственной войны и в самом деле неудобна и во все времена чревата массой «неконтролируемых ассоциаций». Поэтому я решил не ограничиваться простой публикацией записок Ивана Устюжанинова, а по мере возможности, хотя бы для себя, разобраться в механизме трагедии,

которая в XX веке произошла с нашей Родиной. Разобраться с помощью литературы и экспертов, которые, впрочем, в своих выводах тоже далеко не едины...

9 июля 2013 года. Дача под Ишеевской горой. Ну вот, наконец-то. Уселся за стол, и вот она, эта чёрная общая тетрадь. Последние месяцы мысли о ней не отпускают меня. Пару лет назад, начав работу над историей России в XX веке, я принимался читать записки Ивана Сергеевича, помню, было это очень интересно, и я уже хотел делать оттуда выписки для большого своего труда.

Но что-то меня тогда остановило. Не захотелось разрывать на части это уникальное целое. Работать с такого рода рукописями мне уже приходилось. Воспоминания Николая Ивановича Ряскова о войне и ГУЛАГе я бережно отредактировал, а в коротком предисловии только рассказал, как попала ко мне в руки эта бесценная вещь.

Также я хотел поступить и с записками Ивана Сергеевича Устюжанинова: вот предисловие составителя и вот рукопись. Но мне захотелось сделать по-другому. Тема Первой мировой и Гражданской войн меня уже давно интересует. О Великой Отечественной написано и снято горы, при этом всей правды мы до сих пор не знаем. А эти две войны – Германская и Гражданская – до сих пор как-то задвинуты в тень – «до лучших времён». Никак не могу с этим согласиться, считаю, что нам пристально надо глядеться в каждый год своей истории, проживать её и разумом, и сердцем, а с высоты прочувствованного жить сегодня и думать о завтра...

11 июля 2013 года. Нас, детей 60–70-х годов учили так: народ в России очень долго угнетали, и он наконец не выдержал – случились сразу три революции. Потом, в 1990-е, нам сумели внушить: это экстремисты-большевики подняли народ на революцию, чтобы с новой силой закабалить его.

О дореволюционном угнетении говорить стали мало, зато много – о сожжённых барских усадьбах и о трагических судьбах дворянских семей. И если раньше в нашем детстве все в подавляющем большинстве были «за красных», то в 1990-х стало «модным трендом» с вызовом заявить: «А я всегда был за белых!»

Александр ОДОЕВСКИЙ (1802–1839)

8 декабря. 220 лет со дня рождения поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (08.12.1802, г. С.-Петербург – 27.08.1839, форт Лазаревский, ныне в черте г. Сочи). Имеет симбирские корни; прямой потомок в 8-м поколении основателя Симбирска Богдана Хитрово. В Симбирской губернии находились поместья Одоевских. Участник восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. В сентябре 1837 года побывал в Симбирске вместе с группой декабристов, направляясь по приказу царя из ссылки рядовым в действующую армию на Кавказ. Служил с М.Ю. Лермонтовым и Н.П. Огарёвым. Автор поэмы «Василько» (1830). Его строка «Из искры возгорится пламя» стала крылатой.

ЛУНА

Встал ветер с запада; седыми облаками
Покрывл небес потухший океан.
Сквозь тонкий видишь ли туман,
Как, увлекаемый волнами,
Челнок летает золотой?
Вот он исчез... блеснул...

вот скрылся за волной,
Вот снова он и выплыл, и сияет,
И ангел светлых звёзд
кормилом управляет.

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И – лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! – цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.

Наш скорбный труд не пропадёт,
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Мечи скуём мы из цепей
И пламя вновь зажжём свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Что мы, о боже? – В дом небесный,
Где сын твой ждёт земных гостей,
Ты нас ведёшь дорогой тесной,
Путём томительных скорбей,
Сквозь огонь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание твое;
Но для чего, о бесконечный!
Вложил ты мысль разлуки вечной
В одноночное бытие?

МОЙ НЕПРОБУДНЫЙ СОН

Ещё твой образ светлоокой
Стоит и дышет предо мной;
Как в душу он запал глубоко!
Тревожит он её покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мне на мой далёкий путь,
Как старый друг, пожала руку
И мне сказала: «Не забудь!»

Тебя я встретил на мгновенье,
На век расстался я с тобой!
И всё как сон. Ужель виденье, –
Мечта души моей больной?

Но если только сновиденье
Играет бедною душой, –
Кто даст мне сон без пробужденья?
Нет, лучше смерть и образ твой!

Иван ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР (1842–1871)

9 декабря. 180 лет назад родился поэт, переводчик, революционер Иван Иванович Гольц-Миллер (09.12.1842, местечко Иоганшкери, ныне г. Ионишкелис Пасвальского р-на Литвы – 17.08.1871, г. Орёл). Учился в Московском университете. Написал более 80 поэтических произведений, публиковался в журнале «Современник». В 1863–1865 годах за участие в революционном движении находился под надзором полиции в Карсуне Симбирской губернии, где написал стихотворения «Пролог к ямбам», «Отчаяние», «Одиночество», «Зимняя ночь», «К моей песне», «Когда же?», «Путь мой лежит среди безбрежных равнин...», «Родина-мать! Твой широкий простор...», «К родине», «Погибающие», «Отверженная» и др.

К МОЕЙ ПЕСНЕ

Ой ты песня моя, ой ты радость моя,
Верный спутник, товарищ в злой доле!
Будь ты вечно со мной, не покинь ты меня,
Будь мне друг, как бывало на воле!..

Было счастье тогда, были ясные дни,
Хоть бывало и горе порою,
Были братья-друзья, гнали горе они,
Жизнь катилась светлой волною...

Нынче нет уж тех дней, нету добрых друзей,
Только горе осталось с нами, –
Лейся ж, песня моя, лейся шире, вольней,
Не залить злое горе слезами...

Да и нам же к тому слёзы некогда лить –
Жизнь не всё отняла, что сулила.
Эй же, песня, вперёд! слёзы прочь – надо жить:
С нами молодость, вера и сила!

1863

КОГДА ЖЕ?

Когда ж, когда настанет век
Свободы, разума, любви
И перестанет человек
Бродить, как дикий зверь, в крови?

Когда ж падёт господство тьмы
И царство ада на земле,
И божий свет увидим мы,
И отразится на челе

Людей – разумной жизни след,
И будет правда нам закон?
Когда ж?.. когда? ужели нет
Конца для варварских времён?!

1863

Путь мой лежит среди безбрежных равнин,
Всё здесь цветёт, зеленеет,
Только от этих роскошных картин
Скорбью тяжёлой мне веет.
Сердце привычно сжимает печаль.
Очи туманит слезою...
Чудится мне: по полям этим вдаль
Узники идут толпою.
Муки застыли на лицах у них,
Руки им цепи сковали;
И равнодушно рыданиям их
Эти равнины внимали.
Нет здесь отрады, в этих степях,
Мрак всё, страданье и слёзы!
Здесь без следа разбиваются в прах
Юности светлые грёзы.
Здесь одиноко, бесплодно любовь
Гибнет в борьбе безотрадной...
Кровь свою чистую, лучшую кровь
Пьёшь ты, о родина, жадно.
Кончить пора, о жестокая мать,
Прочь испытания эти!
Скоро, быть может, тебя проклинать
Станут несчастные дети.

1864

Николай ОГЛОБЛИН (1852–?)

10 декабря. 170 лет со дня рождения историка, публициста Николая Николаевича Оглоблина (10.12.1852, г. Киев – не ранее 1919, ?). Окончил археологический институт в Петербурге (1880). Служил в Московском архиве, в 1897 году вышел в отставку. Путешествовал по рекам России, анализировал жизнь провинции, изучал становление речного транспорта. Побывал в Симбирске, о чём опубликовал в «Историческом вестнике» (1901, №10) путевые заметки «Сонный город». Автор сочинений «Киевский стол Разрядного приказа» (1886), «Бунт Сквирского магистрата» (1888), «Московская померная изба» (1889), «Путевые записки морехода И.М. Соловьёва» (1892), «Красноярский бунт. 1695–1698» (1901) и др.

СОННЫЙ ГОРОД (отрывок из заметок)

В положительную заслугу Симбирска пред Русскою землёю следует поставить то, что он и его губерния дали многих выдающихся писателей и общественных деятелей. Во главе именитых симбирцев следует поставить И.А. Гончарова, который родился, воспитывался и частью служил в Симбирске. Место действия романа «Обрыв» относится к городу и живописной деревне и усадьбе Киндяковка в трёх верстах от города.

Роковой для Веры обрыв указывают в двух местах: подле барского дома и около деревни. Оба обрыва (особенно грандиозен первый – в 60 сажень) круто спускаются к Воложке, рукаву Волги, и покрыты лесом. Какой именно из них описан Гончаровым, не знаю, но думаю, что решить вопрос нетрудно: стоит прочесть на месте роман и сравнить действительность с описанием романиста.

Роман и написан Гончаровым в Киндяковке, где до сих пор показывают сохраняемые в прежнем виде «гончаровские комнаты». В моё посещение Киндяковки не пришлось осмотреть бывшее помещение Гончарова: владелица г-жа Френч отсутствовала, а без неё прислуга не имела права водить по дому посетителей.

Ходил слух, что г-жа Френч продаёт имение какому-то купцу. Являлось опасение, что при новом владельце исчезнут последние следы пребывания здесь знаменитого романиста. Долг местной архивной комиссии – позаботиться о сохранении этих следов, ей же следовало бы заняться установлением топографии «Обрыва». Не мешало бы также возбудить мысль о постановке в Симбирске памятника Гончарову.

Роскошная и обширная дубовая роща Киндяковки – любимое место прогулок симбиряков. Какие дивные уголки здесь попадают в самой роще (например, около полуразрушенной «масонской беседки» и др.) и на обрыве около усадьбы, с его чудными видами на Волгу, на очень красивый отсюда Симбирск, на заволжские дали и на далёкие Сенгилеевские горы...

В 40 верстах от Симбирска лежит село Знаменское, родина историографа Карамзина, который до 17 лет жил в городе. В небольшом сквере недалеко от Венца поставлен памятник Карамзину, хорошо известный местной интеллигенции, но совершенно непонятный народу по своей аллегорической форме.

Спрашиваю городского:

– Как пройти к памятнику Карамзину?
– А на каком, сударь, кладбище?
– Да он не на кладбище, а в городе.
– Подле какой церкви? При церквях есть и могилы, и памятники попадают старинные...
– Да нет же... памятник Карамзину стоит где-то на площади.

– Не могу знать, сударь.

Такой же диалог произошёл с извозчиком, который, однако, оказался догадливей городского:

– Вы про чугунную бабу спрашиваете? Садитесь, подвезу.

Не удивительно, что «чугунную бабу» знает весь город, а о Карамзине редко кто вспомнит.

Памятник представляет большую статую музы истории Клио. Она стоит на пьедестале, в нише которого скромно прячется бюст историка. Народ же считает Клио женой Карамзина...

Составитель проекта памятника, известный скульптор Гальберг, отвёл Карамзину самое скромное место на карамзинском памятнике. Памятник соорудился в то время, когда разрешалось выставлять на «публичное позорище» одних принцев крови, да ещё героев военного звания не ниже генеральского чина.

Следует отметить ещё нескольких уроженцев Симбирска и губернии – поэта и баснописца (министра юстиции тож) И.И. Дмитриева, известных общественных деятелей и писателей А.И. и Н.И. Тургеневых, поэтов Н.М. Языкова, Д.П. Ознобишина, Д.И. и Д.Д. Минаевых и Д.Н. Садовникова. Всего более Симбирск дал поэтов, чего и следовало ожидать от такого поэтического города.

Недавно местная архивная комиссия взяла под своё покровительство почти забытую могилу в Покровском монастыре известного масона А.Ф. Лабзина. В 1823 г. Лабзин был сослан в Сенгилей, откуда переведён в Симбирск, где умер в 1825 г.

Масонство было сильно развито в Симбирской губернии с конца XVIII века, когда бригадир И.П. Тургенев учредил в Симбирске первую масонскую ложу. В начале XIX века возникла новая ложа, открытая кн. Баратаевым в его подгородном имении, где доселе сохранился в саду сводчатый грот – место масонских собраний...

Николай АРИСТОВ (1832–1882)

13 декабря. 190 лет назад родился историк, публицист Николай Яковлевич Аристов (13.12.1832, с. Стеньшино, ныне Петровского р-на Тамбовской обл. – 07.09.1882, г. Нежин, ныне Черниговской обл. Украины). Окончил Казанскую духовную академию (1858). В 1858–1861 гг. преподавал в Симбирской семинарии математику и русскую словесность. Резкая откровенность в мнениях нажили ему в Симбирске много врагов, в результате попал под надзор полиции. Жил и преподавал в Петербурге, Казани, Варшаве, Харькове. Автор трудов «Предания о кладах» (1867), «Об историческом значении русских разбойничьих песен» (1875), «Состояние образования России в царствование Александра I» (1879) и др.

ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА ХРИСТИАНСТВА В РОССИИ

(отрывок из сочинения)

Христианство застало наших предков на низкой степени умственного и нравственного развития. Как младенец, лежал славянин-язычник на лоне природы и не мог оторваться от её груди, от её власти. Все его верования ограничивались грубым обожанием сил и явлений видимого мира. Мифология его была бедна и не развита. Под влиянием язычества почти не были установлены у славян и первые условия общественного быта. Князь почти не соединён был с подданными властью; существовал обычай мести; одним словом – не сложился ещё определённый характер жизни. Находясь в первой поре духовного развития, русский человек ничего не мог противопоставить сильного, зрелого новой возвышенной религии: его чувственное оружие было так слабо в сравнении с этой непобедимой духовной силой, что он сдался после краткой борьбы.

Вера христианская, согласная с мирным характером русского народа, быстро принята была и сделала поворот в умственной и нравственной его жизни. Но не один истинный свет Богопознания и Богопочтения она внесла в тёмную жизнь наших предков: принятая на родном языке, бесконечно превышающая все современные ей начала народной жизни, вера Христова сделалась главным началом, одушевляющим все отрасли жизни русского человека. Она условливалась собою другой лучший гражданской быт, отличный от быта языческого, и отвечала стремлению наших предков к определению порядка и устройству внутреннего быта. Старые гражданские отношения потеряли своё значение и, отдельно взятые, не имели уже самостоятельной опоры; но вера православная, не подавляя народности, дала старым началам новый смысл и силу.

Вместе с верою перешли в наше отечество из Византии гражданские и общественные законы и стали мало-помалу проникать в состав государства. Кормчею руководилась светская власть в судебных приговорах. Церковь русская имела сильное и решительное влияние на преобразование всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое во всех даже частных отношениях, христианство принесло готовые правила на все частные случаи, прямые ответы на все запросы прежде их возникновения и ощущения, и постепенно церковь стала проводить их в глубину частного и семейного быта. Таким образом, вера Христова подчинила своему влиянию и водительству всякое духовное развитие русского человека,

лишившегося слабой опоры язычества, своим освящением дала силу всем стихиям народной жизни и сделалась основой народного взгляда и характера.

При таком преобладающем господстве начала христианства, так сказать, поглотившем все другие юные и бессильные начала народной мысли и жизни, – вся почти древняя русская письменность, как выражение народной жизни, носит на себе печать характера церковного. Послания и сочинения светских лиц исполнены текста Св. Писания и выражают религиозное настроение. Самые повести, былины и сказки, созданные фантазией русского народа, отражают в себе следы религиозного взгляда и действительности. В летописях, которые служат довольно полным выражением ума и чувства народного, церковно-исторический элемент стоит наряду с гражданским, выступает как господствующий, самостоятельный факт древней жизни и литературы, и заслуживает особенного внимания.

Часто эти два элемента так слиты между собою, так проникаются один другим, что нет почти возможности провести между ними строгой черты. Рассказывает ли летописец о судьбе Церкви и веры в России, у него в составе повествования, по необходимости связи, входят известия о состоянии гражданской деятельности; говорится о содействии гражданской власти в делах внутреннего управления, в устройстве порядка и благосостояния Церкви, о мерах к распространению христианства, противодействию и искоренению отживающей языческой старины и пороков духовенства и народа, о заботах – дать благолепие христианскому богослужению, избрать достойных пастырей Церкви и проч. Изображает ли составитель летописи события чисто гражданские, – он показывает степень участия Церкви в делах государства, описывает, например, как она освящала своим благословением начало и конец всякого государственного дела внутреннего и внешнего, как помогала общественным предприятиям, как вводила благочестивые обычаи в гражданский быт.

Из этих отрывочных известий ясно видно, что, во время безнравственности общественного, св. вера была блюстительницею порядка; в дни кровавых княжеских междоусобий, при внешнем расстройстве и раздробленности государства, сохранила его внутреннюю целостность и единство; в годину тяжёлого рабства соблюла неприкосновенными коренные народные свойства и содействовала отрадному освобождению от зависимости варваров...

Пётр ПОЛЕЖАЕВ (1827–1894)

13 декабря. 195 лет со дня рождения прозаика Петра Васильевича Полежаева (13.12.1827, г. Пенза – 31.03.1894, Уфимская губ.). Окончил Казанский университет (1849), где учился вместе с Л.Н. Толстым. С 1849 года скитался по «губернским палестинам»; не раз бывал проездом в Симбирске и Симбирской губ. Служил в Пензе, Оренбурге, Уфе, Петербурге. Редактировал журнал «Историческая библиотека». Автор исторических романов-хроник «Престол и монастырь» (1878), «150 лет назад» (1883), «Лопухинское дело» (1883), «Фавор и опала» (1884), «Царевич Алексей Петрович» (1885), «Тузы и двойки. Листки из столичной хроники 1780 г.» (1893); мемуаров «Давно минувшее. Студенческие воспоминания» (1894).

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ (отрывок из романа)

– Пошто стал, Иваша, ухнем!
 – Погоди ухать-то, дядя Кузьмич, моченьки моей нет, зазяб, вишь, как частит в чёртовом болоте!
 – А за погоди ты огреет дубиночкой осударь, как увидит: в три дня, почитай, и пяти венцов не нарубили!

Перекидывались между собою дядя Кузьмич и племян Иваша, плотники из одной казённой вотчины, почему-то не попавшие в рекруты и пригнанные в числе многих тысяч рабочих на постройку быстро воздвигавшегося Петербурга.

– И место-то нам, братцы, досталось что ни есть самое анафемское, магазю рубить на самом тычке; куда ни выйдет осударь, прямо на нас, – жаловался один из товарищей Кузьмича и Иваши.

– Известно, самое окаянное, – одобрительно отозвался ещё голос из толпы, – только и льготы, как он занедужит.

– А в сам деле, братцы, видно, занедужил, не видать... – заметил дядя Кузьмич, перекидывая топор в левую руку, а правую отирая насевший на нос плотный шлепок грязи.

– Шибко, сказывают, занедужил, да и как тут устоишь?

Устоять действительно было трудно. Болотистая почва и вечный осенний приморский туман разрушительно влияли на рабочих, большей частью уроженцев внутренних губерний, из местностей совершенно иных климатических условий. Летом ещё кое-как перемогался серый люд, но с наступлением осенней непогоды от холодной, проникающей насквозь сырости он валился огульно, удобряя потом, кровью и костями завоёванное побережье и оставляя на родине обездоленные семьи. Но зато Петербург рос, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам. В несколько лет оба берега Невы, при впадении её в залив, почти совершенно застроились более или менее обширными домами казённых мест и лиц, приближённых к царю.

В большинстве постройки были деревянные, самых разнообразных архитектур, по преимуществу голландской, любимой государем, более пригодной к местности и к преобладающему характеру гостей из Голландии, но нередко встречались и каменные палаты с колоннами, фронтонами и венецианскими окнами. Все приближенные государя,

зная, как он дорого ценит приобретённое мозольными трудами побережье, как страстно желает скорее сделать из пустынного болота столицу, спешили, наперерыв друг перед другом, отличиться, спешили обстроиться покрасивее, чтобы их усердие бросилось в глаза. Прежде всех построек на обоих берегах, почти напротив, соорудились две крепости: Петропавловская и Адмиралтейская, грозно смотревшие жерлами пушек на плескавшиеся волны и готовые дружно встретить незваных гостей, а за этими крепостями, отступая на площадь, полукругом обозначились улицы и будущая Невская перспектива – по плану, начертанному самим царём.

Топор и заступ малоросса, мордвина и финна быстро истребляли мешавшие деревья и очищали местность, проводя в разных направлениях канавы для осушки. На каждом шагу громоздились привезённые и добытые на месте материалы, кучи щебня, глыбы камня и гранита, бунты строевого и мачтового леса; везде работа кипела с лихорадочной деятельностью. Да и как было не кипеть работе, когда сам государь то с саженью, то с аршином, то с топором или каким-нибудь другим инструментом появлялся нежданно-негаданно в разных местах, осматривая всё сам, ободрял, учил, а подчас и погонял дубинкой ленивых.

В страстном увлечении и неудержимом стремлении всё создать скорее, всё выполнить так, как рисовалось в беспрерывно творящем мозгу, государь не щадил и не соразмерял сил ни своих, ни других. И под тяжестью такой работы даже его силы стали изменять: как ни крепок был его организм, от природы железный и в сталь закалённый с физических трудов, но и он, когда ему минуло за сорок лет, от неутомимой нервной деятельности и разрушительных влияний природы стал подламываться всё чаще и чаще, подвергаясь различным недугам и немощам.

В первых числах октября 1716 года царь Пётр Алексеевич, пробыв весь день под дождём на резком ветру, простудился и слёг в постель. Болезнь казалась не серьёзной, с обыкновенными признаками простуды, ознобом, сменявшимся периодами сильного жара, доходившего до бреда, но, однако ж, следовавшие затем и незнанные прежде слабость и утомление настоятельно требовали отдыха...

Кристина АНДРИАНОВА (р. 1987)

14 декабря. 35-летний юбилей отмечает поэтесса Кристина Владимировна Андрианова, литературный псевдоним – Книга (р. 14.12.1987, г. Белебей Башкирской АССР). Член Союза журналистов (2008) и Союза писателей (2014) России. Окончила Башкирский университет. Кандидат филологических наук (2013). Работает редактором, сценаристом республиканского телевидения. Автор сборников стихов «Поэтический альбом» (2003), «С надеждой и любовью» (2005), «Интервью с мечтой» (2009), «Книга песен» (2017). Лауреат Межрегиональной поэтической премии имени Н. Н. Благова за сборник «14: уфимский дневник»; приезжала в Ульяновск на её вручение 30 января 2021 года. Живёт в Уфе.

Мы говорим на русском языке,
Как солнце отражается в реке
И сердце разрывается от боли,
Когда за правду принимают ложь,
Когда вдали от родины живёшь,
Когда идут на бал не те герои.
Мы говорим на русском о любви,
Терпении – и, что ни говори, –
О лебединой вере, что с авосем
Веками рядом ходит по судьбе
И от рожденья греет колыбель
Большой страны, не изменив, не бросив.
В нас русскость проступает даже в том,
Что говорим на языке ином
С акцентом, узнаваемым повсюду.
А там, где и словами не сказать,
Как хорошо на русском помолчать...
Молчать на русском, воспевая чудо.
Реки и солнца воспевая чудо.

Как ржавчина, любовь твоя сошла.
Как оборотень-птица, отлетала.
В духовке – утка. В голове – кишлак,
Рой мыслей – о коррозии металла.
Бунт мыслей – о коррозии мечты,
Где так банально крылья гробит трусость...
Был рыжий цвет когда-то золотым,
Надежда – несгораемым индусом
В буддийской бронзе мира и добра...
Но колдовские чувства стали жалки:
Ту дробь другой отлил из серебра.
В духовке – утка. Ржавчина – на свалке.

Прыгучи вирусы, как блохи,
Летучи, злыдни, как духи...
Коронавирусной эпохи
Ночами пишутся стихи.
Строка где проще, где труднее,
Но у любой итог один:
Страх тайны и микроба-змея
Мы победим.

А тайна в чём? – а тайн много.
Скелеты – в мировом шкафу.
Клубок событий и подлогов –
Не в теме разве что бигфут.
Ты, обыватель, ешь картошку
Да хлебным квасом запивай...
Нет, это всё не понарошку –
И мутен май.

С небес не свалятся ответы,
И аналитика – в труху...
В коронавирусное лето
Землянам выдали билеты –
Узнаем после, ху из ху.

Николай СИМБОРСКИЙ (1847–1881)

15 декабря. 175 лет назад родился поэт, журналист Николай Васильевич Симборский (15.12.1847, г. Аткарск Саратовской губ. – 05.03.1881, г. Тифлис, ныне Тбилиси, Грузия). По другим сведениям, родился в 1849 году в имении отца в с. Заборовка Симбирской губ. (ныне Сызранского р-на Самарской обл.). Учился в Казанском и Московском университетах. Не раз бывал проездом в Симбирске. В 1872 году из-за болезни вернулся в Заборовку. Служил в Петербурге. Автор стихотворений «Стенька Разин» (1875), «По Волге» (1875), «Монологи Аристарха» (1878); былины «Смерть Святогора» (1877); поэм «Статуя» (1878), «Счастливцев» (1881) и др. Покончил с собой, прострелив грудь сквозь фотографию любимой женщины.

СТАТУЯ (отрывок)

Гремя и волнуясь нестройно,
Париж не смолкал ни на миг,
Когда, улыбаясь спокойно,
Угас величавый старик.
В истории доблестей мира
Доныне преданье живёт,
Как жгла его злая сатира,
Бесправия грубого гнёт,
Как, счастья не зная от века,
Задавлен, покорен и слаб,
Почуял в себе человека
Из грязи им поднятый раб...
...И умер он... Мрамор бездушный
Черты его, полные сил,
Резцу и таланту послушный,
Всецело в себе воплотил.

1877

НОВОМУ ГОДУ

Над Русью вторая уж тысяча лет
Проносится в море забвенья,
Как след за собой, оставляя завет:
Терпенья побольше, терпенья...

Год новый! Обычай мы чтим на Руси:
Лишь гость застучит у порога –
Навстречу хлеб-соль поскорей выноси,
Не ради корысти – для бога...

Прости ж, если, этот обычай любя,
С глубокой сердечною болью,
Теперь, по бесхлебью, мы встретим тебя –
Одной безакцизною солью...

1881

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИЕРЕМИАДА

Восплачем, братья, дружно:
Жизнь стала хуже ада,
Не сыщешь, что нам нужно,
Всё есть, чего не надо!
Прогневали, зная, бога –
Совсем беда настала:
Училищ слишком много,
Острогов очень мало...
Тревога мысль терзает,
Душа болит невольно:
Квартальных не хватает,
Газет чресчур довольно...
Разбиты идеалы,
Повержены кумиры...
Свободные журналы,
Стеснённые трактиры...
Смиренья нет... Нахальство
Везде на первом плане...
Несчастное начальство,
Счастливые крестьяне...
Нет веры, есть сомненья,
И с грустью видят взоры:
Ни на волос терпенья,
А требований – горы!..

1881

Ирина БОГАТЫРЁВА (р. 1982)

15 декабря. 40-летний юбилей отмечает прозаик Ирина Сергеевна Богатырёва (р. 15.12.1982, г. Казань). Выросла и училась в школе в Ульяновске. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (2005). Работала главным редактором журнала молодых писателей Поволжья «Берега». Автор книг прозы «Авто STOP» (2008), «Товарищ Анна» (2011), «Луноликой матери девы» (2012), «Кадын» (2015), «Жити и нежити» (2017), «Формула свободы» (2017), «Ведяна» (2020) и др. Член Союза писателей Москвы (2002). Лауреат литературного конкурса имени С.В. Михалкова (2012, Москва), Международной литературной премии имени И.А. Гончарова (2012, Ульяновск). Живёт в городе Люберцы.

ГОЛУБАЯ ВОЛЧИЦА (отрывок из легенды)

– Мягче, мягче молот роняй, господин, – ворчал кузнец. – Ты будто гвоздь забиваешь, а надо так, словно душу хочешь в клинок вложить.

– То крепче, то мягче! Как понять тебя? – воскликнул Шэно.

– А что и понимать, – дружелюбно продолжал наставлять кузнец. – Меч сковать – что дитя воспитать. Каким захочешь, таким и будет. Ты молод ещё, господин, но мне поверь: не одного воина уже воспитал я, не один и клинок сковал.

И, сжав зубы, продолжал Шэно свою работу.

Никому другому не позволил бы князь поучать себя. Ни от кого не потерпел бы обращения как с младшим. Хоть и был Шэно молод годами, но уже успел почувствовать власть на вкус и ко вкусу этому привыкнуть. Шутка ли, ведь это он привёл сюда пятьсот кибиток разного люда через пустыню, через горы, привёл и нашёл всем место, где жить и трудиться. А пятьсот кибиток, в каждой из которых на своём наречии думают, в каждой своего желают, – это как огромное стадо овец: никто не знает, что упадёт им в глупую голову и что сделают они, случись опасность. Только сильный пастух совладевает с таким стадом. И Шэно знал уже, каково быть таким пастухом, каково держать в повиновении непохожих людей.

Как уходили они с Жёлтой реки, он да горсть сродников, весел бывал юный князь, любил песни и сказания, бешеные скачки любил. Но в кочевьях изменился его дух. Теперь даже те самые сродники, ближайшие друзья, боялись Шэно, когда наливались гневом его глаза и рука готова была карать. Ни от кого не сносил непокорности князь, измены, трусости, лжи не прощал, и все в страхе входили к нему в юрту.

Один старый кузнец не знал этого страха: как сын был ему Шэно. Мог отругать, если дело портил, но и хвалил, когда выходило ладно. Прибавлял он спокойно: «Мягче, господин. Крепче, господин» – чуть не к любому удару Шэно. Но с каждым разом всё смягчался голос кузнеца и улыбка слышалась в наставлениях: упорный, трудолюбивый князь хорошим учеником был.

Но даже кузнец не понимал, насколько сложно даётся Шэно в тот день терпение. Он спешил, князь, хотел сделать как можно больше и как мож-

но быстрее. Словно в скачке, сам себя подгонял. Уже рук не чувял, сердца не чувял – и вздрагивал от любого шума за тонкими стенами плавильни. Вдруг каркнут вороном дозорные – значит, бросать всё и прятать, убирать и молоты, и наковальню, и остывающие и неготовые клинки. Значит, отряд жужани едет, и несдобровать тогда не только Шэно, но и всему его люду, всем пятистам пришлым неприкаянным семьям.

Горько было думать об этом князю! Он, Шэно-Волк, потомок воинов, которых на Жёлтой реке звали в свои дружины все властелины, сменявшиеся в той далёкой долине в смутное время, как на небе облака, этот Шэно теперь князь беглецов и боится кары господина! Разве об этом мечтал он, когда уходил с Жёлтой реки? Разве такую судьбу пророчила ему с детства старая бабка? Нет, за славой, за подвигами, в богатые земли, где стать ему господином над морем народов, положить начало сильнейшему люду бежал с Жёлтой реки молодой князь. «В тебе дух буйный, – говорила бабушка. – Ты над людьми властвовать будешь, твой люд, расплодившись, все земли займёт от Великой степи до тёплых морей». Как сладкие сказки были ему в детстве эти слова. Без отца, без матери воспитала бабка внука воином. И не только меч в руки вложить сумела, но и мечту в сердце зажгла. Без дальних кочевий, без героической судьбы не мыслил себя князь. И лишь выдалась возможность, начали биться цари в долине Жёлтой реки, бежал он от своих господ, чтобы самому царём, великим господином стать.

Не на везение, не на чудо надеялся Шэно, но точно знал, куда надо уходить. Ещё только научился держать меч в руках и пускать стрелы – пешим ли, с коня ли, – уже тогда понял, что без оружия нет воина, а без железа нет оружия. У кого есть железо, у того сила. Издревле привозили железо на Жёлтую реку с Золотых гор – далеко лежала их цепь с белыми, снежными шапками. Как о сказочной, небывало богатой земле слышал Шэно о тех горах: что золото там можно из рек руками черпать, что луга там просторные, где табунам пастись, а леса дикие, где всегда добрая охота. А железо, руды, драгоценные камни – только ударь киркой, забьют из горы, как вода. Туда Шэно и направил свой путь...

Галина БЕНИСЛАВСКАЯ (1897–1926)

16 декабря. 125 лет назад родилась журналист, автор воспоминаний Галина Артуровна Бениславская (16.12.1897, г. С.-Петербург – 03.12.1926, г. Москва). Познакомилась с С.А. Есениным, была его другом и литературным секретарём. Сотрудничала с редакцией газеты «Беднота» (1923–1926). Летом 1923 года плывала на пароходе из Москвы по Оке и Волге от Нижнего Новгорода до Самары; была проездом в Симбирске. С 1918 года вела дневник; оставила воспоминания о С.А. Есенине (1926). Тяжело переживала уход от неё Есенина летом 1925 года; застрелилась через год на могиле поэта на Ваганьковском кладбище. Автор книги «Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину» (издана в 2001, С.-Петербург).

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕСЕНИНЕ (отрывок из книги)

1920 г. Осень. «Суд над имажинистами». Большой зал консерватории. Холодно и нетоплено. Зал молодой, оживлённый. Хохочут, спорят и переругиваются из-за мест (места нумерованные, кто какое займёт). Нас целая компания. Пришли потому, что сам Брюсов председатель. А я и Яна – ещё и голос Шершеневича послушать, очень нам нравился тогда его голос. Уселись в первом ряду. Но так как я опоздала и место, занятое для меня, захватили, добываю где-то стул и смело ставлю спереди слева, перед креслами первого ряда.

Наконец на эстраду выходят. Подсудимые садятся слева группой в пять человек. Шершеневич, Мариенгоф и ещё кто-то.

Почти сразу же чувствую на себе чей-то любопытный, чуть лукавый взгляд. Вот ведь нахал какой, добро бы Шершеневич – у того хоть такая заслуга, как его голос. А этот мальчишка, поэтишка какой-нибудь. С возмущением сажусь вполоборота, говорю Яне: «Вот нахал какой».

Суд начинается. Выступают от разных групп: неоклассики, акмеисты, символисты – им же имя легион. Подсудимые переговариваются, что-то жуют, смеются. (Я на ухо Яне сообщила, что жуют кокаин; я тогда не знала, нюхают его или жуют.) В их группе Шершеневич, Мариенгоф, Грузинов, Есенин и их «защитник» – Фёдор Жиц. Слово предоставляется подсудимым. Кто и что говорил – не помню, даже скучно стало. Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая, нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк, совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув назад голову и стан, начинает читать.

Плюйся, ветер, охапками листьев, –
Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина признаться удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль, – разве можно отделить. Всё это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Думается, это порыв ветра такой с дождём, когда капли не падают на землю, – они не могут и даже не успевают упасть.

Или это упавшие жёлтые осенние листья, которые нетерпеливой рукой треплет ветер, и они не могут остановиться и кружатся в водовороте.

Или это пламенем костра играет ветер и треплет и рвёт его в лохмотья, и беспощадно треплет самые лохмотья.

Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а вот-вот, кажется, сорвётся с корня и понесётся неведомо куда.

Нет. Это Есенин читает «Плюйся, ветер, охапками листьев...». Но это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и всё, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. И в том, кто слушает, невольно просыпается та же стихия, и невольно хочется за ним повторять с той же удалью: «Я такой же, как ты, хулиган».

Потом он читал «Трубит, трубит погибельный рог!...».

Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакивали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочитайте ещё что-нибудь». И через несколько минут, подойдя, уже в меховой шапке с собольей оторочкой, по-ребячески прочитал ещё раз «Плюйся, ветер...».

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня.

Когда Шершеневич сказал, что через полторы недели они устраивают свой вечер, где они будут судить поэзию, я сразу решила, что пойду.

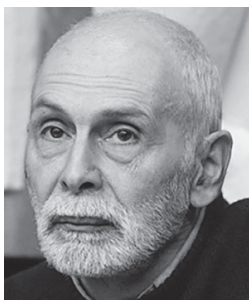
Что случилось, я сама ещё не знала. Было огромное обаяние в его стихийности, в его полубоярском, полухулиганском костюме, в его позе и манере читать, хотелось его слушать, именно слушать ещё и ещё.

А он вернулся на то же место, где сидел, и опять тот же любопытный и внимательный, долгий, так переглядывающийся со знакомыми, взгляд в нашу сторону. Моё негодование уже забыто, только неловко стало, что сижу так на виду, перед первым рядом. Эти полторы недели прошли под гипнозом его стихов...

Николай НЕЛИДОВ (1832–1888)

18 декабря. 190 лет со дня рождения правоведа, писателя Николая Константиновича Нелидова (18.12.1832, с. Старая Майна Симбирской губ., ныне центр Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 09.11.1888, г. Казань). Окончил Симбирскую гимназию, Казанский университет. Преподавал в Пензенской и 1-й Казанской гимназиях, Демидовском лицее в Ярославле, в Казанском университете. Защитил докторскую диссертацию (1874). Автор сочинений «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к древне-германскому государственному устройству» (1868), «Наука о государстве, как предмете высшего университетского образования» (1872), «Система курса общего государственного права» (1874) и др.

Леонид ЮЗЕФОВИЧ (р. 1947)

18 декабря. 75-летний юбилей отмечает историк, писатель, сценарист Леонид Абрамович Юзефович (р. 18.12.1947, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1984). Окончил Пермский университет (1970). Работал учителем истории в средней школе. Автор романов «Самодержец пустыни» (1993), «Триумф Венеры» (1994), «Костюм Арлекина» (2001), «Казароза» (2002), «Журавли и карлики» (2009), «Зимняя дорога» (2015) и др. Лауреат премий «Национальный бестселлер» (2001, 2016), «Большая книга» (2009, 2016). С 16 по 22 сентября 2018 года был почётным гостем XVIII Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Ульяновске; провёл встречи с читателями во Дворце книги.

ДОМ СВИДАНИЙ (отрывок из романа)

Собеседником Ивана Дмитриевича Путилина, недавно вышедшего в отставку легендарного начальника петербургской сыскальной полиции, был второразрядный столичный литератор Сафронов. Лысоватый блондин, вежливый и аккуратный, он пребывал в том возрасте, который только человеку, одной ногой стоящему в могиле, может показаться возрастом ниспровержения основ.

– Но Ева была создана не из глины, как Адам, а из его ребра, – возразил Сафронов. – То есть из материи уже очищенной. Не обязательно быть атеистом, чтобы признавать венцом творения именно женщину.

Иван Дмитриевич улыбнулся:

– Оставим этот спор богословам. Лучше я расскажу вам одну историю.

На столе перед Сафроновым лежала тетрадь, он тут же раскрыл её и приготовился записывать, спросив:

– В каком году это было?

– На что вам?

– Но вы же сами просили, чтобы в книге я разместил все ваши истории не в том порядке, в каком вы их мне рассказываете, а в хронологическом, – ответил Сафронов не без раздражения, поскольку вопрос о датировке того или иного преступления вставал уже не однажды и всякий раз возникала какая-то путаница.

Он приехал к Ивану Дмитриевичу, чтобы по его рассказам и от его имени написать книгу воспоминаний. Сошлись на следующих условиях: герою – две трети будущего гонорара, автору – треть. Поначалу заикнувшись о равных долях, Сафронов сразу же уступил, едва ему было сказано, что в таком случае найдётся перо и подешевле.

Незадолго перед тем выйдя в отставку, Иван Дмитриевич с берегов Невы переселился на берег Волхова. Двумя или тремя годами раньше, потратив все свои сбережения, он купил в Новгородской губернии старый помещичий дом, деревянный, построенный ещё при Аракчееве и с тех пор не ре-

монтированный, зато с верандой и чудесным яблоневым садом. Здесь Иван Дмитриевич доживал последние месяцы, отпущенные ему судьбой. Сафронов прожил с ним три недели.

Нравы в поместье царили спартанские. Гостю постелили простыни с клопыными пятнами, от недоваренной рыбы он страдал резями в желудке, от речной сырости мучился астмой, зато впоследствии ни разу не пожалел, что приехал, хотя эти три недели принёс, как жертву, на алтарь семейного благополучия. Денег не было, и жена заставила поехать. Литератору пришлось с болью в сердце оторваться от работы над собственным романом – аллегорическим повествованием из жизни обитателей кукольного городка, завоёванного сбежавшими от бродячего фокусника чудовищными дрессированными блохами. Этому роману Сафронов отдавал всю душу, впрочем, он так никогда и не был закончен, подобно всем прочим произведениям литератора объёмом свыше двух печатных листов.

Единственным исключением стали мемуары Ивана Дмитриевича. Сафронов рассчитывал, что воспоминания знаменитого сыщика будут пользоваться успехом, и не ошибся. Треть гонорара обернулась немалыми суммами, книжка выдержала несколько изданий, но сам Иван Дмитриевич умер раньше, чем вышло первое из них.

– Так в каком же году это случилось? – повторил Сафронов свой вопрос.

– Точно не скажу, но во времена моей молодости. Мне было примерно столько лет, сколько вам сейчас. Мой сын Ванечка уже умел читать, и у нас жил тогда ручной щегол Фомка. Забавнейшая была тварь...

За две недели Сафронов успел привыкнуть к тому, что, прежде чем начать рассказ о каком-нибудь особенно загадочном и кровавом преступлении, Иван Дмитриевич всегда предавался нежнейшим воспоминаниям о покойнице жене или обожаемом сыне.

– Если я дома что-нибудь писал, Фомка садился

на бумагу и норовил склонуть буковки, выходявшие из-под моего пера. Перо, должно быть, казалось ему клювом какой-то птицы, которая чем-то лакомится с листа. Бедный Фомка тоже хотел пожи-

виться её добычей. Помню, когда его задрала кошка, я впервые, может быть, открылся перед сыном не самой лучшей стороной моего характера... Вам интересно?

Михаил НИКИТИН (1902–1973)

20 декабря. 120 лет назад родился прозаик, очеркист Михаил Александрович Никитин (20.12.1902, г. Мелекес, ныне Димитровград Ульяновской обл. – ? 10.1973, г. Москва). С 1924 года жил в Сибири. Окончил Омский институт сельского хозяйства и лесоводства (1928). Позднее жил и работал в Москве. Был женат на писательнице Н.В. Чертовой. Член Союза писателей СССР. Автор книг «Путь на Север. Очерки Туруханского края» (1929), «Второй гигант. Очерки о Сибири» (1931), «Безрогий носорог» (1933), «Мастера земли» (1935), «Енисейская книга» (1944), «Кузбасские записки» (1953), «Здесь жил Достоевский: повесть из 33 сцен» (1956), «Сибирские повести» (1964) и др. Занимался переработкой сказок.

БЕЗРОГИЙ НОСРОГ (отрывок из книги)

Внезапно он вздрогнул. В простенке между книжными шкапами он увидел поясной портрет якута из Назимовского улуса. Ему показалось, что якут похож на товарища Алыгезова.

Так Алыгезов настиг его. Всё стало ясным. Алыгезов поразительно походил на якута, и это живо напоминало профессору образы якутской ссылки.

– Время надо понять! – пробормотал профессор Крот.

Очень странно! Алыгезов произнёс ту самую фразу, которая была написана на транспаранте, висевшем в его студенческой комнате. Он сам выписал её из какой-то книги. Там она звучала несколько иначе.

– «Время надо чувствовать, – сказано было там, – лодка жизни только тогда идёт вперёд, когда время наполняет её парус попутным ветром».

Ветер времени – он его чувствовал! Ветер был с ним в те ночи и дни, когда он поджидал смерть. Ветер был с ним, когда он шёл в якутскую ссылку.

И после, когда он возвращался из ссылки, чувство времени не оставляло его.

За годы ссылки сверстники его сильно продвинулись вперёд. Они стали довольно известными врачами иль довольно приметными адвокатами. Они стали тем, что тогда называлось «люди с положением». У него не было положения. Он был человеком погубленной карьеры. Его это мало огорчало. Он не завидовал сверстникам. Он знал, что время было не с ними. Мышь беготня их жизни смешила его. Он шёл своим путём. Годы ссылки не были для него потерянными: в Якутии он стал поэтом. Он стал также учёным. Его не смущало пренебрежение, с которым относились к нему поэты. Он знал, что иначе не могло быть, потому что они воспевали изысканность, а он воспевал тайгу и древних пращуров. Его не смущало также недоверие учёных. Они не доверяли ему потому, что он был человеком без положения. Кроме того, он писал стихи и одевался, как лейтенант Глан.

Всё это нисколько его не волновало. Он одинаково смеялся над поэтами и над учёными. Он не ходил к ним и не пускал их к себе. Он жил один. Его лето было посвящено экспедициям. Зимой он замыкался в кабинете. Его время принадлежало сти-

хам и науке. Он презирал собратьев по институту с их никчёмными монографиями о скакунах и жужелицах. Он переносил только общество своих учеников. Он надеялся поднять их до горных вершин одиночества. Так он жил – учёный поэт.

Он жил так до того часа, когда вокруг раздался близкий гул катастрофы. Он ещё не знал, что с ним произошло. Было только известно, что время покинуло его. Как-то раз на вершине горы он видел однобокое дерево. Все ветви этого дерева были обращены в ту сторону, которая была закрыта от суровых ветров. Он был похож на такое дерево. Он слишком долго прозябал в кабинете, защищённый от ветров жизни.

И вот время его покинуло. Оно покинуло его не вчера и не сегодня. Нина не захотела встать с ним рядом, потому что у неё сохранилось чувство времени. Неизвестно ещё, что с ним будет. У него нет ещё двухтомной монографии о скакунах и жужелицах. Но она может появиться. Она может появиться, потому что ветер его покинул – ветер времени.

Он распахнул двери, ведущие в музей. Знакомое зрелище предстало перед ним.

Серебро луны блесло на паркете и на стекле витрин. Птеродактиль разбросал по стене чёрные крылья. Мамонт занёс над паркетом белую ногу. Казалось, это был не музей, а затонувший мир. Луна сомкнулась над ним, как вода океана.

Профессор постоял перед мамонтом.

– Стоишь? – сказал он, похлопывая его по бедру. Мамонт не ответил.

Профессор подошёл к окну. Прямо перед ним встала полуразрушенная стена крепости и лёгкая арка ворот. В просвете арки он увидел луну, изыбшую и круглую. Он увидел также реку, покачивающую колыбели барж. Ночная работа шла. Железные руки лебёдок несли на берег заморские грузы. Быть может, они несли апатиты.

Профессор не знал этого. Ему было холодно. Дыхание его осело на стекло седой дымкой. Он вдруг заметил, что руки его затянuty в перчатки.

Протянув палец, он вывел на седой дымке: «Безрогий носорог».

Сахаб УРАЙСКИЙ (1907–1957)

21 декабря. 115 лет со дня рождения татарского поэта Сахабетдина Камалетдиновича Мавлютова, творческий псевдоним – Сахаб Урайский (21.12.1907, с. Татарское Урайкино, ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 15.02.1957, г. Казань). Рано потерял родителей, с детства батрачил. Окончил Самарский татаро-башкирский педагогический техникум (1930). Работал в Самаре, затем в газете и Татарском книжном издательстве в Казани. Член Союза писателей СССР (1939). Автор стихотворений, поэм, текстов песен. Перевёл на татарский язык стихи М.Ю. Лермонтова, Т.Г. Шевченко, А.Т. Твардовского, М.В. Исаковского, А.Л. Барто и др. На здании школы в Татарском Урайкино установлена мемориальная доска (2007).

Василий ДЕДЮХИН (1907–1983)

22 декабря. 115 лет назад родился прозаик, драматург Василий Аполлонович Дедюхин (22.12.1907, г. Саранул, ныне Удмуртской Республики – 27.02.1983, г. Ульяновск). Окончил Куйбышевский учительский институт (1940). С 1945 года жил в Ульяновске. Член Союза писателей СССР. Работал председателем комитета по радиовещанию. Был ответственным секретарём ульяновского отделения Союза писателей РСФСР (1960–1967). Автор сборников прозы «Глубокий дол» (1946), «Всем сердцем» (1949), «Драгоценный дар» (1957), «Ночная депеша» (1961), «Апрельский ливень» (1965), «На самом краю» (1968), «Краски Прислонихи» (1970); автобиографической повести «Страницы дней листая» (1973) и др.

ЧТО ТАКОЕ ВОЛГА (в сокращении)

Слова несут в своей жизни неодинаковую нагрузку. Иное слово сто лет живи – не услышишь, а другое – на дню сто раз прозвонит. Да всё с разным смыслом, с иным людским восприятием. Каждый говорит его по-своему, видит в слове свою грань, ту, что ему ближе к сердцу.

– Волга! О! Это потрясающе! Сколько в ней мощи, силы, красоты. Идёшь по палубе и задыхаешься от счастья. Тут тебе и солнце, и воздух, и вода. И ветер тебя обдувает, и чайки белым крылом машут, и зелёные берега к себе зовут. А вечером волна в волшебном лунном блеске. Мерцающие бакены, далёкие огоньки. Просто в каюту уходит жалко. А утром встанешь – плывут мимо города обновлённые, сёла зелёные. Пристани. Порты. Причалы. Пароходы, как белые лебеди. На подводных крыльях корабли летучие. И солнце, и блеск, и вода. И аппетит. О-о! Небывалый. Устойчивый. Неистребимый. От Горького до Астрахани и обратно. И можете себе представить, привес семь кило с хвостиком. Вот и сейчас тружусь, доедаю третий за сегодня арбуз. Прикончу – и на палубу: как бы не пропустить интересного.

– Хорошая река. Оборотистая, тягущая, работающая эта наша Волга-матушка. И в отношении к фарватеру опять же вполне приличное положение. Двадцать пять тыщ кубов лесу – пожалуйста. Пятьдесят тыщ – подавай сюды! Потому глыбь, простор. Однако подпортили нашу Волгу энти самые, будь неладны, плотины там, шлюзы разные. Без доброго тягача-буксира никуда не уйдёшь, не двинёшься: ширь, волна, и никакого течения. Без тягача – пиши пропало. А тягачи, ничего не скажешь, пошли вполне стоящие: с виду мурашик, а тянет, что тебе битюжище. Только малый дымок пускает. На цельный город лесу тянет. Попробуй, поволоки столь по другой реке. А вот и обрыбись. Нигде не утянешь, кроме как по Волге-матушке. Тягущая она, безотказная, работающая, не глядя на шлюзы и всё прочее.

Уж это я досконально знаю, полста лет в плотовщинах состою.

– Волга-то? Как же, знаем. Бывали. Приличное местечко, пристойненькое. Закажешь, к примеру, белую головку, закусочку соответственно, и сиди, значит, разрешай вопросы жизни. И подача там вполне на уровне. Официантки приличненькие, с улыбочкой, ходят, каблучками постукивают. И повар... Вот повар не то, чтобы уж очень. Принесут тебе, понимаешь, на тарелке то ли бифштекс, то ли ромштекс, то ли ещё какой-нибудь штекс. Но есть вообще можно. Мясом всё ж таки пахнет. Да ведь и то сказать: под водочку чего не переваришь. При том же пиво. Наставишь на стол бутылок – из-за них дружка-приятеля не видно. И как его кликать: то ли Ваней, то ли Саней – начисто позабудешь. Потому ёрш! А ёрш – штука серьёзная. И все, конечно, вопросы жизни к чёрту перепутаются. И что к чему, уж не разберёшь после холодной водички в вытрезвилке. Словом, с «Волги» начнёшь, волжской же водичкой и закончишь. А так... вообще рестораник ничего, на уровне. По первому разряду...

– Я Волгу чту и уважаю, вполне обоснованно, поскольку на ней родился и произрастал. К поэтам тоже отношусь вполне удовлетворительно, поскольку они насчёт формулировок мастаки. Сказал же один: «О Волга, колыбель моя!» Как вы думаете, что это обозначает? Если вы считаете, что это насчёт родины и тому подобное, то ошибаетесь. Это про нашу гостиницу «Волга» сказано. Зайдите-ка в вестибюль в любой час дня и ночи, и вам всё будет ясно. Ибо сидят там денно и ношно в таких колыбельках... то бишь в креслах, горюны – приезжая братия и носом окуней ловят. Очнутая, потаращат глаза на табличку со словами «Мест нет» и снова в колыбельку.

– О нашей дорогой Волге даже Николай Васильевич Гоголь слово сказал. Не верите? Пожалуйста, вот оно, это слово. «Пацук разинул рот, поглядел на

вареники и ещё сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлёпнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать». А вы подождите возмущаться. Да, правда, это про Пацюка из «Ночи перед Рождеством». Но посмотрите, как бы это здорово подошло к нашей хоккейной «Волге»: ведь ежели бы по ледяному полю не бестолковый мячик летел, а вот эти самые расчудесные вареники? Да разве же тогда вратарь нашей «Волги»

хоть один-разъединный гол пропустил бы в свои ворота?! Да ни в коем случае! Вот то-то и оно.

Всё это, конечно, шутки. Да и почему же не пошутить? Но если без шуток, то ведь для многих миллионов людей слово Волга звучит как слово Родина, Россия! Волга – это шесть могучих гидростанций, дающих свет и силу нам, советским людям. Волга – это героический Волгоград. Это могучий Горький, древний Ярославль, красавец Саратов, богатая Казань. Волга – это Ульяновск, родина великого Вождя. Так воздадим же ей свой почтительный сыновний поклон.

Эдуард УСПЕНСКИЙ (1937–2018)

22 декабря. 85 лет со дня рождения детского писателя, драматурга, сценариста Эдуарда Николаевича Успенского (22.12.1937, г. Егорьевск Московской обл. – 14.08.2018, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1964). Автор детских книг «Крокодил Гена и его друзья» (1966), «Вниз по волшебной реке» (1972), «Дядя Фёдор, пёс и кот» (1974), «Каникулы в Простоквашино» (1983), «Колобок идёт по следу» (1987), «Про Сидорова Вову» (1988) и др. Написал сценарии ко многим мультипликационным фильмам. Не раз посещал Ульяновск, проводил творческие встречи с читателями, в т. ч. в 1990 году. Подарил книгу «Разноцветная семейка» с автографом областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова.

РАЗНОЦВЕТНАЯ СЕМЕЙКА

(отрывок из стихотворения)

Жил осьминог со своей осьминожкой,
И было у них осьминожков немножко.

Все они были разного цвета:
Первый – зелёный, второй – фиолетовый,
Третий – как зебра, весь полосатый,
Чёрные оба – четвёртый и пятый,
Шестой – тёмно-синий от носа до ножек,
Жёлтый-прежёлтый – седьмой осьминожек,
Восьмой – словно спелая ягода, красный...
Словом, не дети, а тюбики с краской.

Была у детишек плохая черта:
Они как хотели меняли цвета.
Синий в минуту мог стать золотистым,
Жёлтый – коричневым или пятнистым!
Ну, а двойняшки, четвёртый и пятый,
Всё норовили стать полосатыми,
Быть моряками мечтали двойняшки –
А кто же видал моряка без тельняшки?

Вымоет мама зелёного сына,
Смотрит – а он не зелёный, а синий,
Синего мама ещё не купала.
И начинается дело сначала.
Час его трут о стиральную доску,
А он уже стал светло-серым в полоску.

Нет, он купаться нисколько не хочет,
Просто он голову маме морочит.
Папа с детьми обращается проще:
Сложит в авоську и в ванне полощет.
С каждым возиться – не много ли чести?
Он за минуту их вымоет вместе.

Но однажды камбала
Маму в гости позвала,
Чтобы с ней на глубине
Поболтать наедине.

Мама рано поднялась,
Мама быстро собралась,
А папа за детишками
Остался наблюдать –
Их надо было разбудить,
Одеть, умыть, и накормить,
И вывести гулять.

Только мама за порог –
Малыши с кроватей скок,
Стулья хватать, подушки хватать –
И давай воевать!

Долго сонный осьминог
Ничего понять не мог.
Жёлтый сын сидит в графине,
По буфету скачет синий,
А зелёный на люстре качается.
Ничего себе день начинается!..

Алексей КОЛОСОВ (1897–1956)

23 декабря. 125 лет назад родился прозаик, журналист Алексей Иванович Колосов (23.12.1897, г. Ардатов Симбирской губ., ныне Мордовии – 18.12.1956, г. Москва). В 1917–1919 гг. работал в Сызрани, не раз бывал в Симбирске. Председатель исполкома Сызранского уездного Совета Симбирской губ. (1919). В 1928–1956 гг. специальный корреспондент газеты «Правда». Друг писателя А.А. Фадеева. Участник 1-го съезда советских писателей (1934). Автор книг «Идут легионы» (1927), «Обновлённая степь» (1949), «Былое и настоящее» (1950), «Новое поле» (1951), «Девочка из Полесья» (1959), «На родных просторах» (1967) и др. Его имя носит ежегодная премия самарской организации Союза журналистов России.

Николай СТОЛОВ (1892–1941)

25 декабря. 130 лет со дня рождения библиографа, литературоведа Николая Николаевича Столова (25.12.1892, г. Симбирск – 26.09.1941, пос. Дарница, в черте г. Киева). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1911), Казанский университет (1918). В 1924–1926 гг. работал во Дворце книги им. В. И. Ленина в Ульяновске. Публиковал литературоведческие статьи в газете «Пролетарский путь». В 1927 году в сборнике «Наш город» издал исследование «Литературный Ульяновск». С 1934 года работал в Москве. Автор пособий «О Пушкине», «Галерея великих писателей» и др. Награждён бронзовой Пушкинской медалью (1937). Остался неизданным «Словарь писателей и учёных Симбирской губернии».

Андрей БЕЗДЕНЕЖНЫХ (1967–2007)

27 декабря. 55 лет назад родился журналист, писатель Андрей Викторович Безденежных (27.12.1967, г. Ульяновск – 15.09.2007, там же). Работал дворником, грузчиком, медбратом, рабочим сцены. В 1990-х гг. выпускал самиздатом публицистические рукописные журналы «Подземное» и «Ё». Публиковал рассказы в газете «Град Симбирск». Был заведующим отделом, заместителем редактора «Молодёжной газеты». Издал серию книг «Симбирский контекст». Инициатор молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (1999). Автор книг прозы «Фатализм» (2008), «Этюд в грязно-жёлтых тонах» (2010), «Немного солнца» (2011), «Добрая старая сказка» (2014); сборника стихов «Строка из песни без конца» (2010). Написал сценарии «Тринадцатая школа» и «901 километр» (фильм вышел в 2011 году).

МЕССИЯ (отрывок из рассказа)

...А следующей ночью ко мне пришёл ангел...

– Представляешь, – сказал он, – сколько невинных душ в этом мире страдают от моего невнимания? А я пришёл не к ним, молящим о чуде и заранее благодарным. Я пришёл к тебе, лжецу и дегенерату! Не знаю, как уж так получилось, только в Небесной Книге Перемен написано, что твоё ежедневное лжесвидетельство закончится не геенной огненной, а превращением тебя в Мессию! Но смею огорчить – в Мессию лишнего, бесполезного и бездействующего. Сам понимаешь, все вакансии публичных Мессий заняты ещё с позапрошлого тысячелетия...

В этот момент я хрюкнул, проснулся и понял, что меня разбудило – кто-то отчаянно барабанил в дверь. Я поднялся и открыл. За дверью стояли люди в голубых мундирах...

...Теперь мне хотелось бы сделать небольшое лирическое отступление. Дело в том, что буквально вчера на землю пришёл Мессия. В венке из роз и с дирижёрской палочкой подмышкой он спустился с гор, извинился за свой нескромный вид, показал пару чудес из «самоучителя юного волшебника», собрал учеников и уединился с ними в горах.

Так вот, пришествие Мессии в корне изменило наше существование. Первым делом рясы одели джиджи и телеведущие, за ними – все остальные граждане. Стало модно рядиться в священника, го-

ворить как священник, спать со священниками... Естественно, параллельно все учили Божьи законы и хотели помереть праведниками. Наступила полная Гоморра. Но нашлись и здравомыслящие люди. Они называли себя «Живой Организацией Противников Антихриста» (сокращенно – ЖОПА) и носили строгие голубые мундиры. Вот именно они и явились ко мне в тот памятный день...

...Первым делом меня вежливо скрутили и уткнули лицом в грязный половик. Потом отвели на кухню и попросили напоить кофе. Я не сопротивлялся.

– Такой смиренный человек, как вы – просто сокровище, – наперебой, толкаясь и зажимая рот друг другу, принялись доказывать они. – Мы провели тест среди неподвластной новому Мессии части человечества, у вас – поразительные результаты! Только вы можете быть нашим человеком в стане врага! Тайным агентом среди религиозных фанатиков! Согласны?

Я был согласен. Меня ещё немножко попинали («Не смогли удержаться», – как мне потом объяснили), вынули кляп, затычки из носа и отпустили.

– Завтра в восемь забросим тебя к верующим, – сказали напоследок. Твоя цель – убить Мессию. Вот тебе пакет, вскрыешь его, когда подберешься к Мессии на расстояние плевка в глаз...

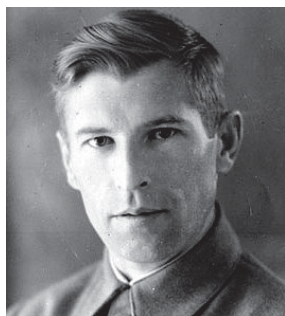
Как истинный тайный агент, первым делом я поселился в предгорьях и принялся формировать агентурную сеть. Я решил бить Мессию его же оружием и выступил с критикой пункта пятого подпункта «А» Всемирной Религии, призывающей агитировать за вступление в ряды этой организации простых смертных (каждому свежеприбывшему – сто рублей подъёмных).

Когда вокруг меня собралось достаточное количество единомышленников, с лозунгом: «Не тронь атеиста! Пусть мучается!», я победил на выборах и вошёл в число Ста приближённых к Тридцати приближённым к Одному приближённым к Трёх Личным Ученикам Мессии. Такая система приближения к Учителю была введена специально для избежания попадания в окружение Мессии атеистических терпистов.

Только сейчас, осознав, что придётся потратить

не один день, пробираясь к телу Мессии, я плюнул на всё и подался в пустыню, подальше от назойливой «Живой Организации», которая непременно решила бы отомстить мне за отступление от задания. Причём, мой поход увлёк за собой толпы учеников, теперь считающих меня великим гуру, отказавшимся от мирского почитания, полагающегося Победившему на выборах. «Он всегда в движении! Учитесь у него!» – говорили они.

В пустыне меня прихватила голодуха, и чтобы не рухнуть, лишившись сознания, на раскалённый песок, я часто бормотал под нос первое, что приходило на ум. Но я мало знал о людском коварстве. Очень скоро я обнаружил, что места, где я бормотал свою галиматью, постоянно оказывались начинёнными микрофонами, каждое моё слово записывалось, а потом тиражировалось на магнитофонных плёнках...

Михаил ГНУТОВ (1912–1998)

30 декабря. 110 лет со дня рождения историка, краеведа Михаила Андреевича Гнутова (30.12.1912, с. Никольское, ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – 21.01.1998, г. Ульяновск). Окончил Куйбышевский пединститут. Участник Великой Отечественной войны. Работал директором Сенгилеевского педучилища, старшим преподавателем в областной партшколе, преподавал в Мелекесском пединституте. Кандидат исторических наук (1951). С 1963 года работал в УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Соавтор, редактор и составитель изданий «Боевой восемнадцатый год...» (1963), «Наш край» (1977), «Край симбирский» (1989), «Ульяновский педагогический институт в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (1995) и др.

Николай ТОЛСТОЙ (1812–1875)

31 декабря. 210 лет назад родился краевед, очеркист Николай Сергеевич Толстой (31.12.1812, ? – 04.11.1875, г. Москва). Троюродный брат писателя Л.Н. Толстого. Родился в семье чиновника С.В. Толстого, служившего в 1819–1823 гг. симбирским вице-губернатором. Детство и юность провёл по месту службы отца в Петербурге, Симбирске, Нижнем Новгороде. Автор книг «Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии» (1852), «Заволжские очерки. Практические взгляды и рассказы графа Толстого» (1857), «Шесть вечеров с разговором плантатора и меланхолика» (1859), «Дворовые в старые годы» (1860). До 1875 года был председателем Макарьевской уездной земской управы.

ЗАВОЛЖСКИЕ ОЧЕРКИ (отрывок из книги)

Теперь расскажу курьёзное происшествие в нашем селении.

Раз один из крестьян наших только что выехал из деревни, в которой живу я, как встретил лося, вероятно раненного и отбитого от табуна. Лось шёл по дороге и, уже встретившись с мужиком, своротил в сторону, по весьма глубокому и жёсткому снегу. Передние ноги были в крови, и видно было, что одна необходимость заставила его идти дорогой. Мужик схватил топор, без которого у нас никто не ездит, и так как встретил животное у самых прясел, то оставив лошадь в воротах, чтоб не дать лосю проскочить в них, забежал навстречу, т. е. с той стороны прясел, откуда сам ехал.

Несмотря на то, что мужик с топором шёл навстречу, лось не повернул назад по следу своему, но продолжал приближаться к пряслам, у которых

наст был так крепок, что сдерживал его на поверхности, и потому, вероятно, лосю не хотелось оставлять выгодной для себя позиции, на которой он не обдирал раненных ног своих. Дошед до прясел, весьма немного превышающих надув (снежный нанос), он перескочил чрез них и встал на дыбы перед самым крестьянином, который с поднятым топором наступал на него. В этом положении лось начал махать передними ногами, как бы страшая мужика стоптать его широкими копытами; и мужик, не будучи охотником, да и физически весьма невзрачный, так струсил, что хоть бы назад бежать, но и того боялся, и потому невольным образом стал вторить каждому взмаху ног лосю, взмахивая и сам топором своим.

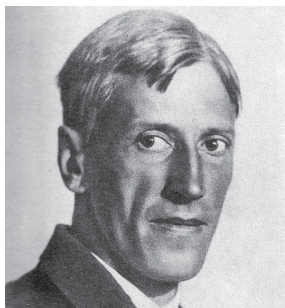
Наконец лось, простояв в этом положении с десяти или более секунд, вдруг повернул назад, на след свой, не опускаясь на передние ноги, но про-

долгая стоять на дыбах, и хотел перемахнуть чрез прясла; но от этого усилия и поворота наст проломился, и лось обрушился всем задом, перекинув переднюю часть тела чрез прясла, весьма высокие. Мужик, который пред этим был почти под самым рылом лоса, подскочил ближе и одним взмахом топора отсёк ему заднюю ногу в самом колене так удачно, что вся нижняя часть её отлетела в сторону. Тут, для верности, мужик вздумал отрубить и другую ногу; но ударив более десяти раз, ничего не сделал, кроме того, что оборвал всю шкуру на мосол и пересёк несколько сухих жил.

Видя однако, что от истечения крови лось начал слабеть и что подойти к переду будет уже не опасно, он подошёл к шее и несколькими ударами топора разрубил горло. Вот как кончился этот странный случай, где огромный лось в 22 пуда, без шкуры и внутренностей, погиб от удачного взмаха топора, попавшего как раз в соединение мослов, по сухожилию, тогда как самый мосол или ножная кость его выдерживает удары топора и не дровосечного!

Опасность же приступить к переду или заду раненного лоса состоит в том, что, лёжа на земле, он может перешибить ударом ноги обе ноги охотника, а передней ногой иногда прошибает на вылет живот и даже грудь подошедшему, несмотря на рёбра.

В начале знакомства своего с Ветлужским краем, тому лет 20, я жил не в лесных деревнях, но в степном побережье Ветлуги, на самом рубеже той вотчины, в которой, по словам одной из статей моих, народ разбросан в роде Юкагир или Бурят, по одной и по две хаты, среди дремучих лесов. Будучи пограничным владельцем этого имения, я часто таскался по лесам и болотам его; и так как лоси ещё в то время посещали край наш, то раз, летом, наткнулся на двукопытный след, поразивший меня своею огромностью. Охотник из крестьян, шедший со мною, тотчас сообщил, что это след лоса, и так как мы были окружены весьма топким болотом, по которому и сами шли с большой осторожностью, чтоб не провалиться в зыбун, то я был убеждён, что лось должен быть где-нибудь на этой небольшой островине, в четверть квадратной версты, почему и хотел разыскивать его; но охотник уверил меня, что зверь этот бежит по такому болоту, по какому и человек не пройдёт, в чём я действительно убедился, когда увидал след его скрывшимся в такой тундре, куда сам идти не решался. Наши охотники толкуют, что этому способствуют огромные, раздвоенные копыта его, которые по надобности он расширяет, разводя половины: но так оно или иначе, объяснить не умею...

Георгий ВЕНУХ (1897–1939)

31 декабря. 125 лет со дня рождения поэта, прозаика Георгия Давыдовича Венуса (31.12.1897, г. С.-Петербург – 08.07.1939, г. Сызрань Куйбышевской, ныне Самарской обл.). Участник Первой мировой и Гражданской войн, служил в армии Деникина. Жил в Берлине, где издал сборник стихов «Полустанок» (1925). В 1926 году вернулся в Ленинград. Автор романов «Война и люди» (1926), «Стальной шлем» (1927), «Зяблики в латах» (1928), «Хмельной верблюд» (1930); сборников рассказов «Самоубийство попугая» (1927), «Папа Пуффель» (1927), «В пути» (1930) и др. Член Союза писателей СССР. Проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово по пути в ссылку в город Куйбышев.

Память Волгу как баржу тянет,
Тянет чёрную ночь за кормой.
О, как много случайных стоянок
С берегов опрокинуто тьмой!

О, как много кустов далёких
Увела в темноту волна!
Знать равняются все притоки
По единым отлогам дна, –

Знать под вёслами – долго, долго
Будут волны мне петь о том,
Как ворочает камни Волга,
Точно рыба – крутым хвостом.

Первый взрыв! – Тяжёлое столетье
По тебе скользнуло. И во мгле
Мне пришлось молчанием ответить
На меня нахлынувшей земле.

Плыл простор, оторванный от поля...
И легла на мёртвую ладонь
Горсть земли. И только поступь боли
Жгла следы, ласкаясь как огонь.

Все пути, бегущие за днями,
Пав сквозь пыль, что билась на валу,
Надо мной, как смерть над волчьей ямой,
Кувыркнули прошлое во мглу.

Но, качнув дыханье пред собою
В пустоту, бегущую от глаз, –
Сам, развеяв годы за судьбою,
Положу я память на фугас.

Руки – чтоб крепче сжимать винтовку,
Глаза – чтоб мушку в прицел опускать,
Дороги – чтоб ветер трепал обновку –
Мою гимнастёрку в плену кушака.

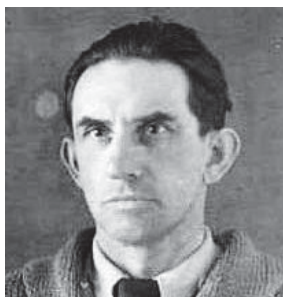
Лихими словами начнут запевалы
Походные песни. Ночные пути –
Распластаны в утро. Следы – как шпалы,
По ним будут новые роты идти.

Но пусть не седеющий чуб командира, –
Пусть ветер в папахе и глаз жоака
Ведут по ухабинам взрытого мира
В пылающий день – авангард полка!

Такая любовь! И такая тяжесть!
Такую тяжесть несу на плечах!
Холодная осень на листья ляжет,
Чтоб смерти коснуться концом луча.

Такая любовь! И такое незнание,
Кого целовать, когда хлещет дождь!
Глухим водоскатом моё признание
К себе направил далёкий вождь.

И бродит, бродит волна за кровью;
И набегаёт на смерть простор.
И в каждом вздохе, и в каждом слове
Ползёт с лучами – вперёд – дозор.

Константин КОРОЛЁВ (1902–1978)

31 декабря. 120 лет назад родился поэт, прозаик, переводчик Константин Николаевич Королёв, творческий псевдоним – Константин Алтайский (31.12.1902, г. Сызрань Симбирской губ., ныне Самарской обл. – 1978, г. Москва). Первые стихи опубликовал в сборнике «Зелёные побеги» (1921, Сызрань). Некоторое время жил в Симбирске. Был знаком с С.А. Есениным. Работал в Вятке и Калуге. Член Союза писателей СССР. В 1938 году был арестован и осуждён на 10 лет лагерей. С 1954 года жил в Москве. Автор книг «Алое таяние» (1925), «Ленин» (1925), «Дети улицы» (1927), «Будёновка» (1928), «Спичстрой» (1931), «Казахстан мой!» (1958), «Матрос Железняк» (1960), «Циолковский рассказывает» (1967) и др.

РАКЕТА (отрывок из рассказа)

Свистели суслики. Ныли мозоли. Был кирпичный чай, и не было сахара. Седой, пепельно-серебряный ковыль расстилался вокруг, и ломило глаза от сверкающего солнца.

Каменные бабы, освистанные ветрами тысячелетий, смотрели на нас с кургана удивлённо и непонимающе. Что могла понять древняя каменная баба в славном походе на Врангеля?

В этот жаркий день в наш отряд явился хлопец лет двенадцати-тринадцати и заявил:

– Как хотите, а я останусь у вас.

У хлопца не было вовсе бровей, зато был маленький вздёрнутый нос и волосы цвета льна с таким странным вихром, словно хлопца лизнула королева шершавым ласковым языком. Мы дали мальчугану краюху хлеба и напоили его чаем без сахара. Обжигаясь чаем и шмыгая носом, хлопец рассказывал:

– Матка умерла, когда маленький был. Не помню матки. Отца белые повесили на воротах, а хату сожгли.

– За что отца порешили?

– Красноармейцам дорогу указал к белому штабу.

За чаем без сахара мы усыновили хлопца. Назвался он Санькой. Фамилию не спросили.

Санька пришёлся ко двору. Он был отменно весел, как зяблик. Весёлость, удаль и беззаботность всегда скрашивают походы. Саньку полюбили.

Мы двигались к Перекопу, не зная, что взятие его будет греметь в веках больше, чем Бородино и Аустерлиц. Командовал фронтом Фрунзе, большевик, выросший в подполье текстильной Шуи. Фрун-

зе был прост и храбр. За храбрость его уважали, за простоту любили.

Ещё были в нём широкий кругозор вождя и большевистская воля. Санька наш, захлебываясь, рассказывал о Фрунзе:

– Идёт это он, навстречу красноармеец. «Куда, – говорит, – товарищ?» Взглянул красноармеец, видит – перед ним Фрунзе. Испугался. Лицо сделалось как всё равно алебастр. «Простите, – говорит, – товарищ Фрунзе. Я больше не буду». – «Чего не будешь-то?» – «С разведки убежать». Красноармейца-то, молодого крестьянского парня, первый раз в разведку послали, он с непривычки и струсил. Фрунзе покачал головой и говорит: «Идём, брат, вместе». Так разведку и провели вдвоём – красноармеец и Фрунзе.

Саньку очень огорчало то обстоятельство, что он Фрунзе не видел ни разу.

– Хоть бы в щёлочку посмотреть на него! – мечтал Санька. – Хоть бы краешком глаза!

Кашевар наш, весельчак и человек с подковыркой, подмигивая, говорил Саньке:

– Тебе Михаила Васильевича Фрунзе не увидишь, как ушей своих. Он только героям показывается.

Санька сопел, как ёж, и отходил от кашевара расстроенный.

Мы неуклонно шли к Перекопу. Свистели в степи суслики. Свистели над степью пули. У одной степной станицы, название которой теперь переименовано, стоял отряд штабс-капитана Уткина. На фоне разлагавшейся врангелевской армии уткинский отряд выделялся своей дисциплинированностью и боеспособностью. Дьявольски хорошо раз-

местил Уткин своих пулемётчиков. Мы изучили работу двух пулемётов на плоской высокой крыше. Они срывали все наши планы. Стоило нам чуть-чуть двинуться вперёд, как с крыши начинался шальный ураганный огонь. Свинцовый ливень извергался на нас.

Мы дважды ходили в атаку и дважды отступали с потерями. Был назначен день третьей атаки. Станица должна была быть нашей.

Разведчик Миша Чечевицын, парень отчаянный и изобретательный, вражеский кабель полевого телефона соединил с нашим.

Мы подслушали невесёлые вести. Вечером с востока в станицу должно было прийти сильное подкрепление. Положение наше было обоюдострым. Идти в атаку днём – значит устать подсту-

пы станицы трупами. Идти в атаку ночью – допустить прибытие подкрепления.

Трудно установить, в чьей светлой башке возник этот чудесный план. Впрочем, это неважно. Важно, что план был принят и положен в основу операции.

С величайшим старанием, высунув язык, склонив курчавую голову набок, наш каллиграф и борзописец Кучко с час пыхтел, подделывая почерк штабс-капитана Уткина. На счастье, у нас была перехвачена маленькая записка Уткина. Под уткинский почерк работал Кучко.

И сработал! Кажется, покажи мы кучковскую записку самому его благородию господину штабс-капитану, крикнул бы Уткин, потрогал бы себя за ус и признал записку своею...

Ольга КРЮКОВА (1817–1885)

205 лет со дня рождения поэтессы, прозаика Ольги Петровны Крюковой (1817, крепость Илецкая Защита, ныне г. Соль-Илецк Оренбургской обл. – 1885, Оренбургская губ., по др. данным, д. Глотовка Саратовской губ.). По некоторым источникам, родилась в Симбирской губернии и умерла в Симбирске. Её воспитанием занималась родственница – небогатая симбирская помещица. Жила также в имении своей родственницы в д. Толстовка Саратовской губ. Автор повестей в стихах «Илецкий казак» (1832), «Донец» (1833); сборника очерков «Старина» (1859); рассказов «Захолустье» (1860), «Ямщик» (1860), «Порча» (1860), «Мститель» (1860), «Служба» (1863); сказки в стихах «Данило Бессчастный» (1876) и др.

ДАНИЛО БЕССЧАСТНЫЙ

(отрывки из сказки)

Гневно царь ему сказал:

– О глупец! Откуда взял

Сказку мне сплести такую?..

Как! Давно ль в земле моей

Для порядочных людей

Нет ни чести, нет ни доли?..

И царём я для того ли,

Чтобы всех поить, кормить,

Всем советами служить

Тунеядцам, негодяям?..

Дельно вам таким лентяям –

В вас ни проку, ни добра!

А на сказки мастера –

Слабость царскую узнали.

Ты таких не из числа ли?..

И мечтает эта тварь,

Что обязан государь

Слушать вздор их откровенный.

Вон отсюда, дерзновенный, –

Так, озлобясь, царь кричал.

И пылали гневом очи.

И бледнее лунной ночи

Юноша пред ним стоял...

– Что, однако ж, за товар?

– Вещь, по чести, дорогая! –

А цена? – Да небольшая:

Я возьму с тебя, мой свет,

Сотню золотых монет.

– Дорогой товар, как видно! –

Преотменный, презавидный!

Вот он, только в трёх словах:

Не убойся, видя страх!

– Ба! откуда Бог несёт? –

Раздался ему навстречу

Резкий голос старика. –

Знаю – за тебя отвечу,

Что идёшь издалека.

Чай носил ковёр?... Ну, знаю,

И с продажей поздравляю.

У меня же, про запас,

Тоже есть товар для вас.

И не дорого – по чести!

Я монет всего за двести

Рад для друга уступить.

А товар какой богатый!

Вот он: сталь дороже злата!

Право, стоит заплатить.

Месяц, месяц бледнолицый!

Что ты смотришь на меня?..

Посвети в её светлице,

Вместо радостного дня;

И скажи ей, месяц ясный,

Что Данило по волнам

Одинок плывёт, Бессчастный...

Валентин КРАСОВСКИЙ (1852–1905)

170 лет со дня рождения историка, краеведа Валентина Эдуардовича Красовского (1852, ? – 09.07.1905, г. Симбирск). Симбирский помещик; работал губернским секретарём, гласным Симбирского уездного земства. С 1896 года действительный член Симбирской губернской учёной архивной комиссии. Сотрудничал с газетой «Симбирские губернские ведомости», был корреспондентом Московского сельхозобщества. Автор трудов «Алатырская старина» (1899), «Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв.» (1900), «Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372–1901» (1901), «Столетие города Сенгиля» (1902), «Прошлое города Карсуна» (1903), «Н.М. Языков. 1803–1903» (1903) и др.

АЛАТЫРСКАЯ СТАРИНА (отрывок из книги)

В 1647 году для защиты Алатырского края от набегов нагайцев, калмык и других кочевников дворянин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово по указу царя Алексея Михайловича основывает город Карсун. А на другой год он проводит укрепленную засечную линию от реки Барыша до реки Волги, на возвышенном берегу которой ставит город Симбирск. Одновременно с построением засечной линии были построены по черте укрепленные городки: Юшанск, Тагай и Уренск. Эта засечная линия постройкою была окончена в 1654 году. Рабочих людей «валового и острожного дела» ежегодно было из Алатыря, Курмыша и других соседних городов от 8825 до 4898 человек.

В 1655 году переведены были в Карсун из Алатырского уезда станичные мурзы «для вестей от приходу воинских людей», причём десятерым из них впоследствии поручено было «быть в Карсуне в дозорщиках». Но меры эти, предпринимаемые московским правительством с целью защиты русских поселений на окраинах, не могли окончательно обезопасить алатырский край от набегов. Ногайцы и калмыки, а с ними и беглые казаки с Дона и Яика, время от времени делали нападения на русские поселения, грабили жителей, угоняли их стада и нередко забирали с собою пленников, которых уводили в Хиву и там продавали в рабство в Индию.

Особенно сильное бедствие постигло Алатырь в 1670 году во время мятежа Стеньки Разина. В то время как Симбирск, осажденный Разиным, выдерживал продолжительную осаду, одна из шаек Разина, предводимая казаком Максимом Осиповым, выдававшим себя за царевича Нечая – Алексея Алексеевича? – разорила Алатырь. Город очищен был от шайки мятежников князем Данилою Барятинским. Поражение под Симбирском Разина, который потерял при этом обаятельную славу непобедимого, имело огромное влияние не только на умиротворение симбирского края, но и на весь ход мятежа. С этого времени мятеж изменил свой первоначальный характер политической смуты, и царским воеводам оставалось только преследовать разбойничьи шайки, повсеместное уничтожение которых продолжалось, впрочем, ещё несколько лет.

Усмирив край, правительство немедленно приступило к исправлению пострадавших городов и к введению всюду гражданского порядка. Широкая полоса земли по карсунско-симбирской чер-

те, вёрст на 20 по обе стороны, и все ближайшие к черте селения были приписаны к ней, а управление чертою сосредоточено в Симбирске. Алатырь после погрома казака Максима Осипова был возобновлён в 1671 году стольником и воеводою Иваном Яковлевичем Еверлаковым, но с этих пор прежнее значение города, как укрепленного оборонительного пункта, всецело переходит к Симбирску. На смену стрельцов переведён был в Симбирск из Смоленска Бутырский выборный полк, а на смену казаков, которые были переведены на Терек в 1708 году, был сформирован в Симбирске из алатырских мурз и служилых татар симбирский конный полк стольника и воеводы Есипова.

По поводу формирования конного полка Есипова алатырский воевода Николай Данилович Сеничев получил из казанской расправной канцелярии указ от 2 января 1708 года следующего содержания: «Как сей великого государя указ ты получишь, и тебе б алатырских мурз и служилых татар для нынешнего скорого случая всех, что есть, и на конях с оружием выслать на службу великого государя в город Симбирск в полк стольника и воеводы Фёдора Есипова, с кем пригоже, тотчас. А которого числа и с кем именно и сколько человек вышлешь, в ведомости писать в Казань в расправную канцелярию имянно». Кроме того, в этом же 1708 году калмыцкий хан Аюка заключил договор с казанским и астраханским губернатором Петром Апраксиным о своём вечном и верном подданстве Российскому Государству со всеми улусами.

В договорных статьях договорились о вечном при Волге кочевании и защищении низовых городов от всех неприятелей и о непрехождении на нагорную сторону и о преследовании нагайцев при нападении их на низовые города. Этим договором и мерами обороны на правой стороне Волги окончательно обеспечивался от внешних нападений алатырский край. Стрельцы, ратные служилые люди и выборные солдаты иноземного строя стали расселяться из военного городского поселения по сёлам, деревням и в большинстве случаев за черту. Это расселение давало больше удобства в обработке полей, да и места за чертою было больше: там начинались степи, почва которых была не тронута; там каждый захватывал столько земли, сколько мог обработать...

Александр ЕЛЕНЕВСКИЙ (1902–1975)

120 лет назад родился мемуарист Александр Петрович Еленевский (1902, ? – 07.01.1975, г. Сан-Франциско, США). Сын офицера; учился в Симбирском кадетском корпусе. Во время Гражданской войны служил в белых войсках Восточного фронта. Окончил Читинское военное училище (1920). Эмигрировал в Китай; с 1925 года находился в Югославии. Служил унтер-офицером в Русском корпусе. После 1945-го года жил в США. Печата л мемуары в журнале «Военная быль» в Париже; до 1967 года был его сотрудником. Публиковался также в журнале «Архивы русской эмиграции». Автор воспоминаний «Лето на Волге (1918 год)», «Военные училища в Сибири (1918–1922)», «Конец Оренбургского-Неплюевского корпуса в 1920 году».

ЛЕТО НА ВОЛГЕ (отрывок из воспоминаний)

На следующее утро, в семь часов, наш отряд выступил из Ягодного догонять красных, которые, как нам сообщили крестьяне, когда мы появились в Хрящевке, только к утру закончили погрузку на пароход и отбыли на другую сторону реки, в село Ново-Девичье. Подними свой отряд полковник сразу после нашей вынужденной разведки, мы могли захватить красных в Хрящевке врасплох и едва ли им удалось так легко переправиться на другую сторону Волги. Но он почему-то этого не сделал, вероятно, у полковника были какие-то другие соображения.

В Хрящевке он нам объявил, что пришло распоряжение нашему отряду спешно двигаться на город Симбирск – выбивать из него красных. Может быть, это и заставило полковника быть осторожным. Он торопился в Симбирск и опасался лишних задержек. А красные и так сами без того спешили скорей убраться на другую сторону реки. Идея попасть в Симбирск всем очень понравилась, а мне особенно. У меня там было множество знакомых барышень, и появиться перед ними в ореоле славы была всегда моя заветная мечта.

Красных на нашей стороне Волги больше не оставалось, и отряд белых, не задерживаясь в Хрящевке, поспешил продвинуться ближе к Симбирску. Ночевали в чувашском селе Берля. Интересно в нём почти ничего не было, только в избе волостного правления висела вывеска с надписью на ней: «Берлинское волостное правление». Она быстро привлекла внимание всего отряда, и около неё было много разговоров – каждому хотелось сказать что-нибудь умное.

После обеда на другой день Ставропольский отряд белых был уже в селе Белый Яр, которое раскинулось по самому берегу Волги. Собственно, не совсем по самому, а по берегу её протоки, и от главного фарватера оно было отделено несколькими сравнительно большими, утопавшими в зелени островами. Весной в половодье эти острова заливало водой, и из Белого Яра на лодке, напрямик через них, вилля между торчащими из воды верхушками деревьев, можно было переехать на другую сторону реки, где у подножия Жигулёвских гор лежал небольшой уездный городок Сенгилей. У его пристаней останавливались все большие пароходы, ходившие в те отрядные дни по Волге. Таких изящных и

комфортабельных речных пароходов мне больше никогда и нигде не приходилось встречать, хотя, проплавав более 14 лет на морских пароходах, заходя в разные порты, мне удалось побывать на многих больших реках.

В Белый Яр раза два в неделю заходил небольшой пароходик, делавший рейс между Симбирском и Самарой, обслуживая по пути все большие сёла. От Симбирска Белый Яр находился всего только в 60 верстах, и в ясную тёмную ночь с Яра (отвесный обрыв, тянувшийся вдоль берега реки) были видны мелькавшие огни города. К одной из сторон села вплотную к нему примыкал сосновый лес, удививший лентою шириною 5-7 вёрст вдоль обрывистого левого берега реки вверх по Волге и заканчивавший своё существование около деревни Часовня, как раз против Симбирска. В примыкавшей к селу части леса находилась дачная местность. Приезжали сюда на лето главным образом из Симбирска, но были дачники и из других городов России. Даже почти каждое лето появлялась жившая где-то на Урале какая-то английская семья. Для меня это место было почти родное. Я часто проводил здесь часть летних каникул, приезжая из корпуса к знакомым, которые каждое лето жили там.

Только подали нам команду: «Разойдись!» – как, стора я от желания встретить кого-нибудь из знакомых, я был уже на дачах. Но там почти никого не было. Жили только три или четыре семьи из Симбирска, по-видимому скрываясь от большевиков. Кругом всё было мрачно и пусто, и мне как-то сделалось грустно. Уныло выглядел чудный сосновый лес, строго разбитый просеками на участки, в котором даже при желании было трудно заблудиться. Из любого места всегда легко было выйти к берегу реки. Бояться было нечего – никто и никогда в нём вас не мог обидеть. Зверей, кроме ежей, которые при встрече с вами старались скорей куда-нибудь улизнуть, больше никаких не водилось. Только в верхушках сосен, радостно порхая, чирикала и пело множество всевозможных птиц.

Так же печально смотрели пустые заброшенные дачи. Нигде не было слышно весёлого смеха и крика детей и молодёжи. Кругом стояла какая-то неприятная тишина...

Сергей ЧИЛИНГАРЯН (р. 1947)

75 лет со дня рождения журналиста, прозаика, публициста Сергея Георгиевича Чилингаряна (р. 1947, г. Шемаха Азербайджанской ССР). Жил в Усть-Лабинске Краснодарского края, на Колыме, в Подмоскowie, Брянске, Сочи. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1986). Член Союза писателей Москвы (1992). Издавал собственную газету «Кустарь» (1993–1995). Приезжал в Ульяновск; жил в мастерской поэта и художника Л.Н. Нецветаева, придумавшего обложку для его сборника, собранного из записных книжек. Автор книг «Власть юридическим» (1991), «Бобка. Повесть о собаке» (2000), «Мой сосед Владимир Путин. Разговор по душам» (2014) и др. Живёт в пос. Пироговский Мытищинского р-на Московской обл.

БОБКА (отрывок из повести)

Никто не отозвался, и Бобка суматошно полаяла ещё и ещё раз, пока Хозяин не прикрикнул с лежанки. В прежние дни этого бы хватило, чтобы замолкнуть, но сейчас в Бобку вселилась отчаянная дерзость. Он помолчал секунду, но ласковый тугой ком всё распирал изнутри, и Бобка залаяла громче, уже нарочно, чтобы Хозяин вспомнил о нём и отпустил гулять.

Опять слышались ворчливая возня и сердитый окрик. Бобка веселее, громче облаял и новый окрик, а от самой оглушительности безудержного лая уже чувствовал удовольствие. Тогда Хозяин, ругаясь, прошёл до Бобки и хотел дать пинка. Но Бобка ловко вертелся на цепи, а Хозяин со сна был медлителен. Он крикнул «На место!», и Бобка по привычке послушания забежал в конуру. Там сразу стало тесно для невероятной резвости. Он хотел выскочить, но Хозяин загородил вход. Взяв Бобку за ошейник, он стал растёгивать его, а Бобка на миг озадачился: почему от Хозяина больше не пахнет водкой? Но, ощутив шеей лёгкую прохладу вольности, всё забыл.

Бежать! А ну, бежать! Вспокоить посёлок! Раздразнить псов на привязи, что он – праздный и спешит на станцию к бродячим приятелям, к новым запахам, а может, и соблазнительным встречам, восторгам! Скорее бежать!

Бобка вырвался из рук Хозяина – тот его придерживал, вставая, и неуклюже целился пнуть на дорогу – и припустил к калитке. От радости забыл о пределе натянутой цепи: ведь, даже будучи отяганный, он всегда неприятно ощущал его шеей, когда прорывался наружу.

За забором Бобка обегал столбики своей территории и суетно окропил их. Через минуту на тихой улочке вдоль озера поднялся перебрёх. Псы ополчились на Бобку за то, что ему повезло: как же, вот, вот-вот-вот, отпустили с цепи...

Особенно ярились те, до которых донесло водочный дух.

Но Бобка уже спешил по извилистой дороге к станции. Завидев трухлявый пенёк, он привычно сократил петлю: побежал тропкой и по камням через ручей. По пути он встретил одинокого пса. Увидел издали – и сразу острое любопытство.

Припустил навстречу, за несколько шагов осадил, принялся: может, давний недруг? Настоятельно подошёл ближе, и они ознакомились как

следует. Да, незнакомый кобель, такой же дворняга-простопсин, как и он сам. Бобка разочаровался: не сука... Скорее на станцию, к знакомым приятелям! Он побежал дальше, но вдруг оглянулся. Запах встречного пса быстро смешался в памяти. Бобка вскинул голову и стал вспоминать: неужели не сука? Нет, кажется, не сука... Но перенюхивать не стал; на станции полно разных псов, не стоит задерживаться.

Вскоре лес, по которому пролегал дорожка, помельчал и отступил. Солнце прогрело Бобкину спину, стало жарче. На станции он пробежался по длинной гравийной площадке, у которой останавливался неторопливый поезд с людьми, глядящими из окошек. К поезду приходили женщины в передниках и белых косынках; они выставляли на столы разную снедь: помидоры, горячую картошку с грибами, но без мяса, огурцы в банках, – их нет-нет да поливали сверху ложкой, будто оживляли. К столам спускались из поезда голые по пояс едущие. Иные же хозяйки, те, что приносили ягоду в ведрах, сами бежали вдоль поезда, раздавая у входов кульки.

Теперь было пусто, жирная бумага в кустах уже обнюхана, да Бобка и не хотел есть. Он прислушался и огляделся: где же постоянные псы? Запахов полно, есть и чужие; всё свежо, но беспорядочно обегано. Бобка зашёл за вокзальное здание, где в тени и зелени низкой оградки иногда отдыхали они, – но и там никого. Бобка пронзительно гавкнул – до того захотелось общения. Побежал между рельсами к сморщенному шлангу, который свисал сверху, под ним скапливалась лужица. Похлебал тёплой воды, потом перебежал на ту сторону станции. Там, на крайнем пути, был товарный поезд. Прошмыгнув по уводящему под ним густому следу, Бобка различил в низинке шевеление высокой травы. Мелькали озабоченные спины. Они! Бобка бросился с невысокой насыпи, и сухие стебли хлестнули его за прыть.

Подбежав, он пуще возбудился, что ощутил всех сразу – разнопёсица; целая свора! Бегло внюхался. Отвечали ему брезгливо, воротя морду и сдержанно рыча. Он сразу и учуял – сука! – всю округу собрал... Были тут все: и чумазый Бич, ночующий при котельной, и Рыжий, вожак-заводила, и Понурый – старый, крупный, но осторожный бродяга, и кобели средних дворняжьих размеров, а поодаль – пролаявшая шавкотня...

Аркадий СТОЛЫПИН (1823–1899)

2 января. 200 лет со дня рождения автора исторических записок Аркадия Дмитриевича Столыпина (02.01.1823, ? – 29.11.1899, г. Москва). Внук симбирского помещика А.Е. Столыпина, отец премьер-министра России П.А. Столыпина, двоюродный дядя М.Ю. Лермонтова. Участвовал в Крымской войне, был наказным атаманом Уральского казачьего войска; генерал-лейтенант. Поддерживал дружеские отношения с Л.Н. Толстым, с которым познакомился в Севастополе. Автор сочинения «История России для народного и солдатского чтения» (1869). Сочинял музыку и увлекался скульптурой. В архиве сохранилась рукопись драмы «София» из жизни помещиков западного края во время мятежа 1863 года (1867).

Ильфак ИБРАГИМОВ (р. 1953)

3 января. 70-летний юбилей отмечает татарский поэт Ильфак Мирзаевич Ибрагимов, псевдоним – Мухаммат Мирза (р. 03.01.1953, с. Чалманарат Актанышского р-на ТАССР). Член Союза писателей РТ (1995). В 2005–2012 гг. был председателем правления Союза писателей Татарстана. Приезжал в Ульяновск 17 октября 2008 года; выступил на церемонии открытия памятника поэту Кул Гали у Центра татарской культуры на проспекте Нариманова. Автор поэтических сборников «Зов кукушки» (1994), «Конь вороной» (1998), «На Млечном Пути» (2003), «Живая вода» (2007), «Сын Адама» (2009), «Звёздное поле» (2019). Заслуженный деятель искусств РТ (2007). Лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая (2011).

ИЗ ЦИКЛА «СЫН АДАМА»

Того, кто гору обойдёт,
в народе мудрым назовут...
Благословен тот сын Адама,
что вопреки всему упрямо
к вершинам горным держит путь...

Дурною будет иль прекрасной
тобой полученная весть,
не забывай же, сын Адама,
и в новостях отрядных самых
всегда предупреждение есть...

Что без костей язык – мы знаем,
бумага стерпит всё до точки...
Таков от века сын Адама:
ни дня без слов, язык ломая,
«ни дня без строчки».

Один дурак на всё село,
на всё село один пьянчуга...
Так было раньше, сын Адама:
чтоб люди извлекли урок,
двоих хватало на округу...

Кто милостыню подаёт...
Кто подаванием живёт...
Таков от века сын Адама:
к иному старость на порог –
он всё небесной манны ждёт...

Перевела с татарского
Алёна Каримова

РУБАИ

Кузнец испытывает в кузнице экстаз –
его мечи и сабли радуют нам глаз.
Попробуй ты ковать вот так же своё слово –
чтоб было твёрдым и сверкало как алмаз!

Ну за что на него ополчилось всё страшное зло,
что на этой планете исхода себе не нашло?
Он от холода, бедный,
в нетопленной хижине мёрзнет...
Но для милой на сердце –
всегда сберегает тепло!

Это счастье твоё,
что с покорностью глупых овец
тебе люди внимают и даже кричат: «Молодец!»
Говорят тебе:
«Он такой – лишь один в целом свете...» –
и тайком про себя добавляют: «...осёл и глупец!»

Нас не смоешь, как пыль с тротуара, дождём.
Здесь земля наша, жизнь наша, родина, дом.
Кто бы нам ни внушал, что милей заграница,
скажем вслед за Тукаем в ответ: «Не уйдём!»

Коня покупая, проворный народ
скорее спешит заглянуть ему в рот –
здоровы ли зубы?.. (А хитрый барышник –
их пастой зубною натёр наперед!)

Чтоб мир пробудить, свою мощь не тая,
петух звонким криком тревожит края.
Но утро июньское будит до света –
не глас петушиный, а трель соловья.

*Перевёл с татарского
Николай Переяслов*

Татьяна МЕЛЬНИК (р. 1968)

3 января. 55 лет отмечает поэтесса Татьяна Петровна Мельник (р. 03.01.1968, г. Ульяновск). Окончила Ульяновский электромеханический техникум (1989). Работала маркировщицей на заводе, художником-оформителем в центре творчества учащихся, дежурной общежития техникума, лаборантом кафедры в университете. С 1999 года заведует объединённым архивом Управления культуры и организации досуга населения администрации Ульяновска. Член Российского союза профессиональных литераторов (1999) и Союза писателей России (2006). Автор поэтических сборников «Я оставляю тебе...» (2001), «Невысказанное...» (2005), «Имя на снегу» (2009), «Ангел тишины» (2014), «Мне приснилась зима» (2021).

СИМБИРСК

Город семи ветров.
Город семи разлук.
Здесь, остывая, кровь
Не согревает рук.

Что занесло сюда
Двух перелётных птиц?
То – приговор суда?
Или каприз ресниц?

Ветра густой порыв
Их разбросает вновь,
В сердце тревогу скрыв:
Это была любовь?

И ненадёжный кров
Нам не дано сберечь.
Город семи ветров.
Город счастливых встреч.

Ищу его, предсказанного, взгляд,
Заглядывая в каждые глаза,
Гадая: малахит или бирюза?
И выбираю... горький шоколад.

На дне двух бездн укрыт сладчайший яд,
Но кто рискнёт нырнуть, достав до дна,
За кубком драгоценного вина,
Чей тонкий привкус – горький шоколад?

И не убранство каменных палат,
Не жемчуга, не благородство вин
Огнём в моей поселятся крови,
Моё безумство – горький шоколад.

Я готова была покинуть
Этот город семи ветров –
Здесь горят на ветру рябины,
Выжигая душу и кровь.

Я готова была покинуть...
Только мне не выжить уже
Без реки, текущей былинно
Не по руслу, а по душе.

Мне не выжить без улиц детства,
Что хранят уют и покой.
Здесь моё прописано сердце
В светлом домике над рекой.

Здесь сердца, разгораясь жарко,
Согревают теплом друзей.
Здесь историю встретишь в парке –
Город это или музей?

Семь ветров, семь потоков жизни
Обручили с тобой кольцом,
Мой Ульяновск, моя отчизна,
Коронованная Венцом.

Марк СОБОЛЬ (1918–1999)

4 января. 105 лет со дня рождения поэта и прозаика Марка Андреевича Соболя (04.01.1918, г. Москва – 28.02.1999, там же). Член Союза писателей СССР (1947). Окончил Высшие литературные курсы (1957). Автор книг стихов и прозы «Короткие ночлеги» (1960), «Песня о двух трубачах» (1967), «Смешное, гневное, печальное...» (1974), «Товарищи волшебники» (1976), «Высокие костры» (1980), «Напоминание» (1983), «От вашего собеседника» (1987) и др. В начале 1967 года приезжал в Ульяновск на поэтические гастроли вместе с поэтами Б.Ш. Окуджавой, Е.Л. Храмовым и А.М. Николаевым; 27 января выступал во Дворце культуры автозавода, 28-го – в читальном зале Дворца книги, 29-го – в Доме офицеров.

ЖИВАЯ ВОДА

На кромке переднего края,
лишь крикнуть успевший: «Вперёд!»,
он знает, что он умирает,
не верит, что насмерть умрёт.

Слабеющий взор ещё ясен,
земля под плечами мягка,
и он умирать не согласен,
покуда плывут облака,

и тоненько тенькает песня –
струною травинка дрожит,
и ворон в своём поднебесье
ещё безучастно кружит...

Не дрогнул солдат от удара –
он просто упал навсегда.
А вдруг у дружка-санитара
во фляге – живая вода?!

Глоток, заживляющий души
до свадеб детей и внучат...
Но в сердце всё глуше и глуше
тупые осколки стучат.

Весь мир неподвижен и выжжен,
и больше не видно ни зги,
и ворон всё ниже и ниже
прицельно сужает круги...

...Про жизнь рассуждая толково,
прикинув свой жребий земной,
я знаю: случится такое
когда-нибудь и со мной.

Но яростный, стреляный, старый,
которому всё – не первой,
дождусь я того санитара
с той самой водою живой.

В атаке, в дороге, в палате,
где б мой ни окончился путь,
на это меня ещё хватит –
из фляги солдатской хлебнуть.

ОСЕНЬ

Вот уже восьмь суток кряду
льётся дождик – реденький, дрянной.
Стариковский шёпот листопада,
бормотанье ветра за спиной.
Я не знаю, есть ли мне спасенье.
Заскучав о солнечном тепле,
я и сам уже чуть-чуть осенний
на чужой, нерадостной земле.
Это ложь, что осень – золотая;
просто долгий серый неуют...
Хорошо пичугам: улетают.
Улетают. Где-то гнёзда вьют.
Вот и мне б, распластывая крылья,
озорное выкрикнув – «вперёд!», –
в беспокойной птичьей эскадрилье
совершать обратный перелёт.
Если даже падать, обессилев,
то под солнцем, зная, что домчал.

Утверждаю: осени в России
не бывает. Я не замечал.

Вася АНИССИ (1893–1975)

6 января. 130 лет назад родилась первая чувашская поэтесса Анисия Васильевна Княгинина, творческий псевдоним – Вася Анисси (06.01.1893, с. Нижние Тимерсяны, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 17.12.1975, г. Димитровград; похоронена в Новой Малыкле). Училась в Симбирской чувашской школе. Работала учителем в Ульяновской и Томской областях; с 1947 года жила в Мелекесе. Автор сборников «Взошла звезда яркая» (1966) и «Мечта сбылась» (1972), поэмы «Парень с Волги», мемуаров «Мой жизненный путь». На доме №2а по улице М. Тореза в Димитровграде, где она жила, установлена мемориальная доска (1982); на фасаде школы в Нижних Тимерсянах – памятная плита с барельефом поэтессы (2012).

ЗЛОЙ ПОП

Боже, зло предотврати,
От попа нас защити!
Чтоб он в школу не ходил,
За вихры не драл, не бил,
Не держал нас взаперти
И до слёз не доводил.

Боже, детям помоги,
От побоев сбереги!
Чтоб злой поп не мучил нас.
А направит к нам шаги –
Пусть споткнётся сорок раз!

КТО ПОМОЖЕТ

Обещали люди много:
Мол, поможем, видит Бог...
Но их помощь не от Бога,
Чуть я с голода не сдох.
Если б не один добряк,
Мне не выжить бы никак.
Он меня не оттолкнул,
Накормил, одел, обул.
Я ж в ответ – ни так ни сак:
Ни обнять, ни рядом сесть...
Ведь добряк – я сам и есть.

В НОВОЙ КВАРТИРЕ

Лучше всех квартиру дали –
Кухня, ванная, балкон...
Нет ни копоти, ни гари,
Чай кипит, бурлит бульон.

Занавески на шнурочках,
Шифоньер прильнул к столу.
На полу ковёр в цветочках,
Телевизор есть в углу.

Вид в жилище образцовый –
Спальня, горница, чулан.
Но уют квартиры новой
Портит бабушкин диван.

Здесь она весь день проводит,
От болезни ослабев.
А сноха кругами ходит,
Свой показывая гнев.

Получить жильё – везуха
Для семьи большой такой.
Но кому нужна старуха
На квартире городской?

Льёт сноха на сковородку
Масло, чтоб испечь блины,
А сама даёт намётку
Деткам, ждущим у стены:

– Я убрать диван готова,
В нём промеж пружин – дыра.
Толку мало красить снова,
Разбирать его пора...

У старушки вера тает,
Настроенье – не ахти:
Вдруг диван и впрямь сломают,
И куда же ей идти?

Есть пока ещё меж нами
Те, кто циникам сродни...
Или думают, что сами
Не состарятся они?

Перевёл с чувашского
Николай Марянин

Дмитрий СМОЛЬНИКОВ (1923–2010)

7 января. 100 лет со дня рождения прозаика Дмитрия Егоровича Смольникова (07.01.1923, Калужская губ. – 2010, г. Димитровград Ульяновской обл.; похоронен в Самаре). Участник Великой Отечественной войны, служил в управлении контрразведки «Смерш». С 1945 года находился на службе в армии, в органах КГБ СССР. Получил профессию юриста и диплом инженера-металлурга. С 1971 года жил в Димитровграде; работал мастером, начальником участка, заместителем директора Димитровградского автоагрегатного завода. Состоял в заводском литературном клубе «Орион». Писал прозу, публиковался в журнале «Черемшан».

Автор сборника рассказов «Колдун» (1997), исторического романа «Бунташный век» (2002).

КОЛДУН (отрывок из рассказа)

Ранним утром Агафья, как всегда, первым делом пошла к корове. В одной руке бадья с пойлом, в другой – подойник. К этому времени корова обычно уже поджидала её и со скрипом двери поворачивала голову в её сторону. Вышла хозяйка во двор, а коровы не видать. Пошла в открытый хлев. Её кормилца лежала и не спешила вставать.

– Ты что, матушка? Подымайся. – И Агафья ласково потрепала её по шее.

Но корова продолжала лежать. Пригляделась к ней хозяйка: глаза у коровы мутные, вид невесёлый и задумчивый, изо рта висит клок пены. Схватила Агафья за сердце, вся закаменела, не может вздохнуть.

– Боже мой, – только и сумела вымолвить.

Придя в себя, долго, как с самым любимым человеком, разговаривала со своей Красулей. А она всё лежит и только жалобно смотрит. Вот уже слышно, как по селу, наигрывая в рожок, идёт пастух. Изредка мычат проходящие мимо коровы. Блеют овцы, разговаривают люди. Не может сообразить Агафья, что ей делать, помощи ждать неоткуда, она давно овдовела, живут вдвоём с дочерью. Вышла на улицу, глянула на проходивших мимо овец, а две из них будто прихрамывают. Пошла к соседям. А там Ефрем с Дарьей о чём-то тревожно судачат. Не сдержалась Агафья, пустила слезу.

– Беда у меня стряслась, Ефрем. Корова не подымается. Задумчивая какая-то и пена изо рта. Ума не приложу. Неужто конец мне пришёл?

– И мы свою не выгнали. Видно, коровья немочь пришла.

– За что же на нас такая напасть?

Но сосед ничего не ответил, только дёрнул плечами да беспомощно развёл руки.

Вечером половина сельских овец вернулась с поля хромоногими, а с десятков ягнят не пришли совсем. У многих захромали свиньи, а поросята даже слегли. Назавтра пастух стадо не собрал совсем. В селе страшный переполох: пришла скотская смерть.

Люди делали всё, что сумели перенять от дедов и отцов, чему научились сами. Мазали коровам языки, губы и копыта дёгтем, кормили лучшим све-

жим кормом. Но ничто не помогало. Коровы с трудом вставали на ноги, ели плохо, сбавляли молоко. Овцы и свиньи обезножили. Особенно страдал молодой.

Встречаясь между собой, бабы узнавали друг у друга, что ещё у кого пало. Судили и о том, откуда пришла такая напасть? Одни были уверены, что занесли её проезжие. Другие упорно отстаивали, что виною тому сами жители села. Некоторые уверяли, будто бы даже видели и саму скотскую смерть.

– Своими глазами видела, – убеждала бабка Ефросинья, – с неделю тому было, в ночи. Темница – хоть глаз коли. Вышла это я во двор по нужде, а она стоит, вся белая, волосёй распущено, глазищи – во! А хайло-то, бабоньки, и не скажешь какое. Корову живьём проглотит.

После таких слов все поверили: в селе появилась скотская смерть. Нужно что-то делать. На одном из очередных сборищ Агафья решительно заявила:

– Убить её надо, бабоньки, пока она всю нашу скотину не перевела. Или хоть бы из села выпроводить. Не то все пропадём.

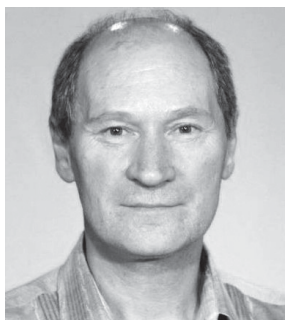
– А как с нею сладишь? – спросила одна молодка.

– Как до нас делали. Тут хитростей немного. Только чтоб всем гуртом, – ответила Агафья и начала посвящать их во все тонкости действия.

Пожилые женщины и без того знали все подробности этого дела, но и им, не говоря о молодых, не мешало послушать всеведущую Агафью. Тут же и порешили: дальше эту заразу терпеть нельзя, надо убить её или хоть изгнать из села. И не мешкая. Договорились обо всём, определили, кто что будет делать.

Вся оставшаяся часть дня прошла в хлопотах, непрерывных встречах, загадочных разговорах. Одна другую предупреждали: вечером огней никому не зажигать, печей не топить. У кого что есть, даже угольки в загнётке или в печи, не говоря о лампадах, всё погасить, а угли залить водой. Мужикам сказать, чтоб с самого вечера по селу не ходили, а сидели по домам. Не то, не ровён час, бабы такого могут прикончить, приняв его за скотскую смерть...

Александр АНДРЮХИН (р. 1958)

8 января. 65-летний юбилей отмечает журналист, поэт и прозаик Александр Николаевич Андрюхин (р. 08.01.1958, г. Куйбышев, ныне Самара). Член Союза писателей России (1989). Окончил Литературный институт имени А.М. Горького (1994). Долгое время жил и работал в Ульяновске. С 1999 года живёт в Москве, работал спецкором газеты «Культура». Автор поэтических сборников «Урок ботаники», «Блуждание в потьмах», «Ветреная гостья», «Ночные огни»; романов «Соло для скрипки с Маргаритой», «Награда королевы Марго», «Искушение Кассандры», «Коготки Галатеи», «Семя титана», «Казнь за разглашение», «Десятый круг ада», «Фея по имени Марта» и др. Пишет песни на свои стихи в жанре городского ромansa.

УМЕР ПОЭТ

Умер поэт неизвестный, непризнанный,
старый, больной, небогатый, неизданный.
Всё ничего... Всё потом... Всё уляжется...
Смерть и поэзия. Как-то не вяжется.

В церкви друзья отстояли повинную,
речь изрекли перед гробом недлинную.
Выпили, крикнули... Тьма глаукомная...
Смерть и поэзия? Что-то знакомое.

Заколотили. Ни капли учтивости.
И в мироздании нет справедливости.
Кончена жизнь без признанья никчемная.
Гроб опустили. Потухла вселенная.

Скатерть постелена, вымыта горница.
Завтра ни строчки, ни буквы не вспомнится,
имя сотрётся без роду и звания.
Смерть и поэзия... Тьма мироздания...

КАПЕЛЬ

Сверкает город лужами,
как маленький Париж.
И капельки жемчужные
летят с дремучих крыш.

Раскрыв ладони дружные,
мальчишки и мужи
избрали по жемчужине –
попробуй, удержи!

Не жди, родная, к ужину!
В крови кипит вино.
Держал я ту жемчужину,
но это так давно.

О, как в ночи простуженной,
закинув в плед кольцо,
всё зубками жемчужными
сверкала мне в лицо.

Всё вздор! С тех пор, остуженный,
не верю в лживый блеск.
Пока летит – жемчужина,
поймаешь – только всплеск.

В ЭТУ НОЧЬ

В эту ночь, что тиха и доверчива,
вышли звёзды над миром мерцать.
В эту ночь и сказать-то мне нечего –
это всё, что хотел я сказать.

В сердце тихо. Полжизни отмотано.
Был бы Крюков, сумел оценить:
«Эта ночь виртуозно сработана...»
Так сработав, уж можно не жить.

В эту ночь просто нужно отважиться,
просто выдернуть сердце из жил:
ведь полжизни прошло, а я, кажется,
не творил-то ещё... и не жил...

Борис Симон, правнучатый племянник И.А. Гончарова. 1956 год. Фотография из фондов ОГБУК «Ульяновский краеведческий музей им. И.А. Гончарова»

Борис СИМОН (1913–1972)

8 января. 110 лет назад родился французский художник, писатель, переводчик Борис Симон, творческий псевдоним – Симон-Гончаров (08.01.1913, коммуна Мальзевиль близ Нанси, Франция – 14.04.1972, г. Сен-Клу близ Парижа, Франция). Праправнук симбирского городского головы А.И. Гончарова, правнучатый племянник писателя И.А. Гончарова. (Правнук его брата Николая Александровича Гончарова.) В детстве, в трудные для России 1914–1921 годы жил с братом Александром (Саша) у бабушки Е.А. Гончаровой. Об этом Елизавета Гончарова рассказала в автобиографической книге «В России: увиденное и пережитое одной русской». (Впервые на русском языке отрывки книги были опубликованы в журнале «Симбирск» №7–2017.) Затем жил в Париже. Дружил с писателем Анри Томасом. Автор книг «Дуэль» (1941), «Цветок вечного блаженства» (1944), «Сеятели соли» (1945), «Звезда волхвов исчезла» (1946), «Безумные ангелы» (1958), «Синий всадник» (1959) и др. Самая известная книга Бориса Симона «Старьевщики из Эммауса» (*Les Chiffonniers d'Emmaus*) была переведена на восемнадцать языков и экранизирована (1955 год, режиссер – Робер Дарен).

В Ульяновск в 1992 году приезжала его дочь Изабель Симон. В одном из интервью она сказала: «Возвращая нам нашу семью, наших живых русских братьев и сестер, вы возвращаете нам нашу жизнь, наше осознание самих себя и своей семьи, наше генетическое наследство, которое мы потеряли. Наше сердце билось по-русски, не зная куда деться. Мы давно любили вас – вы не знали об этом. Вы давно искали нас – мы не знали об этом. Но никогда больше мы не будем чувствовать себя странниками. Мы теперь не одиноки».

Внук Бориса Симона – известный французский модельер Кристоф Лемэр. (см. публикацию о нем: И. Смирнова. Кристоф Лемэр – законодатель французской моды с симбирскими корнями. // Симбирск №7–2017).

Алексей ТОЛСТОЙ (1883–1945)

10 января. 140 лет назад родился прозаик, драматург Алексей Николаевич Толстой (10.01.1883, г. Николаевск, ныне Пугачёв Саратовской обл. – 23.02.1945, г. Москва). Внук симбирского помещика Л.Б. Тургенева. С будущей женой познакомился в с. Бригадировка (1900), свадьба состоялась в с. Тургенево (1902), приезжал к своему деду в с. Архангельское (1910), гостил в с. Войкино (1911); посещал Симбирск, Кочетовку, Карцовку, Криуши, Старую и Новую Ерыклу. Член Союза писателей СССР (1934). Автор романов «Аэлита» (1923), «Гиперболоид инженера Гарина» (1927), «Пётр I» (1945); трилогии «Хождение по мукам» (1922, 1928, 1941) и др. Его имя присвоено Новомайнской библиотеке Мелекесского р-на (2015).

КОТ

Глядя голову мою,
Говорила мать:
«Должен ты сестру свою,
Мальчик, отыскать.
На груди у ней коралл,
Красный и сухой;
Чёрный кот её украл
Осенью глухой».
Мать в окно глядит; слеза
Падает; молчим;
С поля тянутся воза,
И доносит дым...

Ходит, ходит чёрный кот
Ночью у ворот.
Многие прошли года,
Но светлы мечты;
Выплывают города,
Солнцем залиты.
Помню тихий сон аллеи,
В час, как дремлет Лель.
Шум кареты и коней,
И рука не мне ль
Белый бросила цветок?
(Он теперь истлел...)

Долго розовый песок
Вдалеке хрустел.
В узких улицах тону,
Где уныла глушь;
Кто измерил глубину
Сиротливых душ!
Встречи, словно звоны струй,
Полнят мой фиал;
Но не сестрин поцелуй
Я всегда встречал.
Где же ты, моя сестра?
Сдержан ли обет?
Знаю, знаю – дать пора
В сумерки ответ.
За окном мой сад затих,
Долог скрип ворот...
А у ног уснул моих
Старый чёрный кот.

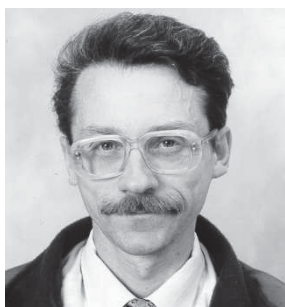
МОСКВА

Наползают медные тучи,
А из них вороны грают.
Отворяются в стене ворота.
Выезжают злые опричники,
И за рекой трубы играют...
Взмесят кони и ростопель
Кровь с песком горячим.
Вот и мне, вольному соколу,
Срубят голову саблей
Злые опричники.

Архиепископ ИОАНН (1858–1918)

10 января. 165 лет со дня рождения духовного писателя, архиепископа Иоанна, в миру – Фёдора Ивановича Смирнова (10.01.1858, с. Полое, ныне Ардатовского р-на Республики Мордовия – 29.12.1918, г. Иркутск). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1880). Преподавал в Харьковской, Самарской и Вятской духовных семинариях. Был викарием Иркутской епархии, епископом Забайкальским и Нерчинским. Автор сочинений «Вопрос о протестантстве в воззрении Хомякова» (1884), «Христианское государство и современная смута» (1908), «Предсказания о нашем и последующем времени» (1910), «Впечатления из поездки в Китай» (1912), «Из военной и мирной жизни» (1915), «Завет преемнику» (1916) и др.

Валентин БАЖАНОВ (р. 1953)

10 января. 70-летний юбилей отмечает философ Валентин Александрович Бажанов (р. 10.01.1953, г. Казань). Окончил Казанский университет (1975), аспирантуру кафедры философии. Доктор философских наук (1989). С 1993 года живёт и преподаёт в Ульяновске; заведующий кафедрой философии УлГУ. Заслуженный деятель науки РФ (2004). Автор 8 монографий и 430 научных публикаций: «Николай Александрович Васильев. 1880–1940» (1989), «Наука как самопознающая система» (1991), «Очерки социальной истории логики в России» (2002), «Как же всё-таки обустроить Россию?» (2004), «История логики в России и СССР» (2008), «Инновационный потенциал науки» (2013), «Мозг – культура – социум» (2019) и др.

Елена БЕСПАЛОВА (р. 1963)

11 января. 60-летний юбилей отмечает краевед, литературовед Елена Константиновна Беспалова (р. 11.01.1963, г. Ульяновск). Окончила УлГПИ имени И.Н. Ульянова (1984). Работала в Литературном музее «Дом Языковых». С 2006 года заведует отделом музея-заповедника «Родина В.И. Ленина». Автор и соавтор изданий «Симбиряне в жизни и творчестве А.С. Пушкина: хроника» (2001), «Симбирский род Тургеневых» (2011), «Прогулки по Московской» (2013), «Памятник Н.М. Карамзину в Симбирске» (2016), «Вольные каменички Симбирской губернии» (2017) и др. Лауреат премии им. А.А. Любищева (2001), премии им. С.Л. Сытина (2014); обладатель Гран-при премии «Шапка Мономаха» (2017).

Анна ПЕЧЕРСКАЯ (1958–2021)

11 января. 65 лет назад родилась детская писательница Анна Николаевна Печерская (11.01.1958, г. Иркутск – 30.03.2021, г. Москва). Окончила филологический факультет МГУ (1982). Работала в издательствах «Детская литература» и «Дрофа»; с 2014 года руководила Центром дошкольного образования издательства «Русское слово». Принимала участие в работе всероссийского форума «Люди и книги» в Ульяновске 30 сентября и 1 октября 2013 года; провела встречи в Центральной библиотеке им. И.А. Гончарова и в Детской библиотеке №27 им. С.В. Михалкова. Автор книг для детей «Наша Победа» (2015), «Моя семья» (2016), «Во дворе и на крылечке» (2017), «Мой детский сад» (2019), «Лесные сказки» (2020) и др.

ЮНЫЕ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ (отрывок из книги)

В Новгородской области, в маленькой деревушке Лукино, что раскинулась на высоком берегу реки Полы, впадающей в озеро Ильмень, жил весёлый паренёк. Звали его Лёнька Голиков. Хоть ростом он был и невысок, но крепок и вынослив. Никто из мальчишек с ним в ловкости сравниться не мог. Дальше всех прыгал, быстрее всех бегал – не догнать Лёньку! Реку Полу, быструю и порожистую, легко переплывал.

Лёнька рос настоящим помощником. Как же иначе? Вместе с отцом перегонял он по реке большие тяжёлые плоты, связанные из брёвен. И дома по хозяйству дел невпроворот! Мать, Екатерина Алексеевна, целый день на работе, в колхозе. Вот и носил Лёнька воду из колодца, дома прибирал да ухаживал за скотиной – коровой и овцами, возился с сестрёнками. Играл с неугомонными девочками, сказки им рассказывал. Сколько он их от матери услышал! Мастерница она была сказки рассказывать, а Лёнька всё запоминал.

А ещё на все руки мастер был Лёнька! Мог он и крышу прохудившуюся залатать, и окно покосившееся выправить. И дыру в заборе заколотить было для него пара пустяков. Всё успевал! И учился к тому же хорошо, занятия в школе старался не пропускать. Хоть и далеко она – в соседнем селе, – да не беда. Несколько километров пробежать разве трудно для Лёньки?

Однажды в семье Голиковых случилась беда. Отец, перегоняя плоты, провалился в холодную воду, простудился и тяжело заболел. Пролежав много месяцев в постели, он больше не смог работать.

– Плох я стал, болезнь совсем замучила, – сказал как-то отец Лёньке. – Придётся тебе, сынок, отправляться на работу.

Отец устроил паренька учеником на подъёмный кран, грузивший на речные баржи дрова и брёвна. Нелегко было Лёньке, но семье помогать же надо!

Недолго проработал Лёнька.

Стоял тёплый, солнечный воскресный день. Лето, каникулы. Только гулять да отдыхать!

Лёнька с ребятами отправился на речку купать-

ся. Эх, здорово! Речка прохладная, быстрая. Так и несёт по течению. Плещутся ребята, ныряют.

Проезжавший мимо шофёр окликнул мальчишек:

– Эй, ребята! Купаетесь? Не слышали разве про войну?

– Какую войну?

– Война началась. Фашисты на нас напали. Гитлер города наши бомбит! Без предупреждения и объявления.

Солнце в небе померкло. Вода в реке остановилась. Небо тучами заволочло. Война!.. Страшная весть быстро разнеслась по деревне. Женщины плакали, у мужчин были мрачные лица.

Скоро в деревне остались одни старики, женщины и дети. Все, кто мог воевать, ушли на фронт. Тяжело пришлось мальчишкам. Заменя взрослых, они все дни проводили в поле, убирали хлеб, возили снопы. Тут уж не до игр. Мальчишки трудились без устали и всё время разговаривали о войне. Они не верили, что фашисты могут прийти в их родные места. Озеро Ильмень, река Пола – так далеки они от Германии! Ребята надеялись, что наши войска скоро разобьют Гитлера и отцы и братья вернутся домой.

Закончилось лето, наступила осень. Фашистские войска всё ближе и ближе подходили к деревне Лукино. Наши отступали. Жители деревни не знали, как им быть, и решили уйти в глухой лес. Уж там фашисты вряд ли их отыщут.

В лесу Лёньке с отцом пришлось строить шалаши и землянки. Ведь надо же где-то жить, тем более зима уже не за горами.

Однажды Лёнька решил наведаться в деревню, узнать, что там и как.

Лёнька добрался до речки и издали услышал звуки выстрелов. Стреляли совсем рядом с деревней. По извилистой тропинке он поднялся от берега прямо к своему дому. Стараясь сильно не высовываться, Лёнька осторожно выглянул из-за угла. Деревня стояла пустая – ни души не видно. Стрельба тем временем то затихала, то начиналась вновь.

Вдруг на дороге появились солдаты. Паренёк сразу увидел, что солдаты не наши...

Василий АНДРЕЕВ-БУРЛАК (1843–1888)

13 января. 180 лет со дня рождения актёра и прозаика Василия Николаевича Андреева, театральный псевдоним – Андреев-Бурлак (13.01.1843, г. Симбирск – 22.05.1888, г. Казань). Раннее детство провёл в с. Топорнино (ныне Николаевского р-на Ульяновской обл.). Окончил Симбирскую гимназию (1862). С 1863 года служил на Волге помощником капитана, затем капитаном на пароходе «Бурлак». Дебютировал в театре Симбирска (1867). Основал в Москве с М.И. Писаревым частный драматический театр (1879) и «Первое товарищество русских драматических актёров» (1882); гастролировал по городам Поволжья. Повести и рассказы издал в книге «На Волге» (1881). Оставил воспоминания об А.Н. Островском.

ЗА ОТЦА (отрывок из очерка)

Бурная осенняя ночь царила над Финским заливом. Разъярённые волны бешено обрушивались на свеаборгские скалы и в бессилии, с диким воплем разбивались об их гранитные твердыни. Холодный ветер шумно проносился вдоль высоких стен крепости, визжал в амбразурах, тоскливо завывал в зубчатых бойницах башен и, победоносно вырвавшись на свободу, снова летел в тёмную морскую даль, шаловливо срывая седые гребни волн.

Вот из-за угла бастиона блеснул огонь. Группа людей, тускло освещённая фонарём, медленно движется вдоль стен крепости. Слышно бряцание оружия. Это патруль разводит по местам часовых.

– Не зевай! – внушительно говорит ефрейтор, ставя молодого солдатику на часы.

Люди удалились.

В первый раз в жизни пришлось солдатику быть так близко к бушующему морю. Только два дня, как полк его пришёл из России в Финляндию.

«Вот оно море-то, ревет где-то тут, пониже, совсем вплоть... – До него даже долетают солёные брызги волн. – А не видно... Эти не видать...»

Дождь с ветром так и хлещет в глаза.

Жутко солдатику.

Ему, уроженцу внутренних губерний, и во сне не снились такие страсти. Уж какие тёмные осенние ночи приходилось ему проводить в поле, в лесу, на реке – не робел, а тут боязно.

«И что такое?... Вон у нас и волк есть, и медведь ходит, а ты спишь себе, и горюшка мало, а здесь... Ах, ветер-от какой! – кричит солдатик, заходя за бастион. – Тут потише, не так берёт». – И, плотно запахнувши свой форменный тулуп, он присел на камень.

А буря всё ревет да ревет. После полуночи она сделалась ещё злее.

«Ну, непогодь!.. Ефрейтор сказывал: «Не зевай!..» Чего не зевать-то? – думает солдатик. – Нешто в такую непогодь кто побегит?.. Прямо на гибель... Да и куда убежишь, когда кругом вода?.. А отец? – вдруг мелькнуло у него в голове. – Как же отец-то бежал?.. Да, я помню, как старик высокий, седой сказывал: «В бочках, говорит, плыли по морю два дня...» Да, помню, пришёл он ночью, в чулане сидел, на колени взял меня к себе... Целует, а сам плачет... Мать тоже плакала... Жалко его мне было.

Он тут же ночью опять ушёл. Мать говорила: «Отец это!» Ещё наказывала, чтоб никому не говорить, что он был у нас в избе. Долго тогда не спали. Мать с тёткой всё молились... Что-то матушка, жива ли... Хилую её оставил... Приведёт ли Бог свидеться?..»

И старуха-мать как живая встала в его воображении.

«Вон она идёт к обедне, маленькая, сгорбленная, на палочку опирается. Белый платочек в руке. Кланяется кому-то... Да ведь это Глаша! Она, она!.. Здоровая, румяная, одета по-праздничному и лента в косе. А коса-то, коса-то!.. По весне в хоровод выйдет – загляденье... Хорошо у нас весной! Волга разольётся широко-широко. Сядешь с Глашей в лодочку и уедешь далеко, за остров. А на острове-то – свежесть, тихо! Ровно одни мы на свете остались: и жить бы, и умереть так. И смерть не страшна. Одна-ва вёз я её из Покровского, какая буря была! Пароходы – и то встали. Волга осерчала – во как! Кажись, один ни за что бы не поехал, а с ней – любо... Налетит беляк то, налетит – кажись, вот смерть-то, а она смеётся. Всё село сбегалось глядеть на нас. Как ругали! Матушка чуть ума не решилась... «Отчаянные, в эдаку непогодь, в душегубке!.. Потонешь, на кого меня старуху покинешь? Один ведь...» А сестра? – Да ведь её увёз кто-то... Да, да, помню, мать говорила тётке: «Не смог, не стерпел он, отец-от – одна у нас дочка-то была... Взяли силком, опозорили... Ну, не стерпел отец-от. Пошёл... убил... На месте топором положил... за детище...» И глаза старушки гневно заблистали».

Он помнит, как заблистали они. Он лежал тогда на печи и всё слышал... Он ясно помнит, как при тусклом свете лучины заблистали глаза матери. И слова её все помнит.

– Слу-у-шай! – откуда-то принёс ветер.

– Слышу, матушка, всё слышу! – забывшись, бормочет солдатик. Но он не спит. Он только так закрыл глаза, потому пригрелся; он знает, что всё это так... чудится, а взаправду-то он стоит на часах. Ему велено караулить, чтоб арестанты не ушли. В особенности вон тот высокий, седой... Это он, кажись, у нас в избе-то был, ещё барина за дочь топором убил. Он, он – отец это, да. Его караулить надо, а то уйдёт...

Фатхи БУРНАШ (1898–1942)

13 января. 125 лет назад родился татарский поэт, драматург Фатхелислам Закирович Бурнашев, псевдоним – Фатхи Бурнаш (13.01.1898, д. Полевые Бикиши Симбирской губ., ныне Батыревского р-на Чувашии – 01.08.1942, г. Куйбышев, ныне Самара). В 1917 году призван на военную службу в Симбирск, но вскоре как учитель был демобилизован. По некоторым сведениям, был редактором газеты «Кюн» («День») в Симбирске (1918). Автор пьес «Судьба» (1914), «Бродяга» (1915), «Безумная девушка» (1916); трагедии «Тахир и Зухра» (1917); комедий «Молодые сердца» (1917), «Старик Камали» (1925); драмы «Тан» (1932) и др. Обвинён в национализме, расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Марк ЛИСЯНСКИЙ (1913–1993)

13 января. 110 лет со дня рождения поэта Марка Самойловича Лисянского (13.01.1913, г. Одесса Херсонской губ. – 30.08.1993, г. Москва). Окончил Московский институт журналистики (1934). Член Союза писателей СССР (1945). Автор более 30 сборников стихов, в т. ч. о В.И. Ленине – «Всегда с нами» (1955), «Стихи о Ленине» (1965), «Навсегда» (1970). В июле 1952 года провёл в Ульяновске вечер поэзии, участвовал в собрании писательской организации. Написал стихотворение «Памятник в Ульяновске» (1953). В апреле 1969 года во время командировки написал здесь слова песни для певца Юрия Гуляева. Посетил Ульяновскую область также в сентябре 1974 года; встретился с читателями в Димитровграде.

Я себя не мыслю без России,
Без её берёз и тополей,
Без её невыплаканной сини,
Без её заснеженных полей.

Без её работника и бога –
Человека с опытом Левши,
Без её Есенина и Блока,
Без её пророческой души.

Я себя не мыслю без России,
Без родной земли, где всё моё,
Где легла мне на сердце впервые
Песня колыбельная её.

Без её легенд и сказок вещих,
Горных ветров, горьких как полынь.
Без её преображённых женщин
Из неизвестных Золушек в богинь.

Без её железных комиссаров,
Падающих с песней на устах,
Без её космических Икаров
На своих немыслимых постах.

Без её неизмеримой силы,
Без её распахнутых морей...
Я себя не мыслю без России,
Без её любви и без моей!

Космонавт приходит к Ильичу,
Перед стартом хочет с ним проститься
И в ответ на «Завтра я лечу»
Услыхать «Счастливо возвратиться».
Входит он в кремлёвский кабинет.
Два окна. Рабочий стол. Конторка.
Свечи – если вдруг погаснет свет.
Книжные шкафы. И книжки – горкой.
Печь белеет кафелем в углу,
Карта в узкой рамке возле печи.
Шаг. Второй. Подходит он к столу –
И встаёт Ильич ему навстречу.
Показались лишними слова.
Улыбается Ильич знакомо...
Завтра будет далеко Москва,
Будет шар земной родимым домом.
Космонавт приходит к Ильичу
Без официального доклада.
Он молчит. Я тоже помолчу.
Всё понятно. Значит, слов не надо.

А как нам добрые слова нужны!
Не раз мы в этом убедились сами,
А может не слова – дела важны?
Дела – делами, а слова – словами.
Они живут у каждого из нас,
На дне души до времени хранимы,
Чтоб их произнести в тот самый час,
Когда они другим необходимы.

Елизавета ДАНИЛОВА (р. 1978)

15 января. 45-летний юбилей отмечает поэт, литературный критик Елизавета Сергеевна Данилова, литературный псевдоним – Елизавета Мартынова (р. 15.01.1978, г. Саратов). Окончила Саратовский университет. Кандидат филологических наук. С 2008 года – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Член Союза писателей России (2016). Автор поэтических сборников «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017) и др. Лауреат премий им. Ю.П. Кузнецова (2008) и им. Н.Н. Благова (2017). Выступала на поэтических встречах в Ульяновске 2 февраля 2018 г., 17–18 июня 2018 г., 19–20 июня 2021 г. Живёт в Саратове.

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеваой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.
А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на венок.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

Чьи это гены во мне говорят,
Властно зовут по России скитаться,
В дикую степь, в гулевой листопад,
Хоть мне давно уже не восемнадцать?

То ли в кибитке, а то ли пешком,
С поездом шумным, с надеждой тревожной
Всё же покину постылый мне дом,
Так что вернуться назад невозможно.

Да и к чему? Ведь земля широка,
Каждая ночь может стать роковой,
И разливается в небе река
Птиц, улетающих над тишиною.

Мы-то не птицы, да песня долга,
Стелется степью да вяжется шалью.
Звуки раскатятся, как жемчуга,
Вырастут звёзды на месте печали.

В чёрную полночь за рыжим костром
Тень танцевальная движется следом,
И осыпается ржавым холстом
Воздух дороги, ведом и неведом.

Прозрачная тень стрекозы
Мелькает на пыльной дороге,
Как будто остаток тревоги,
Как будто мерцанье слезы.

А вот и сама она здесь,
Как синий худой вертолётчик,
Как чудо – почти что без плоти,
Из солнца и воздуха смесь.

Летит в полушаге от нас,
Дразня, обгоняя, взмывая
Над зеленью поля без края,
Пока горизонт не погас.

Попробуй её догони!
Но мы не пытаемся даже,
Мы свету и тени не стражи
В прозрачные летние дни.

Хизгил АВШАЛУМОВ (1913–2001)

16 января. 110 лет назад родился татский прозаик, поэт Хизгил Давидович Авшалумов (16.01.1913, с. Ньюджи близ г. Дербента, Дагестан – 17.09.2001, г. Махачкала). Член Союза писателей СССР (1940). Окончил Дагестанский пединститут (1953). Автор книг прозы «Дружба» (1956), «Встреча у родника» (1960), «Как я воскрес» (1961), «Дочь пастуха» (1963), «Невестка» (1974), «Фамильная арка» (1976) и др. Участник Дней литературы и искусства Дагестана в Ульяновске 20–26 апреля 1987 года; проводил творческие встречи на автомобильном заводе, в совхозе им. Н.К. Крупской, в Ивановском детском доме им. А.М. Матросова. Заслуженный работник культуры РСФСР (1976). Народный писатель Дагестана.

ВОЗМЕЗДИЕ (отрывок из повести)

Апрель – чудесный месяц весны. По-летнему пригревает солнце. В садах, сплошным кольцом окруживших селение Ньюджи, цветут деревья. Они, словно сказочные пери, стоят, как зачарованные, в своих пёстрых и ярких нарядах. Лёгкий ветерок доносит нежные запахи цветов, в воздухе раздаётся весёлое щебетание птиц.

Природа торжествует после зимнего оцепенения, упиваясь живительным теплом.

Но сегодня, после нескольких тёплых дней, внезапно похолодало. По низкому небу медленно, как усталый караван в пустыне, поползли сизые тяжёлые облака.

Селение как будто вымерло. Кривые узкие улочки с приземистыми глинобитными домами пустыньны. Все взрослые и подростки в поле. Не слышно голосов и на майдане. На завалинке, любимом месте отдыха мужчин, сидит, широко расставив ноги, обутое в мягкие сапоги, коренастый мужчина средних лет с чёрной, как смоль, курчавой бородой, в каракулевой шапке. Одет он в зелёный атласный бешмет, затянутый широким поясом, украшенным сербром, с которого свисает небольшой кинжал с косятной рукояткой. Тёмно-карие глаза глядят из-под густых чёрных бровей пылливо, подозрительно. Это – сельский староста Гомуил.

Возле него прямо на голой земле устроился худой старик с короткой седой бородкой. Вся его одежда состоит из бязевой рубашки и бязевых штанов неопределённого цвета, настолько они пропитаны потом и грязью. Видно, это незамысловатое одеяние, покрытое бесчисленными прорехами и заплатами, служит его владельцу и нижним бельём, и верхним платьем. Когда старик угодливо наклоняется к Гомуилу, под рубахой отчётливо выступают костлявая спина и рёбра.

Гомуил и старик, пожалуй, единственные из мужчин, оставшиеся в этот день в селе. Дымя кальяном с аршинным чубуком, они тихо беседуют, бросая время от времени рассеянные взгляды в сторону пышно цветущих садов и телят, резвящихся на прошлогодних гумнах недалеко от майдана.

– Дождя бы сейчас. Вот уже конец апреля, а дождя Бог не даёт. Ведь моим полям нужна влага, – произнёс Гомуил, провожая тоскливым взглядом медленно ползущие тучи.

Старик исподлобья посмотрел на старосту. «Если влага нужна только твоим полям и Бог спра-

ведлив, он не пошлёт её ни капли», – со злобой подумал он, а вслух сказал:

– Бог милостив. Посмотри, всё небо обложено тучами, как скирдами поле. Дождь обязательно будет, может быть, даже сегодня. Не волнуйся, староста...

Гомуил криво улыбнулся. «Не волнуйся, – мысленно повторил он слова собеседника. – Тебе что? Ты гол как сокол. Если мои посевы и виноградники загубит засуха, а скот повалит чума, ты даже рад будешь. Знаю я вас, голодранцев! С виду заискиваешь передо мной, а в душе завидуешь...»

Но староста с притворной любезностью вслух также сказал не то, о чём он думал:

– Не говори так, джан Шелбет. В прошлом году в это время тоже была такая погода. Тучи прошли караваном в сторону Хазари и ни капли не уронили на землю. – Немного помолчав, он нахмурил широкие брови и добавил с недовольством: – Не понимаю, почему в этом году никто не обряжается Гудилом. То ли все сильно заняты, то ли никого ещё голод не донимает. Я бы сам сейчас плеснул на него кружку воды.

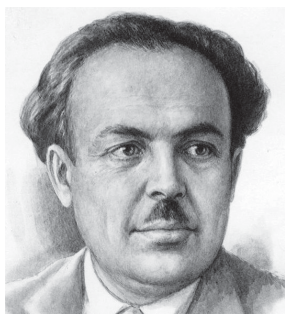
Не успел староста высказать своё пожелание, как вдруг, словно в ответ на его слова, с окраины села, где начинался лес, донеслись дружные, задорные голоса ребятишек:

– Э-э-э-эй! Гудил идёт! Гудил идёт!..

Селение, казавшееся безлюдным, неожиданно начало оживать, наполнилось шумом, движением. Из домов поспешно выходили навстречу Гудилу оставшиеся в селе старухи и беременные женщины. Они несли медные, глиняные кружки и кувшинчики с холодной родниковой водой. Вслед за ними, помахивая пышными хвостами, выбегали со дворов удивлённые псы, не зная, лаять им или повернуть назад. Всполошилась насадка с цыплятами. Завидев приближающуюся ораву мальчишек и засуетившихся женщин, она с громким кудахтаньем, растопырив крылья, бросилась вместе со своим пискливым потомством к забору, словно на неё собиралась налететь стая коршунов.

К майдану медленно двигался Гудил. Он был настолько плотно обвязан с головы до ног ветками с молодыми клейкими листьями, что самого Гудила не было видно. Создавалось впечатление, будто по улице шагает не человек, а куст с только что распустившимися листьями...

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ (1898–1973)

18 января. 125 лет со дня рождения поэта и журналиста Александра Ильича Безыменского (18.01.1898, г. Житомир Волынской губ. – 26.06.1973, г. Москва). Участник Октябрьской революции в Петрограде (1917). Написал поэму «Владимир Ильич Ульянов» (1926). В декабре 1932 года, отправившись на поезде в Самару для чтения стихов в Доме Красной Армии, был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Член Союза писателей СССР (1934). Автор поэтических сборников «Октябрьские зори» (1920), «К солнцу» (1921), «Пути борьбы» (1929), «Стихи о Ленине» (1934), «Гневные строки» (1949), «Вперёд, заре навстречу» (1958), «Молот и меч» (1962), «Закон сердца» (1971) и др.

ПТИЦЫ

Сегодня утром сын мой крошка
Играл звездой из кумача
И, обернувшись, за окошком
Увидел важного грача.

С восторгом вытянув ручонку
С зажатой красною звездой,
Он бросился грачу вдогонку
И – «птиця...» – вымолвил с тоской.

Что, улетел? Зачем же злиться?
Не надо, Львёнок мой, не плачь...
Не каждый грач бывает птицей,
А птица каждая – не грач.

Замолк мой сын. И птицей-взглядом
Окинул лица дальних стран:
В окне моторною цикадой
Застрекотал аэроплан.

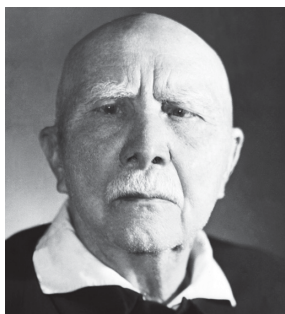
СОЛДАТЫ

Огромной колонной за взводом взвод
По улице полк на манёвры идёт.
Красиво шагает армейская рать.
Чеканный порядок. Чудесная статья.
Сверкают на солнце винтовок штыки,
Движенья едины, шаги широки –
И любо любому бросить свой взгляд
На лица и поступь советских солдат.
...Плывёт потихоньку над мирной Москвой
Обыденный будничный день трудовой.
Привычное дело! Знакомый маршрут!
Спешит на работу трудящийся люд.
Шинелей и френчей не носит никто.
Все в штатской одежде, в ботинках, в пальто...
И вдруг кругогрудый седой генерал
Оркестру молчавшему подал сигнал –
И вмиг поднялась дирижёра рука,
И грянули марш музыканты полка,
И сразу открылось, что разницы нет
Меж тем, кто в пальто иль в шинель был одет.
Привычным движеньем меняя шаги,
Шагнула вся улица с левой ноги –
И были, куда ни помотришь, видны
Солдаты, солдаты Советской страны...

* * *

Вон, вижу, парень. Он боится
(Буянит же не хуже нас).
Молчит, набравши в рот водицы,
Как я когда-то... в первый раз...
Но знаю: выйдет дело гладко,
Он приобвыкнет здесь – и вот,
Возьмёт себе словцо («к порядку»),
А там поправочку внесёт,
Рискнёт («по прениям»), растает,
Не речи разведёт – поток!
И, наконец, доклад читает,
Он – тот молчащий паренёк...

Александр СЕРАФИМОВИЧ (1863–1949)

19 января. 160 лет назад родился прозаик Александр Серафимович Попов, псевдоним – Серафимович (19.01.1863, станица Нижне-Курмоярская земли войска Донского, ныне Ростовской обл. – 19.01.1949, г. Москва). Окончил Петербургский университет (1887). Был знаком с А.И. Ульяновым и М.И. Ульяновой. Бывал в Симбирске в 1918 и 1921 годах, о чём рассказал в очерке «Дети». Возглавлял журнал «Октябрь». Автор книги «Очерки и рассказы» (1901), романов «Город в степи» (1912), «Железный поток» (1924) и др. Член Союза писателей СССР (1934). В 1942 году жил в Ульяновске в эвакуации; 29 августа провёл встречу с читателями во Дворце книги. Его именем названы улица и 3 переулка в Ульяновске.

ДЕТИ (отрывок из очерка)

Симбирск, сытный когда-то, пшеничный город. Так же на горе. Та же Волга внизу далеко разлеглась. Тот же огромный базар. С 18-го года он пустой, омертвел, а теперь опять наполнился и неожиданно ожил.

Только прежде главным покупателем было городское население, а крестьяне продавали. Теперь покупатели – главным образом крестьяне. Прежде, если крестьяне покупали, так городской товар – мануфактуру, одежду, обувь, теперь на мануфактуру никто смотреть не хочет; никакой цены не дают и только жадно ищут одного – хлеба.

Но чего впрок на базаре, так мяса. Громадные ряды завалены великолепным мясом. Не только все старые мясники торгуют, но и куча новых спекулянтов расположилась за лотками, краснеющими говядиной. В Москве фунт – десять тысяч (цены 1921 года), там – две-три лучшее.

Пшеничная мука в одной цене со ржаной. Почему? Ржаная даёт больше припёку. Даром что припёк – это вода; а всё-таки ощущение большого количества.

На ступенях наробраза три головёнки – одному шесть, другому семь, третьему восемь лет. Оборванные, с почернелыми ногами, без шапок, в дыры тело сквозит. Сидят молча и долго.

– Вы чего, ребята?

Молчат.

– Ну, чего же молчите?

Молчат.

– Откуда вы?

Молчат. У маленького по щекам разрисованы грязные слёзы.

– Отец, мать есть?

У ребят стали наливаться глаза.

– Ну, что ж молчите? Эх вы!..

Подымут ребята головы, посмотрят и опять молчат: дескать, не понимаем.

Родители дома, в деревне, строго-настроено накладывают отмалчиваться, притворяться, что – не

русские. Детские дома переполнены сверх меры. Приходится делать отбор; кто мало-мальски в состоянии хоть как-нибудь прокормить, тем возвращают ребят. Так, чтоб не узнали, где живут, родители приказывают молчать, будто не русские и ничего не понимают.

Прежде деревня больше чем равнодушно смотрела на детские дома, холодно, порой недоброжелательно, а теперь каждый день подбрасывают в наробразы пятнадцать-двадцать детей.

– Ну что ж, Иван, придётся их отправить...

– Когда? – шепелявит маленький, подняв мокрые глаза.

– Ну вот, давно бы так, – говорит товарищ, – пойдёмте. Сейчас вас напоим, накормим, будете жить в детском доме.

Ребятишки гуськом, вприпрыжку, спешат и рассказывают, откуда они, про деревню, про мать, про отца.

А сзади, прячась за углы, подъезды, выступления, крадётся шагах в пятидесяти костлявая, патлатая, с почернелым лицом и худыми ногами, всё время наблюдавшая, не спуская воспалённо-жадных глаз с идущих, женщина.

Как исхудалая, облезлая волчица.

Нет, не волчица, – мать...

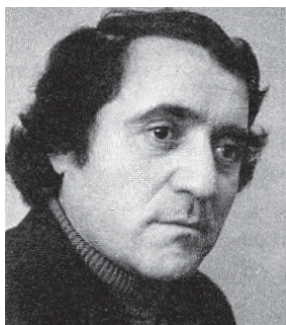
Ребятишки скрылись в огромном подъезде великолепного особняка. Она разом потухла, поникла, вяло пошла, потерялась в знойно-мглистых улицах.

На базаре краснелось мясо...

Двадцать пять детских домов в Симбирске, а в губернии, по уездным городам – семьдесят пять.

Пробовали устраивать в деревнях, где они страшно нужны, но сейчас же облипла кругом подлая нечисть, стала очень хорошо кушать, а дети голодали. Контроль из города далёк, и нет достаточно людей для кадров инструкторов, контролёров, главное надёжных, – трудно теперь быть честным около еды. Пришлось деревенские детские дома перенести в города...

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН (р. 1938)

19 января. 85-летний юбилей отмечает поэт и журналист Аршак Арсенович Тер-Маркарян (р. 19.01.1938, г. Ростов-на-Дону). Окончил Литературный институт имени А.М. Горького (1973). Член Союза писателей СССР (1973). С 1989 года живёт в Москве. С 1990-го заведовал отделом поэзии в еженедельнике «Литературная Россия». Автор поэтических сборников «Солнечные километры» (1966), «Мозаика» (1971), «Солончаки» (1975), «За дальним закатом» (1980), «Подкова дождя» (1984), «Сердцевина дня» (1988), «Песенный причал» (1993), «Колыбель дня» (1994), «Поводья дорог» (2000) и др. В июне 1999 года с группой писателей приезжал в Ульяновск, посетил Пушкинский праздник поэзии в посёлке Языково.

САПОЖНИК

В ржавом жёлобе дождик булькал.
Возле тополя наискосок –
На углу, в старой диктовой будке,
При-тан-цо-вы-вал молоток!
Тук да тук – до вечера позднего:
Сапоги, ботинки – горой!
И – ныряли в подошвы гвоздики,
Как мальчишки с моста головой...
У сапожника – сто рук,
Очи – батины.
И подковки – тук да тук –
Разом приспособлены!
(Артель «Восток» –
Шило, мыло, молоток!)
И сапожник – лез из кожи,
Приколачивая каблуки,
«Отсиделся...» – били косо
Взглядами фронтовики...
Уходя, опрокинув маленькую, –
Вешал фартук на крюк.
И несли, качая, как маятник,
Два протеза его...
Тук...
Тук...

Гурьбой стояли вишенки,
Румянясь в тишине...
Какие были вышивки
У мамы на стене!
Часы счастливо тикали,
И, в горнице кружа,
Тончайшей паутиною
Светились кружева.
При свете тусклой лампочки –
Нарядное жильё!
И руки, словно ласточки,
Летали у неё.
Хотел бы жить у матери
Я вечно, если б мог...
Чтоб детство не разматывать,
Будто клубок дорог!
Под шаткий мостик сгорбленный,
Как нить, издавека,
Через ушко игольное,
Продёрнулась река!..

ПОЛДЕНЬ

Дон-река волну катает
И срывает с якорей!
Полдень пишет по-китайски
Иероглифы теней...
И закат из жёлтой меди,
Полумесяц щурит глаз...
Кажется, уже соседи
Оккупировали нас!

Иван ХАРАБАРОВ (1938–1969)

19 января. 85 лет назад родился поэт Иван Митрофанович Харабаров (19.01.1938, д. Белый Ключ Черемховского р-на Иркутской обл. – 27.01.1969, г. Москва). Родился в семье охотника. Работал бетонщиком на строительстве Иркутской ГЭС. В 1955 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. Переводил поэтов народов СССР. Автор поэтических сборников «Туюсок» (1958), «Синие камни» (1962), «Утро в Ярославле» (1963), «Избранная лирика» (1964), «Зелёное дерево» (1966), «Черемша» (1967), «Белый ключ» (1972), «Где я жил и рос...» (1975) и др. В октябре 1966 года с писателями-фантастами Е.С. Муслиным и В.Н. Фирсовым приезжал на творческие встречи в Ульяновск и Мелекесс.

Я полон солнца, полон удивления
Перед земною вечной красотой,
И каждый день во мне шумят деревья,
Касаясь сердца хвоей и листвою!

И как бы ни был путь мой крут и труден –
Я этой связью кровною силён.
И сам, как лес, открыт навстречу людям,
Их счастьем просветлён и озарён!

И если к сердцу подступают беды
И боль смолою закипает в нём –
Горят мои задумчивые кедровые
Зелёным потревоженным огнём.

И если трудно верить и бороться,
И если я с бедой наедине –
Мои непокорённые берёзы
Листовою первой будят жизнь во мне!

В темноте – ни звука, ни слова.
Только дождик по крыше полощет.
Настроенье такое – словно
У меня пропала лошадь.

Так мне горько, как будто навеки
Я лишился хорошего друга,
И под старым, прогнившим навесом
Тоскует седло да подпруга.

Я вскочу с надоевшей лежанки,
Выйду в ночь, позвеню уздечкой:
Может, вновь её тихое ржанье
Отзовется за дальней речкой...

Деревушка стоит возле Лены реки,
Смотрит в сонную оду впотьмах;
Вдалеке по реке – огоньки, огоньки –
Ни огня в задремавших домах.
Деревушка стоит здесь два века почти,
В этой северной хмурой дали...
Что за судьбы, какие дороги-пути
В эти дебри людей привели?
Они с шумом валили на землю стволы –
Как в приокских и брянских лесах,
И вставляли дома в крупных каплях смолы,
Будто в светлых и горьких слезах!
Поднимался над новыми крышами дым,
И наличники ярко цвели,
Становился вдруг русским, обжитым, родным
Вид суровой и грустной земли!
Миновали далёкие эти года,
И повсюду теперь – там и тут –
Не деревни, не сёла уже – города
По сибирским просторам встают!
Но не меньше, чем город и новый завод,
Чем громады, манящие их,
Моё сердце волнует и властно зовёт
Скромный вид деревушек таких!

Андрей БАЛДИН (1958–2017)

21 января. 65 лет со дня рождения эссеиста, художника, архитектора Андрея Николаевича Балдина (21.01.1958, г. Москва – 30.11.2017, там же). Окончил Московский архитектурный институт (1981). Работал главным дизайнером в издательском доме «Первое сентября». Член Союза российских писателей. Автор сборников эссе «Протяжение точки: Литературные путешествия. Карамзин и Пушкин» (2009), «Московские праздные дни» (2010), «Новый Буквоскоп, или Запредельное странствие Николая Карамзина» (2016) и др. Приезжал в Ульяновск на Всероссийский фестиваль исторической книги «Достояние времени» (2014) и на международный культурный форум «Креативный регион – сильная страна» (2015).

ПРОТЯЖЕНИЕ ТОЧКИ (отрывок из книги)

80-е годы XVIII века, Москва. Карамзин переезжает в Москву из Симбирска; позади волжские берега, опалённые недавним пугачёвским бунтом.

Тут с ним самим можно сыграть в эту игру, в расстояния и пространства.

Переехал – переводчик. Перенёсся из одного пространства (если Волга – пространство) в другое. Скорее так: переместился с «линии» (Волга – поток, вектор, линия) в «точку», в Москву. Переместился – и сам принялся перемещать, переводить слова из одного пространства в другое. Из немецкого языка – в русский.

Так он переезжал неоднократно – с «точки» на «линию», из Москвы на Волгу и обратно, и всякий раз менялся, «переводил» самого себя из одного языка (пространства) в другой (об этом пишет Лотман, внимательно наблюдающий внутреннюю эволюцию Карамзина).

Первое правило, прямо осознанное переводчиком, подложенное собственным опытом путешествия: «Язык есть пространство».

Карамзин переводит в основном с немецкого, из Гесснера и Клопштока. И наблюдает за собой со стороны, видит свои перемещения и перемещения слов. Он «глазастый» переводчик: смотрит, как два «пространства», два языка обмениваются словами.

Один язык встаёт против другого, отражается в другом, точно небо в воде. Русский и немецкий: какой из них небо и какой вода? Русский течёт как вода. Или в этой паре «отражает» немецкий? Карамзин переносит слова в обе стороны и знает по опыту, что лучше, точнее отражает немецкий. Отполированный, ясный как стекло, продолжающий внешнее пространство внутрь себя – в точности, как это делает зеркало.

Так у него является следующая «оптическая» категория, прямо связанная с понятием рефлексии, умноженного состояния сознания.

Язык – любой язык – есть зеркало, отражающее жизнь; тут всё просто.

Непросто вот что: у переводчика Карамзина есть претензии к собственному языку. Письменный русский язык конца XVIII века отражает действительность с большими потерями, искажённо, смутно, с отставанием на каждом шагу. Русские переводы Карамзина «не поспевают» за немецкими оригиналами; сначала это его раздражает, затем озадачивает, заставляет задуматься, наконец, сажает за стол с набросками и чертежами.

Как ускорить бег русского слова?

В какой-то момент он готов видеть язык устройством почти механическим. Карамзин «чертит» его, разлагает на треугольники и квадраты, призмы и лучи; он рассуждает как оптик – это именно то, что нам нужно. Он начал опыт наблюдения, точнее, самонаблюдения русского языка; у него в тексте стал слышен воздух, слова пошли по строке свободно. Для этого сначала нужно было взглянуть на язык со стороны, подставить ему стороннее (немецкое) зеркало. Невидимое, оно стоит у него на столе и бросает во все стороны блики.

В этом свете даже московская, хаотическая и пёстрая, жизнь видится исполненной рационального смысла, подложенной чертежом ума. В комнате у Карамзина окно с готическим переплётом. Оно пускает ровные (по линейке проведённые) лучи – на пол, на стул с одной ножкой (только одна освещена), на белые яркие геометрические фигуры, квадраты и прямоугольники бумаги, летающие по комнате. Разбросаны рукописи: ровные, с правильным текстом страницы, и порванные, помятые хлопья и комья с зачёркнутым неправильным текстом.

Всё есть чертёж или ошибки в чертеже.

Дом, где живёт Николай Михайлович, находится в районе Чистых прудов, в Кривоколенном (криво начерченном?) переулке; это дом, где живут московские масоны.

Считается, что деятельность Карамзина тогда направляли масоны. С 1784 года – члены ложи «Золотой венец» города Симбирска, затем московские братья из «Дружеского учёного общества», среди которых ему наиболее близок Новиков. Наверное, так оно и было, и некую внешнюю канву его деятельности до определённого момента в самом деле определяло сообщество московских мартинистов. «Оптические» идеи, соображения о пространстве языка как об инструменте философской и исторической рефлексии – то, что было в должной степени разработано в Европе, – было представлено России в первую очередь масонами. Карамзин в общении с ними, сам будучи членом «Учёного общества», воспринимал эти идеи. И далее – развивал их; и далее – творил. В этом пункте, поэтическом творчестве, внешнее учительство понемногу теряло силу...

Пётр ПРОСКУРИН (1928–2001)

22 января. 95 лет назад родился писатель Пётр Лукич Проскурин (22.01.1928, пос. Косицы, ныне Севского р-на Брянской обл. – 26.10.2001, г. Москва; похоронен в Брянске). Член Союза писателей СССР (1962). Окончил Высшие литературные курсы (1964). Автор многих романов, повестей, рассказов. Лауреат Государственной премии РСФСР за роман «Судьба» (1974) и Государственной премии СССР за сценарии фильмов «Любовь земная» (1974) и «Судьба» (1977). В 1970-х годах был в Ульяновске, посетил Пушкинский праздник поэзии в посёлке Языково Карсунского района. Приезжал также в Ульяновск 3 июля 1987 года, где выступил на конференции Российского отделения Советского фонда культуры.

ЗНАКИ НА БЕРЕСТЕ (отрывок)

1.

Стихи, стихи... И грустно, и смешно
Сердить пророческие тени
Тех, кто уже давным-давно
Перешагнул бессмертия ступени.
Мы можем всё понять и объяснить,
Но блеск меча во тьме – и снова
Разрублена связующая нить
И распадаются основы;
И жизнь – слепящая метель,
Уж под конец, спокойно и устало,
Швырнёт нас в первородную купель,
Где рядом – завершение и начало.

2.

Вселенная – космическая ночь...
В её глубинах тихо отразилось,
Как поколения уходили прочь.
А может, это только ей приснилось?
И словно шелест северной сосны,
Не связанный с ушедшими лесами,
Плывут, плывут, плывут земные сны
Под тихими своими парусами.
Плывут они к неведомым кострам,
А может, только к их отображёнью
В тех мировых пространствах панорам,
Что закрепляют всякое движение.
И вот они над нами иль под нами,
Не замедляя, не меняя бег,

Гонимы всеми звёздными ветрами,
Прошелестят, как чей-то дальний смех.
И ход, и днища этих кораблей
Не слышим и не видим мы воочию...
Нам лишь проснуться хочется скорей
Какой-нибудь безмерно тяжкой ночью.

3.

Века уходят, и уходят люди –
Нет жизни рокового повторенья,
И лишь случайный отблеск озаренья
Нетленной красотой всегда пребудет.
В заветный край пусти меня скорей.
Пусть сердце вновь неведомою птицей
Над голубым сиянием морей
На древний и неясный зов стремится.
И пусть оно в закате, как в огне,
Вновь вспыхнет неисполненной мечтою
И зазвучит и в мире, и во мне
Мучительно зовущей красотой.

4.

Летит неслышно серебристый иней
В последний, солнцем налитый мороз,
Глядит из-под коры молочно-синей
Проснувшаяся вновь душа берёз, –
Глядит она, робка и незащищена
По праву жизни высшего родства,
И тихая её молитва
Нас одаряет верой старшинства...

Вячеслав СУКАЙЛО (1948–2013)

22 января. 75 лет со дня рождения литературоведа и краеведа Вячеслава Анатольевича Сукайло (22.01.1948, г. Киев – 21.02.2013, г. Ульяновск). В 1973–2009 годах работал в Ульяновском высшем авиационном училище гражданской авиации. Заочно окончил исторический факультет Казанского университета (1978). Автор и соавтор книг «Описание библиотеки И.А. Гончарова» (1987), «Симбиряне в жизни и творчестве А.С. Пушкина» (2001), «Труды и дни Ивана Дмитриева. 1760–1837» (2008), «Н.М. Карамзин. Письма к братьям. 1786–1826» (2013) и др. Награждён медалью Н.М. Карамзина (2010). Лауреат областного фестиваля «Встречи с Карамзиным» в номинации «Талантливое перо» (2011).

ТРУДЫ И ДНИ ИВАНА ДМИТРИЕВА (отрывок из предисловия)

В книге «Труды и дни Ивана Дмитриева», выходящей накануне его 250-летнего юбилея, собраны с максимально возможной полнотой все данные биографии И.И. Дмитриева: события из его жизни, публикации и издания его произведений, переписка, прижизненная критика, упоминания о нём и его произведениях (в том числе и цитирование) в печати, прижизненные биографические статьи.

Книга составлена из двух частей: «Книга Первая. Хроника» и «Книга Вторая. Сочинения и Переводы». «Книга Первая. Хроника» написана в научно-литературном жанре «летопись жизни и творчества», весьма распространённом в российском литературоведении (под российским здесь понимается и советское литературоведение, на которое пришёл пик составления «Летописей»).

Статьи и публикации о Дмитриеве немногочисленны. Биографические сведения (в широком понимании) разпылены в различных источниках (в основном второй половины XIX в.): в дневниках, в прижизненной и позднейшей переписке его друзей и знакомых. Важнейшими источниками для биографии И.И. Дмитриева являются автобиография («Взгляд на мою жизнь»; текст см. «Кн. Вторая») и переписка с Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, А.И. Тургеневым и кн. П.А. Вяземским. Также ценнейшим источником для биографии И.И. Дмитриева остаётся Остафьевский архив князей Вяземских. Сохранившаяся в архиве переписка кн. П.А. Вяземского и А.И. Тургенева содержит многочисленные факты литературной жизни Москвы и Петербурга первой трети XIX в., участником (свидетелем) которых был поэт.

В ходе работы над хроникой были просмотрены собрания его сочинений, переписка, значительная часть прижизненных периодических изданий (прежде всего с целью выявления фактов биографического характера, так, например, была установлена точная дата отъезда Дмитриева из Петербурга в Дерпт, после знаменитого обеда петербургских писателей в июле 1833 года, на котором состоялась подписка на памятник Н.М. Карамзину в Симбирске), переписка ближнего окружения Дмитриева.

О письмах Дмитриева и к Дмитриеву. Основной свод писем Дмитриева и к Дмитриеву был опу-

бликован ещё во второй половине XIX в., в основном на страницах двух ведущих исторических журналов: «Русского архива» и «Русской Старины». За последние годы переписка Дмитриева значительно пополнилась новыми публикациями (прежде всего усилиями В.Э. Вацура и А.А. Ильина-Томич). Вместе с тем примерно около 200 писем, в основном это письма Дмитриева, остаются неопубликованными. Самое крупное собрание неопубликованных писем Дмитриева (147 писем к О. Франку) хранится в ИРЛИ. Единичные письма из этого собрания были опубликованы В.Э. Вацура. С учётом новых публикаций и сведений о местах хранения неизданных писем в хронике представлен наиболее полный на сегодняшний день свод писем Дмитриева и к Дмитриеву.

Тексты писем воспроизводятся полностью. Автор решительно против публикации писем в подобных изданиях (понимаю, это спорно) в извлечениях, будь то цитирование или, что ещё хуже, пересказ. В любом случае и то и другое вносит элемент субъективизма. Например, как можно пересказать письмо А.С. Шишкова о неприятии им буквы «ё» и передать графическую полемику этого письма. Невозможно через цитирование передать юмор Дмитриева, его публицистический задор в поздних письмах кн. Вяземскому и т. д.

Некоторые письма не датированы или датированы числом, месяцем (без года) и даже днём недели (понедельник, среда и т. д.). Не для всех недатированных писем удалось найти бесспорные факты, позволяющие более или менее точно датировать то или иное письмо. В таких случаях предполагаемая дата заключается в косые скобки.

Письма публикуются по текстам первых публикаций. В случае их повторной публикации (например, в сочинениях под редакцией А.А. Флоридова) предпочтение отдавалось именно первым публикациям как наиболее точно отражающим грамматический стиль Дмитриева и наименее подвергнутым редакторским правкам и поновлениям.

Содержание ряда неопубликованных писем осталось недоступно автору (по разным причинам). Для этих писем указываются дата написания, адресат, место хранения автографа (или копии)...

Галина АНИСИМОВА (р. 1958)

22 января. 65-летний юбилей отмечает поэт Галина Юзефовна Анисимова (р. 22.01.1958, с. Бобровый Кут Больше-Александровского р-на Херсонской обл.). Школьные годы провела в городе Димитровграде. Стихи начала писать с 11 лет. Окончила отделение журналистики Уральского политехнического института, факультет психологии Ульяновского государственного университета. Посещала литературное объединение «Парус» при Ульяновском обкоме ВЛКСМ. Трудилась в Ульяновске на строительстве УАПК, работала психологом. Автор книг «Игры, в которые играют люди» (2006), «Мемуары юмористики» (2007), «На ноте сердца» (2008), «Иллюзион» (2013). Член Союза писателей России (2014).

РАССКАЗ ПОРТРЕТИСТА

Очень скромн и небросок
Жизни простенький набросок.

Беззастенчиво мощна
Жизнь-кубышка, жизнь-мошна.

Смесь желе и галантина –
Жизни сладкая картина.

Безнадёжна и пуста
Жизнь игрушки, путь шута.

Чуть нахраписта и львина
Удалая жизнь-лавина.

Отравляюще красив
Путь с поклоном, жизнь-курсив.

Крошка хлеба, лучик света –
Незатейливость аскета.

Благодарна и проста
Жизнь пророка. Путь Христа...

ПУТЬ НА ПАРНАС

Глупым страусом голову прячешь,
Ошалев от петард и шутих,
Попадая из царства незрячих
В королевство немного глухих.

Устаёшь от восторгов телячьих,
А когда фанфарон поутих,
Видишь толпы – до боли – незрячих,
Ото лжи – безнадёжно глухих.

Пропадаешь в болотах стоячих,
Из воды не выходишь сухим,
Понимая с полслова незрячих,
С полувзгляда ответив глухим.

Натаскавшись каштанов горячих,
Продолжаешь вынашивать стих,
Понимая – душою – незрячих,
Сердцем слыша беседу глухих...

ВАНЕЧКЕ

Ванечка, где Ваши чёрные кудри?
Выдохся Сивка, укатаны горки.
Кто-то – увь! – по-змеиному мудрый
Сделал закат померанцево-горьким.

Нити судьбы неподвластны уловке.
Встречи нечаянной тщетны усилья.
В книге захлопнутой, как в мышеловке,
Розы засушенной мёртвые крылья.

Ванечка стал уже дедом Иваном.
Вместо оплаканной розы – закладка.
И оказался изящным обманом
Жизни рассвет апельсиново-сладкий.

Знаете, скоро о нас и не вспомнят.
В битве со временем сломаны копыя.
В окнах-глазах непроветренных комнат
Снега последнего липкие хлопья...

Алексей БАЛАКИН (р. 1968)

23 января. 55 лет исполняется историку литературы, гончароведу Алексею Юрьевичу Балакину (р. 23.01.1968, г. Ленинград). Окончил Санкт-Петербургский университет (1994). С 1997 года был научным сотрудником группы по изданию полного собрания сочинений И.А. Гончарова. Кандидат филологических наук. С 2004-го работает в отделе пушкиноведения Института русской литературы. Был участником конференций в Ульяновске к 190-летию и 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова (2002, 2017). Автор книги «Близко к тексту: разыскания и предположения. Статьи 1997–2017» (2017). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова, приезжал в Ульяновск на её вручение (2020).

БЛИЗКО К ТЕКСТУ (отрывок из книги)

Рукопись приложенного к письму послания Хвостова в архиве Пушкина не сохранилась. При жизни обоих поэтов оно единственный раз было опубликовано в 1834 году в седьмом, дополнительном томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» под заглавием «Александр Сергеевичу Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» с неизбежными примечаниями, которыми Хвостов почти всегда сопровождал публикации своих стихов. По этому источнику оно впоследствии перепечатывалось в антологиях «Русские поэты о Пушкине», а также в авторском сборнике Хвостова.

Ответное письмо Пушкина Хвостову нам неизвестно, но в первой половине ноября он сообщал Н.М. Языкову: «Хвостов написал мне послание, где он помолодел и потрянул стариной. Он говорит:

Приблизился похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога».

Языков, очевидно, заинтересовался хвостовским посланием, а поскольку находился с ним в поэтической переписке, вероятно, попросил прислать его. Подобные просьбы Хвостов выполнял всегда с охотой. Сохранилось его письмо к Языкову от 18 января 1832 года, где в постскриптуме он писал: «Прилагаю у сего моё последнее Сочинение в стихах, доселе ещё ненапечатанное, к знаменитому Пушкину. Я высоко ценю дарование сего Современника нашего, но послание моё ему, нимало не оскорбительное, доказывает только, что мы с одной точки зрения видели вещи. Я никогда не утаю о том, что постигаю и чувствую».

Приложенная к письму рукопись послания сохранилась; здесь оно озаглавлено «Послание к А.С. Пушкину, сочинённое сентября 20 дня, отправленное к творцу Годунова 29 октября в ответ на его стихи: Клеветникам России», текст близок к опубликованному позднее, хотя и не содержит примечаний. О посылке этого стихотворения Языкову Хвостов сообщил и М.П. Погодину в письме от 21 января. Почти одновременно с Языковым послание к Пушкину получил и В.А. Жуковский.

Больше ничего об истории создания, распространения и публикации послания Хвостова Пушкину известно не было. Однако разыскания в архиве графа позволили дополнить имеющиеся сведения некоторыми новыми фактами.

Сначала небольшое библиографическое уточнение. Письмо Хвостова Пушкину от 24 октября 1831 года было впервые опубликовано гораздо раньше выхода сборника «Из неизданных бумаг Пушкина». Оно было почти целиком процитировано в статье Е.Я. Колбасина «Певец Кубры», помещённой в журнале «Время» в 1862 году. Текст сопровождался следующими апокрифическими подробностями: «В 1831 году Хвостов был в одном литературном обществе, где кто-то сказал, что не все довольны стихами Пушкина «К клеветникам России»; к общему смеху певец Кубры стал защищать Пушкина, называя его своим преемником. Это было 24 октября; на другой день, 25-го числа, Пушкин получил от Хвостова такое письмо», – и далее следовал текст письма. Мимо этой публикации прошли и Шляпкин, и готовивший отдельное издание переписки Пушкина В.И. Саитов, и редакторы 14-го тома академического Полного собрания сочинений Пушкина Л.Л. Домгер и Л.Б. Модзалевский.

Последнее особенно странно, потому что Модзалевскому-сыну статья Колбасина была знакома: процитировав в примечаниях к изданию писем Пушкина, начатого его отцом, полностью письмо Хвостова и указав на издания Саитова и Шляпкина, он также дал глухую отсылку к соответствующему номеру «Времени». Однако любопытно другое: у Колбасина не было подлинника письма Хвостова, и он напечатал его по другому источнику. В середине 1850-х годов в руки Колбасина попал архив Хвостова, представлявший собой несколько десятков роскошно переплетённых альбомов, где были в хронологическом порядке собраны его переписка и другие материалы. В одной из этих книг и находился черновик хвостовского письма. Он был изъят оттуда ещё до поступления архива в Пушкинский Дом и до нас не дошёл, однако в оглавлении книги последним, 130-м номером числится: «Пушкину при посылке стихов».

Анисия МАТЛИНА (р. 1993)

23 января. 30-летний юбилей отмечает прозаик, поэтесса Анисия Михайловна Матлина (р. 23.01.1993, г. Ульяновск). Дочь С.И. Матлиной. Окончила магистратуру УлГПУ им. И.Н. Ульянова (2018). Работала во Дворце книги. С 2018 года сотрудница библиотеки №15 им. Н.Н. Благова; параллельно с 2019-го преподаёт русский язык в УлГУ. Автор романа в стиле фэнтези «Идущий сквозь тьму» (2007); поэтических сборников «Ветер в ножны» (2018), «Coda!» (2020); исследования «Лингвостилистические аспекты текстов русского рока» (2018); книги прозы «Чудики не умирают» (2021) и др. Лауреат областной литературной премии «Первая роса» в номинации «Поэзия» (2019). Член Союза писателей России (2021).

НОЧНОЙ ТРАМВАЙ

За стеклом мелькают лица,
Остановка, поворот –
Рельс железная граница.
Сквозь туман трамвай плывёт.

Всё в аквариумных окнах
Проплывает не спеша.
Кляксами огней в потёмках
Ночь раскрашивает шар.

Остановки, остановки –
И опять вперёд, сквозь мглу.
Фонари вползают в окна,
Точно ниточки в иглу.

У окна кондуктор дремлет
Под колёс синхронный стук.
В монотонной колыбели
Застывает всё вокруг.

Лишь родное отражение
Улыбается в окне,
И в ночном преображении
Кажется счастливым мне.

Мой ночной любимый город,
Мой полуночный трамвай,
Новый день забрезжит скоро,
Будь спокоен – засыпай...

ПРИСНИВШЕЕСЯ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я светлый житель Земли.
Я гость безмерных вселенных.
И вены, и реки по нам протекли
Одной кровеносной системы.

Я гены небесных богов
И память былых поколений.
Я путник средь белых снегов,
Идущий путём Водолея.

И тело моё – не прах,
Как тело Земли родное.
Улыбка и ветер горят на губах,
А сердце стучит живое.

Живу, смеюсь и грущу –
Звенит подо мной планета.
Я свету навстречу лечу
И знаю, что я – бессмертна!

Я завязь Цветка Земли
И память ушедших предков.
...Лучи на лицо легли
Далёких миров приветом.

СТАНЦИЯ «НАДЕЖДА»

Весь город мой пронизан
Железными путями.
Прибытие – отбытие,
Я жду вас с новостями!

Я жду вас здесь, как прежде,
На перекрёстке судеб,
На станции «Надежда» –
Такая вечно будет.

Валентина КУВШИННИКОВА (1938–2005)

24 января. 85 лет назад родилась педагог, литератор Валентина Васильевна Кувшинникова, литературный псевдоним – Латанова (24.01.1938, станция Борзя Читинской обл., ныне г. Борзя Забайкальского края – 15.04.2005, г. Ульяновск). Мать поэтессы Е.В. Кувшинниковой. Окончила филологический факультет Шадринского пединститута. С 1963 года жила в Ульяновске; работала учителем, переводчиком, руководителем Клуба интернациональной дружбы, преподавателем. Публиковала рассказы в журналах «Мономах» и «Карамзинский сад», в сборниках «Полети со мною рядом», «Радость прилива» и др. Член Российского союза профессиональных литераторов. Автор романа «Укажи мне пути Твои» (2007).

УКАЖИ МНЕ ПУТИ ТВОИ (отрывок из романа)

Боярин лежал в горнице, в углу под образами, и трудно дышал. Был он ещё не совсем стар, но грузен и хвор сердцем. Сейчас он мало походил на себя самого, парадного и строгого. Волосы на лбу слиплись, светлая небольшая окладистая борода спуталась кольцами, влажная шёлковая рубаха местами клеилась к телу. Его колпак-«мурмолка» и сшитый из дорогой парчи кафтан-«ферязь» валялись на лавке напротив, видимо, снятые в спешке. Высокий воротник-«козырь» касался пола, застланного чистыми домоткаными крестьянскими половиками.

На пол же соскользнул атласный кушак. А расписные сапоги на каблуках с загнутыми носами боярин уже снять с себя не позволил. Ему стало худо. Время от времени он прижимал свою руку к груди, хмурился и замирал, прислушиваясь к боли, потом переводил взгляд на говорившего, пытаясь преодолеть напряжение и уловить смысл его слов.

Перед ним стоял Вильгельм, командир стрельцов, с докладом. Он плохо говорил по-русски, и боярин Лука Евсеич, потеряв терпение, приказал звать Фёдора. Позвали быстро.

Фёдор вошёл, немного помедлил, отыскал в полумраке взглядом хозяина, спохватился, сорвал с головы островерхую шапку, отвесил поклон.

За столиком сидел лекарь Карл Иванович. Седой, худой и горбоносый, он по-птичьи, набок повернул свою маленькую голову на тонкой шее навстречу вошедшему. Пахло лекарством.

Командир не шелохнулся. Мундир подпирал его побагровевшие щёки, наполовину прикрытые рыжеватыми торчащими усами. Он чувствовал себя виноватым. Они только что чудом избежали гибели, попав в засаду. Дозорный отряд кочевников напал на обоз при повороте дороги на лесную просеку, в конце которой в поздних летних сумерках просматривался спасительный силуэт и огни Воскресенского монастыря. Путники укрылись за воротами обители, с готовностью распахнутыми монахами. Но не все. И теперь подсчитывались потери.

– Какова твоя сказка, что поведает? Говори! – обратился боярин к Фёдору.

– Последние две телеги захватили, людей, должно, – в полон. А здесь четверо убитых и трое раненых.

– Кто?

Фёдор назвал, потом добавил:

– Иван там был, брат названный мой. Хочу разведать, что с ним, да ворота заперты, стража не выпускает.

– Теперь уж до рассвету! – строго сказал боярин.

– Держать ухо востро надобно. Паче всего боюсь, силы большие подступят. Мал монастырь-то.

– Воля Ваша. Только дозволю, боярин, слово молвить.

Лука Евсеич нахмурился, помолчал, подавляя гнев на возражавшего слугу. А тот продолжал:

– Коли раненые там – до утра кровью изойдут. Опять же – волки. Попытаться бы! Я тихо пройду. И опять же, вокруг разведую, – потупившись, настаивал Фёдор.

– Один не ходи. Стрельца возьми, – вымолвил, наконец, Лука Евсеич, отпуская упряма.

Тот помедлил, высматривал кого-то в тёмных углах горницы. Боярин понял, нехотя бросил:

– За мальчика не тревожься. Скажу – доглядят.

Вильгельм во время разговора молчал. Только при упоминании стрельца встрепенулся, пытался что-то сказать, но боярин нетерпеливо махнул рукой.

– Иди!

Ещё со времени основания этой крепости окольным Богданом Матвеичем Хитрово повелось, что воеводы, дворяне, дети боярские, служилые солдаты, казаки, пушкары, тягловые людишки из многих городов помогали возводить «рублёный град». Потому указ государя Алексея Михайловича был. Да и сейчас он всё ещё не забывает Синбирск. Вот и они везут с собой царский подарок – колокола для храмов. «Мог бы воевода и как следует расстаться с охраной», – досадует Лука Евсеич.

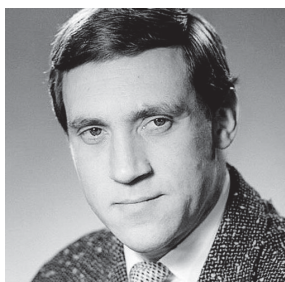
Его мысли унеслись вдруг в прошлое, когда он впервые встретился с Богданом Хитрово в городе Темникове...

Мария УХСАЙ (1908–1969)

25 января. 115 лет со дня рождения чувашского прозаика, драматурга, переводчицы Марии Дмитриевны Ухсай (25.01.1908, с. Карачево, ныне Козловского р-на Чувашии – 25.09.1969, там же). Окончила Чувашский пединститут (1937). До 1939 года преподавала русский язык и литературу в Ульяновском чувашском педагогическом училище. Жена поэта Я.Г. Ухсай, с которым познакомилась в Ульяновске. Работала в Управлении по охране государственных тайн в печати Чувашской АССР. Автор книг прозы «Рассказы» (1948), «Буйные ветры» (1956), «Журавлиное пёрышко» (1957), «Танец» (1964), «Симбирские колокола» (1971) и др. Член Союза писателей СССР (1949). Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР (1968).

Владимир ВЫСОЦКИЙ (1938–1980)

25 января. 85 лет назад родился актёр, поэт и бард Владимир Семёнович Высоцкий (25.01.1938, г. Москва – 25.07.1980, там же). В 1941 и 1943 годах по пути в эвакуацию и обратно проезжал с матерью через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Окончил Школу-студию МХАТ (1960). Бывал проездом в Ульяновской области в 1958, 1963 и 1964 годах на поезде по дороге на гастроли в Казахстан. Работал актёром в Театре на Таганке (1964–1980). В 1969 году, по неподтверждённым данным, приезжал в Ульяновск для записи передачи на радио. Автор посмертных поэтических сборников «Нерв» (1981), «Собрание сочинений» (1998), «Песни беспокойства» (2012), «Больно мне за наш СССР...» (2012) и др.

БЕДА

Я несла свою беду
По весеннему по льду.
Надломился лёд, душа оборвалась.
Камнем под воду пошла,
А беда – хоть тяжела –
А за острые края задержалась.

И беда с того вот дня
Ищет по свету меня,
Слухи ходят вместе с ней, с кривотолками.
А что я не умерла,
Знала голая земля
Да ещё перепела с перепёлками.

Кто из них сказал ему,
Господину моему,
Только выдали меня, проболтались.
И, от страсти сам не свой,
Он отправился за мной,
А за ним беда с молвой привязались.

Он настиг меня, догнал,
Обнял, на руки поднял.
Рядом с ним в седле беда ухмылялася.
Но остаться он не мог,
Был всего один денёк,
А беда на вечный срок задержалась.

Слухи по России верховодят
И со сплетней в терции поют.
Ну а где-то рядом с ними ходит
Правда, на которую плюют.

ЦУНАМИ

Пословица звучит витиевато:
Не восхищайся прошлогдным небом,
Не возвращайся – где был рай когда-то,
И брось дурить – иди туда, где не был.

Там что творит одна природа с нами!
Туда добраться трудно и молве.
Там каждый встречный – что ему цунами! –
Со штормами в душе и в голове.

Покой здесь, правда, ни за что не купишь,
Но ты вернётся, говорят ребята,
Наперекор пословице поступишь:
Придёшь туда, где встретил их когда-то.

Здесь что творит одна природа с нами!
Сюда добраться трудно и молве.
Здесь иногда рождаются цунами
И рушат всё в душе и в голове!

На море штиль, но в мире нет покоя –
Локатор ищет цель за облаками.
Тревога, если что-нибудь такое,
Или сигнал: внимание – цунами!

Я нынче поднимаю тост с друзьями!
Цунами – равнодушная волна.
Бывают беды пострашней цунами
И радости сильнее, чем она!

Кадзухико САВАДА (р. 1953)

26 января. 70-летний юбилей отмечает японский литературовед Кадзухико Савада (р. 26.01.1953, г. Осака, Япония). Доктор филологических наук. Профессор Государственного университета Сайтама (Большой Токио). Автор трудов «Творчество И.А. Гончарова в Японии» (1994), «Влияние романов И.А. Гончарова на японских писателей в конце XIX века» (1995), «И.С. Тургенев в Японии» (1999), «Гончаров в русском зарубежье в Китае» (2012) и др. Был в Ульяновске на первой международной конференции, посвящённой 180-летию Гончарова (1992). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова; приезжал в Ульяновск на её вручение 21 июня 2017 года. Живёт в городе Китамото (Япония).

ГОНЧАРОВ И ЕГО ЗНАКОМЫЕ ЯПОНЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

(отрывок из статьи)

Как известно, в 1853 году И.А. Гончаров был в Нагасаки в качестве секретаря при адмирале Е.В. Путятине, который был послан для открытия Японии. А роман И.А. Гончарова «Обрыв» оказал сильное влияние на роман японского русиста и писателя Фтабатэя Симэя «Плывущее облако» (1887–1889) – первое реалистическое произведение в японской литературе. Поэтому темы «Гончаров в Японии» или «Творчество Гончарова и японская литература» постоянно находятся в поле зрения исследователей. Однако о знакомстве Гончарова с японцами в Петербурге известно мало. В предлагаемой статье я хочу рассказать о двух японцах, с которыми писатель был знаком и поддерживал дружбу в Петербурге.

Первый из них – Итикава Бункити – родился 3 августа 1847 года в Эдо и был старшим сыном в семье Итикава Канэнори, будущего профессора-германиста в Кайсэйдзё. В 1860 году Бункити начал изучать там французский язык.

В 1865 году правительство сёгуната, приняв предложение российского консула в г. Хакодате на Хоккайдо О.А. Гошкевича, решило отправить студентов на учёбу в Россию. Были отобраны шесть человек. Из них пять – сыновья вассалов сёгуна в возрасте от 12 до 21 года. Эти юноши обучались в Кайсэйдзё и были непосредственно подчинены сёгуну, а один – чиновник из г. Хакодате. В числе первых пяти и был Итикава Бункити. В то время в Кайсэйдзё существовало отделение русистики, но преподавателей ещё не было. По всей вероятности, Канэнори хотел определить своего сына на должность преподавателя. На проводах, устроенных в честь Бункити, собралось 31 человек преподавателей Кайсэйдзё и 100 человек гейш. Каждый из преподавателей написал напутствие. Это были послания на голландском, английском, немецком или французском языках.

Студенты отплыли из порта Хакодате на российском судне «Богатырь» 10 сентября 1865 года, которое через Гонконг, Сингапур, Батавию, Кейптаун, остров Святой Елены и английский порт Плимут прибыло во французский город Шербур. Далее путешествие продолжалось по суше через Париж и Берлин, и 1 апреля 1866 года будущие студенты добрались до Петербурга. Со дня отъезда из Хакодате прошло 214 дней.

Студенты пришли в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России и застали там японца по имени Татибана Косай. Как известно, в 1854 году корабль «Диана», на котором адмирал Путятин прибыл в Симоду на полуострове Идзу, был разбит во время цунами и затонул. Русские моряки в сотрудничестве с японцами в деревне Хэда на Идзу построили шхуну «Хэда», на которой Путятин вернулся на родину. А Татибана вместе с Гошкевичем на прусском торговом судне «Грета» тайно выехал из Японии и приехал в Россию. В 1857 году Гошкевич с помощью Татибаны опубликовал первый в мире японско-русский словарь «Варо цугэн хико». Русское имя Татибаны – Владимир Ио-сифович Яматов. По рекомендации Гошкевича он поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России как переводчик. А в 1870 году Татибана в первый раз начал преподавать японский язык на факультете восточных языков Петербургского университета. Не исключено, что он познакомился с Гончаровым, но материалы, подтверждающие это моё предположение, пока не найдены.

У Гошкевича и Татибаны японские студенты обучались русскому языку. Они жили вместе в арендованном доме, куда приходил Гошкевич для преподавания русского языка. Однако эти визиты были нерегулярными и занятия – несистематическими. Видимо, опека Гошкевича оставляла желать лучшего. Через месяц после приезда в Петербург был сделан их групповой фотопортрет, который хранится в Японии. Самый старший из группы чиновник Яmanoути Сакудзаэмон (29 лет) сделал надпись на русском языке...

Хотя эти строки и не без грамматических ошибок, но сложность и искренность мысли, а также несомненное изящество слога вызывают восхищение. Кроме того, анализ стилистики текста указывает на те художественные образцы, по которым проходило обучение, – голос позднего классицизма и просвещения звучит достаточно отчётливо. И ещё – поразительно, как всего в нескольких строках Яmanoути удивительно тонко, может быть даже незаметно для автора, проявилась специфика японского ассоциативно-природного мышления.

Вера ЕГОРОВА (р. 1963)

26 января. 60 лет исполняется литератору Вере Владимировне Егоровой (р. 26.01.1963, пос. Гремучий Павловского р-на Ульяновской обл.). По образованию технолог. До 2018 года трудилась в ООО «Газпром трансгаз Самара» в Павловке. Член Павловского районного творческого объединения «Палитра». Пишет стихи, поэмы, баллады, песни, рассказы, очерки, сказки. Публиковалась в газетах «Искра», «Единство», «Дыхание земли»; журналах и альманахах «Карамзинский сад», «Гончаровская беседка», «Мы и время», «Литературный факел», «Земляки»; в сборнике местных авторов «Российской души глубина». Автор поэтических сборников «Ступени» (2004), «Лабиринт» (2015). Живёт в р. п. Павловка.

ОСЕНЬ

Как быстро лето пролетело!
Берёзы золотом одело,
Ольха вся ало пламенеет,
А у реки калина рдеет.

Багрянцем осень луг устлала,
И липа ярко-жёлтой стала,
Стоит в волшебной красоте,
В прозрачной солнечной фате.

СЕРЕДИНА СЕНТЯБРЯ

Лес застывший осень метит
Золотистой листвой.
Солнце в небе бледно светит
По-над облачной каймой.

Вот и осень наступила:
Лист упавший прошуршал,
Паутинкой припустило –
Ветер нити разорвал.

Как грустна та перемена
В середине сентября,
Что пришла теплу на смену,
В холодном золоте горя!

МЫ У КАМИНА, МЫ ВДВОЁМ

Мы вновь играем, счёт два-два –
За годы счёт не изменился,
Хотя седая голова,
И путь вдвоём немало длился.

Опять ничья. Горят дрова.
Треск за решёткою каминной.
Часы балуют, как всегда,
Своей мелодией старинной.

А мы молчим. К чему слова?
Внимаем стройному напеву.
Мой ход – пленяю короля,
Что так пленяет королеву.

Листва пусть кружит за окном,
Пусть дождь шумит иль выюга плачет...
Мы у камина, мы вдвоём –
Пусть будет так и не иначе.

ПОДСОЛНУХОВ ПОЛЕ

Подсолнухов поле
Раскинулось вольно,
Красой желтоглазой манит.
Подсолнухов поле
Под небом престольным,
Как чаша золотая, горит.

Ах, стать бы мне птицей,
Взлететь, восхититься,
Свободно над полем парить!
Ах, стать бы мне птицей,
В жар-цвет опуститься,
До дна счастье жизни испытать!

Вадим ТЕРЁХИН (р. 1963)

27 января. 60-летний юбилей отмечает поэт Вадим Фёдорович Терёхин (р. 27.01.1963, р. п. Песоченский Суворовского р-на Тульской обл.). Член Союза писателей России (1995). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1996). Сопредседатель правления Союза писателей России; возглавляет Калужское отделение СПР. Автор сборников «Прозрачное время» (1994), «Разочарованный странник» (1997), «Пыльца золотая» (2001), «Стихи от Вадима» (2013) и др. В 2020 году участвовал в церемонии вручения литературной премии им. И.А. Гончарова в Ульяновске; в 2021-м выступал во Дворце книги. Лауреат премии им. М.И. Цветаевой (1999), им. Т.Г. Шевченко (2018) и др. Живёт в Калуге.

Желая осмыслить своё бытие
И только за то, чтоб общался Ты с нами,
Мы многих убили во имя Твоё,
Сожгли на кострах, закидали камнями.

Друг друга вели от беды до беды.
Поскольку известно, что немощен сущий,
Мы так замутили источник воды,
В жизнь вечную с нами незримо текущий.

Свет светит во тьме, но упорствует тьма.
И нет для того никаких оснований –
Войти в Твоё Царство дорогой ума,
Попутно не выбрав дорогу страданий.

Нет, ни беда, ни катастрофа,
О том гласит Благая Весть,
Что восхождение на Голгофу
Для каждого большая честь.

Всем, кто растоптан и унижен,
Отвергнут миром до поры,
Есть утешенье в том, что ближе
Дойти до Бога с той горы.

Я не сплю и жду распада.
Взгляд прикован мой к часам.
Кто-то мне привет из ада
Посылает по ночам!

Кто туда ушёл за солью,
Пересёк земной предел,
И своей нездешней болью
Поделиться захотел?

Знаю точно, что в четыре,
В пять и даже в шесть утра,
Несомненно, что-то в мире
Переделывать пора!

И когда ты себя исчерпал,
И уже всё не будет как прежде,
Возвращаясь к началу начал,
Из последней и робкой надежды,
Подводящей последний итог,
У тебя появляется Бог!

Непонятный людскому уму,
Он стоял за невидимой шторой.
Оказалось, ты нужен Ему!
В этой жизни туманной, в которой
Ты бродил по углам как слепой,
Он всё время был рядом с тобой!

Ты у мира уже не в чести.
Ходишь тенью немом укора.
Всё отдать, чтоб Его обрести –
Непременная часть договора.

Пётр АЛЕКСАНДРОВ (1863–1932)

28 января. 160 лет назад родился журналист, поэт и драматург Пётр Александрович Александров (28.01.1863, г. Гдов С.-Петербургской губ., ныне Псковской обл. – 04.02.1932, г. Ульяновск). С 1897 года служил в Симбирской губернской учёной архивной комиссии. После революции был архивариусом Ульяновского архивного бюро. Внёс большой вклад в сохранение памяти о Д.Д. Минаеве и И.А. Гончарове. Писал рассказы, драмы, стихи. Псевдонимы – Эол, Угрюмый и др. Автор стихотворения «Симбирск» к 250-летию города (1898), пьесы «Нищие. Изображение жизни в пяти картинах» (1910) и др. Подготовленная в 1931 году поэтическая рукопись «Последние песни Петра Угрюмого» хранится в архиве.

СИМБИРСК (отрывок)

...Ровно два с половиною века назад
Этот холм был окутан дубровою.
Лишь белелся дымок от землянок и хат
Возле Волги, над чащей дубовою.

Там ютились посёлки мордвы-рыбаков,
Разоряла их волжская вольница,
Их тревожили орды татар-степняков,
Полоняла калмыцкая конница.

Для охраны селений от этих воров
Новый город с засекой поставили,
Да служилых казаков и пеших стрельцов
С воеводою царским приставили.

Строил город боярин Богдан Хитрово
Алексея царя повелением,
Окружил частоколом и валом его
И заставил хоромным строением.

Невелик и непышен был город тогда:
Терема с деревянными храмами...
И неслись на него за бедою беда,
И ложились тяжёлыми ранами.

Стеньки Разина страшный, кровавый погром...
В дымном зареве город пылающий...
Шелудяк-атаман, вслед за Стенькой потом
К городскому кремлю подступающий...

Пугачёвская смута и Фирскин разбой...
А позднее, огнём истребляемый,
Город сделался грудой развалин одной...
Люд страдал, на поля выселяемый...

Возрождался из пепла наш город не вдруг, –
Долги были года оскудения,
И глубокий застой, будто общий недуг,
Постепенно объял население...

Но спадает истомы, как тягостный гнёт,
Уж дремавшая мысль пробуждается,
И навстречу прогрессу наш город идёт, –
Жизнь духовная в нём развивается.

И встречаю я наш юбилей городской,
Будто зорю светила всходящего.
И недаром: повеяло жизнью иной,
Нет, как прежде, покоя мертвящего.

Жизни новой течение его унесло...
Не царит больше лень бесполезная...
Чует житель, что время застоя прошло:
Есть у нас уж дорога железная...

1898

Галия ПРОНИНА (р. 1953)

28 января. 70-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик Галия Ибрагимовна Пронина (р. 28.01.1953, р. п. Павловка Ульяновской обл.). Окончила УлГПИ им. И.Н. Ульянова. Работала учителем, корреспондентом газеты, инструктором райкома КПСС, инспектором и специалистом по пенсионным вопросам в Павловке. Публиковалась в газетах и альманахах «Ульяновская правда», «Народная газета», «Дыхание земли», «Гончаровская беседка», «Карамзинский сад», «Земляки» и др. Главный редактор альманаха «Павловка. Родина моя малая». С 2006 года руководитель районного творческого объединения «Палитра». Автор сборников стихов и поэм «Свет немеркнущих звёзд» (2001), «Свеча горела на столе...» (2015).

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Какие красивые ели
Под шапками снега стоят!
Едва отшумели метели,
Обильный прошёл снегопад.

А солнце, лучами играя,
Сквозь стёкла слепит мне глаза.
С окошка узоры стирая,
Скатилась ледышка-слеза.

Возьму-ка я лыжи да палки,
Умчусь в этот сказочный лес.
Хотя не цветут здесь фиалки,
Но сколько же зимних чудес!

Мне снежную гладь портить жалко,
Но лес красотой манит;
До веток дотронешься палкой –
И иней за ворот летит!

Летит, серебром осыпая
И в воздухе дивно кружась,
На солнце игриво сверкая,
Ковром белоснежным ложась.

ГОЛУБАЯ ГЛИНА

Речка ледяная
Меж деревьев бежит,
Глина голубая
В речке той лежит.

Говорят, полезна –
Приложу к ногам,
И свои болезни
Все я ей отдам.

Я скажу спасибо
Глине голубой,
Заживу красиво,
Стану молодой.

УМИРАЕТ ДЕРЕВНЯ

Умирает деревня. Зарастают поля.
Там, где рожь колосилась,
в сорняках вся земля.

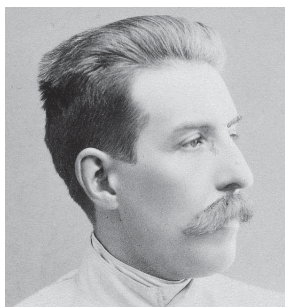
Никогда не терпела земля пустоту, –
Где шумели хлеба, там деревья растут.
В той деревне осталось всего три двора,
Уж забылось, когда здесь была детвора.
Старики да старухи доживают свой век.
Кто ж его остановит, этот времени бег?
Умирает деревня. Славным слыла селом.
А могилы сельчан поросли ковылём...

Есть руки, которые мягче,
Есть речи, которые слаще,
Есть люди, которые лучше,
И мы выбираем их.
Всегда рядом с ними теплее,
И мир вокруг них добрее,
Душа возле них светлее,
Побольше б людей таких.

Елена АКСУПИ (р. 1973)

28 января. 50 лет исполняется чувашской журналистке, прозаику Елене Геннадьевне Алексеевой, литературный псевдоним – Елена Аксупи (р. 28.01.1973, д. Беловка Аксубаевского р-на ТАССР). Окончила Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (1995). С 1995 года работает в ульяновской областной чувашской газете «Канаш» («Совет»); заведует отделом рекламы и распространения. Член Союза журналистов России, литературного объединения «Шевле» («Зарница»). Пишет этюды, новеллы, рассказы. Публиковалась в сборнике «Свет зарницы» (2000), изданиях «Сувар» (Казань), «Знамя» (Чебоксары). Автор сборников «За счастливой звездой» (2006), «Резкие рассказы» (2015).

Жозеф де БАЙ (1853–1931)

31 января. 170 лет назад родился французский археолог, этнограф, публицист Жозеф де Бай (31.01.1853, г. Париж – 3.06.1931, там же). На раскопках Муранского могильника под Сызранью Симбирской губ. получил в дар около 40 археологических находок XIV века (1895). Не раз бывал в Симбирске. В июле 1907 года с симбирянами В.Н. Поливановым и П.А. Александровым совершил археологическую поездку в село Болгары. Автор сочинений «Доисторическая археология» (1880), «Смоленск» (1902), «Шлемы варварской эпохи» (1910), «Размышления француза в его втором отечестве» (1914), «Нравоучения войны» (1915) и др. В Ульяновске состоялись краеведческие чтения «Жозеф де Бай. От Волги до Иртыша» (2014).

В КРЫМУ (отрывок из книги)

Мы покидаем равнинную часть Крыма и в экипаже из Евпатории через Бахчисарай направляемся в Ялту. Вторая часть нашего маршрута пролегает по живописнейшим местам. Дорога на Ай-Петри, пересекающая южную цепь Крымских гор, изобилует восхитительными пейзажами, и я настоятельно рекомендую всем путешественникам обязательно побывать здесь. С высоты горы Ай-Петри открывается величественная панорама: окрашенный в нежные оттенки розового, фиолетового и зелёного цветов, на фоне яркого голубого неба и изумрудного моря у ваших ног раскинулся Южный берег волшебной Тавриды.

Крутой спуск с горы через гигантские сосновые леса приводит нас в Ялту, расположенную на берегу изящно очерченной бухты. Летом это место встреч отдыхающих, а зимой сюда съезжаются люди с различными заболеваниями. Здешняя публика соответствует уровню посетителей фешенебельного курорта. В действительности же в Ялте нет ни казино, ни какого-либо приличного пляжа, а в самом городке между морем и жилыми кварталами пролегает одна единственная улица. И только экскурсии, организованные проводниками-татарами, помогают курортникам как-то проводить своё свободное время. Обычно проводники-татары являются прекрасными наездниками. То, как они элегантно держатся в седле, резко контрастирует с посадкой их неуклюжих клиентов.

Пребывание в Ялте позволило нам также посетить такие татарские деревни, как Дереккой с его образцовой школой и Ай-Василь с его бесчисленными ореховыми садами. Там я познакомился с говорящим по-французски татаринном Мансур Беем и повстречал большое количество горных татар, которые зовутся татарами по большей части из-за их принадлежности к магометанству, а не по причине их этнического происхождения. В этих людях явно смешана кровь генуэзцев, греков и готов. Они почти все – просто красавцы. Женщины, хотя и не носят вуали, очень не любят, когда их фотографируют.

Крымская горная дорога, проходящая через Ливадию, Ай-Тодор, Кореиз и Гаспру – места, где ещё свежи воспоминания о пребывании здесь княгини Голицыной, а также баронесс Крюденер и Беркгейм, – приводит меня в Алупку, прелестный городок, где

высится величественный дворец графа Воронцова, архитектура которого представляет собой оригинальный компромисс между восточным стилем и английской готикой XIX века. На фоне тёплого, солнечного пейзажа дворец выглядит мрачновато.

В деревеньке Сара-Джелиу я присутствовал на татарском празднике, программа которого включает силовые единоборства. Вот как обычно это выглядит: противники хватают друг друга за пояса и мощными рывками пытаются бросить одного на землю. При этом борцы показывают примеры невероятной силы и ловкости. Наградой в таких соревнованиях является платок, который победитель сам себе повязывает на руку. Часто свою радость чемпион выплёскивает в зажигательном импровизированном танце. Вокруг площадки, где проходят соревнования, разрешается находиться только мужчинам, но на прилегающих к данному месту пригорках я заметил многочисленные группы женщин в цветастых одеждах и золотых украшениях.

Деревня Никита, как и большинство других крымских деревень, имеет греческое название. Здесь можно увидеть древнюю христианскую церковь, которую Екатерина передала татарам для обустройства в ней мечети. Это случилось после того, как по указу императрицы греки переселились на берега Азовского моря и основали там город Мариуполь.

Шоссе, ведущее в Гурзуф, заслуживает того, чтобы прокатиться по нему. Оно пересекает чудесный парк с разнообразной крымской растительностью. Первыми владельцами Гурзуфа были князь Потёмкин и герцог Ришельё. В 1820 году Ришельё сдал свою гурзуфскую дачу генералу Раевскому, у которого в течение трёх недель гостил сам Пушкин. Сегодня гостям Крыма обязательно показывают растущие перед хозяйским домом платан и кипарис Пушкина. Из центрального окна здания сквозь листву этих деревьев хорошо просматривается вдающаяся в бескрайнее море скала, усеянная татарскими хижинами деревеньки Гурзуф. Далее в полупрозрачной дымке, окрашенной бледно-нежным светом, перед нами предстаёт гора Аю-Даг. Именно здесь Пушкин воспел красоту берегов Тавриды...

Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед